

“Завораживающе.” - Грегори Магуайр

Над нами Нави еї корней

Агнешка любит свою долину, свою тихую деревеньку, рощу и серебристую речку, но прямо за околицей растет полная злобной силы, испорченная волшебной скверной Чаща, и на всех жителях долины лежит ее тень. Чтобы сдерживать эту страшную силу, жителям долины приходится во всем полагаться на холодного, скрытного волшебника, известного под именем Дракон. Но он требует страшную цену за свою помощь: отдавать ему в услужение одну юную девушку сроком на десять лет. Участь почти столь же страшная, как исчезновение в Чаще. Следующие смотрины уже скоро, и Агнешка боится. Всем известно, что Дракон выберет Касю: красивую, грациозную, храбрую — чем не обладает в полной мере сама Агнешка, а самое главное — ее самую лучшую подругу. И нет способа ее спасти. Но не этого стоит бояться Агнешке...

Наоми Новик
БЕЗ КОРНЕЙ

Глава 1

Какие бы слухи не распускали за пределами долины, наш Дракон не ест девушек, которых ему жертвуют. До нас доходят некоторые из этих разносимых странниками сплетен. Считается, что мы приносим человеческие жертвы всамделишному дракону. Разумеется, все это чепуха. Пусть он и бессмертный волшебник, но все равно обычный человек, которого можно убить. Как бы и поступили наши отцы, если бы он съедал по одной из нас раз в десять лет. Вместо этого он защищает нас от Чащи, за что мы ему благодарны. Но всему же есть пределы!

В общем он не питается девицами, хотя и складывается подобное ощущение. Каждые десять лет он забирает одну девушку в свою башню, а другую отпускает, но к тому моменту она меняется. У нее будет изящная одежда, речь как у придворной, и за плечами десять лет под одной крышей с мужчиной, что означает, что она порченная, даже если все они хором твердят, что он ни разу к ним не прикасался. А что еще им остается говорить? Но это еще не самое худшее. В конце концов, отпуская Дракон дает им полный кошель серебра, так что любой был бы счастлив взять такую замуж, какой бы порченной она ни была.

Но они-то не хотят замуж. И даже не хотят остаться.

— Они забыли, каково здесь жить, — однажды вдруг сказал мне отец. Мы сидели рядом на козлах большого пустого фургона, возвращаясь после еженедельной доставки дров. Дверник, деревушка в которой мы живем, не самая большая, но и не самая маленькая в долине. И даже не самая близкая к Чаще. До нее целых семь миль. Ведущая к нам дорога взбегаёт на крутой холм, и в ясный день с его вершины можно увидеть за рекой светло-серую полосу выжженной земли с плотной темной стеной деревьев за ней. А далеко в противоположном направлении из подножия западных гор, словно кусочек мела, торчит башня Дракона.

Я была еще крохой, думаю, не более пяти лет, но уже тогда понимала, что мы не обсуждаем Дракона и тех, кого он забирает. Поэтому я сильно удивилась тому, что отец нарушил это правило.

— Зато они помнят, как здесь страшно, — добавил отец. И все. Потом он цокнул языком лошадям, они поднажали, дорога пошла вниз по склону и снова уходила в перелесок.

Я ничего не поняла. Все мы боялись Чащи. Но долина наш дом. Как же можно уйти из дома? И все же, ни одна не осталась. Возвращаясь от Дракона, они ненадолго заглядывали к своим семьям: на недельку, иногда на месяц, но дольше — никогда. Потом они забирали свой кошелек с «приданным» и уезжали. В основном они перебирались в Кралевию, чтобы поступить в Университет. Чаще всего выходили замуж за какого-нибудь горожанина, в противном случае посвящали свою жизнь науке или торговле. Хотя люди шептались о некой Ядвиге Бах, которую выбрали шестьдесят лет назад, будто бы потом она стала куртизанкой и даже любовницей толи барона, толи графа. Но к моему рождению она превратилась в обыкновенную пожилую богачку, посылающую дорогие подарки всем своим внучатым племянницам и племянникам, и ни разу не явившуюся в гости.

Так что это совсем не то же самое, что отдать дочь на съедение, но и хорошего тоже мало. В долине не так уж много деревень, но шанс минимален: он забирает только одну семнадцатилетнюю девушку, родившуюся в промежутке с октября по октябрь. В мой год таких набралось одиннадцать, так что шанс меньше, чем выигрыш в кости. Вам каждый

скажет, что отношение к драконьим девицам сих взрослением меняется. С этим ничего не поделаешь — все знают, что, возможно, с ними придется расстаться. Хотя со мной и моими родителями было несколько иначе. К тому времени, как я поняла, что меня могут выбрать, все уже знали, что это будет Кася.

Одни только ни в чем не разбирающиеся странники могли похвалить Касю перед ее родителями за красоту, ум и характер. Дракон не всегда выбирал самую красивую, но всегда особенную. Если девушка поражала всех своей красотой или выдающимся умом, лучше всех отплясывала или сражала окружающих добротой — он каким-то образом ее выделял, хотя едва ли успевал до выбора перемолвиться с девушками парой слов.

Кася обладала всеми этими качествами сразу. У нее была коса до пояса цвета спелой золотистой пшеницы, теплые карие глаза, а ее смех был больше похож на песню, которой хочется подпевать. Она знала все лучшие игры на свете, на ходу сочиняла всевозможные сказки или придумывала новый танец. Умела потрясающе готовить блюда, которые не ударят в грязь лицом на любом пиру, а нить, которую она сучила из пряжи из шерсти отцовских овец, получалась ровной — без узлов и петель.

Понимаю, что описываю ее словно сказочную принцессу. Но все наоборот. Когда матушка рассказывала мне сказки о принцессе и веретене, о храброй гусятнице или о речной деве, я мысленно представляла на их месте Касю: вот как я ее воспринимала. А поскольку я еще не доросла до истинной мудрости, то, понимая, что ее могут у меня отобрать, любила ее не меньше, а все сильнее.

Она была не против. Она была бесстрашной, так внушила ей мать. Помню, как подслушала разговор между нашими матерями. Моя мама сидела, обняв обливающуюся слезами Касю, не захотевшую взобраться на дерево, чего добивалась Венса. Она тогда сказала: «Ей придется стать храброй».

Мы жили по соседству через три дома, и родных сестер у меня не было. Только три брата, и все гораздо старше меня. Так что Кася стала для меня ближе всех. Мы играли вместе с пеленок, сперва, путаясь под ногами, на материнских кухнях, потом перед домом на улице, а когда достаточно подросли — убегали в рощу. Ни на что бы не променяла наши прогулки рука-об-руку под сенью деревьев. Я мысленно представляла себе, как деревья склоняют к нам на защиту свои ветви. Я даже не могла себе представить, что со мной будет, когда ее заберет Дракон.

Даже если бы на свете не было Каси, мои родители не стали бы переживать за меня сильнее. В семнадцать я все еще была костлявым подобием девушки с большими ступнями и с гривой темно-рыжих волос. Единственный мой талант, если можно его так назвать, умение всего за пару часов порвать, заляпать или потерять любую надетую на меня вещь. К двенадцати годам я довела матушку почти до отчаяния, поэтому она разрешила мне бегать в обносках братьев, за исключением праздничных дней. Тогда я была обязана переодеваться не ранее, чем за двадцать минут до выхода из дома и смиренно сидеть на скамейке у крыльца, ожидая похода в церковь. И все равно шанс на то, что я дойду до сельской площади, не зацепившись ни за одну ветку и не заляпавшись грязью, был очень невелик.

— Тебе, моя маленькая Агнешка, придется выйти за портного, — возвращаясь под вечер из леса, смеялся отец, когда я бросалась ему навстречу с перепачканным лицом, как минимум с одной прорехой и в очередной раз потеряв платок. Он все равно поднимал меня на руки и целовал под вздохи матери — кто бы из родителей не обрадовался небольшому изъяну в драконьей невесте?

Последнее лето перед смотринами было длинным, теплым и слезливым. Я плакала за двоих. Мы подолгу пропадали в роще, стараясь растянуть каждый солнечный денек подольше, и потом я возвращалась — голодная и уставшая, едва способная доплестись и в темноте рухнуть в постель. Пока я плакала во сне, ко мне заглядывала матушка, гладила по голове и тихо напевала. Чтобы я могла перекусить, проснувшись среди ночи от голода, она оставляла рядом с кроватью тарелку с едой. Она не пыталась меня утешить. Да и чем она могла помочь? Нам обоим было известно, как бы сильно она не любила Касю и Касину матушку — Венсу, она ничего не могла поделать с чувством удовлетворения от того, что заберут не ее единственную дочь. И, разумеется, я бы не хотела, чтобы она чувствовала иначе.

Так что почти все лето мы с Касей провели наедине, и так продолжалось довольно долго. Когда мы были поменьше, мы носились толпой с сельскими ребятами. Повзрослев же, и особенно с расцветом Касиной красоты, она получила совет от матери: «Лучше бы тебе не засматриваться на парней. Ни тебе, ни им на тебя». И, поскольку я вцепилась в нее как клещ, а моя мать любила Касю, Венса не пыталась всерьез меня отговорить, даже понимая, что потом мне будет больнее.

Последний день мы провели на поляне в роще, окруженные шелестящими деревьями, еще сохранившими золотистую и огненно-красную листву, среди россыпей зрелых каштанов. Разведя костерок из веточек и сухой листвы, мы нажарили их целую кучу. Завтра первое октября, и будет большой праздник в честь нашего лорда и покровителя. Завтра придет Дракон.

— Наверное здорово быть трубадуром, — вдруг сказала Кася, лежа на спине с закрытыми глазами. Она тихонько промурлыкала несколько нот, подражая странствующему певцу, прибывшему на праздник, который пробовал голос перед завтрашним выступлением. А фургоны с данью будут прибывать всю неделю. — Путешествовать по Польне, и выступить перед королем.

Она произнесла это задумчиво, но не как размечтавшийся ребенок, а словно человек, всерьез обдумывающий мысль уйти из долины, покинуть ее навсегда. Я протянула руку и сжала ее ладонь:

— Тогда ты приезжала бы к нам на новый год и пела новые песни, услышанные во время странствий. — Мы крепко обнялись, и я выкинула из головы мысль о том, что вернувшиеся от Дракона девушки никогда не возвращаются домой.

В этот момент я только стала еще сильнее его ненавидеть. С другой стороны, он не был плохим лордом. По ту сторону северных гор жил барон Желтых болот, державший пятитысячную армию для войны с Польней. У него был замок с четырьмя башнями и жена, носившая кроваво-красные драгоценности и песцовый плащ, но их подданные жили не богаче нас. Крестьяне должны были раз в неделю работать на землях барона, самых плодородных, и он забирал их сыновей в свою армию. А когда вокруг шныряют все эти солдаты, то девушки, если они не хотят побыстрее стать женщинами, вынуждены прятаться по домам под присмотром. И даже барон был не плохим лордом.

У Дракона была всего одна башня. У него вовсе не было солдат, и даже не было слуг, если не считать единственной избранной девушки. В прочем он и не нуждался в армии. Его

службой королю был его собственный труд, его магия. Иногда ему приходилось бывать при дворе, обновлять вассальную клятву, и, полагаю, король мог бы призвать его на войну, но по большей части его обязанностью было оставаться тут и следить за Чашей, чтобы защищать королевство от скверны.

Единственным его пунктиком были книги. По деревенским стандартам мы были довольно начитанными крестьянами. Поскольку он платил по золотому за каждый толстый том, торговцы книгами съезжались к нам со всех сторон, несмотря на то, что наша долина находится в самой глухой части Польни. И, собираясь к нам, они набивали поклажу своих мулов потрепанными или дешевенькими книжками, которые мы были способны купить за наши гроши. Даже в самом бедном доме долины было как минимум две-три книги, гордо расставленных на настенной полочке.

Для тех, кто не живет рядом с Чашей, все это вроде бы мелкие и несерьезные причины, чтобы ради них жертвовать одной из дочерей. Я пережила Зеленое лето, когда горячий ветер разнес пыльцу из Чащи далеко на запад долины, на наши поля и сады. Посевы взошли пышно, но вышли странными и изуродованными. Все, кто пробовал их на вкус тут же заболели. Ими овладевал гнев, и они нападали на свои семьи, а потом, если их не удавалось связать, убегали в Чашу и там пропадали.

Мне было шесть. Мои родители как могли пытались скрыть от меня происходящее, но даже я хорошо помню всюду расползающееся ощущение липкого холодного страха и чувство постоянного голода. Все были напуганы. Мы уже подъели все прошлогодние запасы и очень рассчитывали на весну. Сходя с ума от голода, один из соседей съел пару зеленых бобов. Я отчетливо помню крики, доносившиеся той ночью из его дома, и запомнила, как за окном мой отец бежит на подмогу, схватив вилы, до того прислоненные к амбарной стенке.

Тем летом я, еще не до конца понимая всю опасность происходящего, ускользнула из-под ослабшей опеки моей уставшей матери и сбежала в рощу. Я отыскала полу-засохший кустик, притаившийся от ветра в углублении. Раздвинув прикрывавшие середку сухие веточки, я нашла целую пригоршню черники: совсем обычной, целенькой, сочной, идеальной. Каждая ягодка была взрывом наслаждения на языке. Я съела пару горстей и набрала еще в подол. Дома я появилась в черничных пятнах на платье и на лице. Увидев меня, мать завопила от ужаса. Но я не заболела. Кустик сумел каким-то образом избежать скверны Чащи, и черника была самой обычной. Но материнские слезы меня тогда страшно испугали. Следующие несколько лет я шарахалась от черники как от чумы.

В тот год Дракона призвали ко двору. Он рано вернулся, тут же направился в поля и сжег магическим огнем все оскверненные всходы и каждый ядовитый росток. Это был его долг, но после он еще обошел каждый дом, где были больные и каждому дал исцелявшее разум волшебное снадобье. Чтобы мы не голодали, Дракон отдал приказание жителям избежавших порчи западных селений поделиться с нами урожаем, а также полностью отменил на этот год дань. Следующей весной, прямо накануне посевной, он снова объехал все поля и, прежде, чем скверна смогла укорениться, выжег немногие ее остатки.

Но несмотря на все, что он для нас сделал, его не любили. Он никогда не выходил из своей башни, чтобы просто выпить с крестьянами за урожай, как поступал барон Желтых болот, и ни разу не купил даже самой мелкой безделушки на ярмарке, как часто поступали баронесса с дочерьми. Порой через перевал из России к нам забредали странствующие певцы и актеры, устраивавшие для нас спектакли. Дракон ни разу не пришел, чтобы их послушать. Когда возницы привозили к его дверям дань, они открывались сами, и люди заносили добро

в подвал, даже мельком его не увидев. Дракон не обмолвился больше чем дюжиной слов не только со старшей женщиной нашей деревни, но даже с мэром Ольшанки, крупнейшего города долины, находившегося поблизости от его башни. Он и не пытался завоевать нашу любовь. Мы его совсем не знали.

Разумеется, он прослыл темным волшебником. Даже зимой ясными ночами его башня окружалась вспышками молний. Из его окон вылетали бледные осы, разлетаясь вдоль дорог и рек, чтобы следить для него за Чащей. А когда Чаща кого-нибудь ловила в свои сети: пастушку, подобравшуюся слишком близко со своим стадом к его владениям; охотника, напившегося из неподходящего ручья или незадачливого странника, сошедшего с горной тропы под воздействием странной мелодии, запустившей свои когти в его разум — тогда Дракон появлялся из башни. Но никто из тех, кого он забрал, не возвращался.

Он не был злым, но оставался непонятным и пугающим. Но он собирался забрать у меня Касю, и за это я много лет его ненавидела.

Ничто не могло изменить моего отношения в тот вечер, когда мы с Касей ели жаренные каштаны. Солнце садилось, огонь затухал, но мы оставались на поляне до последнего уголька. Утром не нужно было собираться в дальний путь. Обычно праздник урожая был в Ольшанке, но в год смотрин, чтобы сделать путешествие для семей чуть проще, всегда проходил в одной из деревень, где проживала хотя бы одна претендентка. А у нашей деревни была Кася.

Следующим утром, натягивая новое выходное зеленое платье, я ненавидела Дракона еще сильнее. Матушка трясущимися руками заплетала мне косу. Мы знали, что это будет Кася, но это не значит, что перестали бояться. Тем не менее, я старательно подобрала подол повыше, чтобы не мести им землю, и как могла аккуратнее, тщательно избегая всех сучков, с помощью отца забралась в фургон. Я была настроена произвести должное впечатление. Какая разница, есть ли смысл? Я хотела доказать Касе, что я люблю ее так сильно, что готова уравнивать шансы и не хочу выглядеть растяпой, косоглазой или сутулой, как притворялись некоторые.

Все одиннадцать девушек собрались на сельской площади и выстроились в ряд. Праздничные столы составили квадратом чуть поодаль. Они буквально ломились, поскольку не были рассчитаны на то, что на них соберут дань со всей долины. В углу площади пирамидой были сложены мешки с пшеницей и овсом. На самой площади кроме нас, наших семей и старшей женщины по имени Данка, которая нервно вышагивала перед нами туда-сюда, беззвучно репетируя приветственную речь, не было никого.

Я не очень хорошо знала остальных девушек. Они были родом не из Дверника. Мы стояли молча, наблюдая за дорогой, словно скованные нашими лучшими нарядами и тугими косами. Пока ни следа Дракона. В моей голове бродили дикие фантазии. Я представляла, как при появлении Дракона, заступаюсь за Касю и прошу его забрать меня вместо нее, или заявляю, что Кася не желает с ним уходить. Но я хорошо себя знала, и знала, что мне не хватит смелости на подобный поступок.

И вдруг — о, ужас! — он пришел. И совсем не со стороны дороги, а просто появился словно из воздуха. Я как раз смотрела в эту сторону: сперва появились пальцы, затем рука и нога, потом полчеловека — это было так невероятно и противоестественно, что я не могла отвести взгляд, хотя мой желудок и сложился пополам. Другим повезло больше. Они его даже не заметили, пока он не шагнул навстречу. Все постарались не вздрогнуть от удивления.

Дракона было трудно спутать с деревенскими. Ему бы следовало быть стариком — седым и сутулым — ведь он сотни лет просидел в башне, а он оказался высоким, стройным, чисто выбритым с гладкой кожей. С первого взгляда я бы приняла его за молодого человека чуть старше меня самой. Я бы улыбнулась кому-нибудь вроде него за праздничным столом, и возможно он пригласил бы меня танцевать. Однако его лицо казалось каким-то неестественным: словно годы были над ним не властны, но все равно в уголках глаз со временем появились морщинки от моргания. И все же, оно не было отталкивающим, хотя из-за отчужденности казалось неприятным. Все в нем как бы говорило: я не один из вас, и не собираюсь с вами сближаться.

И разумеется, Дракон был богато одет. На деньги, потраченные на вышивку его жупана, не принимая в расчет золоченных пуговиц, наша семья могла бы прожить целый год. Тем не менее, он был худым, словно из-за неурожаев три четверти времени жил впроголодь, и держался настороженно, словно охотничий пес — будто все, чего ему хотелось больше всего на свете, это побыстрее отсюда убраться. Для нас это был худший день в жизни, но у него на нас не было времени. Данка начала свою речь словами:

— Позвольте, милорд, представить вам этих... — но он прервал ее:

— Да-да. Давайте приступим.

Стоявший рядом со мной отец поклонился, положив обжигающе горячую руку мне на плечо. Матушка крепко сжала другое плечо. Они покорно отошли к остальным родителям. Инстинктивно мы всей дюжиной встали плотнее. Мы с Касей стояли ближе к краю. Я не посмела взять ее за руку, но держалась поближе, соприкасаясь с ней ладонями, и глядела на Дракона, ненавидя, как он прохаживается вдоль ряда и осматривает каждую девушку, приподнимая лица за подбородок.

Он с нами не заговорил. Не перемолвился и словом со стоявшей рядом со мной девицей из Ольшанки, несмотря на то, что ее отец Борис был лучшим коневодом во всей долине, а на ней было надето ярко-красное шерстяное платье, и ее темные волосы были заплетены с красными лентами в две прекрасные длинные косы. Когда настала моя очередь, он хмуро оглядел меня холодными темными глазами и, скривив губы, спросил:

— Твое имя, девочка?

— Агнешка, — ответила или попыталась ответить я, обнаружив, что мой рот пересох. Я сглотнула и повторила шепотом: — Агнешка, милорд. — Мое лицо горело. Я опустила глаза. Тут я заметила, что несмотря на все старания, по подолу платья расплылись три больших грязных пятна.

Дракон пошел дальше и задержался, рассматривая Касю, как еще не сделал ни разу. Он стоял, взявшись за ее подбородок с довольной улыбкой, скривив тонкие жесткие губы, а Кася смело, не моргая глядела в ответ. Она не пыталась как-то испортить свой голосок хрипом или шепелявостью, а мелодично и твердо произнесла: — Кася, милорд.

Он снова ей улыбнулся, не благодарно, а словно довольный кот. Дракон двинулся дальше, но лишь для порядка, едва взглянув на двух оставшихся претенденток. Когда он закончил и с той же довольной улыбкой повернулся, направляясь обратно к Касе, я услышала, как за нашими спинами Венса судорожно втянула воздух, почти всхлипнув. Но тут он снова нахмурился и посмотрел прямо на меня.

Я позабыла про все на свете и схватила Касю за руку. Я крепко стиснула ее ладонь, а она так же крепко стиснула мою в ответ, но быстро отпустила. И я, чувствуя, как горят щеки, от страха сцепила руки перед собой. В ответ Дракон только сильнее прищурил глаза. Затем

он поднял руку, и над его пальцами появилась крохотная бело-голубая шаровая молния.

— Она ничего такого не хотела, — храбро-прехрабро сказала Кася, чего я не сумела сделать ради нее. Хоть и дрогнувший ее голос прозвучал громко, а я, уставившись на этот шарик, дрожала словно заяц: — Пожалуйста, милорд...

— Умолкни, девочка, — произнес Дракон, и протянул руку ко мне: — Бери.

— Мне... что? — испугалась я еще сильнее, словно он швырнул его мне в лицо.

— Не стой как идиотка, — ответил он. — Бери.

Моя рука дрожала так сильно, что когда я подняла ее, то все, что мне удалось, несмотря на страх, это смахнуть шарик с его пальцев. Его пальцы показались лихорадочно горячими. А шаровая молния оказалась холодной как мрамор, и ничуть мне не навредила. Облегченно вздохнув, я взяла ее пальцами и начала разглядывать. Дракон с раздраженным видом уставился на меня.

— Что ж, — весьма невежливо буркнул он, — стало быть, это ты. — Он отобрал у меня шарик и на мгновение сжал его в кулаке. Тот исчез так же быстро, как появился. Дракон повернулся и сказал, обращаясь к Данке:

— Пришлите дань, когда сможете.

Я так ничего толком и не поняла. Думаю, никто не понял, даже мои родители. Все случилось настолько быстро, а я так полностью была ошарашена тем, что привлекла к себе его внимание. Я даже не успела обернуться, чтобы попрощаться с родителями, как он ухватил меня за руку. Только Кася дернулась. Я обернулась к ней и заметила, как она тянется ко мне на защиту, но Дракон нетерпеливо дернул меня за собой, и я, неловко спотыкаясь, провалилась за ним в дыру в воздухе.

Когда мы очутились по другую сторону, я прижимала вторую руку ко рту, чтобы сдержать рвоту. Когда он отпустил мою руку, я рухнула на колени и, не глядя, опустошила желудок. Я услышала сдавленный вздох отвращения, поскольку заляпала носки его элегантных длинноносых сапог, и он сказал:

— Пакость какая. Хорош тужиться, девочка, и прибери эту мерзость. — Он ушел прочь под разносившийся эхом стук каблуков и пропал.

Сотрясаясь, я просидела на месте, пока не убедилась, что больше ничего не случится. Затем вытерла рот тыльной стороной ладони и огляделась. Я сидела на каменном полу, и не просто на каком-то, а из великолепного белого мрамора с тонкими ярко-зелеными прожилками. Комната, где я очутилась, оказалось небольшой, круглой формы с узкими стрельчатыми окнами, расположенными слишком высоко, чтобы в них выглянуть. А прямо над моей головой потолок резко сужался и сходил в точку. Я была на самом верху башни.

В этой комнате не оказалось вовсе никакой мебели, и ничего подходящего, чтобы вымыть пол. Наконец, я использовала для этого подол собственного платья. Все равно оно уже было испорчено. Посидев еще некоторое время, все больше трясясь от страха, хотя ровным счетом ничего не происходило, я решила потихоньку выбираться. Вообще-то я бы предпочла какой-нибудь другой путь, чем тот, которым воспользовался Дракон. Но вариантов не было.

Впрочем, он давно ушел. Короткий коридор был пуст. Под ногами оказался точно такой же холодный мрамор, освещенный неприятно ярким белым светом из свисающих светильников. Да и лампами это нельзя было назвать — просто большие куски гладкого камня, светящиеся изнутри. Впереди находилась единственная дверь, а за ней арочный свод, ведущий на лестницу вниз.

Я приоткрыла дверь и опасливо выглянула. Лучше так, чем бросаться в неизвестность. Но за дверью оказалась всего лишь крохотная пустая комнатка с узкой кроватью и умывальником. Напротив находилось большое окно, в котором был виден кусок неба. Я юркнула к нему и перегнулась через подоконник.

Башня Дракона возвышалась у подножия холмов на западной границе его владений. К востоку раскинулась вся наша долина, все деревни и фермы лежали как на ладони, а также в окно было видно все серебристо-голубое течение Веретяницы с бегущей вдоль нее пыльно-бурая дорога. Дорога и река шли бок о бок через все владения Дракона, исчезая между деревьями и вырываясь на свободу за границей деревень, пока дорога не пропадала прямо на границе темной спутанной громады Чащи. Река проникала в его глубь в одиночестве и растворялась в нем, не возвращаясь обратно.

Еще здесь была Ольшанка. Город раскинулся прямо у Башни, здесь по субботам собиралась Большая ярмарка. За Ольшанкой, Пониз и Радомско приютились на берегах окрестных озер, а еще дальше Дверник с его широкой зеленой сельской площадью. Я даже могла рассмотреть большие белые столы, накрытые для праздника, на который не захотел остаться Дракон. Я опустилась на колени, склонилась лбом на подоконник и заплакала.

Но матушка не пришла меня утешить, погладив по голове, и не обнял, утирая слезы, смеющийся отец. Я проплакала до тех пор, пока от всхлипов не заболела голова, кроме того я замерзла и одеревенела сидеть на холодном и болезненно жестком полу, у меня тек нос, но нечем было его вытереть.

Я снова воспользовалась подолом платья, и, чтобы собраться с мыслями, присела на край кровати. Комната была пустой, но аккуратной и отлично проветрена, словно ее только что оставили. Возможно так оно и было. Другая девушка провела здесь в одиночестве десять лет, глядя на долину в окно. Сейчас она уже отправилась домой, чтобы попрощаться с семьей, так что эта комната теперь моя.

Напротив кровати находилась единственная картина в огромной золоченной раме. Какая-то нелепая, слишком большая для крохотной комнаты и даже не настоящая картина. Так — широкая светло-зеленая полоса, серо-бурая по краям с одной яркой серебряно-голубой, широко извивающейся линией по середине и сходящимися к ней от краев серебристыми линиями потоньше. Я таращилась на нее, гадая не магия ли и это тоже. Ни разу не видела подобной штуки.

Вдоль серебряной линии на знакомом расстоянии были нарисованы круги, и спустя миг я вдруг поняла, что картина изображала долину, только плоской, словно с высоты птичьего полета. Серебристой линией была Веретяница, сбегавшая с гор к Чаще, огибая деревни. Цвета были яркими, краска глянцевая и нанесена тонкими мазками. Я почти видела волны на реке, блики солнца на воде. Картина притягивала взгляд и так и просила: глядеть на нее и глядеть. И все же, она мне не нравилась. Картина словно запирала живую долину в ящик, ограничивала ее, и ее вид напоминал мне о собственном заточении.

Я отвернулась. Не похоже, что я смогу остаться в комнате. Я совсем не завтракала, и даже не притронулась вчера к обеду — на вкус мне все казалось тленом. Казалось бы, теперь, когда со мной случилось худшее из того, что я могла себе вообразить, аппетит и вовсе должен был пропасть, а нет — мне до рези в животе хотелось есть, а в Башне не было ни единого слуги. Так что никто, кроме меня не сможет приготовить мой обед. И тут меня посетила другая скверная мысль: «вдруг Дракон ждет, что я приготовлю обед и ему?»

И тут же еще хуже: «а что после обеда?» Кася всегда повторяла, что верит вернувшимся,

что тот к ним не притрагивался: «Он ведь забирает девушек уже сотню лет, — твердила она, — какая-нибудь точно бы проговорилась и все бы узнали».

Но где-то неделю назад она тайком попросила мою матушку рассказать, каково это, быть замужней женщиной, и та рассказала ей о том, о чем поведала ей собственная мать накануне брачной ночи. Возвращаясь из рощи, я случайно подслушала их через окно, и простояла так, плача горячими слезами от гнева за Касину долю.

И вот теперь на ее месте очутилась я. А я-то не была такой бесстрашной... не думаю, что смогу глубоко дышать, как советовала моя матушка Касе, чтобы не было больно, а, напротив, не сожмусь от страха. На какое-то жуткое мгновение я представила себе, как лицо Дракона склоняется ко мне, даже ближе, чем в тот момент на смотринах. Его темные глаза холодны и блестят как камни. Твердые, будто железные и такие странно горячие пальцы стягивают платье с моей кожи. И он глядит на меня с этой противной довольной ухмылкой. Вдруг он весь такой лихорадочно-горячий? Он же будет лежать на мне словно куча углей на теле...

Я содрогнулась, освобождаясь от этих дум, и поднялась на ноги. Оглядевшись в комнатенке, я убедилась, что в ней негде спрятаться, поэтому я устремилась наружу и вышла обратно в коридор. В конце коридора находилась ведущая вниз винтовая лестница, так что я не могла разглядеть, что там ниже. Глупо бояться спускаться по лестнице, но я сильно перетрусилась. Я едва не вернулась в свою комнату. Наконец, я оперлась о гладкий камень и встала обеими ногами на первую ступеньку. Тут я замерла и прежде, чем продолжить спуск, прислушалась.

Прокравшись так вплоть до первого поворота и не заметив ничего, что внезапно набросилось бы на меня, я стала чувствовать себя полной дурой, поэтому начала спускаться быстрее. Сделав один полный круг, затем еще один, я так и не добралась до следующего этажа. Так что я снова перепугалась, на сей раз того, что лестница может быть волшебной и мне придется ходить по ней до конца жизни. В результате — я стала спускаться все быстрее и быстрее, наконец помчалась, перепрыгивая через три ступеньки, выскочив на следующий этаж, прямехонько в объятия Дракона.

Хоть я и была худосочной, мой отец — самый высокий мужчина деревни, и я доросла ему до плеча, а вот Дракон не был крупного телосложения. Мы едва не скатились с лестницы вместе. Он быстро ухватился одной рукой за перила, а другой — схватил мою, и так, чудом, спас нас от падения на пол. Я фактически повисла на нем, вцепившись в кафтан и уставившись в его удивленное лицо. В первый момент он был слишком ошарашен, чтобы думать, так что стал похож на обычного захваченного врасплох человека: выглядевшего чуточку глупо и слегка растеряно, с открытым ртом и выпученными глазами.

Я сама была так ошарашена, что не могла пошевелиться. Просто стояла и беспомощно пялилась на него. Он первым пришел в себя. Его лицо исказилось от гнева, и он отцепил меня от себя и поставил на ноги. Тут до меня наконец-то дошел смысл происшествия, и я в панике выпалила прежде, чем он успел заговорить:

— Я ищу кухню!

— Неужели? — Произнес он вкрадчиво. В его лице не осталось ни следа былой уязвимости. Оно стало жестким и злым. Он не отпустил мою руку, а сжал ее до боли. Я чувствовала его жар сквозь ткань рукава. Он дернул меня к себе и наклонился. Думаю, он хотел нависнуть надо мной, но поскольку у него это не вышло, он разозлился еще сильнее. Если бы у меня было время все хорошенько обдумать, я бы присела, чтобы казаться меньше,

но я слишком устала и перепугалась. Так что в результате его лицо оказалось прямо перед моим так близко, что его дыхание касалось моих губ, и он, пугая меня еще сильнее, тихо злобно прошептал: — Тогда мне лучше проводить тебя.

— Я... да я и... сама, — дрожа, попыталась я отстраниться. Он развернулся и потащил меня за собой вниз по ступеням: вокруг, снова и снова, и снова. Пять поворотов спустя мы добрались до следующего этажа, потом еще спустя три свет стал тусклее, пока, наконец, он не втоптал меня на нижний уровень башни, который оказался одним большим подвалом с голыми каменными стенами с огромным очагом в виде недовольного рта, из которого яростно вырывалось пламя.

Он подтащил меня прямо к нему, и я в какой-то момент, ослепленная ужасом, решила, что он толкнет меня внутрь. Он был силен, гораздо сильнее, чем казался с виду, и легко тащил меня за собой по лестнице. Но я не могла позволить бросаться мной во всякие там очаги. Я не была послушной тихоней и всю жизнь провела, лазая по деревьям в роще и продираясь сквозь буреломы. Кроме того, страх придавал мне сил. Едва он подтащил меня ближе, я заорала и принялась вырываться, царапаясь и брыкаясь, так что на сей раз я повалила его на пол.

Сама же повалилась сверху. Наши головы одновременно стукнулись об пол, и мы оглушенные лежали несколько мгновений с переплетенными конечностями. Камин рядом взметал языки пламени и потрескивал, и когда мой страх чуть поутих, я вдруг заметила по близости в стене небольшие печные заслонки, над ними вертел для запекания, еще выше огромные полки с горшками. Короче, это оказалась всего лишь кухня.

Спустя миг он спросил, почти удивленно:

— Ты, что, ненормальная?

— Я думала, вы собираетесь бросить меня в очаг, — еще не придя в себя до конца, ответила я и прыснула от смеха.

Это был не несостоящий смех... наполовину истерический. К этому моменту меня таскали кругами по лестнице, голодную, мои колени и локти болели от ушибов, а голова так просто раскалывалась, словно череп треснул от удара, но я не могла остановиться.

Но он всего этого не знал. А знал он то, что выбранная им глупая деревенская девица смеется над ним, Драконом — величайшим волшебником королевства, своим лордом и повелителем. Думаю, уже сотни лет никто над ним не смеялся. Он освободился, стряхнув с себя мои конечности, и поднялся на ноги, уставившись на меня сверху вниз, словно ошетилившийся кот. Я захохотала еще сильнее, но он резко развернулся и оставил меня смеяться в одиночестве на полу. Наверное, не знал, что со мной делать.

Когда он ушел, мой смех унялся сам собой, и я почувствовала себя не такой несчастной и испуганной. В конце концов, он не бросил меня в огонь, и даже не ударил. Я поднялась и огляделась: видно было плохо из-за яркого пламени, а кроме очага никаких светильников не было. Наконец, я повернулась к пламени спиной и смогла оглядеть огромное помещение, которое было все-таки разделено на ниши с низкими стенками. В них находились стеллажи, заставленные поблескивающими стеклянными бутылками. Наверное, с вином, решила я. Как-то мой отец привозил к бабушке одну такую на новый год.

Повсюду размещались кладовые: бочки с переложенными соломой яблоками, с картошкой и морковью, свисали длинные косички лука. На столе, стоявшем посредине помещения рядом с незажженной свечой лежала книга. Когда я открыла ее на закладке, на странице твердым почерком было записано все, что находится в кладовых. Внизу первой

страницы была крохотная приписка. Даже когда я зажгла свечу, чтобы ее разобрать, мне пришлось поднапрячь глаза:

«Завтрак в восемь, обед в час, ужин в семь. Принеси еду в библиотеку на пять минут раньше, и тебе не придется видеться с ним, и так понятно с кем, весь день. Держись!»

Бесценный совет и это «Держись!» было словно протянутая на помощь дружеская рука. Я обнялась с книгой, чувствуя, что впервые за день не одна. Казалось, что полдень близок, а Дракон не задерживался ради закусок у нас в деревне, так что я занялась обедом. Повариха из меня не самая умелая, но моя матушка не слезала с меня, пока я не научилась кое-как стряпать, чтобы прокормить нашу семью, так что я сумею отличить тухлое от свежего и какой фрукт слаще. Раньше мне не приходилось готовить, имея такие запасы. Тут были даже ящички со специями, из которых пахло как от новогоднего пирога, и целый бочонок свежей рассыпчатой серой соли.

В дальнем конце помещения находилось странное холодное место, где я нашла подвешенные туши мяса: целого оленя и двух крупных зайцев. Еще здесь стоял ящик с соломой, наполненный куриными яйцами. Рядом с очагом обнаружился завернутый в холст свежеспеченный каравай хлеба, тут же полный горшок рагу из кролика, гречки и мелкого гороха. Я попробовала его на вкус: приготовлено словно для праздничного стола. Слегка солоноватый и чуть сладковатый привкус, но очень тонкий. Еще один подарок от незнакомки.

Лично я не имела ни малейшего понятия, как такое готовить, и было страшно подумать, что Дракон ждет от меня нечто подобное. Но я, без всякого сомнения, была безмерно благодарна получить разом готовый обед. Поэтому я поставила горшок на плиту разогреваться, мимоходом плеснув себе на платье, и поставила жариться сковороду с парой яиц. Тем временем разыскала, где находятся поднос, тарелки и ложки. Когда кролик разогрелся, я выложила его на поднос и нарезала хлеб. Пришлось его нарезать, так как я уже отгрызла горбушку, пока ждала кролика. Сверху на хлеб намазала масло. Я даже запекла яблоко со специями по маминому рецепту, как она готовила на праздничный зимний ужин. Под рукой было столько плит, что я могла готовить все одновременно. Я даже собой слегка гордилась. Выложенное на подносе, все выглядело как настоящий праздничный обед, хоть и слегка странный — всего на одного человека.

Я осторожно понесла поднос наверх, но тут слишком поздно поняла, что абсолютно не знаю, где расположена библиотека. Если бы я хотя бы задумалась об этом раньше, то поняла бы, что ее не может быть на нижнем этаже. Как и оказалось, но я узнала об этом, только обойдя весь огромный круглый зал с занавешенными окнами и внушительным похожим на трон креслом у дальнего края. Там же находилась еще одна дверь, но там я обнаружила всего лишь просторную прихожую и огромные наружные двери в три раза выше моего роста, запертые толстым окованным железом брусом дерева.

Пришлось разворачиваться, возвращаться через весь зал на лестницу, и идти на следующий этаж. Здесь мраморный пол был застелен мягким пушистым материалом. Я еще ни разу не видела ковер. Поэтому я не услышала шагов Дракона. Я отчаянно бросилась через зал к первой двери и быстро отпрянула. Комната была заставлена длинными столами, странными бутылочками с булькающей жидкостью, без огня сыпались искры неестественных оттенков. Я не хотела оставаться тут ни секундой больше, и все же прищемила платье и умудрилась его порвать.

Наконец, следующая дверь напротив вела в комнату с книгами: деревянные стеллажи,

выстроенные от пола до потолка, буквально ломились от книг. Здесь пахло пылью и было всего несколько узких стрельчатых окон. Я так обрадовалась, что разыскала библиотеку, что не сразу обнаружила, что Дракон уже здесь. Он сидел в массивном кресле с разложенной на небольшом придвинутом к ногам столике книгой, такой огромной, что каждая страница была длиной с мою руку. С обложки свисала длинная золоченая закладка.

Я замерла, уставившись на него, почувствовав предательство со стороны совета из книги. Я почему-то считала, что Дракон будет где-то прятаться, пока я не оставлю для него еду. Он поднял голову, но я вместо того, чтобы тихонько оставить поднос на столе в центре комнаты и убраться, застыла в проходе и заявила:

— А я... я принесла обед, — не собираясь сходить с места, не дождавшись ответа.

— Правда? — сухо сказал он. — Даже не свалившись по дороге в яму? Поразительно. — Только теперь он оглядел меня и нахмурился: — Или ты все-таки угодила в яму?

Я оглядела себя. Моя юбка стала одним огромным неопрятным пятном. Я застирала как могла на кухне остатки рвоты, следы слез и текущего носа, но это не сильно помогло. Тут же было три или четыре пятна от рагу, брызги от яичницы и следы горшков, когда я отиралась у плиты. Подол был в грязи с утра, кроме того я умудрилась порвать его в паре мест даже не заметив. Утром моя матушка расчесала и заплела мне косу, хорошенько заколов шпильками, но все они осыпались с головы и теперь мне на шею свисала копна неопрятных волос.

Я этого даже не заметила. Все это не было для меня слишком неожиданно, кроме того, под этим ужасом на мне была прекрасная нательная рубашка.

— Просто я... готовила и прибиралась, — постаралась оправдаться я.

— Самая грязная вещь в этой башне — ты, — чистая, хоть и суровая правда. Я покраснела и, опустив голову, пошла к столу. Поставив поднос и оглядев еду, я вдруг с ужасом заметила, что за то время, пока я бродила по башне, все, за исключением масла, остыло. Оно же растаяло и начало стекать на тарелку. Даже мое прекрасное печеное яблоко сморщилось.

Я потерянно уставилась на этот ужас, пытаясь сообразить, что мне делать: забрать и унести? Или он не заметит? Я обернулась, чтобы проверить и чуть не взвизгнула от ужаса: Дракон стоял прямо за мной, заглядывая через мое плечо на еду.

— Теперь я понимаю, почему ты думала, что я брошу тебя в огонь, — произнес он, нагнувшись и зачерпнув ложкой рагу, проткнув слой остывшего жира и вывалив еду обратно. — Из тебя обед вышел бы попримечнее этого.

— Вообще-то я не лучшая в мире стряпуха, и все же... — я остановилась, чтобы объяснить ему, что все не так уж плохо с виду, и что я просто заблудилась, но он фыркнул в ответ, прервав мои мысли:

— Ты хоть что-то делать умеешь? — насмешливо поинтересовался он.

Если б только меня подучили, как прислуживать; если б я хотя бы догадывалась, что меня действительно могут выбрать, то подготовилась заранее; если б я чувствовала себя чуточку менее ничтожной и уставшей; если бы оставила остатки гордости на кухне; если бы он не стал нарочно насмехаться надо мной за неряшливость, чего никогда не делали те, кто меня любил... если бы только не это все, и если бы я не наткнулась на него на лестнице, и выяснила, что он не станет бросать меня в очаг, то я бы, наверное, просто покраснела и убежала.

Вместо этого я грохнула подносом об стол и выкрикнула:

— Почему же вы выбрали меня? Взяли бы Касю!

Я тут же заткнулась, наполовину от стыда, наполовину от страха. Я чуть было не начала извиняться, объясняя, как мне жаль, и что вовсе не хотела этого говорить, что не хочу, чтобы он забирал вместо меня Касю, что пойду приготовлю другой обед...

— Кого? — нетерпеливо переспросил он.

Я застыла с открытым ртом.

— Касю! — наконец, сказала я. Он лишь смотрел в ответ с таким видом, будто я только что подтвердила его опасение в моей неизлечимой тупости, поэтому, смутившись, я тут же позабыла о своих благородных порывах извиняться:

— Вы должны были выбрать ее! Она... умная и храбрая, и хорошо готовит, а еще...

С каждым словом он все заметнее терял терпение, наконец он прервал меня:

— Да, я ее помню. Девочка не с таким лошадиным лицом, и куда опрятнее, и которая, думаю, не ругалась бы со мной в этот самый момент. Вы деревенские все более-менее утомительны по началу, но ты превзошла всех, став образцом несовершенства.

— Значит я вам и не нужна, — покраснев, зло огрызнулась я, обидевшись за лошадиное лицо.

— К моему большому сожалению, — ответил он, — тут ты ошибаешься.

Он взял мою руку за запястье и развернул кругом. Сам он встал вплотную за моей спиной и вытянул мою руку над подносом с едой:

— Lirintalem, — произнес он странное слово, которое текуче слетело с его губ и прозвенело в моих ушах: — Повторяй со мной.

— Чего? — никогда прежде я это слово не слышала. Но он прижался сильнее к моей спине, нагнулся к уху и угрожающе прошептал: — Повторяй.

Я вздрогнула и, сдавшись лишь бы он отстал, произнесла, пока Дракон удерживал мою руку над едой: — Lirintalem.

Воздух над подносом пугающе задрожал, словно весь мир был всего лишь прудом, в который бросили камень. Когда воздух перестал дрожать, еда на подносе изменилась. Там, где находилась яичница — появился жареный цыпленок, на тарелке вместо рагу — горка весенних ростков фасоли, хотя был давно не сезон. Вместо запеченного яблока — яблочный пирог с тончайше нарезанными дольками, посыпанный крупным изюмом и пропитанный медом.

Дракон отпустил меня. Без его поддержки я покачнулась, вцепившись в край стола. Я глубоко вздохнула, словно кто-то только что изо всех сил стукнул меня в грудь. Такое чувство, будто меня только что выжали как лимон. Перед моими глазами мелькали разноцветные звездочки. Я покачнулась, едва не свалившись в обмороке. Смутно я заметила, как он уставился на поднос со странным выражением на лице, словно был одновременно и удивлен, и испуган.

— Что вы со мной сделали? — прошептала я, когда ко мне вернулось дыхание.

— Хорош ныть, — ответил он презрительно. — Всего лишь небольшое заклинание. — Если удивление и было, от него не осталось и следа. Усаживаясь за стол с едой, он махнул рукой в сторону двери: — Ладно, убирайся. Ясно, что на тебя придется тратить необычно много моего драгоценного времени, но на сегодня достаточно.

Этому указанию я с радостью подчинилась. Я даже не стала задерживаться, чтобы забрать поднос, просто, ощупывая себя, побрела прочь из библиотеки. Меня шатало от слабости. Мне понадобилось почти полчаса, чтобы взобраться вверх по лестнице на верхний этаж. Наконец я зашла в крохотную комнату, закрыла дверь, подперев ее сундуком и рухнула

на постель. Если Дракон и приходил, пока я спала, я его не слышала.

Следующие четыре дня я не видела Дракона. Я провела их на кухне с утра до ночи. Разыскав несколько поваренных книг, я последовательно пробовала приготовить каждый рецепт, стараясь стать самой лучшей поварихой на свете. Кладовые ломились от продуктов, так что о потраченном зря голова у меня не болела. Если блюдо выходило плохо, я съедала его сама. Следуя совету, я оставляла еду, накрыв крышками, ровно за пять минут до установленного времени и удалялась прочь. Я ни разу не застала его внутри и не слышала от него жалоб, так что была собой довольна. В сундуке для одежды в моей комнате нашлось несколько домашних платьев. Они более-менее мне подошли, хотя ноги были видно до колен, рукава были коротки, и пришлось подвязать на груди, чтобы не болтались — зато я была опрятна как никогда.

Я не хотела ему угождать, но и не собиралась позволять ему проделывать со мной подобные штуки с какими бы то ни было заклинаниями. Мне приходилось просыпаться по четыре раза за ночь со словом «lirintalem» на губах, с чувством, что оно там поселилось, и ощущая на себе его горячую руку.

Страх и труд в целом не плохие товарищи. Они гораздо лучше чувства одиночества и глубинного самого моего жуткого страха из всех, который мог стать явью — страх того, что я десять лет не увижу отца и матушку, не буду снова жить в своем доме, никогда не пробегу по лесу, что со мной случится то странное превращение, которое изменяло всех драконьих девушек и под конец я себя не узнаю. По крайней мере, пока я шинковала и жарила на плите, подобные мысли меня почти не беспокоили.

Спустя несколько дней, когда я поняла, что он не появится внизу и не станет пробовать на мне то заклинание при каждом завтраке, я прервала свое кулинарное безумие. И тут я обнаружила, что, даже если я старательно выискиваю для себя работу, мне нечем заняться. Несмотря на то, что башня была огромной, она не нуждалась в уборке. Пыль не скапливалась по углам и на подоконнике, и даже в щелях вычурной резьбы на золоченной раме.

Хотя рисованная карта на стене в моей комнате мне по-прежнему решительно не нравилась. Каждую ночь мне мерещилось журчание воды, словно у речки на перекатах, а днем она торчала во всей красе, заставляя глядеть на себя. Устав пялиться на нее, я спустилась в подвал и вывалила на пол репу из мешка. Распустив шов, я укрыла карту получившейся мешковиной. Едва вся эта позолота и роскошь скрылись из глаз, в комнате тут же стало лучше.

Вторую половину утра я потратила, глядя в окно, страдая от тоски и одиночества. Был обычный будний день, мужчины работали в полях на уборке урожая, женщины полоскали в речке белье. Даже Чаща почти казалась мне родной в своей неприступной темноте: незыблемая константа. К северу долины на нижних склонах гор паслась большая отара радомских овец. Они были словно большое блуждающее облако. Я понаблюдала за ними некоторое время, всплакнув, но даже у горя есть предел. К обеду мне стало жутко скучно.

Моя семья была ни бедной, ни богатой. У нас в доме было семь книг. Я прочла всего четыре из них, поскольку почти всю жизнь, не взирая на снег и дождь, провела вне дома. В любом случае, у меня был небогатый выбор дел, так что, принеся в библиотеку поднос с обедом, я оглядела полки. Определенно, ничего дурного не случится, если я позаимствую одну из книг. Должно быть другие девушки уже брали книги, раз каждый болтает о том, как

здорово они читали, вернувшись.

Поэтому я смело подошла к полке и выбрала ту, что буквально взывала взять ее с собой. У нее была красивая блестящая при свечах обложка пшеничного цвета, дорогая и манящая. Но взяв ее, я засомневалась: она оказалась больше и тяжелее любой из тех, что хранились в нашей семье, а кроме того, обложка была украшена выдавленными красивыми золотыми узорами. С другой стороны, в ней не было закладки, так что я, с легким чувством вины, стараясь уговорить себя, что глупо об этом беспокоиться, забрала ее с собой к себе.

Но когда я открыла книгу, то почувствовала себя еще глупее, потому что не смогла ничего понять. Не так, как это обычно бывает, когда не знаешь каких-то слов или их значения. Я понимала все до единого слова и все, что прочла. Все первые три страницы. Но потом я остановилась и задумалась, о чем же эта книга? И не смогла дать ответ. Я не имела ни малейшего понятия, что я только что прочла.

Я вернулась к началу, и начала снова. И вновь, я была уверена, что понимаю, и все очень логично... и куда логичнее, чем в первый раз. В книге чувствовалась истина, что-то, что я подспудно знала, но еще не сумела облечь в слова или внятно изложить и просто то, чего я раньше не понимала. Я удовлетворенно кивнула, продолжив читать, и на сей раз добралась до пятой страницы. Тут я снова обнаружила, что не могу объяснить, что же было на первой странице и для чего она вообще нужна.

Я обиженно посмотрела на книгу, но снова вернулась в начало и принялась читать, на сей раз вслух и медленно проговаривая каждое слово. Слова словно птицы слетали с моих губ: прекрасные и сладкие как засахаренные фрукты. Я по-прежнему не могла уложить их смысл в голове, но продолжала полусонно читать, пока со стуком не распахнулась дверь.

К этому времени я перестала подпирать ее сундуком. Я сидела на кровати, которую передвинула к окну, где было светлее, поэтому Дракон в дверном проеме оказался прямо напротив меня. Я застыла от удивления с открытым ртом и прекратила читать. Волшебник был вне себя от ярости с горящими гневными глазами. Он протянул руку и произнес: — Tualidetal.

Книга попыталась вырваться из моих рук и перелететь по воздуху к нему. Я из глупого упрямства инстинктивно вцепилась в нее. Она вырывалась, пыталась взлететь, но мое упрямство взяло верх: я ее дернула к себе и не позволила вырваться из рук. Дракон уставился на меня и еще сильнее рассвирепел. Пока я слишком поздно попыталась подняться и отстраниться, хотя выхода не было, он прошагал крохотную комнату насквозь. В мгновение ока оказался он оказался на мне, прижав к подушке.

— Итак, — вкрадчиво произнес он, надавливая мне на ключицу, легко припечатав к кровати. Казалось мое сердце отчаянно колотится между грудиной и позвоночником, сотрясая меня при каждом ударе. Дракон вырвал книгу из моих рук, по крайней мере мне хватило ума дольше не цепляться за нее, и легким движением закинул ее на небольшой столик: — Значит, ты — Агнешка? Агнешка из Дверника?

Кажется, подразумевался ответ.

— Да, — прошептала я.

— Агнешка, — пробормотал он, склоняясь еще ниже, и я решила, что он вздумал меня поцеловать. Я испугалась, но почти хотела, чтобы он это сделал и все закончилось, так что не слишком испугалась, но поцелуя не случилось. Когда он склонился ко мне так, что я видела в его глазах отражение своих, он сказал: — Поведай мне, дорогая Агнешка, откуда ты на самом деле? Тебя прислал Сокол? Или, возможно, сам король?

Я перестала с тревогой смотреть на его губы и перевела взгляд на глаза:

— Я... чего?

— Я все равно узнаю, — ответил он. — Как бы ни было искусно заклинание твоего хозяина, в нем обязательно будут изъяны. Твоя семья... — он усмехнулся при этом слове, — может считать, что помнит тебя, но у них не отыщется всего, что необходимо в жизни ребенку. Пара варежек, порванная шапочка и кучка сломанных игрушек... найду ли я что-нибудь подобное в вашем доме?

— Разве все мои игрушки сломаны? — беспомощно удивилась я, поняв только часть того, что услышала: — Они... правда? Все мои вещи вечно рвутся, идут на тряпье...

Он сильно встряхнул меня об кровать и снова склонился:

— Не смей лгать! — прошипел он. — Я вырву из твоей глотки правду...

Его пальцы сжались на моем горле, ноги оказались на кровати между моих. В приступе отчаянного страха я подставила руки, вжалась всем телом в матрас и спихнула нас с кровати. Мы рухнули на пол оба. Волшебник оказался подо мной, а я сверху, и, словно трясущийся заяц, задала стрекоча в сторону выхода. Я очутилась на лестнице и не знала, куда бежать. Я не смогу выбраться через входную дверь, и иного пути для бегства не было. Но я все равно побежала, спустилась вниз на два пролета, и услышала за собой его шаги. Я влетела в темную лабораторию в гущу шипящего пара и дыма, и в отчаянии забилась в темный угол под один из столов за высоким шкафом, поджав под себя ноги.

Я захлопнула за собой дверь, но это нисколько не помешало ему найти, куда я сбежала. Дракон открыл дверь и заглянул в помещение. Я увидела его поверх края одного из столов — холодные и злые глаза между двумя мензурками. Его лицо было зеленоватого оттенка от огня. Он твердым неторопливым шагом обогнул стол, и, когда волшебник оказался с дальнего конца, я кинулась в противоположном направлении к освободившемуся выходу... У меня появилась идея, не запереть ли его внутри. Но по пути я задела одну из узких полочек у стены. Одна из закупоренных мензурок ударила меня по спине, отскочила, упала и разбилась у меня под ногами.

Меня окружил серый дым, проник в мои нос и рот, заставил закашляться, замедлил. Он щипал глаза, но я не могла моргнуть и не могла дотянуться, чтобы протереть их — руки меня не слушались. Кашель застрял у меня в горле и пропал. Все мое тело застыло на месте, присев на корточки на полу. Но вместе с этим пропал страх, и спустя миг пропало и неудобство. Я одновременно почувствовала бесконечную тяжесть, необычную невесомость и отстраненность. Я будто издалека слышала приближающиеся шаги Дракона, как он подошел и встал надо мной, но мне было все равно, что он собирается делать.

Волшебник стоял, глядя на меня с холодным раздражением. Я даже не пыталась придумать, что он собирается делать. Я больше не могла ни думать, ни удивляться. Мир стал серым и застыл.

— Нет, — спустя мгновение произнес он, — нет, скорее всего, ты не согласишься.

Он ушел и на какое-то время оставил меня одну... не могу сказать, сколько его не было, может час или неделю, а может год, хотя позже я узнала, что прошло всего-то полдня. Потом он наконец вернулся с недовольным лицом. В руках у него была небольшая истрепанная вещица, до того, как я первые семь лет жизни таскала ее на веревочке за собой по кустам, это была куколка поросенка, связанная из шерсти и набитая соломой.

— Значит, не согласишься, — повторил он. — Просто дурочка.

Потом волшебник положил мне на голову руку и произнес:

— Tezavon tahozh, tezavon tahozh kivi, kanzon lihush.

Он не столько произносил слова, сколько напевал их словно песню, и по мере того, как они произносились, краски, время и ощущения возвращались в мой мир. Моя голова освободилась, и я отстранилась от его руки. Моя плоть постепенно оттаивала. Освободились руки, готовые за что-нибудь ухватиться, но ноги все еще оставались будто приклеенными к месту. Он схватил меня за запястья, так что, когда я наконец начала заваливаться, он удержал меня от полета.

Теперь я не пыталась сбежать. Мои только что освободившиеся мысли, словно наверстывая упущенное время, понеслись вскачь в дюжине направлений. Но если бы он хотел сделать мне что-то дурное, то не проще ли ему было оставить меня торчать столбом? И к счастью он перестал считать меня какой-то шпионкой. Я не понимала, зачем кому-то нужно за ним следить, тем более королю. Разве он не королевский волшебник?

— А теперь поведай мне, что ты делала? — спросил он. Его глаза все еще недоверчиво и холодно поблескивали.

— Хотела что-нибудь почитать, — ответила я. — Я не хотела... не хотела ничего портить...

— И так случилось, что ты решила прихватить для легкого чтения «Призывание» Люта? — в его голосе слышался язвительный сарказм, — и лишь по счастливой случайности... — Но перехватив мой встревоженный и недоумевающий взгляд, он поверил и замолчал, разглядывая с нескрываемым раздражением. — У тебя непревзойденный дар ко всяческим напастям.

Потом он нахмурился, глядя вниз, и я проследила за его взглядом до стеклянных осколков вокруг моих ног. Он шумно выдохнул воздух сквозь зубы и резко сказал:

— Приберись тут и ступай в библиотеку. И больше ничего не трогай.

Он ушел, а я направилась на кухню разыскивать ведро и подходящую тряпку, чтобы собрать осколки. Заодно я вымыла пол, хотя на нем не было и следа того, что на него что-то пролилось, как будто магия просто выгорела подобно ликеру на пудинге. Я без конца проверяла, дотрагиваясь и отрывая руку от пола, что он не продолжает тянуться следом за моими пальцами. И не переставала думать, почему он держит подобный пузырек на полке, а так же, не использовал ли он его на ком-нибудь еще. Стоит теперь этот бедолага подобно статуе, уставившись в никуда, не замечая проходящее время. Я поежилась.

Теперь я с величайшей осторожностью старалась ни к чему не прикасаться в этой комнате.

Когда я наконец взяла себя в руки и вошла в библиотеку, книга снова стояла на полке. Волшебник прохаживался, забросив чтение своей книги, оставив ее на маленьком столике. Когда я вошла, он снова нахмурился. Я оглядела себя: на подоле мокрые разводы от мытья пола, не считая того, что он едва прикрывал мои колени. Рукава были и того хуже: я обрызгала их утром, разбивая яйца для завтрака и чуть опалила локоть, поджаривая тост.

— Пожалуй, начнем с этого, — произнес Дракон. — Не хочу при взгляде на тебя всякий раз расстраиваться.

Я прикусила язык, решив не извиняться. Если начинать оправдываться за свой вид, не придется останавливаться до конца жизни. Уже по тем нескольким дням, что я провела в его башне, я могла судить, что ему нравятся красивые вещи. Даже среди легиона его книг не было ни одной похожей друг на друга: все кожаные корешки разных цветов, обложки с застежками из золота и даже порой украшены драгоценными камнями. Все, на что падал

взгляд от крохотной чарки, выдутой из стекла, до картины в моей комнате были великолепны и расставлены на своих местах так, чтобы сиять без помех. Я была очевидной ложкой дегтя в бочке совершенства, но мне было наплевать. Я не навязывалась быть красавицей.

Он нетерпеливо подозвал меня ближе, и я опасливо шагнула навстречу. Он взял меня за руки и скрестил их на моей груди, поместив пальцы на плечи. — А теперь, *vanastalem*, — сказал он.

Я с молчаливым вызовом уставилась на него в ответ. Произнесенное им слово, как и другие использованные им на мне заклинания, прогремело в моих ушах. И я чувствовала, что оно жаждет слететь с моих губ и выпить мои силы.

Волшебник, больно впившись пальцами, схватил меня за плечо. Я почувствовала как каждый его палец словно прожигает своим жаром мое платье.

— Если я еще могу стерпеть неумеху, то бесхребетность не потерплю. Говори!

Я вспомнила, как была камнем. Что может быть хуже? Я вздрогнула и произнесла слово, очень тихо, словно мой шепот мог удержать его внутри: — *Vanastalem*.

Моя сила заструилась по телу и выплеснулась через рот. Там, где она меня покинула начал подрагивать воздух и принялся вихрем закручиваться вокруг моего тела. Я осела на пол в странной пышной юбке из шуршащего зеленовато-рыжеватого шелка. Она была словно бесконечной — окружив мою грудь и опутав ноги. Моя голова склонилась под весом изогнутой шляпы с вуалью из кружев, которая спускалась мне на спину, украшенная узором с цветами, обозначенными золотой нитью. Я равнодушно уставилась на сапоги Дракона из тисненой кожи, покрытые витиеватым узором в виде винной лозы.

— Взглянешь на тебя и продолжать колдовать не захочется, — произнес он где-то надо мной, недовольный своей работой. — Теперь хоть выглядишь получше. Посмотрим, сумеешь ли ты теперь сохранить приличный вид. Завтра попробуем что-нибудь еще.

Сапоги повернулись и удалились прочь. Полагаю, он уселся в свое кресло, вернувшись к книге. Не уверена до конца. Спустя какое-то время я выбралась из библиотеки на карачках, не поднимая головы, как была в этом великолепном платье.

Несколько следующих недель сплелись в одно целое. Каждое утро я просыпалась еще до рассвета и, лежа в постели под светлеющим окном, размышляла о побеге. Каждое утро, ничего не придумав, я тащила поднос с завтраком в библиотеку, и он произносил со мной новое заклинание. Если мне не удавалось остаться опрятной, а обычно такого не случалось, он сперва использовал на мне «*vanastalem*», а затем другое. Все мои домашние платяца исчезли одно за другим, а мою спальню словно небольшие горы заполонили громоздкие сложные платья, расшитые и украшенные так сильно, что могли стоять самостоятельно. Вечером я едва была способна выбраться из всех этих юбок самостоятельно, а в ужасных корсетах было совершенно невозможно дышать.

Меня преследовал болезненный обморок. Каждое утро я, шатаясь, плелась наверх к себе. Полагаю, Дракон сам готовил себе обед, потому что это определенно была не я. Провалившись в постели до ужина, я обычно уже была в состоянии сползти вниз по лестнице, более из чувства собственного голода, чем от заботы о нем, и сострять что-нибудь простенькое.

Худшее во всем этом было недоумение: за что он так со мной? По ночам, прежде чем погрузиться в сон, я вспоминала худшие сказки о вампирах и инкубах, высасывавших из девушек жизнь, и обещала себе утром найти способ сбежать отсюда. Разумеется, я не сумела.

Единственным моим утешением было одно: я не первая. Я повторяла себе, что он проделывал все это с остальными до меня, и они выдержали. Это не сильно помогало. Десять лет казались мне бесконечностью, но я хваталась за любую возможность, которая могла бы хоть немного облегчить мою участь.

Волшебник не давал мне передышки. Каждый раз появляясь в библиотеке, даже когда мне удавалось сохранять приличный вид, я вызывала у него раздражение — словно не он использовал меня и изводил, а напротив это я являлась, чтобы отвлекать его от дел и докучать. А когда он заканчивал на мне свои магические трюки, оставляя меня валяться на полу, то недовольно хмурился и обзывал ни на что негодной.

Однажды я решила от него спрятаться. Я подумала, если я занесу ему завтрак пораньше, то он оставит меня в покое на целый день. Поэтому я приготовила ему завтрак с первыми лучами солнца и спряталась в кухне. Но ровно в семь над лестницей появилась одна из его похожих на ос шкуровин — те, что я видела летящими над Веретянницей в сторону Чащи. Вблизи она оказалась бесформенной, подрагивающей, походя на мыльный пузырь, и, если свет не отражался от ее радужной шкурки, почти невидимой. Оса потыкалась по углам, пока не нашла меня, и тогда принялась назойливо вертеться у моих коленей. Я посмотрела на нее из своего укрытия и увидела собственное лицо в призрачной дымке. Нехотя я выпрямилась и поплелась за осой в библиотеку, где он сидел над книгой, глядя на меня.

— Как бы мне хотелось позабыть сомнительное удовольствие наблюдать, как ты ползаешь после каждого слабенького заклинания будто измученный угорь, — буркнул он, — но мы уже имели удовольствие видеть, на что ты способна, если оставить тебя без присмотра. Насколько сильно ты перепачкалась сегодня?

Я старалась как могла не испачкаться, чтобы избежать хотя бы первого заклинания. Сегодня на мне было всего несколько пятнышек после завтрака и одна капелька масла. Поэтому я постаралась встать так, чтобы прикрыть их складками платья. Но он все равно смотрел на меня с неприязнью, так что я проследила за его взглядом и, к своему позору заметила, что пока пряталась по укромным уголкам кухни, где-то подцепила паутину. Наверное, единственную во всей башне! И теперь она тянулась за моей юбкой как тонкий драный шлейф.

— Vanastalem, — покорно повторила я за ним, и очутилась в беспорядочно красивой волне оранжевого и желтого шелков, быстро накатившей на меня снизу вверх, словно вернувшаяся на деревья осенняя листва. Я, тяжело дыша, покачнулась. Волшебник уселся на место.

— А теперь, — сказал он, поставив стопку книг на стол и опрокинув толчком, превратив в бесформенную кучу, — чтобы упорядочить их: darendetal.

Он взмахнул рукой над столом.

— Darendetal, — проямлила я следом, и заклинание хлынула из моей глотки. Книги на столе задрожали и одна за другой словно волшебные драгоценные птицы взмыли и закружились над столом, сверкая разноцветными — красными, желтыми, синими и коричневыми — обложками.

На сей раз я не оказалась на полу. Я лишь ухватилась за край стола и наклонилась. Волшебник хмуρο разглядывал стопку книг.

— Что за идиотизм? — воскликнул он. — Погляди, в них нет ни малейшего порядка!

Я перевела взгляд на книги. Они были очень аккуратно подобраны одна к другой, каждый цвет был подобран последовательно...

— По цвету? — взвизгнул он. — По цвету? Да ты... — он разошелся так, будто это была моя вина. Может это с его волшебством, когда он опустошает меня, что-то не так? — Нет, убирайся с глаз долой! — выкрикнул он, и я в тайне довольная собой умчалась прочь. Я была так рада, словно сумела как-то испортить его заклинание.

На полпути в свою комнату мне пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание, но тут я вдруг поняла, что больше не плетусь, запинаясь. Я была вымотана, но не падала в обморок. Я даже сумела взойти наверх без дополнительных передышек, и хотя тут же рухнула в кровать, проспав половину дня, я более не ощущала себя безголовой оболочкой.

В следующие несколько недель обморок отступал все дальше, словно я окрепла от практики и стала лучше переносить все, что он со мной делал. Постепенно эти встречи стали не то чтобы приятными, но менее пугающими. Всего лишь выматывающая обязанность, как драить горшки с холодной водой. Ко мне вернулся ночной сон и мой дух окреп. С каждым днем я чувствовала себя лучше, и с каждым днем злее.

Никаким разумным способом я не могла самостоятельно натянуть на себя те дурацкие платья. Нет, я честно пыталась, но не могла даже дотянуться до пуговиц и шнуровки на спине. Так что мне приходилось просто разрезать швы и даже рвать юбки, чтобы от них освободиться. Поэтому каждую ночь я сваливала их в кучу подальше с дороги, а утром надевала новое домашнее платье, стараясь сохранить его чистым, и каждые несколько дней он терял терпение от моей неряшливости и заменял его другим. Наконец у меня осталось последнее платье.

Я подержала это последнее платье из обычной некрашеной шерсти в руках, словно держась за спасительную соломинку, и тут, поддавшись вспышке упрямства, я оставила его на кровати и втиснулась в зелено-рыжеватое платье.

Я не могла застегнуть пуговицы на спине, поэтому взяла вуаль от шляпки и, обмотав вокруг, завязала ее узлом, чтобы платье с меня не свалилось. В таком виде я отправилась вниз на кухню. На сей раз я даже не пыталась остаться чистой. Неся наверх поднос, я нарочно перепачкалась в яичнице с беконом и облилась чаем, а мои волосы торчали в разные стороны — со стороны я была похожа на сумасшедшую дворянку, сбежавшую с бала в лес.

Разумеется, не на долго. Как только я покорно повторила за ним «vanastalem», его волшебство охватило меня, упаковало внутрь корсета, очистило от пятен, привело в порядок волосы, превратив меня в подобие кукольной принцессы.

Но сегодня из-за внутреннего протеста я ощущала себя куда лучше. Я решила посильнее досаждать ему своим видом при каждом взгляде, и он вознаграждал меня своим кислым видом.

— Как тебе это удалось? — с пораженным видом он спросил меня как-то, когда я явилась с рисовым пудингом на голове и огромным пятном от джема через грудь на моем красивом платье из бежевого шелка. Просто я случайно задела локтем ложку, и пудинг взмыл вверх.

Последнее домашнее платье я спрятала в свой сундук. Каждый день после того, как он заканчивал измываться надо мной, я поднималась наверх, выворачивалась из бального платья, разбрасывая драгоценные заколки по полу, потом я натягивала мягкий хорошо сшитый летник и выстиранное собственными руками домашнее платье. После этого я спускалась на кухню, чтобы приготовить хлеб и сидела, ожидая у печи, пока он выпекался, не переживая о саже и муке на юбке.

У меня снова стало хватать сил на скуку. Я даже не вспоминала о том, чтобы еще раз взять книгу. Вместо этого я взялась за иголку, не смотря на то, что терпеть не могла шить. Чем дольше я продолжала по утрам истязать себя шитьем, тем сильнее мне хотелось порвать их и превратить во что-нибудь бесполезное, вроде простыней или носовых платочков.

Корзинка для вышивания пылилась нетронутой в сундуке. Во всей башне нечего было зашивать, кроме моих нарядов, которые я, к своему мрачному удовольствию, всегда бросала разорванными. Но когда я ее открыла, то обнаружила воткнутый клочок бумажки, написанный кусочком грифеля знакомым почерком моей подруги с кухни.

«Ты боишься? Не стоит! Он тебя не тронет. Все, что ему нужно, чтобы ты оставалась симпатичной. Ему и в голову не придет тебе что-либо покупать, но ты можешь позаимствовать отличное платье из одной из гостевых комнат и подогнать по себе. Когда он тебя позовет, спой ему или расскажи какую-нибудь историю. Ему бывает скучно, но не слишком часто: просто приноси ему поесть и старайся по возможности не попадаться ему на глаза. Больше ему ничего не нужно».

Бесценный был бы совет, если бы я открыла корзинку для вышивания и нашла его в первую ночь. А теперь я стояла, сжимая клочок бумажки, вздрагивая при вспоминании о его голосе, заглушающем прерывистый мой собственный, иссушающий мои силы своей магией, и кутающим меня в разные бархаты и шелка. Я была не права. Ни с одной из прежних девушек он не проделывал ничего подобного.

Всю ночь я пролежала без сна от отчаяния, свернувшись в кровати клубком. Однако выбраться из башни не стало проще, как бы сильно мне этого не хотелось. Следующим утром я подошла к огромным дверям и впервые попыталась поднять огромный засов, как бы глупо это не показалось. Но, разумеется, не сумела сдвинуть его даже на четверть дюйма.

Внизу в кладовой, воспользовавшись в качестве рычага длинной рукоятью ковша, я приподняла огромную железную крышку выгребной ямы и заглянула внутрь. Глубоко внизу поблескивало пламя. Таким путем я тоже не могла сбежать. С большим трудом мне удалось задвинуть крышку на место. Потом в поисках дыр и проходов я ошупала руками все стены и заглянула в каждый темный уголок. Даже если где-то и была дыра, мне ее найти не удалось. Тем временем рассветало все сильнее, и вниз по лестнице спустился непрошенный золотистый свет. Пришлось готовить завтрак и нести поднос навстречу своей участи.

Расставляя на поднос тарелку с яйцами, тост и консервы, я раз за разом поглядывала на торчащий напротив меня из колоды блестящий мясницкий нож. Я резала им мясо, и знала, какой он острый. Каждый год мы выращивали кабанчика, и я помогала его резать — держала ведро под сливаемую кровь — но ткнуть ножом живого человека казалось чем-то невыносимым. Так что я не стала испытывать свое воображение, а просто положила нож на поднос и направилась к лестнице.

Когда я появилась в библиотеке, волшебник в напряженной позе стоял у окна спиной ко мне. Я механически расставила по очереди тарелки, пока ничего кроме подноса не осталось. Кроме подноса и ножа. Мое платье было испачкано брызгами яичницы и бекона, через секунду он скажет...

— Заканчивай и поднимайся к себе, — сказал волшебник.

— Что? — не поняв, переспросила я. Нож лежал под салфеткой, поглощая все мои мысли, и мне понадобилось мгновение, чтобы сообразить, что меня помиловали.

— Ты внезапно оглохла? — рявкнул он. — Кончай возиться с тарелками и убирайся. Сиди в комнате, пока я тебя снова не позову.

Мое платье представляло собой измятый и грязный клубок из лент, но он даже не повернулся, чтобы взглянуть. Не нуждаясь в дополнительных оправданиях, я забрала поднос и отправилась к себе. Без гнетущей усталости на плечах я почти взлетела вверх по ступеням, вбежала в комнату и заперла дверь. Сдернула с себя шелковую мишуру, натянула домашнее платье и рухнула в кровать, обняв себя от облегчения, как избежавший порки ребенок.

Тут мой взгляд упал на брошенный поднос и валявшийся на полу сверкающий нож. Ох. Ну какой же я была дурой, что даже подумала об этом. Он был моим лордом. Если бы по какой-либо невыносимой случайности я его убила, то меня бы приговорили к смерти, и моих родителей за компанию. Убийство не помогло бы мне сбежать. Проще выброситься из окна.

Я даже повернулась и, в отчаянии, выглянула в окно. Тут я заметила то, за чем с таким неудовольствием наблюдал Дракон. К Башне приближалось пылевое облако. Это был не фургон, а большая крытая карета: целый дом на колесах. Ее тянула упряжка лошадей, перед которой скакали двое верховых в серых с ярко зеленым ливреях. Еще четверо всадников в таких же ливреях следовали сзади.

Кортеж остановился у больших дверей. На крыше кареты был зеленый знак: чудище со многими головами. Всадники и телохранители спешили, и все завертелось. Когда двери

башни, которые я не смогла даже пошевелить, легко распахнулись, люди слегка раздались в стороны. Я выглянула дальше и увидела, как на порог из дверей вышел Дракон.

Из кареты, пригнув голову, показался человек в длинном плаще того же ярко-зеленого цвета: высокий, светловолосый и широкоплечий. Он перепрыгнул подставленную для него лесенку, взяв одной рукой меч, который ему на открытых ладонях подал один из слуг, и, опоясываясь на ходу, быстро, но без спешки, прошел мимо своих людей.

— Ненавижу кареты хуже химер, — обращаясь к Дракону отчетливо так, что я услышала даже сквозь окно за фырканием коней, произнес прибывший. — Неделю провел запертым в этом ящике. Почему ты не бываешь при дворе?

— Ваше высочество должно меня извинить, — холодно ответил Дракон: — Обязанности держат меня здесь.

К тому времени, позабыв о своих передрягах и страхах, я перегнулась за окно так сильно, что легко могла выпасть. У короля Польни было два сына, но наследный принц Сигизмунд был лишь разумным юношей. Он был образован, женат на дочери одного из северных графов, подарив нам союзника и порт. Их союз уже был благословлен наследником и дочерью. По общему мнению, он был прекрасным правителем, а так же станет прекрасным королем, но до него никому не было дела.

Принц Марек был куда примечательнее. Я слышала с дюжину историй и песен о том, как он убил вандалусскую гидру. Все были разные, но, я уверена, по-своему правдивые. А кроме того, в последней войне с Россией он убил то ли троих, то ли четверых, а может и девять великанов. Однажды он даже ездил сражаться с настоящим драконом. Только оказалось, что его выдумали крестьяне, которые прятали якобы съеденных драконом овец, чтобы не платить подати. Но принц крестьян не наказал, а отчитал их лорда за жадность.

После того, как за принцем с волшебником закрылись двери Башни, эскорт начал разбивать лагерь на поле перед входом. Я вернулась в свою комнатку и принялась мерить ее кругами. Наконец я начала красться вниз по лестнице, пытаюсь подслушать их разговор, пока не услышала доносившиеся из библиотеки голоса. Удалось услышать лишь одно слово из пяти, но речь шла о войне с Россией и о Чаще.

Но я не слишком вслушивалась. Мне было все равно, о чем они беседуют. Гораздо важнее для меня была слабая надежда на спасение. Все равно, какие ужасы проделывал со мной Дракон, высасывая из меня жизнь — это было незаконно. Он приказал мне спрятаться, не попадаться на глаза. А что, если причина была не в том, что я такая неряха — что можно было исправить одним-единственным словом — а потому что Дракон не хотел, чтобы принц узнал, чем он занимается? Может мне попросить защиты у принца, и он увезет меня отсюда...

— Довольно! — прервал мои размышления голос принца Марека. Слова прозвучали отчетливо, словно принц подходил к двери. Он был раздражен. — Вы с отцом и Сигизмундом блеете хором словно овцы. Довольно с меня. Я не намерен это долгие терпеть.

Стараясь шуметь как можно меньше, я босиком быстро умчалась вверх. Гостевые покои находились на третьем этаже между библиотекой и моей комнатой. Я уселась на лестнице, прислушиваясь к звуку его шагов, пока они не стихли. Я сомневалась в своей способности напрямую ослушаться Дракона. Если он поймает меня за попыткой повидаться с принцем, то сделает со мной что-нибудь ужасное. Кася бы на моем месте, я была уверена, наверняка воспользовалась бы выпавшим шансом. Будь она здесь, то вошла бы к принцу, опустила перед ним на колени и попросила о спасении. И вела бы себя не как испуганная

заговаривающаяся девчонка, а как дева из преданий.

Я ушла к себе в комнату и до захода солнца про себя репетировала эту сцену. И вот когда совсем стемнело, я с колотящимся сердцем прокралась вниз. Но все равно мне было страшно. Сперва я спустилась ниже и проверила, не горит ли свет в библиотеке и лаборатории, но Дракон спал. На третьем этаже в щели под одной из дверей гостевых комнат тускло мерцал оранжевый отсвет горящего камина. В спальне Дракона не было ничего видно, все терялось в тенях в дальнем конце холла. Но я все равно нервничала перед тем как зайти. И тут вместо этого я направилась вниз в кухню.

Я убедила себя, что голодна. Трепеща, стоя у очага, я подкрепилась парой кусочков хлеба с сыром и отправилась обратно. На самый верх, к себе.

Ну не могла я представить себя — себя! — произносящую изысканную речь, стоя на коленях у дверей принца. Я не Кася, не какая-то особенная. Я бы только разревелась с глупым видом, так что он выставит меня за порог, или хуже, позовет Дракона, чтобы меня наказать. С какой стати ему мне верить? Крестьянка в обносках, служанка Дракона будит его среди ночи и рассказывает дикую историю про то, как ее пытается великий волшебник?

В мрачном состоянии духа я дотащила до своей комнаты и застыла на пороге. Посредине комнаты, рассматривая картину, стоял принц Марек. Он стащил с нее покрывало. Принц оглянулся и с сомнением оглядел меня с ног до головы:

— Милорд. Ваше высочество, — произнесла я, но как бы понарошку. Слова прозвучали шепотом, так что он вряд ли расслышал что-то, кроме неразборчивого бубнения.

Но ему было все равно.

— Так-так, — произнес он, — ты ведь не одна из его красавиц. — Он в два шага пересек комнату, и она внезапно показалась мне еще меньше, чем была на самом деле. Подняв мое лицо за подбородок, он принялся его разглядывать, поворачивая из стороны в сторону. Я молча смотрела на него. Было странно, сногшибательно, находиться так близко к нему. Он был выше меня, могучий, словно жил, не снимая доспехов, симпатичный как с картинки, гладко выбрит и вымыт. Его светлые волосы ближе к шее темнели и завивались в кудри. — Но, возможно, ты, дорогая, обладаешь иными существенными достоинствами, способными это скрасить? Разве не таков его обычный стиль?

Он говорил не грубо, скорее поддразнивая, и заговорщически мне улыбался. Я вовсе не была оскорблена, только ошарашена подобным вниманием, словно вовсе не открыв рта уже была спасена. И тут он рассмеялся, поцеловал меня и очень умело принялся шарить по юбке.

Я забила, словно рыба, угодившая в сеть. Это было все равно, что колотиться о двери башни. Бесполезно. Он даже не заметил моих попыток. Вместо этого он вновь рассмеялся и поцеловал меня в шею.

— Не волнуйся, он не будет против, — сказал принц, словно это была единственная причина для беспокойства. — Он остается вассалом моего отца, даже если ему нравится сидеть в этой дыре и вами править.

Вряд ли он находил удовольствие в борьбе со мной. Я по-прежнему молчала, и мое сопротивление было довольно вялым, удивленным: «Неужели он, принц Марек, герой, на это способен? Неужели он в самом деле может меня желать?» — Я не кричала, не умоляла, и, думаю, ему и в голову не могло прийти, что я буду сопротивляться. Думаю, в обычном дворянском особняке в его постель уже пробралась бы какая-нибудь возжелавшая его внимания служанка, избавив его от необходимости пускаться на поиски. Если на то пошло, если бы он прямо меня спросил и дал время оправиться от удивления, то, может быть, я бы и

сама была не прочь ему ответить взаимностью. Я сопротивлялась скорее рефлексивно, чем желая ему отказать.

Конечно принц со мной справился. Тут мне стало по-настоящему страшно, и захотелось сбежать. Я задергалась в его объятьях нервными рывками со словами: — Нет, принц, пожалуйста, подождите. — И все же, он не ожидал сопротивления, а встретив его, потерял терпение.

— Тише, тише. Вот так, — удерживая мою руку вдоль тела, сказал он будто успокаивал лошадь, которую нужно было взнуздать и объездить. Мое платье было перетянато пояском с простеньким узлом. Он уже успел его развязать и задирает вверх мою юбку.

Я пыталась поправить ее обратно, оттолкнуть его, освободиться — все бесполезно. Он держал меня несколько не напрягаясь. Тут он потянулся к своим штанам, и я в отчаянии, обо всем позабыв, громко произнесла: — Vanastalem.

Из меня хлынула сила. Под его рукой словно доспехи сомкнулись китовый ус и бисер. Между нами воздвиглась стена шелестящего бархата. Он отдернул руки и отшатнулся. Пока он гладел на меня, я, вся дрожа, оперлась о стену и поежилась, переводя дыхание.

Тут он изменившимся, непонятным мне тоном, сказал: — Ты — ведьма.

Я попятилась от него, как робкое животное. У меня кружилась голова, и я не могла как следует дышать. Платье меня спасло, но оказалось удушающе тугим. Юбки были тяжелыми, волочащимися по полу, словно они специально задумывались несъемными. Вытянув в мою сторону руку, он медленно двинулся ко мне:

— Послушай... — но я не собиралась слушать. Я схватила поднос из-под еды, который все еще лежал на сундуке с одеждой, и с размаху обрушила его на голову принцу. Поднос громко звякнул, когда край утвари встретился с черепом, заставив принца пошатнуться. Я схватилась за поднос половчее обеими руками, подняла повыше и отчаянно принялась лупить им куда придется.

Когда дверь со стуком распахнулась, и в комнате с гневным видом появился Дракон в длинном неподражаемом наряде поверх его ночной рубашки, он застал меня орудующей подносом. Волшебник сделал шаг и застыл на пороге. Я тоже замерла, отдуваясь, с занесенным подносом в руке. Принц стоял передо мной на коленях. По его лбу стекали ручейки крови, образующие узор в виде лабиринта. Глаза принца были закрыты. Наконец он с грохотом рухнул к моим ногам без чувств.

Увидев это, Дракон перевел взгляд на меня:

— Идиотка! Что ты натворила?

* * *

Нам пришлось вместе втаскивать принца на мою кровать. Его лицо уже начало чернеть от кровоподтеков. Брошенный на пол поднос был жестоко помят о его череп.

— Чудесно, — осмотрев голову принца, сквозь зубы процедил Дракон. Когда он приподнял его веки, остановившийся взгляд принца казался странным и тусклым, а приподнятая рука безвольно упала на матрац и осталась торчать в сторону.

Я стояла, наблюдая, пытаюсь отдышаться в тесном корсете. Мой гнев прошел, остался только ужас. Как ни странно, прозвучит, я не столько боялась за себя, сколько переживала, чтобы принц не умер. В моей голове наполовину перемешались светлый образ героя из

легенд и напавшее на меня чудовище.

— Он не... он не...

— Если не хочешь кого-то убивать, то не стоит последовательно молотить его по голове, — рявкнул Дракон. — Спустись в лабораторию и принеси мне с полки в конце желтый эликсир в прозрачном флаконе. Смотри, не перепутай, не красный и не фиолетовый. И попытайся не разбить его, поднимаясь по лестнице, если не хочешь попробовать убедить короля, что твоя невинность ценнее жизни его сына.

Он возложил руки на голову принца и тихо начал читать заклинание, при звуках которого по моей спине побежали мурашки. Я, подхватив юбки, помчалась вниз. Буквально за пару мгновений эликсир был мною доставлен, отдувающейся от спешки и стесненности моего костюма. Дракона я обнаружила за работой. Он, не останавливаясь, продолжал зачитывать заклинание. Волшебник нетерпеливо вытянул руку, подзывая меня к себе. Я вложила в нее флакон. Одной рукой он умудрился открыть пробку и капнул немного содержимого в рот принца.

Запах был жуткий, как у протухшей рыбы. Стоя рядом, я едва справилась с тошнотой. Волшебник, не глядя, протянул флакон с пробкой обратно мне, и пришлось задержать дыхание, чтобы его закрыть. Волшебник обеими руками закрыл принцу рот. Даже без сознания, раненного передернуло, и он попробовал выплюнуть снадобье. Эликсир начал светиться у него во рту так ярко, что я могла разглядеть просвечивающие сквозь плоть контуры челюсти и зубы.

Каким-то чудом мне удалось заткнуть флакон, не опорожнив желудок, и я бросилась на помощь. Я зажала принцу нос, и спустя мгновение он наконец проглотил лекарство. Яркое свечение двинулось вниз по горлу в живот. Я могла следить за его продвижением по телу. Свет перемещался под одеждой, постепенно тускнея, по мере того, как лекарство распространялось на руки и ноги, пока наконец не погас полностью.

Дракон отпустил голову принца и умолк. Он прислонился к стене с закрытыми глазами. Таким выжатым я ни разу прежде его не видела. Я нервно подпрыгивала рядом. Наконец я выпалила: — Он будет...

— Не благодаря тебе, — ответил волшебник, но и этого было довольно. Я позволила себе осесть на кучу бежевого шелка и, облокотившись о кровать, спрятала лицо в опутанных позолоченными кружевами руках.

— Полагаю, ты собираешься разреветься, — проворчал надо мной Дракон. — Чем ты вообще думала? И если ты не собиралась его соблазнять, чего ради обрядилась в это нелепое платье?

— Оно лучше того, которое он успел с меня содрать! — выкрикнула я, подняв голову. Я вовсе не плакала. Все слезы я уже истратила, и во мне остался только гнев. — Я вовсе не выбирала, каким оно окажется...

Я умолкла, уставившись на тяжелые складки шелка, зажатые в моих руках. Дракона в тот момент рядом не было. Он не колдовал, и не произносил заклинаний.

— Что ты со мной сделал? — прошептала я. — Он сказал... назвал меня ведьмой. Ты сделал меня ведьмой.

Дракон фыркнул в ответ:

— Если бы я мог создавать ведьм, то не выбрал бы для этого безмозглую крестьянку. Я ничего с тобой не делал, кроме того, что попытался вдолбить в твой непроницаемый череп несколько простеньких заклинаний. — Он с усилием, зашипев от усталости и

пошатнувшись, поднялся с постели, но его шатало почти как меня в течение тех ужасных недель, когда он...

Когда он учил меня колдовать. Сбитая с толку и не готовая поверить, я стояла на коленях и смотрела на него снизу-вверх.

— Зачем же тогда ты меня учишь?

— Я был бы и рад оставить тебя протухать в твоей деревеньке размером с копейку, но мой выбор до боли невелик. — В ответ на мой непонимающий взгляд он поморщился: — Согласно королевскому указу всех, обладающих даром, необходимо обучать. В моем случае, было бы идиотизмом оставлять тебя сидеть на заднице будто перезревшей тыкве, пока из Чащи не явится что-то и пожрет тебя, превратив в нечто поистине жуткое.

Пока я со страхом переваривала эту мысль, он обратил свой хмурый взгляд на принца, который чуть слышно простонал и заворочался во сне. Он начал приходить в себя, поднимая свою ручищу, чтобы потереть лицо. Я в тревоге вскочила на ноги и отпрыгнула от кровати к Дракону.

— Так вот, — произнес Дракон, — заклинание «Kalikual» куда лучше, чем избиение любовника до беспамятства.

Он выжидающе поглядел на меня. Я переводила взгляд с него на медленно приходящего в чувства принца и обратно.

— Если бы я не была ведьмой, — спросила я, — то могла бы отправиться домой? Не мог бы ты избавить меня от этого?

Он промолчал. К этому моменту я уже разобралась в противоречивом, одновременно юном и старом, лице волшебника. За годы жизни на нем появились морщинки лишь в уголках глаз, единственная складка между бровей и резкие линии вокруг рта. Он двигался как молодой, и если с возрастом люди становятся слабее и добрее, то к нему это не относилось. Но на мгновение его глаза показались очень древними и странными.

— Нет, — ответил он, и я ему поверила.

Он покачал головой и показал, я обернулась и увидела, что принц все еще не в себе, моргая и не понимая, пытается встать, приподнявшись на локтях. Но пока я смотрела, при взгляде на меня в его глазах появилась искра узнавания. Он меня вспомнил. И я прошептала:

— Kalikual.

Сила хлынула из меня наружу. Сонно закрыв глаза, принц Марек обмяк на подушке. Я покачнулась и осела на пол. Нож по-прежнему лежал на полу, где я его уронила. Я подобрала его и наконец-то воспользовалась им: распорол платье и шнуровку на корсете. Платье распахнулось сбоку, но я хоть смогла вздохнуть свободно.

Мгновение я стояла с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стене. Потом посмотрела на Дракона, который отвернулся от меня, в отвращении к моей слабости. Он с досадой смотрел на принца.

— А его люди не станут интересоваться им утром? — спросила я.

— А ты думала держать принца Марека в моей башне спящим вечно? — спросил волшебник через плечо.

— Но тогда, когда он проснется... — начала я и остановилась. — А не могли бы вы заставить его забыть?

— Ну разумеется, — ответил Дракон. — Он не заподозрит ничего плохого, если проснется с жуткой головной болью и существенным провалом в памяти.

— А может... — я, покачиваясь, поднялась на ноги с ножом в руке, — может он будет

помнить что-нибудь другое? Например, что просто ушел к себе спать...

— Не будь душой, — сказал Дракон. — Ты утверждаешь, что не соблазняла его. Значит он явился сюда по своей инициативе. Когда у него появилось подобное намерение? Вряд ли сегодня вечером, когда он укладывался в свою постель. Скорее он обдумал все по дороге: теплая постель, жаркие объятия... да, полагаю, ты не при чем. Ты представила вполне убедительные доказательства, — резко оборвал он меня, когда я начала было возражать. — Все, что мы знаем, он собирался это сделать еще до того, как появился. Расчетливое оскорбление.

Я вспомнила слова принца про «обычный стиль», словно он все обдумал заранее и все спланировал.

— Чтобы вас оскорбить?

— Он думал, я выбираю женщин, чтобы принуждать их спать с мной, — ответил Дракон. — Так поступает большинство придворных, или поступили бы, будь у них шанс. Значит, я полагаю, он собирался наставить мне рога. И потом, я уверен, с удовольствием стал бы рассказывать об этом при дворе. Магнаты часто тратят время на подобную чепуху.

Он говорил с презрением, но, когда он ворвался ко мне, был безусловно серьезно взбешен.

— А зачем ему вас оскорблять? — робко уточнила я. — Разве он не приехал просить вас... помочь ему волшебством?

— Нет, он приехал полюбоваться видом на Чащу. Разумеется, он приехал ради волшебства, и я послал его куда подальше, заниматься своим делом. Например, порубить в капусту вражеских рыцарей, а не соваться в вопросы, в которых он ни черта не смыслит, — он фыркнул. — А то он уже начал верить собственным трубадурам. Решил попытаться вернуть королеву.

— Но королева мертва, — удивилась я. Ведь из-за этого и начались войны. Почти двадцать лет тому назад наследный принц России Василий прибыл к нам с посольством в Польню. Он влюбился в королеву Анну, и они решили сбежать. А когда королевские солдаты стали их настигать, они скрылись в Чаще.

Таков был конец истории. Никто из тех, кто ушел в Чащу никогда не возвращался. По крайней мере прежним и невредимым. Порой они появляются ослепшие и воюющие, порой появляются измененными и настолько обезображенными, что их трудно узнать. Но хуже всего, когда они возвращаются с теми же лицами, но абсолютно мертвыми и с чем-то исключительно неправильным внутри.

Королева с принцем Василием так и не появились. Наш король обвинил наследника России в соблазнении своей супруги, а король России обвинил нашего короля в гибели своего наследника, и с тех самых пор между нами и ими идет война, прерываемая случайными затишьями и краткими перемириями.

В долине, слыша эту историю, мы лишь качали головой. Все до одного были согласны, что это с самого начала были проделки Чащи. Чтобы королева, да еще с двумя младенцами на руках, решилась сбежать? Развязать войну с супругом? Да их собственная помолвка прогремела на весь свет. Об этом сложили десяток песен. Моя матушка пела мне как-то одну из них, ту часть, что запомнила. Странствующие исполнители их больше не исполняют.

За этим точно стоит Чаща. Возможно кто-то отравил этих двоих водой, взятой из реки там, где она втекает в Чащу. Или какой-нибудь придворный, путешествовавший через перевал в Россию, случайно переночевал под темными кронами на краю Чащи и вернулся ко

двору с чем-то внутри. Мы знали, что это Чаща, но это ничего не меняло. Королева Анна пропала, она сбежала с принцем Росии, мы находимся в состоянии войны, а Чаща, питаюсь их гибелью, а также последовавшими за этим смертями, с каждым годом продвигается чуть дальше вглубь обеих королевств.

— Нет, — ответил Дракон. — Она не мертва. Она до сих пор в Чаще.

Я устала на него. Он объявил об этом как о само собой разумеющемся деле, хотя никогда прежде я не слышала ни о чем подобном. Но я настолько боялась Чащу, что поверила: находиться двадцать лет в плену в Чаще, в каком-то смысле в пожизненном заточении — вещь, из разряда на что Чаща может быть способна.

Дракон пожал плечами и махнул рукой в сторону принца.

— Ничто на свете не способно ей помочь, а войдя внутрь, он может спровоцировать нечто худшее. Но он не желает об этом слышать. — Волшебник фыркнул: — Он считает, раз убил день назад вылупившуюся гидру, сразу стал героем.

Ни в одной из песен не говорилось о том, что вандалусской гидре был день отроду. Это несколько портило весь сюжет.

— В любом случае, — продолжил волшебник, — думаю, он чувствует себя обиженным. Лорды с королями в целом ненавидят волшебство, и с той же страстью жаждут им обладать. Да. Возможно это своего рода мелочная месть.

Я с легкостью ему поверила и уловила его мысль, почувствовав приступ негодования, вообразив на моем месте Касю, которую не могло спасти нежеланное волшебство. Если принц собирался развлечься с компаньонкой Дракона, кто бы она ни была, тогда он не мог просто отправиться спать. Такое воспоминание все равно, что неправильный фрагмент мозаики, никак не сможет угнездиться в его голове.

— Однако, — добавил Дракон снисходительным тоном, словно я была щенком, который умудрился не сжевать его ботинки, — это не такая уж плохая идея. Я смогу подправить его память в нужном направлении.

Он поднял руку, и я озадаченно спросила:

— В нужном?

— Я подарю ему воспоминание о твоей благосклонности, — пояснил он. — Украшенную подходящим энтузиазмом с твоей стороны и удовольствием сделать из меня дурака. Думаю, он с радостью это проглотит.

— Что? Вы убедите его, что... нет! Он же станет... он станет...

— Хочешь сказать, что переживаешь о том, что он о тебе подумает? — подняв бровь, уточнил волшебник.

— Если он будет думать, что я с ним переспала, то что остановит его от... желания повторить это снова?

Дракон утешительно помахал рукой:

— Пусть это будут неприятные воспоминания: острые коленки, визгливые девичьи смешки и быстрый финал. Или у тебя есть предложение получше? — едко уточнил он. — Может пусть он проснется, вспомнив, как ты чуть его не убила?

Так что следующим утром я имела очень неприятное удовольствие наблюдать, как принц Марек, задержавшись у входа в Башню, отпускает в мое окно веселый и нескромный воздушный поцелуй. Я следила только за тем, чтобы убедиться в том, что он действительно уезжает. Мне потребовались все силы, чтобы сдержаться и не сбросить ему что-нибудь на голову — и я имею в виду отнюдь не знак своей привязанности.

Но Дракон был полностью прав со своими предостережениями. Даже с учетом тех приятных воспоминаний, что были добавлены в его голову, он несколько неуверенно замер, нахмурившись, на подножке своего экипажа и обернулся ко мне, словно что-то его тревожило. Наконец он пригнулся и позволил себя увезти. Я не отходила от окна, наблюдая, как вдоль дороги продвигается облако пыли, пока кортеж по-настоящему скрылся за холмами, и только после этого почувствовала себя в безопасности. Совершенно абсурдное чувство для того, кто заперт в волшебной башне с темным волшебником и чувствует зуд волшебства под собственной кожей.

Я натянула на себя зеленовато-рыжее платье и медленно спустилась в библиотеку. Дракон сидел в своем кресле перед открытой книгой. Услышав меня, он посмотрел на меня.

— Что ж, ладно, — сказал он с кислым как обычно видом. — Сегодня мы попробуем...

— Пойдите, — вмешалась я, и он умолк. — Не могли бы вы сказать, как мне сделать что-то, что я бы смогла носить?

— Если ты до сих пор не научилась пользоваться заклинанием «vanastalem», то я вряд ли смогу тебе помочь, — рявкнул он. — На самом деле я начинаю думать, не умственно ли ты отсталая.

— Нет! Мне не нужно... такое заклинание, — ответила я быстро, избегая называть заклинание. — В этих платьях я не могу даже пошевелиться. Ни развязать их самостоятельно, ни убираться в них...

— Почему ты просто не используешь очищающее заклинание? — удивился он. — Я же научил тебя как минимум пяти.

Я как следует постаралась их забыть.

— Куда менее утомительнее для меня чуток поскрести!

— Да, вижу, ты способна поколебать и небесный свод, — желчно отметил он. Но он не мог меня уязвить. Любое волшебство было одинаково плохо. Я не собиралась становиться ни великой, ни могущественной ведьмой. — Какое странное ты существо. Разве каждая крестьянская девочка не мечтает о принцах и нарядах? Ладно, тогда попробуй его сократить.

— Чего?

— Опusti часть слова, — пояснил он. — произнеси слитно или невнятно. Что-нибудь в подобном роде.

— Что, любую часть? — с сомнением спросила я, но попробовала: — Vanalem?

Короткая версия заклинания вышла лучше: показалась меньше и дружелюбнее, хотя, наверное, это было лишь мое воображение. Платье вздрогнуло и юбки закружились вокруг меня, превращаясь в чудесный летник из некрашеного льна длиной до колена, а поверх появилось простенькое коричневое платье с зеленым пояском для аккуратности. Я с удовольствием вздохнула полной грудью: никакой дополнительной тяжести на плечах, ни тугих корсетов, ни бесконечного шлейфа. Все просто, удобно и легко. И даже от волшебства мне не стало дурно. Я вовсе не почувствовала усталости.

— Если ты, наконец, удовлетворена своим видом, — саркастично произнес Дракон, и в его вытянутую руку прилетела призванная им книга с полки, — тогда мы начнем со словообразования.

Как бы ни было мне противно волшебство, я была рада перестать вечно бояться. Но я не стала примерной ученицей. Если я не забывала сразу же каждое заклинание, которому он меня учил, то нещадно коверкала слова. Я шепелявила, глотала буквы и слепляла их вместе, так что вместо заклинания, которое помогало аккуратно внести с десятков ингредиентов в пирог... превратились в плотную массу чего-то, что невозможно было даже спасти мне на ужин.

— Уверен, что не учил тебя делать растворы, — едко сказал по этому поводу Дракон. Другое, которое должно было всего лишь поправить направление света в библиотеке, где мы работали, казалось вовсе не сработало... пока мы не услышали отдаленное странное потрескивание. Когда мы вбежали наверх, из очага в гостевых покоях прямо над нами рвалось наружу зеленое пламя, которое уже успело перебраться на полог над кроватью.

Когда ему наконец удалось справиться с упрямым ярким пламенем, он кричал на меня десять минут подряд, называя безмозглым овцеголовым отродьем свинопаса.

— Мой отец дровосек, — поправила его я.

— Тогда, отродье дубины стоеросовой! — рявкнул он.

И все равно, я больше не боялась. Он всего лишь накричался до изнеможения и выгнал меня прочь. Я поняла, что он лает, но не кусается.

Мне было почти жаль, что я не могу учиться лучше. Теперь я хорошо понимала, что его разочарование исходило от любви к красоте и совершенству. Ему не нужны были ученики, но, тем не менее, когда ему на голову свалилась я, он взялся обучить меня своему искусству, и сделать из меня умелую и могущественную ведьму. Я видела, что он любит свое дело: по тому какие он показывал мне примеры высокого мастерства, как изящно переплетал жесты рук и тянул слова, словно напевал песню. Его глаза горели и поблескивали в отсветах заклинаний, лицо становилось почти красивым от внутреннего света. Он любил свое волшебство, и хотел разделить свою любовь со мной.

Я же была счастлива отбубнить свой урок, состоящий из пары легких заклятий, выслушать неизбежную лекцию, и радостно сбежать в подвал, чтобы вручную нарезать лук. Это бесило его до крайности, и не без основания. Я знала, что поступаю глупо. Просто я не привыкла думать о себе, как о ком-то важном. Мне всегда удавалось собрать больше всех ягод, орехов и грибов, даже если клочок леса до того уже был обшарен с полдюжины раз. Я умела отыскивать поздние растения осенью и самые ранние всходы весной. Как любила повторять моя матушка: все, что позволит мне испачкаться как можно сильнее. Копать ли для этого землю, карабкаться на деревья или продирааться сквозь дебри — я неизменно возвращалась с полной корзиной, которой искупала свои грехи, меняя вопли об уничтоженном платье на терпеливые вздохи.

Но на этом, на мой взгляд, мои таланты и заканчивались. Я всегда считала, что никого, кроме моей семьи это не касалось. Даже сейчас до меня не дошло, как еще можно было бы использовать волшебство, кроме дурацких нарядов и отлынивания от легкой домашней работы, которую и так можно быстро закончить самостоятельно. Мне не было дело ни до своего слабого продвижения, ни до того, как это его изводило. Я можно даже сказать, начала жить в удовольствие, пока не прошло некоторое время, и не наступила середина зимы.

В окно мне было видно, как на каждой деревенской площади засветились новогодние

елки. На всем протяжении к Чаше сквозь темную долину словно расселись крохотные яркие светлячки. У нас дома матушка запекает огромный окорок с салом, которое капает на подставленный внизу противень с картошкой. Отец с братьями разносят огромные, рассчитанные на все праздники, вязанки дров по домам, покрытые сверху для свежести свежесрубленным сосновым лапником. Для нашей деревни они наверняка выбрали высокую, стройную и самую пышную ель.

По соседству с нами Венса печет каштаны, и запекает для праздничного стола шмат нежной говядины с сушеными сливами и морковкой. А Кася... и Кася, конечно же, здесь. Наверняка готовит на деревянном вертеле шакотис, поливая слой за слоем тестом, чтобы образовались похожие на сосновую шишку рожки. Она научилась его печь, когда нам было по двенадцать лет. Венсе пришлось отдать женщине из Смольника свою кружевную подвенечную фату, длина которой была в два раза выше ее роста, в обмен научив Касю его готовить. Чтобы та могла готовить шакотис для лорда.

Я старалась радоваться за нее, и в основном жалела себя. Тяжело быть запертой одной в неприветливой и холодной высокой светелке. Дракон не отмечал этот праздник. Насколько я могла судить, он вообще не имел представления, что сегодня за день. Я сходила в библиотеку как обычно, пробубнила очередное заклинание, он немного на меня покричал и отпустил.

Пытаясь скрасить свое одиночество, я спустилась в кухню и приготовила для себя небольшой праздничный ужин: кашу с ветчиной и тушеными яблоками. Но когда я выложила все на тарелку, это все равно показалось обыденным и простым, так что я впервые использовала для себя заклинание «lirintalem», слегка пострадав ради чувства праздника. Воздух дрогнул и внезапно передо мной появилось блюдо жареной свинины: горячей, розовой, истекающей соком; моя любимая пшенная каша, густо приправленная маслом, присыпанная по центру поджаренными хрустящими хлебными крошками; горсть свежего горошка, которого никто из моих знакомых не отведал до следующего года, и тейглах, который мне довелось попробовать всего лишь раз в жизни за столом нашей старшей женщины. В тот год нашей семье выпал жребий быть ее гостями на празднике урожая. Засахаренные фрукты с комочками обжаренного до золотисто-коричневого цвета сладкого теста, мелкий и светлый фундук, и все это пропитано блестящим и прозрачным медовым сиропом.

Но новогодний пир не получался. Не было нетерпеливого посасывания в животе от целого дня безостановочной готовки впроголодь и общей уборки. Не было радостного шума семейного застолья, смеха и обмена тарелками с угощением. Вид моего скромного праздничного ужина только усилил чувство одиночества. Я размышляла о матушке, которой пришлось готовить одной, без помощи даже моих неловких рук, и я, бросив нетронутый ужин на столе, спрятала защипавшие глаза в подушку.

Даже два дня спустя мои глаза были опухшими и заплаканными, и у меня все валилось из рук сильнее обычного. В этот самый момент под перестук копыт в Башню прибыл гонец, заколотивший в огромные двери. Дракон отложил книгу, по которой пытался меня учить, и спустился вниз. Двери сами-собой распахнулись, и посланец едва не ввалился внутрь. На нем было темно-желтое сюрко барона Желтых болот. Лицо гонца было в потеках от пота. Он приклонил колено, отдуваясь и бледнея, но не стал дожидаться разрешения, чтобы заговорить:

— Мой повелитель барон умоляет вас немедленно прибыть, — произнес он. — У нас

появилась химера. Пришла с горного перевала...

— Что? — резко спросил Дракон. — Для них не сезон. Поточнее, что это за чудовище? Не мог какой-нибудь идиот назвать виверну химерой, а остальные начал повторять...

Гонец принялся качать головой словно маятником на веревочке:

— Змеиный хвост, крылья летучей мыши, козлиная голова... Я сам ее видел, лорд Дракон. Именно поэтому мой повелитель и отправил меня к вам...

Дракон раздраженно вполголоса зашипел: как какая-то химера посмела отвлечь его, явившись не в свое время. Мне, например, было непонятно, почему у химер должно быть определенное время. Разве они не волшебные создания, и они не могут делать все, что им вздумается?

— Постарайся не быть полной дурой, — сказал волшебник, пока я трусила за ним по пятам обратно в лабораторию. Он открыл ящичек и приказал мне собрать для него разные флаконы. Я выполнила это поручение без энтузиазма и очень осторожно.

— Химеры — порождение извращенного волшебства, но это не означает, что они перестают быть живыми существами, со своими природными особенностями. В основном они порождаются змеями, поскольку вылупляются из яиц. Они хладнокровные, и проводят всю зиму в спячке, или как можно больше отлеживаясь на солнце. Они вылетают только летом.

— Так почему же эта объявилась сейчас? — стараясь следовать его рассуждениям, спросила я.

— Скорее всего, это нечто иное, а тот запыхавшийся деревенщина внизу просто испугался собственной тени, — ответил Дракон, но на мой взгляд «запыхавшийся деревенщина» вовсе не показался дураком или трусом, и кажется сам волшебник не слишком верил собственному объяснению. — Нет, не этот красный, идиотка! Это пекло. Химера, если представится, может пить его галлонами и ее следующий выводок превратится в настоящих драконов. Красно-фиолетовый, тот, что на два дальше. — Оба этих флакона на мой взгляд были красно-фиолетовыми, но я быстро поменяла пузырьки местами и подала тот, что он хотел. — Ладно, — сказал он, закрывая ящичек. — Ничего не читай, и, если можешь, ни к чему не прикасайся в моей комнате, а также постарайся до моего возвращения не превратить это место в груды камней.

Только сейчас я поняла, что он оставляет меня совсем одну. Я в отчаянии уставилась на него:

— Что мне тут одной делать? А не могу я... отправиться с вами? На долго это?

— На неделю, месяц или навсегда, если меня будут отвлекать всякими особенно неловкими поступками, и позволю химере порвать себя на кусочки, — рявкнул он в ответ: — что подразумевает «нет, нельзя». А ты, насколько это возможно, не делай абсолютно ничего.

Он выбежал прочь, а я помчалась в библиотеку и уставилась в окно. Двери закрылись за волшебником, едва он сошел по ступеням. Гонец уже был на ногах.

— Я заберу твою лошадь, — услышала я Дракона. — Ступай в Ольшанку, я оставлю ее там и возьму свежую. — Тут он запрыгнул в седло и властно двинув рукой, прошептал какие-то слова. Перед ним в сугробе возникло небольшое пламя, которое покатилося, словно шар, впереди, растапливая до земли снег по середине дороги. Он тут же поскакал рысью следом, несмотря на то, что лошадь от страха прижала уши. Я решила, что заклинание, которое перенесло его в Дверник и назад не работает на таком большом расстоянии, или он может

пользоваться им только на своей территории.

Я простояла в библиотеке, пока он не исчез из вида. Его общество никогда не казалось мне приятным, и все же с его отъездом башня резко опустела. Я хотела было отпраздновать его отбытие как настоящий праздник, но не была для этого по-настоящему уставшей. Я немного повышивала свое одеяло, а потом просто села у окна, таращась на долину: на поля, деревни и любимый мною лес. Следила, как стада коров и овец ведут на водопой, как по дороге проезжают одинокие сани или случайный всадник, а в прочее время, как снег гонит поземку. Наконец я задремала, прислонившись к раме. Проснулась я внезапно в темноте и увидела цепочку горящих почти во всей долине огней.

Я сонно уставилась на них. Какое-то мгновение я думала, что это вновь зажгли новогодние огни. До того я всего лишь три раза в жизни видела, как загорается сигнальный огонь: Зеленым летом, один раз из-за снежных кобылиц, которые появились из Чащи, когда мне было девять, и еще один раз, когда плетущаяся лиана за одну ночь оплела четыре дома на окраине. Это было летом, когда мне исполнилось четырнадцать. Каждый раз Дракон приходил на зов, отбивал нападение Чащи и уходил.

В нарастающей панике я отсчитала огоньки, чтобы понять, откуда исходит тревога, и застыла от страха: их было ровно девять в ряд вдоль Веретяницы. Девятым по счету был Дверник. Помощь требовалась именно моей деревне. Я стояла, пялясь на огни, и тут до меня дошло, что Дракон уехал. Сейчас он должен был уже успеть добраться до перевала, направляясь в Желтые болота. Он не увидит огней, и даже, когда кто-нибудь передаст ему известие, прежде всего ему придется расправиться с химерой... на что, по его словам, уйдет неделя... и нет никого, кто мог бы помочь...

Именно в это мгновение я поняла, какой была душой. Я не думала о волшебстве, о своем волшебстве, как о чем-то полезном до этого-самого момента, когда осознала, что кроме меня никого нет. Все, что во мне есть, как бы мало этого ни было, худого и нескладного, недоученного, было куда больше, чем есть у всех в нашей деревне. Им нужна помощь, и я единственная могу им помочь.

Пережив это цепенящее мгновение, я повернулась и бросилась в лабораторию. Превративший меня в камень серый флакончик я взяла с замиранием сердца. К нему я прихватила пекло, и еще эликсир, который Дракон использовал для спасения жизни принца. А так же один зеленый, про который он упомянул, что он для выращивания растений. Я не имела ни малейшего понятия, какую они могут принести пользу, но, по крайней мере, я знала, как они работают. Про другие я ничего не знала, даже как их звать, так что постаралась до них не дотрагиваться.

Я притащила флаконы к себе в комнату и лихорадочно принялась рвать остатки платьев на ленты, связывая их узлами в веревку. Когда на мой взгляд она получилась достаточной длины, я выбросила ее за окно и перегнулась. Было темно, внизу не было света, чтобы понять, хватило ли веревки до земли или нет, а у меня не было иного выхода, кроме как проверить на себе.

Еще раньше, среди других своих вышивальных проектов, я сшила пару сумок из платьев, поэтому я сложила флаконы в одну из них. Хорошенько присыпала их обрезками ткани, и перекинула сумку через плечо. Я старалась не думать о том, чем я занимаюсь. В горле засел комок, но я схватилась за веревку обеими руками и перегнулась через подоконник.

Я лазила по старым деревьям. Особенно я любила могучие дубы — на них можно было забраться всего лишь с куском веревки, перекинув ее через сук. Это был не наш случай.

Камни, из которой была сложена башня, были очень гладкими, и даже щели между ними были узкими и залеплены раствором до самых краев, так что он не потрескался, и не осыпался со временем. Я сбросила обувь на землю, но даже босые ноги скользили по поверхности. Весь мой вес приходился на шелковую веревку, плечи стонали от напряжения, а мои ладони намокли от пота. Я скользила и сползала вниз, а время от времени просто висела мешком. Сумка на моем плече раскачивалась из стороны в сторону и тянула вниз, пузырьки позвякивали внутри. Я продолжала спускаться, потому что ничего другого мне не оставалось. Подняться наверх будет труднее. Я уже начала размышлять, не отпустить ли руки, что подсказало мне, что силы на исходе. Я уже наполовину уговорила себя, что в падении нет ничего дурного, как больно ушибла ногу о замерзшую землю, спрятавшуюся под шапкой неглубокого снега у самой стены башни. Я вытащила свою обувь из сугроба и помчалась по расчищенной Драконом дороге в Ольшанку.

Когда я возникла у них на пороге, они сперва не знали, как со мной поступить. Я ввалилась, пошатываясь, в таверну одновременно промокая от пота и продрогшая до костей. Волосы сползли с головы и застыли клочками у лица, там, где их касался пар от моего дыхания. Я не знала никого из присутствующих, но все же узнала мэра, хотя ни разу с ним не разговаривала. Они бы приняли меня за сумасшедшую, но тут же оказался Борис — отец моей одногодки Марты — который присутствовал на смотринах.

— Это драконова девица. Дочь Андрея.

Никто из избранниц еще ни разу не покидал Башню раньше десятилетнего срока. В отчаянии от сигнальных костров, я было решила, что они скорее кинутся бороться с тем, что подкинула Чаша, чем с тем, что на их голову навлекла я: одновременном очевидная проблема в моем лице и весьма сомнительная помощница.

Я объяснила, что Дракон отбыл в Желтые болота, и что мне нужен кто-то доставить меня в Дверник. Они без всякого удовольствия поверили в первое, и я быстро поняла, что они не горят ни малейшим желанием выполнять второе, сколько бы я не твердила о своих уроках волшебства.

— Ты отправишься ко мне и там заночуешь под присмотром моей супруги, — отворачиваясь, объявил мэр. — Данушек, отправляйся в Дверник. Нужно дать знать, что им придется продержаться, пока мы не соберем необходимую подмогу. А пока отправим гонца в горы...

— Не стану я отсиживаться в вашем доме! — ответила я. — Если не хотите меня везти, я уйду пешком. И уж точно окажусь там раньше вашей помощи!

— Довольно! — рыкнул на меня мэр. — Послушай-ка, глупая девчонка...

Разумеется, они боялись. Они считали, что я сбежала и попытаюсь спрятаться дома. Поэтому они не хотели слышать мои мольбы о помощи. Полагаю, больше оттого, что чувствовали стыд за то, что отдали меня Дракону. Они знали, что это неправильно, но все равно поступили так, потому что у них не было выбора, но все же ситуация была не настолько ужасна, чтобы бунтовать по этому поводу.

Я глубоко вздохнула и снова использовала свое тайное оружие «vanastalem». Думаю, Дракон бы мною остался доволен: я выговорила все звуки до единого с остротой только что отточенного лезвия. Когда вокруг меня закружился поток волшебства такой яркий, что померк огонь в камине, они прыснули от меня в стороны. Когда он рассеялся я стояла, став на дюйм выше ростом и обретя величественный вид как королева в трауре: на каблуках придворных туфель и в летнике из черного бархата, отороченного черными кружевами, и

расшитом мелким черным жемчугом, оттенявшим мою кожу, не видевшую полгода солнечного света. Длинные рукава были перехвачены золотыми лентами. И в завершение всего, еще более впечатляющая деталь: поверх была накинута яркая шубка с черным мехом, подбитая красно-золотым шелком, перехваченная на груди золоченым пояском. Мои волосы были убраны под золотую сеточку с крохотными драгоценными камнями.

— Я не глупая, и не лгунья, — сказала я. — И даже если я не могу сделать ничего толкового, то по крайней мере, сделаю что-то. Дайте мне коней!

Сильно помогло то, что никто из них не знал, что это всего лишь простенькое заклинание, и не видел волшебства вблизи. Я не стала их просвещать. Они впрягли четверку лошадей в самые легкие санки и отправили меня в моем дурацком, зато теплом, наряде вниз по замерзшей реке. Это была быстрая поездка и довольно неприятная. Ты буквально паришь, не смея вздохнуть надо льдом. Но и не настолько быстрая и неприятная, чтобы не думать о том, насколько слабый у меня шанс чем — то помочь, а не бес толку погибнуть.

Борис сам вызвался меня отвезти. Тоже из чувства вины своего рода, что я поняла без лишних слов. Да, выбрали меня, а не его дочку. Теперь она сидит в безопасности дома, строит кому-нибудь глазки или уже сосватана замуж. А меня всего — то не видели четыре месяца, и вот меня уже не узнать.

— Не знаете, что случилось в Двернике? — поинтересовалась я у него, кутаясь под толстым слоем покрывал.

— Нет, еще не слышал, — ответил он через плечо. — Сигнальные огни только — только загорелись. Гонец должно быть еще в пути, если только... — он умолк. Если еще было кого послать, вот, что он имел в виду. — Думаю, мы встретим его на полпути, — вместо этого добавил он.

Летом в запряженном тяжеловозами отцовском фургоне путь из Дверника в Ольшанку, с остановкой посередине, занимал почти весь день. Но зимой обычная дорога покрывалась смерзшимся почти как камень сугробом по колесо, припорошенным сверху тонким снежком. Сегодня была ясно, и лошади были подкованы по — зимнему. Мы летели сквозь ночь, и за пару часов до рассвета почти на ходу сменили лошадей в Вёсне. Я даже не выходила из саней. Никто не задавал лишних вопросов. Борис лишь упомянул: «Мы спешим в Дверник», и все только поглядывали на меня с любопытством и интересом, но без малейшего подозрения и я точно осталась никем не узнанной. Пока запрягли свежих лошадей, ко мне, кутаясь в теплый плащ, подошла жена владельца конюшни со свежееиспеченным пирогом и кубком согретого вина: — Позвольте для согрева рук вас угостить, миледи.

Я неловко поблагодарила, чувствуя себя не то самозванкой, не то воровкой. Но я не позволила этим чувствам помешать мне умять пирог в несколько укусов, запив вдогонку вином, поскольку не знала, что с этим делать, не оскорбив женщину.

От вина голова стала легкой и чуть закружилась. Мир потерял четкость, стал теплым и уютным. Поскольку мои переживания улеглись, значит я точно выпила лишнего. Но все равно, я была им за это благодарна. Со свежими лошадьми Борис поехал быстрее, и всего через час в лучах утреннего солнца мы заметили вдаль фигуру бредущего по дороге человека. Когда мы подъехали ближе, это оказалась Кася в мужской одежде и тяжелых сапогах. Мы единственные ехали в Дверник, и она двигалась прямо на нас.

Отдуваясь, она взобралась в сани, и, опустив любезности, мгновенно начала рассказывать:

— Оно в корове. Оно проникает в коров, и, если удастся укусить человека, забирает его тоже. Нам почти удалось их запереть. Пока мы их сдерживаем, но на этом заняты все до единого человека... — тут я выбралась из — под груды покрывал и прикоснулась к ней.

— Кася, — прерывистым голосом, произнесла я. Она посмотрела на меня, и мы долгое

мгновение молча смотрели друг на друга. Потом я сказала: — Быстрее, залезай ко мне. Я все расскажу по дороге.

Она забралась внутрь и села рядом, укрывшись покрывалами. Мы выглядели забавной парой — она в грязном домотканом мужском наряде свинопаса и в толстом овечьем тулупчике, спрятав длинные волосы под шапкой, и я в своей роскоши. Словно фея — крестная, явившаяся к перепачканной в золе Машеньке. Но наши руки честнее всего остального между нами были сцеплены крепко — накрепко. Так под шорох полозьев я сбивчиво и отрывочной рассказала ей мою историю: про самые первые и ужасные дни, про длинные обморочные недели, когда Дракон только начинал учить меня колдовать, и про последующие занятия.

Кася слушала, не выпуская мою руку, и когда я, наконец, сказала ей, что могу колдовать, ответила, заставив меня охнуть:

— Я давно это подозревала, — и добавила: — С тобой постоянно творились странные вещи. То пойдешь в лес не в сезон и вернешься с полной корзиной ягод, то соберешь букет цветов, которых никто прежде не встречал. Когда мы были малявками, ты часто рассказывала мне сказки про то, как с тобой разговаривают сосны, пока однажды твой брат не высмеял тебя за выдумки. Тогда ты перестала. А как пачкается твоя одежда... ты бы сама ни за что, даже специально, не смогла бы так испачкаться. Я точно знаю, что не специально. Я видела как — то, как ветка потянулась к тебе и зацепила твою юбку. Правда, просто протянулась и...

Я, ахнув, отпрянула, и она умолкла. Мне не хотелось слышать ничего подобного. Не хотела, чтобы мне рассказывали, что волшебство было во мне давным — давно и неизбежно.

— Если это так, в нем нет для меня ничего хорошего, кроме постоянного беспорядка, — стараясь говорить беззаботно, ответила я Касе. — Я и отправилась лишь потому, что Дракон уехал. А теперь, давай рассказывай, что случилось?

И Кася рассказала: все коровы заболели за одну ночь. На самых первых видели следы, словно их покусал какой — то огромный волк, хотя за всю зиму никто не видел поблизости никаких волков.

— Это были Иржины коровы. И он пожалел сразу же их забить, — мрачно добавила Кася. Я кивнула.

Иржи отлично знал, что, едва заметив укусы, тут же должен был отделить коров от стада и перерезать им глотки. Ни один нормальный волк так себя не ведет. Но Иржи был беден. У него не было своей земли, он ничем не торговал, и все его богатство было в этих коровах. Его жена неоднократно приходила к нам просить муки, и всякий раз, как я возвращалась с богатой добычей из леса, матушка, делясь, чем можно, отправляла меня к ним в дом. Иржи много лет во всем себе отказывал, чтобы скопить немного денег на третью корову, что означало для него вырваться из нужды. И два года назад ему это удалось. На праздник урожая оба явились с гордостью в обновках: Кристина, его жена, в красном платке с бахромой, а сам Иржи в красной жилетке. Они сейчас ждали ребенка, потеряв перед этим еще до крестин четверых младенцев. Так, что у Иржи не поднялась бы рука расправиться с коровами.

— Они покусали и других коров, и его самого, — продолжила Кася. — Теперь, Нешка, все стадо заболело и стало настолько опасным, что страшно находиться рядом. Что ты задумала?

Быть может Дракону было известно средство исцелить стадо. Но мне нет.

— Придется их сжечь, — ответила я. — Надеюсь, он потом все уладит, но я не могу придумать ничего другого. — Но, если сказать честно, помимо ужаса и чувства утраты, я была неизмеримо рада. По крайней мере, на нас не напало никакое огнедышащее чудовище или неизвестный мор, с которым я бы не знала, что делать. Я вынула флакон с пеклом и показала Касе.

Когда мы прибыли в Дверник, со мной не стали спорить. Наша старейшая женщина Данка, как и люди в Ольшанке, и сама Кася, была удивлена, увидев меня, выбирающуюся из саней, но у нее были заботы покрупнее.

Все здоровые мужчины до единого, а также женщины покрепче, несмотря на озябшие руки и лед под ногами, с помощью вилок и зажженных факелов посменно сдерживали запертых в загоне бедных пострадавших животных. Остальные жители старались уберечь их от обморожения и голодной смерти. Это была гонка на истощение, и наша деревня терпела поражение. Они уже пытались развести огонь и сжечь стадо, но было слишком холодно. Дрова никак не хотели разгораться, и коровы быстро разбивали сложенные поленицы. Едва я рассказала Данке, что у меня есть, как она кивнула и отправила всех, кто не был занят, обкопать загон, чтобы создать преграду огню.

Потом она повернулась ко мне:

— Нужно, чтобы твой отец и братья привезли больше дров, — без обиняков сказала она. — Они отдыхают дома после ночной вахты. Я бы могла послать за ними, но когда тебе придется вернуться в Башню, будет хуже и тебе и им. Пойдешь?

Я нервно сглотнула. Она конечно права, но и я не могла ничего ответить, кроме «да, пойду». Кася по —прежнему не отпускала меня, и мы вместе побежали через всю деревню ко мне домой.

— Зайди ты первой, — предложила я, — подготовь их, ладно?

Поэтому, когда я вошла внутрь, я застала матушку уже плачущей. Она не заметила моего платья, увидев лишь меня. Мы так и сидели, обнявшись, прямо на полу в море бархата, пока отец с братьями, потягиваясь, выбирались к нам, ничего не понимая спросонья. Наши слезы не унялись даже когда мы сказали друг другу, что некогда реветь, и я сквозь слезы передала отцу, что мы собрались предпринять. Мои родные отправились на конюшню запрягать лошадей, с которыми, по счастью, ничего не случилось. Я воспользовалась случаем и еще посидела за кухонным столом с матушкой. Она плакала, не переставая гладить меня по голове.

— Мамочка, он меня не тронул, — сказала я ей, умолчав о принце Марике. — Он хороший.

Она ничего не ответила, только снова меня погладила.

В избу заглянул отец, сказав, что они готовы, и мне пора.

— Подожди, — сказала матушка и исчезла в опочивальне. Она появилась оттуда с узлом, в который были завязаны мои платья и другие вещи. — Я хотела весной передать их кому-нибудь из Ольшанки, чтобы они доставили их в Башню тебе вместе с праздничными дарами, — объяснила она. — Она снова поцеловала меня, и чуть дольше обычного задержала в объятьях. Было больно. Куда больнее прежнего.

Отец заворачивал в каждый дом, и мои братья собирали все дрова из полениц до последней щепки и грузили в сани, в которые были вставлены высокие слезы, чтобы груз не высыпался. Когда сани наполнились, мы отправились к стойлу, и я наконец впервые увидела бедных животных.

Они больше не были похожи на коров. Их тела раздулись и изменили форму. Рога выросли, став большими, тяжелыми и кривыми. Там и здесь из их тел торчали стрелы, и даже несколько глубоко засевших копий, казавшихся жуткими шипами. То, что являлось из Чащи порой трудно было убить, не отрубив головы или не испепелив огнем. От ран они только больше зверели. У многих животных передние копыта и грудь почернели от копоти потушенных ими ранее костров. Животные сгрудились у деревянной изгороди, бодаясь своими чудовищными рогами и мыча странно обычными голосами. Их сдерживали жители, стараясь оттеснить их назад, выставляя против них колючий лес из вил, копий и заостренных кольев.

Большая часть женщин была занята обдиранием сухой травы с земли рядом с загоном, вокруг которого в основном уже очистили от снега. Работой управляла лично Данка. Она показала моему отцу, куда подвести сани. Приблизившись к стойлу, наши лошади нервно заржали, почуяв в воздухе скверну.

— Мы управимся до полудня, — сказала старшая. — Тут сложим дрова вперемешку с сеном, а потом зажжем веществом факелы и бросим туда. Постарайся потратить немного, на случай, если придется попробовать еще раз, — добавила она, и я согласилась.

Проснувшиеся приходили нам на подмогу в нашем последнем рывке. Все до единого знали, что, когда мы зажжем огонь, животные попробуют вырваться и нас затоптать. Поэтому все, кто мог держать в руках копьё, присоединились к оцеплению. Остальные начали носить в стойло охапки сена, раздирая связывавшие их веревки, чтобы кинутые вязанки рассыпались шире. Мои братья перекидывали внутрь поленья. Я с пузырьком в руке нервно ждала рядом с Данкой, чувствуя, как в ладони нетерпеливо бурлит и ждет волшебное пламя, пульсируя словно, знает, что скоро придет его час. Наконец Данку удовлетворили приготовления, и мне протянули первый факел для поджога: длинную сухую палку с расщелиной посередине, в которую вставили сено и обмотали вокруг тряпками.

Как только я сломала печать на флаконе, пекло попыталось взречь и вырваться из бутылочки. Я поняла, что нужно защелкнуть стопор обратно. Зелье покорно утихомирилось, и я отстегнула стопор и осторожно капнула, по счастью, крохотной каплей, на самый конец замотанной коряги. Она вспыхнула мгновенно так, что Данке едва хватило времени перекинуть ее через ограду. Она тут же, поморщившись, сунула руки в сугроб. Ее пальцы успели обжечься и покраснеть. Я была занята, борясь со стопором, и когда подняла голову, уже полстойла пылало, а животные дико ревели.

Всех поразила сила волшебного огня, хотя все мы слышали сказки про зелье пекла, которое упоминалось во множестве баллад о битвах и осадах замков, а еще истории о его изготовлении. Говорили, что за единственный пузырек пекла платили тысячекратную стоимость его веса золотом, а для того чтобы его приготовить нужны были каменные котлы и очень искусные волшебники. Я предусмотрительно не стала упоминать, что взяла зелье в Башне без спроса. Если Дракон рассердится, то лучше пусть злится на меня одну.

Но одно дело сказки, другое — увидеть все собственными глазами. Мы были к этому не готовы, а больные животные обезумели. Десяток коров собрались вместе и бросились на заднюю стену стойла, не обращая внимания на выставленные копыта и вилы. Мы боялись не только укусов или рогов, но даже прикасаться к этим животным. Скверна распространялась очень быстро. Несколько защитников упали на землю, Данка резко закричала: ограда начала поддаваться.

Путем долгих усилий и мрачного упорства Дракон сумел научить меня паре небольших

заклятий для починки и ремонта, ни одно из которых не выходило у меня как надо. Попробовать меня подтолкнуло отчаяние. Я взобралась в пустые отцовские сани, указала на ограду и произнесла: «Paran kivitash farantem, paran paran kivitam!» — Можно с уверенностью сказать, что кое-где я пропустила пару слогов, но оказалась близка к оригиналу: самая крупная и уже треснувшая слегка превратилась в целую, и внезапно покрылась почками и листиками, а старые железные скобы укрепились.

У единственной устоявшей на ногах Старой Ханки, которая потом заявляла: «я слишком стара, чтобы помирать», отмахиваясь от похвал за храбрость — оставался в руках лишь обломок грабелей. Остальная часть была давно отломана и застряла между рогов одного из быков. Вдруг ее обломанная палка превратилась в заостренную стальную пику, которой она тут же ткнула в открытую пасть одной из коров, прущих на ограду. Пика легко пронзила голову чудовища насквозь и вышла из затылка. Огромное чудовище мгновенно рухнуло замертво на землю рядом с оградой, загородив остальным дорогу.

Это был самый напряженный момент противостояния. Мы сумели продержаться еще пару минут, и дело пошло легче. К тому времени все животные уже были охвачены огнем, разнося по округе невыносимую вонь жженой плоти, от которой скручивало желудок. Запаниковав, они утратили свою хитрость и превратились в обычных испуганных животных, которые бесплотно бросались на стены по одному, пока их окончательно не поглотило пламя. Я использовала восстанавливающее заклятие еще два раза, и под конец висела на плече у Каси, оказавшейся рядом, чтобы меня поддержать. Дети постарше носились вокруг с ведрами полу — растаявшего снега, туша каждую отлетевшую в сторону искру. Каждый житель, мужчины и женщины деревни боролись до изнеможения с вилами в руках, с покрасневшими от жара и потными лицами, глотая морозный воздух, чтобы немного остыть, но вместе мы сдержали и заболевших животных, и бушевавшее пламя.

Наконец, пала последняя корова. В пламени шипел дым, и потрескивал выкипавший жир. Обессиленные мы опустились на землю вокруг загона, наблюдая как догорает и стихает пекло, испепелив все, что было внутри. Многие кашляли. Все молчали, и никто не радовался победе. Не было причин для радости. Хорошо, что худшее нас миновало, но слишком дорогой ценой. Не один Иржи обеднел после этого пожара.

— А Иржи еще жив? — тихо спросила я у Каси.

Она помедлила и кивнула.

— Я слышала, что его сильно скрутило.

Я знала, что хворь, насылаемая Чашей не всегда неизлечима. Дракон сумел многих спасти. Два года тому назад восточный ветер налетел на речном берегу на нашу подружку Трину. Она там полоскала белье. Домой она вернулась, спотыкаясь от болезни. Все белье в ее корзине было покрыто серебристой пылью. Ее мать не пустила ее в дом. Она бросила все белье в огонь, и пока в Ольшанку мчался гонец от Данки, саму Трину мать отвела к реке и долго макала в воду с головой.

Дракон пришел ночью. Я помню, что ходила к Касе в гости, и мы вместе подглядывали с ее задворок. Его самого мы не видели, только холодный синеватый свет, вспыхивающий в верхнем окне Тринино дома. Утром ее тетка у колодца сказала мне, что с Триной все будет в порядке. А два дня спустя она появилась сама, как ни в чем ни бывало, только выглядела уставшей, словно после долгой горячки, и одновременно довольной: ее отцу пришлось выкопать колодец рядом с домом, чтобы впредь ей не приходилось ходить на речку.

А ведь это были всего лишь один неудачный порыв ветра и пыльца. А сегодня, сегодня случилось одно из самых ужасных событий на моей памяти. Столько заболевших коров, так сильно, и скверна передавалась настолько быстро — это, вне всякого сомнения, дурной знак.

Данка услышала наш разговор об Иржи. Она подошла к нам и заглянула мне в глаза:

— Ты можешь ему чем-нибудь помочь? — напрямик спросила она.

Я знала, что она хочет знать. Если скверну не исцелить, ему грозила медленная и мучительная смерть. Чаща сжирала свою жертву словно гниль упавшее дерево, питаясь ею изнутри, оставляя только пропитанную ядом чудовищную оболочку, которой нет дела ни до чего, кроме отравления других. Если бы я ответила, что ничего нельзя поделать, это бы подтвердило, что я ничего не знаю, а если я признаюсь, что устала, когда Иржи так сильно пострадал, а Дракона не будет неделю, Данка отдаст приказ. Она отправит несколько мужчин к Иржи. Они уведут Кристину на другой конец деревни, потому войдут внутрь и выйдут назад с тяжелым свертком на руках, который бросят в костер к коровам.

Поэтому я ответила:

— Можно попытаться.

Данка кивнула.

Я медленно поднялась и выбралась из саней.

— Я пойду с тобой, — заявила Кася, и протянула мне руку, чтобы поддержать. Ее не нужно было просить помочь, это было ясно без слов. Мы медленно побрели к дому Иржи.

Его дом был беден и стоял на противоположном от загона конце деревни. Его крохотный садик окружал лес. Для дневного времени дорога была неестественно пустой — все население собралось у загона. Под нашими ногами скрипел выпавший ночью снег. Я неуклюже пробиралась в своем платье сквозь снежные заносы, но не хотела тратить силы на изменение его на что — то более подходящее. Мы слышали Иржи еще загодя: это был нескончаемый горловой стон, который становился громче по мере приближения. Было тяжело решиться постучать в дверь.

Хотя дом был небольшим, пришлось довольно долго ждать. Наконец, Кристина выглянула в щелочку. Она, не узнавая, смотрела на меня, да и ее саму было трудно узнать: под глазами пролегли фиолетовые круги, а живот был сильно раздут от беременности. Она перевела взгляд на Касю, и та сказала:

— Агнешка приехала из Башни на помощь, — и Кристина снова перевела взгляд на меня.

Наконец, после долгой паузы она сказала хрипло:

— Входите.

Она сидела в кресле — качалке у камина прямо рядом с дверью. Я поняла, она ждала. Ждала, что придут за Иржи. В доме была только одна дополнительная комната с простенькой занавеской у входа. Кристина вернулась в кресло. Она не вышивала, не вязала, и не предложила нам чая. Просто раскачивалась в кресле и таращила в огонь. Внутри дома стоны Иржи были слышны яснее. Я крепче сжала руку Каси, и мы вместе подошли к занавеске. Кася протянула руку и отдернула ее прочь.

Иржи лежал на кровати. Это была грубая тяжелая конструкция, сколоченная из толстых досок, но в данном случае это было на пользу. Его руки и ноги были привязаны к угловым столбам, а тело привязано веревкой к раме. Кончики его пальцев на ногах почернели, и ногти отпали. А там, где проходили веревки, зияли кровоточащие язвы. Он извивался в путах и стонал. Его язык распух и почернел, почти вывалившись изо рта, но стоило нам войти, как

он перестал. Иржи поднял голову, посмотрел на меня пожелтевшими глазами и оскалил в улыбке окровавленные зубы. Он начал смеяться:

— Взгляни — ка на себя, ведьмочка, взгляни — ка на себя, взгляни, — начал он напевать дурашливую песенку, то громче, то тише. Он задергался в путах, сотрясая всю кровать так, что она почти на дюйм подвинулась ко мне.

— Подойди же ко мне поближе, ближе, ближе — улыбаясь, распевал он: — малютка Агнешка, поближе, ближе, ближе...

Это было похоже на детскую песенку, но кровать медленно пододвигалась к нам. Трясущимися руками, стараясь на него не смотреть, я открыла свою сумку с эликсирами. Раньше я никогда не была рядом с кем — то, кого поразила скверна Чащи. Стоявшая прямо и внешне спокойно, Кася положила руки мне на плечи. Думаю, если бы не она, я бы удрала прочь.

Я не запомнила заклинание, которое использовал Дракон на принце, но он обучил меня исцелять мелкие порезы и ожоги от готовки и уборки. Я решила, что хуже не будет. Я налила эликсир в большую столовую ложку, сморщив нос, от запаха протухшей рыбы, и начала тихо напевать. Мы с Касей осторожно двинулись к Иржи. Он начал щелкать зубами и яростно шевелить связанными окровавленными руками, стараясь меня поцарапать. Я замерла. До смерти не хотелось, чтобы он меня укусил.

— Постой, — сказала Кася и вышла из комнаты. Она вернулась с кочергой в одной руке и с плотной кожаной рукавицей, в которой шевелят угли. Кристина равнодушно, без капли интереса, наблюдала за ее перемещениями.

Мы поместили кочергу поперек Иржиной шеи и с обеих сторон прижали к кровати, а потом моя храбрая Кася надела рукавицу, вытянула руку, зажала ему нос сверху и не отпускала, даже когда он принялся дергать головой вперед — назад, пока наконец, ему не пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть. Я тут же влила ему в рот эликсир, и отпрыгнула вовремя. Он поднял подбородок и умудрился ухватить зубами кусок свисающих кружев на моем бархатном рукаве. Не перестав напевать дрожащим голосом, я смогла вырваться и отшатнулась. Кася отпустила его и тоже встала рядом.

Такого же яркого свечения, как я помнила, не было, но по крайней мере жуткое пение Иржи прекратилось. Я видела свечение эликсира, начавшего свое путешествие по пищеводу. Иржи откинулся назад и, с громким протестующим стоном, принялся метаться из стороны в сторону. Я не останавливалась. Из моих глаз текли слезы от усталости. Я чувствовала себя не лучше, чем в первые дни в Башне Дракона, и даже хуже, но продолжала напевать заклятие, поскольку не смела остановиться, считая, что это поможет остановить происходящий передо мной ужас.

Услышав заклинание, Кристина медленно поднялась и с искрой отчаянной надежды на лице подошла к проему. Эликсир в животе Иржи засветился словно горячие угли: часть кровоточащих язв на его животе и руках зажили. Но даже, не смотря на заклинание, поверх свечения было видно бурление темно — зеленых вихрей, словно тучи на светлом лике полной луны. Все больше и больше их собиралось, мрачней, пока свет совсем не погас. Иржи медленно перестал дергаться, и его тело расслабилось. Я умолкла. Все же слегка надеясь, я чуточку пододвинулась ближе, и вдруг... он открыл глаза, желтые и безумные, и снова рассмеялся:

— Попробуй снова, Агнешка, — сказал он, и залаял собакой. — Давай, попробуй, ближе, ближе!

Кристина громко взвыла и мешком осела вдоль стены на пол. Из ее глаз брызнули слезы. От неудачи стало досадно и тошно. Иржи чудовищно насмехался, и снова дергал кровать в нашу сторону. «Бум — бум!» — стучали по полу тяжелые ножки. Ничего не изменилось. Чаща победила. Скверна была сильнее и наступала слишком быстро.

— Нешка? — тихо с печалью произнесла Кася. Я поднесла тыльную сторону ладони к лицу, и с мрачной решимостью снова сунула руку в сумку.

— Выведи Кристину из дома, — сказала я и подождала, пока Кася поможет женщине подняться и выйти. Та тихо всхлипывала. Кася бросила на меня последний растерянный взгляд, и я постаралась ей слегка улыбнуться, но не смогла справиться со своим ртом.

Прежде, чем приблизиться к кровати, я сняла с себя тяжелую бархатную юбку и обернула ее вокруг лица, закрыв нос и рот тремя — четырьмя слоями ткани, пока едва могла дышать. Потом я сделала глубокий вдох и задержала дыхание. В это время я сломала печать на сером флакончике и брызнула немного каменным эликсиром в ухмыляющееся гавкающее лицо Иржи.

Я вернула стопор на место и как можно быстрее отпрыгнула назад. Он успел вдохнуть эликсир — в его ноздри и рот проник дымок. Его лицо перекошило от удивления, и кожа начала приобретать серый оттенок, уплотняясь. Он умолк: рот и глаза застыли, тело напряглось, а руки и ноги замерли на месте. Вонь скверны начала отступать. По всему его телу пробежала волна окаменения, и в одно мгновение все было кончено. Я покачнулась от облегчения и ужас отступил. В постели лежала просто статуя — статуя, изображающая безумца, чье лицо было перекошено от нечеловеческой злобы.

Прежде, чем выходить, я удостоверилась, что плотно запечатала пузырек, положила его обратно и распахнула дверь. Кася с Кристиной стояли во дворе по колена в снегу. Лицо Кристины было мокрым и безнадежным. Я позвала их внутрь. Кристина протиснулась в узкий дверной проем и устала на безжизненную статую в кровати.

— Он не чувствует боли, — пояснила я. — И уверяю тебя, даже не чувствует хода времени. Таким образом, если Дракону известен способ исцелить в нем скверну... — я умолкла. Кристина плюхнулась в кресло — качалку, словно ноги больше ее не держали. Ее голова склонилась вниз. Не знаю, было ли с моей стороны это проявлением милосердия или я уберегла от боли себя. Я не слышала, чтобы Дракон ранее исцелял настолько скверные случаи, как у Иржи. — Я не знаю, как его спасти, — добавила я тихо, — но... возможно Дракон, когда вернется, отыщет. Мне кажется стоит попытаться.

По крайней мере в доме теперь стало тихо, не было слышно завываний и вони разложения. Ужасное выражение непонимания, словно она не могла все это время размышлять здраво, наконец пропало с лица Кристины, и спустя мгновение она обняла живот и опустила на него взгляд. Ее срок был очень близок, и я уже замечала шевеление ребеночка под ее одеждой. Она подняла голову и спросила меня:

— А как коровы?

— Их сожгли, — ответила я. — Всех до единой. — Она снова повесила голову: ни мужа, ни коров, и скоро рожать. Данка, разумеется, постарается ей помочь, но этот год будет тяжелым для всех. Внезапно я спросила:

— У тебя нет платья в обмен на то, что на мне? — Женщина устала на меня. — Я едва могу в нем ходить. — Она с большим сомнением передала мне где — то откопанное домотканое платье в заплатках и плащ из грубой шерсти. Я с большим удовольствием сбросила тяжелый бархат, шелка и кружева в кучку рядом с ее столом. Вне всякого

сомнения, платье стоило целой коровы, а молоко в деревне еще долго будет цениться дорого.

Когда мы с Касей наконец выбрались на улицу уже начало темнеть. Пожар в стойле продолжал полыхать, отбрасывая огромное оранжевое зарево до другого конца деревни. Дома все еще стояли пустыми. Мороз пощипывал меня сквозь тонкую одежку, и я была вымотана до предела. Я шла, спотыкаясь, следом за Касей, которая торила для меня тропинку, то и дело оборачиваясь, чтобы подать мне руку и поддержать. Меня грела одна счастливая мысль: мне не нужно немедленно возвращаться в Башню. А это значит, что я могу отправиться к матушке и остаться, пока не вернется Дракон и не придет за мной снова. А куда еще мне податься?

— Его не будет по меньшей мере неделю, — говорила я Касе, — а может, я ему уже надоела, и он разрешит мне остаться. — Последнее мне не следовало озвучивать даже мысленно. — Но не говори никому, — быстро добавила я, и она остановилась, обернувшись, и крепко меня обняла.

— Я была готова уйти, — произнесла она. — Все эти годы... я готовилась быть храброй и уйти, но не смогла пережить того, что он забрал тебя. Словно все, ради чего я жила, было зря, и вроде все по — прежнему, но тебя как будто не было... — она умолкла. Мы стояли, держась за руки. Плакали и одновременно улыбались друг другу, и вдруг ее лицо переменилось. Она дернула меня за руку и потащила за собой. Я обернулась.

Они медленно появлялись из леса размеренным шагом на крупных лапах, которые умеют ступать, не потревожив наст на сугробах. В нашем лесу водились волки: быстрые, поджарые и серые. Они могли унести раненную овцу, но боялись охотников. Эти не были на них похожи. Их мощные, покрытые белым мехом, холки доставали мне до груди. Из их пасть с огромными, заходящими друг за друга клыками, свешивались розовые языки. Они смотрели прямо на нас... на меня... своими бледно — желтыми глазами. Я вспомнила, как Кася упоминала, что первую заболевшую корову покусал какой — то волк.

Их вожак был мельче остальных. Он понюхал воздух в моем направлении и вдруг замотал головой, не спуская с меня взгляда. Из — за деревьев появилось еще двое зверей. Стая рассыпалась, словно он подал им знак, по обеим сторонам от меня, преграждая путь. Они охотились и охотились на меня.

— Кася, — с колотящимся сердцем сказала я. — Кася, беги, немедленно. — Я отняла у нее свою руку и сунула ее в сумку. — Кася, беги! — крикнула я, сняла стопор и швырнула каменный эликсир в приближавшегося вожака.

Вокруг него взвился серый туман, и к моим ногам рухнула большая каменная статуя волка. Оскаленные челюсти, даже окаменев, укусили меня за лодыжку. Еще один волк попал в край облачка. Окаменение охватило его не так быстро, и он еще мгновение скреб передними лапами снег, пытаясь сбежать.

Кася не побежала. Она схватила меня за руку и потащила к оказавшемуся ближайшим Евиному дому. Волки разом взвыли своими мерзкими голосами, осторожно обходя две образовавшиеся статуи, наконец один из них коротко взвизгнул, остальные его послушались, и все вновь устремились в погоню.

Кася втащила нас в ведущую в сад калитку и захлопнула ее за нами. Волки перемахнули через преграду с легкостью оленя. Я не решилась бросать пекло, не имея возможности остановить его распространение, особенно после всего, что я видела сегодня. Оно бы с легкостью испепелило нашу деревню, а возможно и всю долину, и, разумеется, нас двоих. Вместо этого я вытащила зеленый флакон, надеясь, что он сумеет отвлечь внимание

хищников на какое — то время, пока мы не спрячемся в доме. Когда я спросила о нем Дракона, тот пренебрежительно ответил, что эликсир помогает расти. Теплый и здоровый цвет содержащегося в нем эликсира казался мне приветливым, в отличие от странно — холодных оттенков других веществ в лаборатории. «Дает многочисленные всходы разнообразных сорняков. Это может быть полезно лишь в случае, если требуется начисто выжечь поле», — пояснил волшебник. Перед эти я думала воспользоваться им для засеивания нашего луга после выгорания пекла. Дрожащими руками я открыла стопор и эликсир слегка пролился мне на руки: от него чудесно пахло: здоровьем, чистотой, свежестью, на ощупь он оказался приятно липким, как свежая травка или весенняя, полная соков листва. Волки мчались прямо на нас. Я плеснула жидкость из сложенной чашей ладони по сторонам заснеженного сада.

Из мертвых грядок словно ярко — зеленые змеи взметнулись лианы и опутали волков, толстыми витками закрутились вокруг лап, повалив чудовищ на землю в паре дюймов от нас. Все начало бурно расти будто год промчался за минуту: фасоль, хмель и тыквы. Все росло очень быстро и становилось невероятно огромным. Даже несмотря на то, что волки рвали зубами, грызли и продирались сквозь растения, тем не менее, растительность преградила им дорогу и продолжала расти, становясь больше, и даже отращивая шипы размером с лезвие ножа. Один из волков был буквально раздавлен объятьями стебля, выросшего до толщины дерева, а свалившиеся одна на другую тыквы были так тяжелы, что, треснув, сбили с ног другого волка.

Пока я глазела, открыв рот, Кася потащила меня за собой, и я, спотыкаясь, побежала следом. Входная дверь дома не открылась, хотя Кася подергала. Мы ринулись к маленькой конюшне рядом с домом и заперлись внутри. На самом деле это был скорее навес для свиней. Внутри не оказалось вил, все забрали к стойлам. Единственной вещью, напоминавшей оружие, был небольшой топорик для рубки дров. Я схватила его от отчаяния, пока Кася закрывала дверь. Оставшиеся волки пробились сквозь разросшийся садик и вновь напали на наш след. Они начали скрести когтями дверь, грызть ее, но потом зловеще затихли. Мы слышали, как они ходят, и потом один из них завыл за небольшим окошком наверху с другой стороны конюшни. Когда мы встревоженно обернулись, сквозь него один за другим запрыгнули трое волков. Остальные взвыли за дверью.

В голове было пусто. Я пыталась вспомнить что — то подходящее из того, чему меня научил волшебник. Все, что могло помочь. Может мне как саду помог эликсир, а может страх сделал свое дело, но я более не чувствовала слабости, и могла снова произнести заклинание... если бы только могла придумать что — то полезное. «Мог ли, к примеру, „vanastalem“ вызвать доспехи?», — отчаянно думала я, и внезапно произнесла наобум, схватив в руки старую оловянную тарелку, использованную под поилку: — Rautalem? — смешав его с заклинанием заточки кухонных ножей. Я не знала, что делаю, только надеялась. Возможно магия пыталась спасти себя и меня, потому что блюдо превратилось в большой круглый щит из тяжелой стали. Мы с Касей спрятались за ним, забившись в угол помещения, пока волки скакали вокруг нас.

Кася выхватила у меня топорик и била по их совавшимся к нам лапам и мордам. Мы обе отчаянно, как за собственную жизнь, цеплялись за ручки щита. Тут к моему ужасу один из волков — волков! — подошел прямо к двери в конюшню и поднял засов носом.

Оставшиеся волки стаи оказались внутри. Нам было некуда бежать, и в моей сумке больше не осталось никаких трюков. Мы с Касей цеплялись за щит, и тут внезапно вся стена

за нашими спинами обрушилась. Мы повалились на снег прямо к ногам Дракона. Вся стая с воем тут же накинулась на него, но он вскинул руку и на одном дыхании затянул невероятную непрерывную песню. Все волки разом переломились прямо в воздухе с мерзким звуком треснувшей ветки. Они упали мертвыми на снег.

Пока они падали друг на друга вокруг нас, мы с Касей сидели неподвижно, обнявшись. Мы уставились на волшебника. Он посмотрел на нас сверху-вниз, напряженный и разгневанный, и как рявкнет:

— Что еще за идиотскую выходку ты устроила, нереально полоумная гусыня...

— Берегись! — крикнула Кася, но было поздно. Один последний хромой, вымазанный оранжевым соком тыквы, волк перепрыгнул через садовую ограду. И, хотя волшебник тут же произнес заклинание, повернувшись ему навстречу, волк успел перед смертью укусить его за руку. Три капли ярко-красной крови упали на снег к его ногам.

Дракон рухнул на колени, придерживая руку в локте. Его черный кафтан из шерсти был разорван. Его рука вокруг раны уже начала зеленеть от скверны. Там, где его пальцы сжимали руку, цвет еще сохранялся, и из-под них виднелось свечение, но вены на его кисти угрожающе набухли. Я начала нащаривать в сумке целебный эликсир.

— Полей сверху, — сквозь сжатые зубы сказал волшебник, когда я протянула ему флакон для глотка. Я полила из пузырька сверху, и мы затаили дыхание, но темные пятна не пропали, лишь замедлилось их распространение.

— В башню, — сказал он. На лбу волшебника проступил пот. Его челюсти были сцеплены так крепко, что он едва мог говорить. — Слушай: *Zokinen valisu, akenezh hinisu, kozhonen valise.*

Я уставилась на него. Он доверяет мне заклинание, которое доставит нас назад? Но он больше ничего не добавил. Все его силы, вне всякого сомнения, были брошены на сдерживание скверны, и я слишком поздно вспомнила, как он говорил мне, что если Чаша завладеет мной — необученной и бесполезной ведьмой, то в итоге я превращусь в нечто совсем ужасное. А что случится, если она овладеет самым сильным волшебником королевства?

Я повернулась к Касе и вручила ей флакон с пеклом:

— Передай Данке, пусть отправит кого-нибудь в Башню, — нервно и быстро сказала я ей. — Если мы не появимся и не скажем, что все в порядке, если будут сомнения... пусть сожгут все до основания.

Касины глаза были полны тревоги за меня, но она согласилась. Я повернулась к Дракону и присела рядом с ним на снег.

— Хорошо, — сказал он тихо, метнув взгляд на Касю. И я поняла, что мои худшие опасения не пустые домыслы. Я взяла его за руку, закрыла глаза и представила свою комнату в Башне. Потом я произнесла заклинание.

Я помогла Дракону доковылять небольшое расстояние с верхней площадки до моей комнатки. Из моего окна все еще свисала самодельная веревка. Дотащить его вниз в его комнату мне было не по силам. Едва я его отпустила, он камнем рухнул в мою постель. Волшебник по-прежнему сжимал свое запястье, каким-то образом сдерживая скверну, но свечение вокруг его пальцев стало слабее. Я подложила под его голову подушку и мгновение нерешительно стояла рядом, ожидая, что он что-то скажет, даст мне подсказку, что делать, но он молчал. Его взгляд смотрел в пустоту, уставившись в потолок. Небольшая царапина распухла словно сильнейший из паучьих укусов. Он часто дышал, а его кисть, там, где была пережата рука, приобрела нездоровый зеленоватый оттенок. Такой же был у Иржи. Кончики ногтей раненой руки начали чернеть.

Я бросилась в библиотеку вниз по лестнице, поскользнулась и расквасила подбородок, но даже не почувствовала. Книги как обычно выстроились ровными элегантными рядами, тихие и глухие к моим тревогам. С некоторыми из них мы теперь были хорошими знакомыми. Хотя я бы скорее назвала их старыми врагами. Даже на ощупь страницы, исписанные массой заклинаний и чар, которые у меня не получалось верно произнести, когда я прикасалась к пергаменту, казались мне неприятными. Тем не менее, я взобралась на лестницу и достала их с полки, открыла одну за другой и пролистала. Все безуспешно: эссенция из мирта может помочь в разных ситуациях, но для меня она сейчас была абсолютно бесполезна, и тратить время на просмотр шести вариаций заклинания, создающего правильную печать на флакон, было возмутительно.

Но безрезультативность этой попытки заставила меня остановиться и чуть лучше подумать. Я поняла, что не смогу найти ответ, как исцелить что-то настолько жуткое в обычных книгах, по которым он пытался меня учить. Как он сам неоднократно упоминал при мне, в них были всего лишь простенькие заклятия. То, что настоящий мастер волшебства делает слету. Я неуверенно посмотрела на нижние полки, где он хранил книги для себя, и от которых строго предупреждал держаться подальше. Переплеты некоторых из них были из новенькой, тесненной золотом кожи. Другие были древними и готовыми развалиться в руках. Одни большие, длиной в руку; другие маленькие, размером с ладошку. Я пробежала по ним руками и по наитию выхватила одну маленькую, пестревшую вложенными листочками. У нее была потертая обложка и шрифт без изысков.

Это был дневник, записанный неуверенным неловким почерком, который поначалу почти невозможно было разобрать с большим числом сокращений. Вложенные листы пестрели пометками почерком Дракона. Почти к каждой странице прилагались один или два дополнительных листочка, на которых он записал варианты произнесения заклинания, с подробными объяснениями, что он делал. По крайней мере эта книга мне показалась многообещающей, словно с этих страниц со мной говорил его голос.

Здесь нашлось с десятков заклинаний исцеления и для чистки ран от гноя и гангрены, но не от наведенной волшебством скверны. И все же, попытаться стоило. Я прочла одно из заклинаний, которое предлагало вскрыть воспаленную рану, возложить на нее розмарин с лимонной коркой, и проделать нечто, что было описано автором как «возложить на нее дыхание». Дракон по этому поводу плотно исписал четыре листа бумаги, в которых подчеркнул около пяти десятков вариантов: столько-то розмарина, сухого или свежего,

столько-то лимона с мякотью и без; использовать ли стальной нож или железный, такое заклинание и сякое.

К сожалению, он не указал, какой из вариантов сработал лучше, а какой хуже, но, раз он проделал столько попыток, значит это того стоило. Теперь все, что мне было нужно, это привести его в более приличное состояние, чтобы он мог сказать мне хотя бы несколько слов, подсказать направление. Я слетала в кухню и разыскала большую связку розмарина, а также лимон. Я захватила чистый нож для чистки овощей, пару чистых полотенец и горшок с горячей водой.

Тут я остановилась в нерешительности. Мой взгляд упал на большой тесак, лежавший на мясницкой колоде. Если я не преуспею, если мне не получится придать ему сил для подсказки... я не знала, смогу ли я. Смогу ли отрубить ему руку. Но я вспомнила Иржи — того тихого и грустного, который всегда приветливо мне кивал, встретив на пастбище — и насмехающегося, жуткого, не хотевшего замолкать. Я вспомнила пустое лицо Кристины. Тогда я набрала в грудь воздух и взяла тесак.

Намеренно отбросив все мысли прочь из головы, я заточила оба ножа, и понесла всё наверх. Окно и дверь так и стояли распахнутыми настежь, но вонь скверны начала накапливаться в моей комнатухе все равно. От ее запаха мой живот разболелся не хуже, чем от удара. Не уверена, что смогла бы вынести вид пораженного скверной Дракона: загнившие тонкие черты лица, вместо колких речей — хрипы и завывания. Его дыхание участилось, глаза почти закрылись. Лицо приобрело жутковатый бледный оттенок. Я подложила одно из полотенец под его руку и затянула поверх шпагатом. Потом срезала с лимона широкие полоски кожицы, нарвала с вязанки листочков розмарина, растерла все вместе в кашу и часть бросила в кипяток. Поднявшийся сладкий густой аромат, отогнал прочь вонь скверны. Потом я закусил губу, сосредоточилась и резанула опухшую рану ножом. Из нее хлынул густой зеленый гной. Я поливала рану раз за разом горячей ароматной водой, пока она не очистилась. После этого я взяла целую горсть полученной кашицы и плотно повязала на рану.

В записках волшебника ничего не было сказано о том, как именно следует «возложить дыхание» на рану, так что я нагнулась и принялась с придыханием произносить заклинание прямо над ней, пробуя разные варианты. Все для моего языка казались чужеродными, неловкими, колючими, и никак не работали. Расстроившись, я начала разбирать корявые записи оригинала. Там была строчка, в которой говорилось, что напевание «Kai» и «tīhas» дает особенно хороший результат. В записках Дракона встречались оба варианта, но добавленные к другим словам, которые складывались в длинные витиеватые фразы, показавшиеся мне перемудренными. Вместо них я запела, наклонившись: «Tīhas, tīhas, kai tīhas, kai tīhas», и так повторяла снова и снова, почувствовав, что слова сложились в мотивчик здравицы, желавшей на дне рождения «многие лета».

Это казалось абсурдным, но ее ритм был простым и знакомым, умиротворяющим. Я перестала думать о словах. Они просто прилипли к моему языку и лились подобно воде из чаши. Я позабыла об Иржи с его безумным смехом, и о большой зеленой туче у него внутри. Остались только легкий мотив песенки и веселые лица за столом. И тут, наконец, волшебство потекло, но совсем не так резко, как случалось на уроках Дракона. Вместо этого звуки заклинания превратили его в ручеек, который увлек волшебство за собой, и будто стояла на берегу бурной реки, вливая в нее тонкую серебристую струйку из кувшина, который никогда не опустеет.

Запах розмарина и лимона под моими руками стал сильнее, забывая вонь скверны. Из раны снова потек гной, еще и еще. Нужно бы переживать об этом, но руке Дракона становилось лучше: жуткий зеленоватый оттенок начал пропадать, потемневшие и распухшие вены очистились.

Я совсем запыхалась, и вместе с тем почувствовала, что все закончилось. Моя работа завершена. Я завершила мое заклинание простенькой концовкой: потянула вверх и ноту вниз. На самом деле под самый конец я напевала мелодию с закрытым ртом. Теперь сияние под пальцами волшебника светилось сильнее, особенно ярко, и внезапно из-под его ладони вырвалась яркая вспышка, промелькнувшая по его венам и разросшаяся внутри него как ветвь дерева. Воспаление исчезло. Плоть выглядела здоровой, кожа зажила и стала его привычного не знавшего солнца бледного оттенка — но она была его собственной.

Я наблюдала за ним, затаив дыхание, едва надеясь на удачу. Волшебник пошевелился, сделал один глубокий вдох и заморгал вновь прозревшими глазами в потолок. Один за другим его пальцы расцепили железную хватку на локте. Я с облегчением всхлипнула. Недоверчиво с надеждой я вглядывалась в его лицо, увидела, что он смотрит на меня с возмущенным изумлением, и мои губы помимо воли расплылись в улыбке.

Дракон рывком приподнялся с подушки, снял с зажившей раны лимонно-розмариновую кашлицу, с недоверием посмотрел на нее в руке, затем потянулся и взял тонкую книжицу, которую я разложила у него на коленях. Я поместила ее там, чтобы подглядывать во время работы. Он некоторое время таращился на заклинание, потом посмотрел на обложку, словно не верил собственным глазам, и, наконец, прохрипел:

— Что ты, невероятная окаянная бестолковщина, снова натворила?

От возмущения, я села на пол: и это за то, что я только что спасла ему жизнь? И не только его, а спасла его от того, во что его могла превратить Чаща, все королевство.

— А что, по-вашему, я должна была сделать? — с вызовом поинтересовалась я. — И откуда я могла бы об этом узнать? И, кстати, это сработало, не так ли?

По какой-то причине это только сильнее его разозлило. Он вскочил с постели и молча вышел из комнаты, отшвырнув книжечку в дальний конец комнаты. Вложенные записки разлетелись в разные стороны.

— Лучше б спасибо сказали! — Крикнула я вдогонку, тоже разозлившись. Его шаги стихли до того, как я вспомнила, что его ранили, когда он спасал жизнь мне... и что, вообще-то, он сильно спешил мне на помощь.

Разумеется, от этого воспоминания я пришла в еще более мрачное состояние духа. Как и от упорного выдраивания моей несчастной комнатенки и смена белья. Пятна не хотели отстирываться, а мерзкий запах выветриваться, хотя и без ужасной неправильности. Наконец, я решила, что тут использования колдовства оправдано. Я начала пробовать то заклинание, которому меня учил Дракон, но потом вместо этого я подобрала ту самую книжечку. Я была ей очень благодарна и тому волшебнику или же ведьме из прошлого, написавшей эти записки, даже если Дракон был не рад моей помощи, и, к своему удовольствию, я почти сразу нашла заклятие для уборки комнаты: нужно пропеть «Tishta» с повышением и понижением тона. Я наполовину мысленно пропела его, вытирая вонючие лужи. Воздух похолодел и посвежел, но без неприятного пощипывания. К тому времени, как я закончила, простыни стали чистыми и белоснежными, словно только что из стирки и от матраса пахло свежей летней соломой, Я вновь застелила постель, и грузно уселась сверху, абсолютно ошарашенная, поскольку последние крохи отчаяния оставили меня вместе с

остатками сил. Я повалилась на кровать, едва сумев натянуть одеяло, и тут же заснула.

* * *

Я просыпалась под лучами солнца медленно, мирно, безмятежно и не сразу поняла, что Дракон рядом.

Он сидел у окна на небольшом рабочем стульчике и смотрел на меня. Я села в кровати, потерла глаза и уставилась в ответ. В руке у него была та самая книжечка.

— Что заставило тебя выбрать ее? — спросил волшебник.

— В ней было полно листочков с записями! — ответила я: — и я подумала, что это что-то важное.

— Вовсе не важное, — ответил он, но несмотря на его рассерженный вид, я ему не поверила. — Она бесполезна... была бесполезна в течение почти пятисот лет с тех пор, как была написана, и за сотню лет ее изучения, не удалось добиться от нее ничего стоящего.

— Ну, а сегодня она пригодилась, — сказала я, складывая руки на груди.

— Откуда ты узнала, сколько нужно розмарина? И сколько лимона?

— Вы ведь записали в табличку все варианты! Мне показалось, это не так важно.

— Это свидетельства моих неудач, неумелая ты идиотка! — прикрикнул он на меня. — Ни один из вариантов не имел результата... ни по частям, ни в смеси... с любыми вариантами заклинания... Так что ты сделала?

Я уставилась на него:

— Я взяла ровно столько, чтобы получился приятный запах и размяла их для усиления эффекта. И использовала в точности то же заклятие, что написано на странице.

— Там нет заклятий! Два слога, в которых нет силы...

— Когда я пропела их достаточно долго, они вызвали волшебный поток, — возразила я. — Я пела на мотив «Многие лета», — добавила я. Он покраснел от негодования еще сильнее.

Весь следующий час он допрашивал меня с большим пристрастием о всех подробностях того, как именно я выполняла заклинание, расстраиваясь все сильнее, потому что я едва ли могла ответить на большинство его вопросов. Ему хотелось услышать точное звучание, повторения, хотел знать, насколько близко я была к его руке, точное число веточек розмарина и лимонных шкурок. Я старалась как могла, но даже сделав это, видела, что все не так, и наконец буркнула, пока он что-то нервно записывал на своих листочках:

— Но все это не имеет значения.

Он поднял голову и злобно посмотрел на меня, а я путанно, но уверенно добавила:

— Это всего лишь... путь. Нет одной-единственной дороги, — я махнула рукой в сторону его записок. — Вы пытаетесь найти верный путь там, где их множество. Это как... сходить в лес, — сказала я отрывисто. — Нужно выбрать, в какие заросли кустов и деревьев идти, и каждый раз все по-новому.

С чувством триумфа закончила я, обрадовавшись, что нашла такое удачное и ясное на мой взгляд объяснение. Он лишь бросил перо и гневно откинулся на спинку стула.

— Что за чепуха, — почти со слезами в голосе произнес Дракон, и с растерянным видом уставился на свою руку, словно предпочитал, чтобы скверна вернулась, вместо того, чтобы признать, что мог быть неправ.

Когда я это произнесла вслух, он перевел взгляд на меня... я уже и сама начала терять терпение, чувствуя жажду и жуткий голод одновременно, и до сих пор оставшись в Кристининых обносках, которые спадали с плеча и ничуть не грели. Устав ото всего, я встала, не обращая внимания на его выражение лица и объявила:

— Я уйду на кухню.

— Отлично, — буркнул Дракон и устремился в библиотеку, но он терпеть не мог оставлять вопросы без ответа. Не успел мой куриный супчик довариться, как он заявился ко мне в кухню, притащив с собой новую книгу — громадную и элегантную, в бледно-голубой кожаной обложке с серебряным тиснением. Он положил ее на стол рядом с кухонной доской и решительно произнес:

— Ну хорошо. У тебя есть тяга к целительству, поэтому она помогла тебе интуитивно найти верное заклинание... даже если ты не можешь отчетливо его припомнить. Это может объяснить твою общую некомпетентность, поскольку целительство самая особенная из прочих волшебных искусств. Я считаю, дела пойдут гораздо успешнее, если мы сосредоточим наше внимание на предметах из области целительства. И начнем мы с простейших заклятий Грошно, — он положил руку на книгу.

— Ни за что, пока не пообедаю, — ответила я, без остановки нарезаю морковь.

Он что-то пробормотал вполголоса про упорствующих идиотов. Я и бровью не повела. Пришлось ему довольствоваться тем, что я усадила его за стол и налила тарелку супа с толстым куском крестьянского хлеба, который пекла, мне вспомнилось... аж позавчера. Я провела вне Башни день и ночь. А казалось, прошла тысяча лет.

— Как поживает химера? — между ложками супа поинтересовалась я у него.

— Владимир, к счастью, оказался не полным болваном, — ответил Дракон, промокая рот вызванной из ниоткуда салфеткой. Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что он говорит о бароне. — Сразу после того, как он отправил ко мне гонца, он постарался заманить тварь теленком как можно ближе к границе, не позволяя с помощью пикенёров ей сворачивать в сторону. Он потерял десяток людей, но сумел подогнать ее к месту, находящемуся всего в часе езды от перевала. Мне удалось быстро ее убить. Она была небольшой — размером с пони.

Рассказ прозвучал довольно угрюмо.

— Ну, так это хорошо? — уточнила я.

Он с досадой посмотрел на меня:

— Все это было ловушкой, — выдавил он, словно объясняя очевидные вещи непроходимому идиоту: — Меня должны были отвлечь как можно дальше, пока скверна не угнездится в Двернике и к моему возвращению поглотит его. — Он снова посмотрел на свою руку, сжимая и разжимая пальцы в кулак. Он сменил свою рубашку на шерстяную зеленую с золотой вышивкой на манжетах. Под тканью руки не было видно. Интересно, остался ли шрам.

— Значит, я все правильно сделала, — решила я.

Его выражение лица было сродни скисшему в летний зной молоку:

— Если можно так сказать, учитывая то, что ты выбросила пятьдесят лет моего труда, вложенного в самые ценные эликсиры, менее чем за один день. Тебе не приходило в голову, что если бы их было так просто достать, то я бы просто раздал с десяток каждому деревенскому старосте и избавил себя от необходимости появляться в долине?

— Но они не стоят дороже человеческих жизней! — парировала я.

— Жизнь перед тобой сейчас не стоит сотни жизней в других местах три месяца спустя, — ответил он. — Послушай меня, простушка. Сейчас в моем дистилляторе готовится еще одно пекло. Я начал его готовить шесть лет назад, когда король сумел выделить мне на это золото, и оно будет готово не раньше, чем через четыре года. Если до того мы израсходуем все мои запасы, как ты считаешь, Росия просто благородно откажется жечь наши посева, зная, что прежде, чем мы сможем достойно ответить, мы просто начнем умирать от голода и станем умолять о мире? И каждый потраченный тобой эликсир стоит почти столько же. При всем при том, что у Росии есть три волшебника, способных приготовить такие эликсиры, против наших двух.

— Но мы же не воюем! — возразила я.

— Весной начнем, — ответил волшебник, — если они узнают про потраченное пекло, каменный эликсир и изобилие, и, полагаю, у них будет существенное преимущество. — Он сделал паузу и мрачно добавил: — Или они услышат о сильном целителе, способном исцелять скверну, и решат, что скоро, когда ты обучишься, чаша весов сместится в нашу сторону.

Я нервно проглотила ком в горле и уставилась в тарелку. Когда он рассказывал, что Росия может объявить войну из-за меня, из-за того, что я сделала или что они обо мне навывдумывают, это показалось невозможным. Но я вспомнила свой ужас, когда после его отбытия увидела сигнальные костры, зная, как мало я могу сделать, чтобы помочь своим любимым. И все равно я не чувствовала ни малейшей вины за то, что потратила его эликсиры, хотя не могла более делать вид, что всем все равно, выучу я даже единственное заклинание.

— Как вы считаете, я смогу помочь Иржи, когда всему научусь? — Я спросила у него.

— Тому, кто полностью поглощен скверной? — нахмурился Дракон. Затем покорно признал: — Тебе не полагалось смочь и меня-то исцелить.

Я подняла тарелку и допила остатки супа, потом отставила ее в сторону и посмотрела на него через потертый и поцарапанный стол:

— Ну, ладно, — мрачно сказала я, — приступим.

* * *

К сожалению, желание овладеть искусством волшебства и успех в овладении им не одно и то же. Простейшие заклятия Грошно полностью меня вымотали, а колдования Метродора не желали колдоваться. Спустя три дня после начала обучения Драконом заклинаниям исцеления, которые все как одно как и прежде выходили у меня неловко и неверно, я утром спустилась в библиотеку в тоненькой книжицей в руке и положила ее ему под нос:

— Почему вы не учите меня по этому? — спросила я у него в ответ на его скривившийся вид.

— Потому что по такому учить невозможно, — буркнул он. — Я едва могу разобрать простейшие заклятья, переведя их в более-менее применимую форму, и ни одно из них не работает. Не смотря на ее широкую известность, на деле она ничего не стоит.

— В каком смысле известность? — удивилась я, оглядев книжечку. — Кто ее написал?

Он скривился и ответил:

— Яга, — сказал он, и я мгновение стояла, застыв и онемев. Старая Яга померла

давным-давно, и, хотя о ней было сложено не так много песен и баллад, барды исполняли их совсем неохотно, и то только летом и в ясный полдень. Она умерла и похоронена пятьсот лет назад, но это не помешало ей появиться в России где-то сорок лет назад на крестинах новорожденного принца. Шестерых стражников, которые пытались ее задержать, она превратила в лягушек, еще двух волшебников заставила уснуть, а потом подошла к младенцу и долго хмуро его разглядывала. Наконец, она выпрямилась и растеряно объявила: «Ошиблась временем», — и исчезла в облаке дыма.

Следовательно, погребение не является для нее поводом, чтобы не появиться и потребовать назад свою книгу заклинаний, но Дракона лишь еще сильнее возмутило мое выражение лица.

— Хватит изображать из себя серьезную шестилетку. Несмотря на всеобщие суеверия, она действительно умерла, а что до всех этих ее блужданий во времени, которые она демонстрировала ранее, то уверяю тебя, у нее были цели куда важнее, чем подслушивать сплетни о себе. Что касается этой книги, я потратил невероятное количество денег и усилий, чтобы ее раздобыть, и был рад ее приобретению, пока не понял, как до бешенства она неполна. Скорее всего она просто использовала ее для заметок. В ней нет стоящих заклинаний.

— Те четыре, что я испробовала, отлично работают, — ответила я, и он уставился на меня.

Он не мог поверить, пока не заставил меня показать ему с полдюжины Ягиных заклинаний. Все они были похожи: состояли всего из пары слов, нескольких жестов и капельки тех или иных трав и ингредиентов. Точное количество не имело значения. И строгого порядка прочтения заклинаний тоже. Теперь я поняла, почему он счел, что ее заклинаниям невозможно научить, потому что я почти не помнила, что именно делала, когда их выполняла, тем более не могла объяснить, почему поступала именно так, а не иначе. Но для меня после всех этих зажатых, сильно перегруженных заклинаний, которыми он меня пичкал, эти были невероятным облегчением. Мое первое впечатление о них оказалось верным: я чувствовала так, словно выбираю нужную тропу через кусочек незнакомого леса, и ее слова словно были идущим впереди другим опытным путешественником. Он показывал дорогу и выкрикивал мне: тут на северном склоне растет черника; О! А там, в кустах отличные грибы; или — проще всего обойти колючие кусты левее. Ей не было дела до того, как именно я соберу чернику. Она всего лишь подсказывала точное направление, где ее найти и предоставляла мне самой до нее добраться, шупая ногой тропинку.

Его такое объяснение бесило, и мне было почти его жаль. Наконец, когда я произносила последнее заклинание, он решил просто стоять надо мной, записывая все мои действия в мельчайших деталях, даже мой чих оттого, что я слишком сильно наклонилась в процессе к корице. Когда я закончила, он решил все повторить самостоятельно. Было очень странно наблюдать за ним, словно в далекое и льстящее тебе зеркало: он повторял все в точности за мной, но делал это грациознее и с большой точностью, воспроизводя все слоги, которые я скомкала, но не успел еще дойти до середины, как я уже могла сказать, что ничего не выйдет. Я дернулась, чтобы его прервать. Он бросил на меня уничижительный взгляд, так что я заткнулась и позволила ему забрести подальше в чащобу, и когда в результате, как я и думала, ничего не произошло, я сказала:

— Вам не следовало в этом месте произносить «miko».

— Но ты произнесла именно так! — резко ответил он.

Я беспомощно развела руками: вне всякого сомнения так и было, хотя, если быть абсолютно честной, я этого не помнила. Но помнить было не важно.

— Когда это делала я, это было правильно, — сказала я, — а когда это сделали вы, то вышло неверно. Словно вы шли по следу, но за это время на тропу упало дерево или какой-то куст вырос, а вы все равно полезли напролом, вместо того, чтобы обойти и...

— Нет там никаких кустов! — проревел он.

— Полагаю, так бывает, — ответила я многозначительно, обращаясь в пустоту: — когда проводишь слишком много времени, сидя дома, и забываешь, что живое никогда не остается там, где вы его оставили.

На этом он с гневом выгнал меня вон.

* * *

Должна отдать ему должное: он дулся до конца недели. Потом он вытащил из своих закромов небольшую коллекцию других книжечек с заклинаниями — пыльных и не тронутых, исписанных заклинаниями, похожими как в Ягиной книжечке. Все они показались мне старыми друзьями. Он пробежался по ним, проконсультировался в десятке других книг, и на их основе составил для меня курс обучения и практики. Дракон предупредил меня о всех опасностях высшего искусства — заклинание может выйти из-под контроля на половине дела и начнет все крушить; или вы потеряетесь в волшебстве, и станете бродить словно во сне, который обретает реальность, пока ваше тело погибает от истощения; или пытаться воспроизвести заклинание, которые вам не по силам, которое высосет досуха все и за пределами того, чем вы владеете. И хотя он так и не сумел разобраться как работают заклинания, которые мне лучше подошли, он с яростно критиковал результаты моей учебы и требовал, чтобы я объясняла заранее, чего хочу добиться в результате, и когда я не могла точно предсказать итог, он заставлял меня отрабатывать это заклинание снова и снова, пока мне это не удавалось.

Если объяснять кратко, то он старался обучить меня как можно лучше, и, несмотря на то, что это была для него неизведанная область, помочь мне в странствиях по моему новому лесу. Он по-прежнему отказывался признавать мои успехи, но не из зависти, а из принципа: его здравому смыслу, привыкшему к строгому порядку, претила мысль, что мои кое-как сляпанные заклинания работали, и он с одинаковой неприязнью наблюдал как мои успехи, так и очевидные промахи.

Месяц спустя после начала моего обучения он наблюдал за моими попытками создать иллюзию цветка:

— Не понимаю, — сказала я, а на самом деле, простонала: это было невероятно трудно. Три мои первые попытки были похожи на поделки из тряпья. Сейчас мне удалось состряпать более-менее приличный шиповник, если только не пытаться его понюхать: — Куда проще вырастить настоящую розу. Зачем же мучиться?

— Все зависит от масштаба, — пояснил он. — Уверю тебя, куда проще создать иллюзию армии, чем созвать настоящую. Да как же это работает? — выпалил он, как с ним иногда случалось, когда убогость моей волшбы доводило его до белого каления. — Ты ведь даже не поддерживаешь заклинание... ни словом, ни жестом...

— Но тем не менее, я даю волшебству силу. Много сил, — безрадостно ответила я.

Те первые несколько заклинаний, которые получились меня без чего-то похожего на магическое выдирание зубов, были таким огромным облегчением, что я уже было решила, что самое худшее позади, и сейчас, когда я разобралась, как это работает — что бы там не говорил по этому поводу Дракон — остальное будет просто. Но скоро я убедилась, что не права. Отчаяние и ужас подпитывали мои первые попытки, а мои следующие попытки были сродни моему первому опыту, когда Дракон пытался меня научить своему волшебству, самым легким заклятиями, которые, по его ожиданиям, я должна была выполнять легко. И я в самом деле легко с ними справилась. Тут он начал учить меня настоящим заклинаниям, и худшее снова вернулось... если не по-прежнему невыносимо, то по крайней мере, с чрезвычайными трудностями.

— Как же ты вкладываешь в него волшебство? — спросил он сквозь зубы.

— Просто уже нашла тропу! — ответила я. — Уже стою на ней. Разве вы не... чувствуете? — отрывисто спросила я и протянула ему руку с цветком. Он нахмурился и охватил его руками, произнося:

— *Vadiya rusha ilikad tuhi*, — и на мою иллюзию наложились вторая: две розы одна в другой. Его вариант довольно предсказуемо имел тройной ряд идеальных лепестков и тонкий аромат.

— Постарайся сделать такую же, — сказал он отрешенно. Его пальцы слегка шевелились, и мелкими шажками мы довели наши иллюзии до такой степени схожести, что было невозможно сказать, где чья. Внезапно он сказал: — Ах, — и в ту же секунду я начала видеть его заклинание: почти такое же, как состоящий из сверкающих деталей странный часовой механизм на его столе. Со странным импульсом я попыталась сравнить наши заклинания: его я представила мельничным колесом, а мое стремительным потоком, которое его движит.

— Что ты... — начал произносить он, и внезапно у нас осталась одна роза, и она начала расти.

И не только расти: плети начали взбираться по полкам в разные стороны, оплетая древние тома и потянулись к окну. Высокие, стройные колонны, поддерживающие дверную арку, потерялись среди растущих стволов, отпустивших ветви в палец толщиной. На полу начал расти мох и фиалки, нежные листья папоротника. Повсюду цвели неведомые мне цветы. Странные бутоны, одни свисающие вниз, другие с заостренными кончиками, яркой расцветки, и все помещение было густо насыщено ароматами, запахам опавших листьев и пахучих трав. Я с удивлением оглядывалась по сторонам, мое волшебство по-прежнему лилось легко.

— Вы это имели в виду? — спросила я. И в самом деле, это оказалось не сложнее, чем создать единственный цветок. Но он с таким же как и я удивлением разглядывал разбушевавшуюся вокруг растительность.

Пораженный он впервые посмотрел на меня с неуверенностью, словно был не готов столкнуться с чем-то неожиданным. Его длинные узкие ладони накрывали мои, державшие розу. Волшебство пело в мне, текло через меня. Я чувствовала схожий отзывчивый напев его волшебства, исполнявший тот же мотив. Внезапно мне стало жарко, нахлынуло странное ощущение, и я высвободила свои руки.

Я избегала встречи с ним весь следующий день, но слишком поздно поняла, что мне это удавалось лишь благодаря тому, что и он в свою очередь избегал меня, хотя раньше никогда не пропускал уроков. Я не задавалась вопросом, с какой стати, и старалась делать вид, что это ничего не значит, просто мы решили устроить выходной. Но проведя беспокойную ночь, я сама следующим утром, нервничая, спустилась в библиотеку. Он не посмотрел в мою сторону, только коротко бросил: — Начнем с «fulmkea» на странице сорок три. — Это было новое заклинание, и он все время не поднимал голову от книги. Я с радостью погрузилась в безопасную пучину работы.

Так, предоставленные своим занятиям, почти в полной тишине, не считая обмена парой слов, прошло четыре дня. Думаю, в равной степени мог пройти и месяц, но утром четвертого дня прозвучал дверной молоток у входа Башни. Когда я выглянула в окно, под дверью стоял Борис, но он был не один. С ним была Касина матушка Венса, свернувшаяся в санях и показавшаяся маленькой. Ее бледное круглое лицо смотрело на меня из-под платка.

С той самой ночи с сигнальными кострами я больше не видела никого из Дверника. Данка прислала в Ольшанку пекло в сопровождении мрачного эскорта из каждой деревни долины, собравшегося по пути, как только до них дошли слухи. На четвертый день после того, как я доставила Дракона обратно, они собрались у Башни. С стороны простых крестьян и ремесленников выйти на встречу самому худшему из наших кошмаров это был храбрый поступок, и их с трудом удалось убедить, что Дракон выздоровел.

Мэр Ольшанки настолько набрался храбрости, что потребовал, чтобы Дракон показал рану городскому доктору. Волшебник покорно подчинился, закатив рукав и продемонстрировал светлый шрам — все, что осталось от раны — и даже попросил доктора взять немного крови из пальца. Она оказалась чистого алого цвета. Тем не менее, они привели с собой престарелого деревенского священника в полном пурпурном облачении, чтобы провести над Драконом обряд, что безмерно его взбесило:

— А вы-то, во имя всего святого, зачем себя в это втянули? — спросил он у святого отца, с которым был немного знаком. — Я позволял вам отпускать грехи десяткам обреченных душ. Разве кто-то из них пах розами или внезапно объявлял себя спасенным и очистившийся? Какой толк от вашего обряда, будь я действительно поражен скверной?

— Вижу, вы действительно в порядке, — сухо ответил священник. Только после этого все позволили себе в это поверить, и мэр с большим облегчением отдал волшебнику пекло.

Разумеется, моим отцу и братьям не разрешили идти, как и любому из нашей деревни, кто мог бы расстроиться из-за моего сожжения. Пришедшие смотрели на меня, стоящую рядом с Драконом, и я не знала, как назвать чувство, отражавшееся в их лицах. Я снова была в привычном для себя простеньком наряде, но они все равно глядели на меня, путь и не со злобой, но отчужденно — не так, как смотрят на обычную дочку лесоруба из Дверника. Так я поначалу смотрела на принца Марека. Они глядели на меня и видели кого-то из сказки, как издали смотрят на проезжающего мимо и не принадлежавшего к их жизни. От подобных взглядов у меня мурашки пробежали по коже, и я с удовольствием вернулась в Башню.

Это случилось именно в тот самый день, когда я явилась в библиотеку к Дракону с книжечкой Яги в руке и потребовала, чтобы он перестал считать, что у меня есть какие-то особые способности к целительству, чем ко всему остальному, и позволил мне учиться тому,

чему я могу. Я не пыталась написать письмо, хотя, полагаю, Дракон позволил бы мне его отправить. Но что бы я в нем написала? Я сбежала домой и даже спасла его, но он перестал быть мне родным. Я не смогу прийти на нашу площадь чтобы потанцевать с подругами, как еще полгода назад не могла прийти в библиотеку Дракона и подсесть к нему за стол.

Когда я увидела лицо Венсы, даже из окна, я об этом не вспомнила. Я бросила свою работу болтаться в воздухе незаконченной, что мне неоднократно запрещал делать волшебник, и кинулась по ступеням вниз. Он что-то кричал мне в след, но я его не слышала, потому что Венса не оказалась бы здесь, если бы могла приехать Кася. Я перескочила последние несколько ступеней и пролетела сквозь большой зал, лишь на мгновение задержавшись у дверей: «Iŕgonar, iŕgonar!» — прокричала я. Это было всего лишь заклятье для распутывания узлов на нитках и, к тому же, произнесенное впопыхах, но я приложила к нему щедрую порцию волшебной силы, словно была настроена прорубить себе путь через лес, вместо того, чтобы тратить время на обходные тропинки. Двери подпрыгнули, словно от удивления, и распахнулись.

Я упала в проем на внезапно подкосившиеся колени. Как с удовольствием и едко мне объяснил Дракон, есть причина, почему более сильные заклинания гораздо сложнее прочих... но я оправилась, и схватила Венсу за руки, занесенные для стука. Вблизи было хорошо заметно, что ее лицо припухло от слез. Ее незаплетенные волосы свободно свисали под платком за спиной, а ее одежда была местами разорвана и испачкана. На ней была накидка, брошенная прямо поверх ночной сорочки.

— Нешка, — произнесла она, с силой сжимая мои руки почти до полного их онемения. Ее ногти впились в мою кожу. — Нешка, я не могла не приехать.

— Говорите!

— Они забрали ее этим утром, когда она пошла за водой, — рассказала Венса, срывающимся голосом: — Их было трое. Три ходока.

Самой плохой весной из Чащи приходил один ходок, и он собирал людей в роще словно грибы. Однажды я видела одного вдали от деревьев. Он был похож на сложенное из сучьев насекомое, которое почти невозможно заметить в подлеске, и сложенное настолько чуждо и ужасно, что, когда оно двинулось, я попятилась от него в страхе, почувствовав приступ тошноты. Их руки и ноги были похожи на ветки с длинными сучковатыми пальцами. Ходоки пробирались в рощи, выбирая себе место рядом с тропинками, полянами или у воды, и тихо ждали в засаде. Если кто-то подходил к ним на расстояние вытянутой руки, то спасения не было, если только рядом не окажется большое число людей с топорами и огнем. Когда мне было двенадцать, одного из ходоков удалось поймать в полумиле от Заточек — эта крохотная деревенька в нашей долине стояла крайней у Чащи. Ходок утащил ребенка, который нес матери ведро с водой для полоскания белья. Она заметила, как его схватили и подняла крик. Рядом находилось достаточно женщин, чтобы поднять тревогу и задержать ходока.

Они остановили его с помощью огня, но все равно потребовался целый день, чтобы разрубить его на части. Удерживая мальчика, ходок сломал ему руку и ноги, и не отпускал до тех пор, пока им не удалось разрубить его тело и отрубить конечности. И все равно потребовалось трое сильных мужчин, чтобы отломать пальцы, сжимавшие тело ребенка. У него до сих пор остались шрамы на руках и ногах, которые на ощупь были похожи на огрубевшую дубовую кору.

Тем, кого ходоки все-таки утащили в Чащу, повезло меньше. Мы не знаем, что с ними

случилось, но иногда они возвращались, испорченные самым худшим образом: они улыбались и были приветливы, даже безобидны на вид. Для окружающих, кто не знал их хорошо, они казались почти прежними. Вы могли провести с таким рядом целый день, и ничего не заподозрить, пока не хватались за нож, и не начинали отрезать себе собственную руку, затем выкалывать глаза, отрезать себе язык, а эта дрянь продолжала бы с вами беседовать, мерзко улыбаясь, как ни в чем не бывало. А после этого оно само бралось за нож, и, пока вы валялись снаружи беспомощный, слепой и кашляющий кровью, заходило в ваш дом, к вашим детям. Если кого-то из близких забирал ходок, для всех была лишь одна надежда: что он умер. Единственная надежда. И в этом не было уверенности, пока кто-нибудь не возвращался из Чаши, чтобы подтвердить, что не умер. Тогда мы начинали за ним охоту.

— Нет, только не Кася, — сказала я. — Только не Кася.

Венса опустила голову. Она плакала, не выпуская мои руки, стискивая их словно железом.

— Прошу тебя, Нешка, пожалуйста, — хрипло приговаривала она без тени надежды. Я знала наверняка, она бы ни за что не стала умолять Дракона о помощи, потому что знала ответ. Она пришла ко мне.

Ее слезы было невозможно осушить. Я завела ее внутрь в небольшую прихожую, куда нетерпеливо вошел Дракон и протянул женщине воду. Она шарахнулась от него и спрятала лицо, пока я не передала ей сама. Выпив, она заметно успокоилась, и ее лицо разгладилось. Она позволила мне отвести ее наверх в мою комнатку, и тихо улеглась на кровать с открытыми глазами.

Дракон стоял в дверях, наблюдая за нами. Я сняла кулон с шеи Венсы.

— У нее там локон волос Каси, — я знала, что она срезала ее прядь перед самыми смотринами, считая, что у нее ничего не останется на память о дочери кроме этого. — Если использовать заклятие «loytalal»...

Он покачал головой:

— Что ты рассчитываешь найти, помимо улыбающегося трупа? Девушка мертва. — Он дернул подбородков в сторону Венсы, и та закрыла глаза: — Выспавшись, она успокоится. Скажи вознице, пусть возвращается утром, чтобы отвести ее домой.

Он повернулся и ушел, но худшее было в том, как он сказал об этом — словно о свершившемся факте. Он не кричал на меня, не называл душой. Не говорил, что жизнь деревенской девушки не стоит того, чтобы позволить Чаще схватить меня и обратить себе на пользу. Не говорил, что я идиотка, воспарившая на крыльях успеха: швыряющая налево и направо эликсиры, выращивающая из воздуха цветы и которая вдруг вообразила себе, что сумеет спасти кого-то, кого забрала Чаша.

Девушка мертва. В его голосе даже было слышно сожаление, в его собственном угловатом стиле.

Я села рядом с неподвижной и холодной Венсой, баюкая ее жесткую покрасневшую мозолистую руку на своем колене. Снаружи темнело. Если Кася еще жива, то она находится в Чаще, видя, как садится солнце, и среди веток меркнет вечерний свет. Сколько времени займет кого-то оттуда выволить? Я размышляла о Касе в хватке ходока. Его длинные пальцы сжимают ее руки и ноги. Она знает, что ей грозит, что случится.

Оставив Венсу спать, я спустилась в библиотеку. Дракон был тут, просматривая записи в одном из томов, в котором обычно делал пометки. Я остановилась в дверях, уставившись

ему в спину:

— Я знаю, как она тебе дорога, — сказал он мне через плечо: — Но нет ничего хорошего в том, чтобы раздавать фальшивые надежды.

Я промолчала. Книжечка Яги, маленькая и потертая, раскрытой лежала на столе. Всю прошлую неделю я изучала заклинания земли: «fulmkea, fulmedesh, fulmishta». Они твердые и неподвижные, полная противоположность воздуху и огню, которые давали жизнь иллюзиям. Я взяла книгу со стола за спиной Дракона и положила ее в карман, потом повернулась и тихо сошла вниз по лестнице.

Борис по-прежнему оставался снаружи, ожидая ответа с мрачным выражением на длинном лице. Когда я вышла из Башни, он повернул в мою сторону голову от укрытых попонами коней.

— Отвезете меня к Чаще? — спросила я его.

Он кивнул. Я забралась в его сани и, пока он готовил коней, зарылась в покрывала. Он взобрался на облучок и, звякнув вожжами, прикрикнул на лошадей. Сани двинулись по снегу.

* * *

Этой ночью в небе высоко висела полная, красивая луна. Ее свет отбрасывал голубые тени на сверкающем снеге. По пути я раскрыла книжечку Яги и отыскала заклинание, ускоряющее бег. Я тихо пропела его лошадям. Они услышали меня, прыгнув ушами, и вокруг наших саней сильнее заревел ветер, щипля щеки и выбивая слезу. Замерзшая Веретянница казалась бегущей рядом светло-серебристой дорогой. А впереди на востоке росла тень. Она становилась больше и больше, пока лошади, заволновавшись, не встали как вкопанные без малейшего окрика или движения вожжей. Мир прекратил движение. Мы остановились под навесом нескольких сосен. Перед нами за нетронутым снежным полем простиралась Чаща.

Раз в год, когда вся земля просыпается, Дракон собирает всех неженатых мужчин долины старше пятнадцати лет и приводит их на границу Чащи. Он выжигает дотла и дочерна широкую полосу поля вдоль ее границы, а следующие за огнем мужчины засыпают землю солью, чтобы ничто не могло ни взойти, ни пустить корни. От нашей деревни хорошо видны клубы дыма. И мы видим, как аналогичные дымы поднимаются по другую сторону Чащи в далекой Росии, и мы знаем — там поступают так же. Но стоит огню добраться до Чащи, как пламя гаснет под тенью темных деревьев.

Я спустилась с саней. Борис посмотрел на меня, его лицо было окостеневшим и испуганным, но он сказал:

— Я дождусь, — хотя я знала, что он не сможет. Ждать? Как долго? Чего? Ждать тут, в самой тени Чащи?

Я подумала о своем собственном отце, ждущем Марту, если бы мы вдруг поменялись местами. Поэтому я покачала головой в ответ, решив, если смогу вытащить Касю, то сумею сама доставить ее в Башню. Надеюсь, заклинание Дракона нас впустит.

— Езжай, — сказала я, и внезапно спросила, заинтересовавшись: — Как там Марта?

Он слегка кивнул:

— Вышла замуж, — ответил он, и почему-то замямвшись, добавил: — ждет ребенка.

Я вспомнила Марту на смотринах пять месяцев назад: ее красное платье, красивые

темные косы, ее узкое бледное и чуть испуганное лицо. Казалось невероятным, что мы вообще стояли рядом: она, я и Кася. У меня перехватило дыхание, остро и болезненно. Я представила ее, молодую жену, сидящую у очага, готовую стать матерью.

— Я рада, — через силу сказала я, стараясь не показаться завистливой. Хотела ли я замуж и ребёнка? Не хотела, или скорее хотела, но не более, чем дожить до ста лет — где-нибудь, когда-нибудь, не вдаваясь в подробности. Но это и значит жить. Она живет, а я нет. Даже если я каким-то образом умудрюсь выбраться из Чащи живой, у меня не будет того, что есть у нее. И Кася... Кася уже может быть мертва.

Но я не хотела входить в Чащу с проклятьями в душе. Я сделала глубокий вдох и заставила себя сказать:

— Я хочу пожелать ей легких родов и здорового малыша, — и даже сумела себя в этом убедить: роды сами по себе пугают, хотя это и более знакомый страх. — И, спасибо вам, — добавила я и повернулась, чтобы направиться через безжизненную пустыню к стене темно-зеленых стволов. Когда Борис развернул лошадей, и отъехал, я услышала за спиной позвякивание сбруи, но звуки постепенно стихли и вскоре пропали совсем. Не оглядываясь, я медленно шаг за шагом шла, пока не оказалась под первыми ветвями.

Неслышно падал легкий и мягкий снежок. Кулон Венсы охлаждал мне руку, и я открыла его. У Яги было с полдюжины разных заклятий для розыска, коротких и простых... кажется она постоянно что-то теряла. «Loytalal», — тихо произнесла я над небольшой косичкой из Касиных волос. Как значилось в приписке к заклинанию: «оно хорошо для поиска целого по части». Мое дыхание превратилось в крохотное бледное облачко, которое отплыло от меня и устремилось между деревьями. Я ступила между двумя стволами и пошла за ним следом в самую Чащу.

* * *

Вообще-то я ожидала, что будет гораздо страшнее. Но по началу Чаща казалась всего лишь старым, старым лесом. Деревья были похожи на высокие колонны в темном бесконечном зале. Они стояли на приличном расстоянии друг от друга, и среди темно-зеленого мха проступали их искривленные обнаженные корни. Низкий папоротник слегка сворачивался на ночь. Во множестве росли высокие бледные грибы, похожие на ряды марширующих игрушечных солдатиков. Несмотря на середину зимы, в этом лесу снег не долетал до земли между деревьями. Тонкий слой изморози покрывал опавшие листья и голые ветви. Осторожно пробираясь между деревьев, я услышала, как где-то вдали ухает сова.

Луна все еще висела над головой: ее чистый яркий свет лился сквозь голые ветви. Я следовала за собственным дыханием и представляла себя прячущейся от совы мышкой. Крохотная мышка, рыщущая в поисках кукурузных зерен или закатившегося орешка. Уходя гулять в рощу, я по пути часто воображала, как растворяюсь в холодном разлапистом ельнике, среди птичьих напевов и кваканья лягушек, у журчащего лесного ручейка, бегущего среди камней. Сейчас я тоже пыталась точно так же раствориться, чтобы не привлекать к себе внимание, старалась стать частью леса.

Но здесь что-то было. Что-то следило за мной. Я чувствовала это с каждым шагом вглубь Чащи все сильнее и сильнее, словно на мои плечи лег тяжкий груз или железное

ярмо. Я шла, внутренне ожидая свисавших с каждой ветки трупов, прыжка волка из тени. Скоро я уже мечтала о волках, потому что здесь жило нечто гораздо хуже. Здесь жило то, что я мельком видела в глазах Иржи. Нечто живое, и я была заперта, зажата в крохотный уголок, в глухой комнате вместе с ним. В этом лесу тоже были слышны песни, но они были о жестокости, нашептывающие о безумии, о пытках и гневе. Я кралась по лесу, опустив плечи, стараясь стать меньше.

Потом я набрела на небольшую речушку... скорее ручеек, с сильно намерзшим на берега льдом, между которыми бежала темная вода. В просвет между деревьями лился лунный свет, а на противоположном берегу стол ходок. Он склонил свою странную узкую, похожую на корягу, голову к воде и пил. Его пасть была похожа на разлом. Чудище подняло свою голову и посмотрело прямо на меня, роняя капли на землю. Его глаза словно сучки в коре: круглые темные отверстия, в которых могут жить небольшие животные. К одной из ног ходока прилепился обрывок зеленой материи, застряв в выступающем остром суставе.

Мы смотрели друг на друга через узкую полосу бегущей воды. Дрожащим голосом я произнесла: «Fulmedesh», — и в земле под ходоком открылась щель, в которую провалились его задние ноги. Он беззвучно затрепыхался, заскребся о берег свободными, похожими на ветки конечностями, разбрасывая в стороны брызги воды. Но земля поглотила его до середины тела, и он уже не мог выбраться.

Меня согнуло пополам, и я вскрикнула от боли. Было чувство, словно меня ударили палкой по плечам. Чаща ощутила мое вмешательство. Я была уверена в этом. Чаща меня искала. Она искала меня и скоро найдет. Пришлось заставить себя двигаться. Я перепрыгнула через ручей и побежала за призрачным облачком заклинания, которое вело за собой. Ходок пытался перехватить меня своими длинными одревесневшими пальцами, но я увернулась. Я выбежала за круг крупных деревьев и выбралась на поляну, на котором росло дерево поменьше. Все пространство было засыпано снегом.

Поперек поляны лежало упавшее дерево огромных размеров: его ствол был толще моего роста. Именно его падение образовало эту поляну, и прямо посередине ее выросло новое. Но оно не было похоже на другие деревья. Все виденные мною до того в Чаще деревья были мне знакомы. За исключением их странной пятнистой коры и невероятных углов, под которыми изгибались их ветки, это были обычные дубы, черные ивы и сосны. Но такое дерево мне еще не приходилось видеть.

Хотя старое упало совсем недавно, ствол молодого уже было сложно обхватить руками. Гладкая серая кора покрывала странный узловатый ствол с длинными ветвями, расположенными строго по окружности и растущими от ствола как у лиственницы сразу вверх. Ветви даже зимой не были голыми. На них висело множество высохших серебристых, шелестевших на ветру листьев. Казалось этот шорох исходит откуда-то из другого места, словно где-то за спиной вне зоны вашей видимости собрались и тихо разговаривают какие-то люди.

Мое заклинание растаяло в воздухе. Оглядев снег, я заметила ведущие к дереву следы прошедшего здесь ходока и борозды от его брюха. Я сделала несколько неуверенных шагов в снегу, потом еще и остановилась. Кася была соединена с деревом. Она стояла спиной к стволу, а ее руки были заведены назад и там связаны.

Я не смогла заметить ее сразу потому, что на нее уже успела нарасти кора.

Ее лицо было слегка приподнято, и под наплывами подступающей коры я видела ее открытый рот, застывший в крике беззвучном. Я испуганно беспомощно вскрикнула и,

вытянув к ней руки, заковывляла по снегу в ее сторону. На ощупь кора уже начала грубеть, посеревшая кожа была гладкой и твердой на ощупь, словно она тоже уже превратилась в дерево, стала его частью, частью Чащи.

Я не могла ухватиться за кору, хотя и пыталась отчаянно ее скрести и отрывать. Но все, что мне удалось, это лишь слегка поцарапать полосу на Касином лице, и под ней я увидела ее собственную мягкую кожу, до сих пор теплую и живую. Но едва я к ней прикоснулась, как кора быстро затянулась, и мне пришлось отдернуть руку, чтобы самой не оказаться пойманной. В еще большем отчаянии я закрыла рот руками. Я еще так мало знала, ни одно заклинание не приходило мне на ум — ничего, что помогло бы вызволить Касю, ничего, что дало бы мне какое-то оружие: топор или нож, даже если бы было время вырубить ее из ствола.

Чаща знала, что я здесь. Уже сейчас ее твари сползались ко мне, неслышно пробираясь по лесу: ходоки, волки и кое-что похуже. Внезапно я осознала, что здесь водились создания, никогда не покидавшие Чащу, создания настолько ужасные, что их никто прежде не видел. И они приближались.

В книжке Яги говорилось: «Если у тебя есть силы, произнеси уверенно: „fulmia“ десять раз подряд, стоя голыми ногами на земле, и ты сотрясешь землю до самых ее основ». Дракон верил тому, что здесь было написано настолько, что не позволил мне попробовать сделать это рядом с Башней. А я не верила, что у меня появится необходимость сотрясать землю до основания. Но сейчас я упала на землю и принялась разгребать снег, опавшие листья, гниль и мох, пока не добралась до подмерзшей почвы. Я нашла крупный булыжник и принялась раз за разом долбить им по поверхности, разбивая почву и стараясь согреть ее дыханием, мешая ее с тающим снегом, с моими капающими на землю горячими слезами. Кася застыла надомной словно статуя в церкви, задрав вверх голову в безмолвном крике.

Погрузив пальцы в почву, и разминая плотные комки, я произнесла: «Fulmia». Не смотря на текущую из-под ногтей кровь, я повторяла раз за разом: «Fulmia, fulmia!», и почувствовала, как неохотно, но земля откликается. Даже она была здесь осквернена, пропитана ядом, но я плюнула слюной на землю и прокричала: «Fulmia!», и представила, как моя сила моего волшебства стекает словно вода в землю, заполняет ее трещинки и пустоты, распространяется под ладонями вокруг, под моими озябшими мокрыми коленями... и земля содрогнулась и заворочалась. Там, где мои руки касались земли, началось небольшое сотрясение, и оно усилилось, когда я повела ими в сторону корней дерева. Смерзшаяся почва начала ломаться вокруг мелкими комочками, сотрясения продолжались и продолжались, распространяясь волнами.

Ветви дерева над моей головой затряслись словно от страха, их шелест превратился в тихий стон. Я выпрямилась, стоя на коленях: «Отпусти ее!» — крикнула я, обращаясь к дереву и стукнула по стволу перепачканными руками. — «Отпусти, или выкорчую тебя! Fulmia!» — крикнула я в гневе, и с размаху ударила кулаками о землю, и там, где опустились мои руки, земля вздыбилась и поднялась, как река, подпитываемая дождями. Сила хлестала из меня потоком, все предостережения Дракона были отброшены и забыты. Я бы потратилась до последней капли и умерла, только чтобы повергнуть это ужасное дерево. Я просто не могла себе представить мир, в котором я смогла бы жить, если бы оставила Касину жизнь и ее сердце на съедение этому монстру. Я бы предпочла скорее погибнуть от собственноручно устроенного землетрясения, но прихватить его с собой. Я уже приготовилась разверзнуть землю, чтобы похоронить нас всех под ней.

И тут со звуком, напоминающим треск льда по весне, кора лопнула снизу вверх по всему Касиному росту. Я вскочила с земли и протиснула пальцы в образовавшуюся щель, раздвигая ее пошире, потянувшись к Касе. Я ухватила ее за запястье, за ее безвольные и потяжелевшие руки и потянула. Она выпала из пугающего темного провала, сложившись пополам словно марионетка, и я, ухватив ее за запястья, попятилась назад, оттаскивая ее тело на снег. Касина кожа казалась мертвенно-бледной, болезненно рыхлой, словно из нее выпили все солнце. С нее зелеными ручейками стекал сок, пахший весенним дождем, и она не двигалась.

Я опустилась рядом на колени. Содрогаясь от рыданий, я позвала: «Кася». Ствол дерева словно шрам уже успел затянуться вокруг дыры, в которой она находилась. Я взяла Касины ладони в свои перепачканные и влажные руки и поднесла их к своим щекам, губам. Они были холодными, но не такими озябшими как мои. В них сохранились признаки жизни. Тогда я нагнулась и взвалила ее тело на плечи.

Спотыкаясь, на рассвете я вышла из Чащи с Касей, словно с вязанкой хвороста, на плечах. По пути Чаша сторонилась меня, словно она боялась снова навлечь на себя заклинание. С каждым моим тяжелым шагом слово «Fulmia» колоколом звенело в моей голове. Кася наваливалась на меня своим весом, мои грязные руки пачкали ее бледную кожу рук и ног. Наконец я перетянула за край леса в заснеженное поле и повалилась в глубокий снег. Выбравшись из-под Каси, я ее перевернула. Ее глаза до сих пор были закрыты. Волосы спугались и прилипли к лицу, намокнув от древесного сока. Я приподняла ее голову к своему плечу, закрыла глаза и произнесла заклинание.

Дракон подждал нас на площадке на вершине Башни. Таким напряженным и мрачным я его еще не видела. Он взял меня за подбородок и поднял мое лицо вверх. Уставшая и опустошенная с смотрела на него, пока он вглядывался в мое лицо и в глаза. В руке он держал какую-то бутылочку. После длительного осмотра он снял с нее крышку и протянул мне:

— Выпей! До дна.

Потом он подошел к неподвижно лежащей Касе. Он провёл руками над ней, и когда я издала протестующий возглас и потянулась к ней, обернулся ко мне:

— Немедленно пей, — рявкнул он, — если только ты не хочешь заставить меня немедленно испепелить ее, чтобы заняться тобой. — Он дождался, пока я не начну пить, и быстро пробормотал какое-то заклинание, посыпав ее тело какой-то пылью. Над ней тут же вспыхнула яркая янтарно-золотистая сетка, похожая на клетку для птиц, и он повернулся, чтобы посмотреть, как я пью.

Сперва жидкость на вкус была невероятно приятной: все равно что в пересохшее горло влить теплой медовухи с лимоном. Но с каждым глотком мой желудок начинало подташнивать от чрезмерной приторности. Я хотела бросить на полпути. Закашлявшись, я сказала:

— Не могу.

— До дна, — ответил он. — И потом второй, если я сочту это необходимым. Пей! — и я заставила себя сделать следующий глоток, и еще один, и другой, пока полностью не осушила бутылочку. Он взял руками меня за запястья и произнес:

— Ulozishtus sovjenta, megiot kozhor, ulozishtus megiot.

Я закричала, чувствуя, словно внутри меня зажегся огонь. Я видела, как через мое тело просвечивает сияние, словно я превратилась в фонарь, и поднимая руки, я, к своему ужасу, увидела под поверхностью кожи мечущиеся тени. Позабыв про жуткую боль, я ухватила свое платье и стянула его через голову. Он присел рядом со мной на пол. Я сияла как солнце, и по мне, словно рыбы под зимним льдом, мелькали тонкие тени.

— Убери их, — попросила я. Теперь, когда я их увидела, я внезапно ощутила, как они, перемещаясь, оставляют во мне след. Я-то наивно думала, что раз нигде не поцарапалась, не обрезалась, и меня не покусали, то осталась в безопасности. Думала, что это все его глупая мнительность. Вот теперь я поняла: даже с воздухом под кронами Чащи я вдыхала скверну, и не заметила, как они проникли в меня, потому что они были маленькими и ловкими. — Убери их из меня...

— Да-да, я пытаюсь, — буркнул он, снова хватая за запястья. Он прикрыл глаза и снова

медленно начал читать длинное заклинание, которое длилось и длилось, поддерживая во мне огонь. Я уставилась в окно на разгорающийся утренний свет, и старалась дышать, не смотря на жжение. Из моих глаз ручьями текли слезы, обжигая мои щеки. Впервые его пальцы на моих руках показались мне прохладными.

Тени под моей кожей стали истончаться, мельчать, их края опалялись светом, осыпаясь как песок под напором воды. Они металась кругами, пытаюсь отыскать, где им спрятаться, но волшебник не давал свечению нигде погаснуть. Я видела внутри себя светлые очертания своих костей и органов, и даже собственное бьющееся в груди сердце. Оно замедлялось, каждый удар был тяжелее. Я отстраненно поняла, что вопрос сейчас состоит в том, сумеет ли он выжечь из меня скверну быстрее, чем сдастся мое тело. Я покачнулась в его руках. Он внезапно меня встряхнул, и, открыв глаза, я увидела его взгляд. Он ни на мгновение не прервал ритм заклинания, но ему не нужно было мне объяснять словами: «Не смей тратить мое время, несносная идиотка!» — кричали его гневные глаза, и я, закусив губу, продержалась еще немного.

Последняя теневая рыбка распалась на корчащиеся нити и вот они тоже исчезли, до крайней степени истончившись. Он замедлил ритм заклинания и остановился. Огонь во мне слегка поутих к моему невероятному облегчению. Он мрачно спросил:

— Ну, что, довольно?

Я открыла рот, чтобы ответить «да, пожалуйста!», но вместо этого, испытал невероятный ужас, прошептала: — Нет. — Я все еще чувствовала в глубине себя смутный ртутный след выживших теней. Если сейчас мы остановимся, они спрячутся глубже, спрячутся в венах, в моем животе. Они дадут корни, и станут расти, расти, расти, пока полностью меня не поглотят.

Он коротко кивнул. Вытянув руку, он пробормотал какое-то слово, и в его руке появилась другая бутылочка. Я поежилась. Ему пришлось вливать ее мне в открытый рот. Давясь, я проглотила ее, и он снова затянул заклинание. Внутри меня снова вспыхнуло пламя: нестерпимое, ослепляющее, обжигающее.

После еще трех порций, подпитывавших пламя до полной силы, я была почти уверена. Но заставила себя принять еще одну, для полной уверенности, и после этого едва ли не сквозь слезы сказала: «Достаточно. Уже достаточно», но он застал меня врасплох, и заставил выпить еще одну. Когда я начала плевать, он закрыл мне рукой рот и нос, и использовал другое заклинание: это не обжигало, но перекрыло мои легкие. Пять ужасных ударов сердца я не могла дышать вовсе, царапаясь, захлебываясь на открытом воздухе. Эта часть была хуже всего остального. Я глядела на него, видя, как его темные неумолимые и внимательные глаза наблюдают за мной. Я начала в них тонуть, мое зрение затуманилось, и руки обмякли. Тут, наконец-то, он прекратил, и мои изголодавшиеся легкие распухли как мехи, судорожно нагнетая воздух. Я прокричала что-то бессмысленное от гнева, и отпихнула его от себя, так что он покатился по полу.

Он умудрился извернуться и не расплескать жидкость из бутылочки. Мы яростно уставились друг на друга:

— Это самый из всех невероятно глупых поступков, что ты совершала! — рявкнул он.

— Могли бы и предупредить! — крикнула я в ответ, обхватив себя руками, все еще дрожа от ужаса. — Я вытерпела предыдущее, смогла бы стерпеть и это...

— Не могла бы, — категорично оборвал он меня, — если пала перед скверной. Если она глубоко проникла, то после моего предупреждения, ты стала бы пытаться этого избежать.

— Тогда бы вы все равно узнали! — сказала я, и он крепко сжал губы в тонкую линию, и отвернулся от меня странно напрягшись.

— Да, — произнес он, — узнал бы.

И тогда, ему пришлось бы убить меня. Ему пришлось бы убить меня, не смотря на мои мольбы, мои уверения, что я ... возможно даже, что я сама верила бы в это, как это было... что не осквернена. Я замолчала, медленно, размеренно и глубоко дыша, восстанавливая дыхание.

— Ну так я... Я чиста? — наконец, выдавила я, с ужасом ожидая ответ.

— Да, — ответил он. — Ни какая скверна не сумела бы укрыться от этого последнего заклинания. Если бы мы начали с него, ты бы умерла, потому, что тени украли бы дыхание из твоей крови, чтобы выжить.

Я согнулась и закрыла лицо руками. Он поднялся на ноги и закрыл бутылочку. Пробормотав «Vanastalem» и взмахнув руками, он нагнулся надо мной и протянул мне аккуратно сложенный плащ из плотного прошитого шелком бархата темно-зеленого цвета с золотой вышивкой. Я непонимающе уставилась на волшебника, и только когда он натянуто отвернулся в сторону, поняла, что последние угольки сияния под моей кожей гаснут, а я абсолютно голая.

Я порывисто вскочила на ноги, заслонившись плащом, едва не забыв о главном:

— Кася! — взволнованно выпалила я, и повернулась к лежащей в магической клетке подруге.

Он ничего не сказал. Я с тревогой посмотрела на Дракона.

— Ступай и оденься, — наконец сказал он. — Спешить некуда.

Но на меня он набросился немедленно после того, как я появилась в Башне:

— Должен существовать способ, — предположила я. — Должен быть. Ее только что забрали... она недолго пробыла в дереве.

— Что? — резко спросил он и, нахмутив лоб, выслушал те ужасы, что я испытала на поляне, у дерева. Я постаралась рассказать ему об ужасной тяжести слежки Чащи, об ощущении загоняемой жертвы. Не смогла. Слов было недостаточно. Но его лицо мрачнело сильнее, пока я не закончила своим броском на снежную пустошь.

— Помимо того, что ты просто сумасшедшая, тебе очень сильно повезло, — наконец сказал он: — хотя в твоём случае это одно и то же. Еще никто не заходил в Чащу так далеко и возвращался невредимым, никто после... — он умолк, и я каким-то образом догадалась, что он имел в виду Ягу. Она ходила в Чащу и возвращалась. Дракон это заметил, и посмотрел мне в лицо: — Тогда ей уже было сто лет, — холодно добавил он: — и она была настолько пропитана волшебством, что там, где она ступала, из земли выпрыгивали черные поганки. Но и она не доходила до такой глупости, чтобы затевать большое колдовство в глубине Чащи, хотя в твоём случае, ручаюсь, именно это тебя спасло. — Он покачал головой. — Думаю, следовало приковать тебя цепью к стене, едва здесь объявилась эта крестьянка, чтобы поплакать тебе на плече.

— Венса, — мой уставший, оупевший мозг ухватился только за последнюю фразу. — Мне нужно пойти ей рассказать. — Я оглянулась в сторону коридора, но он вмешался.

— Рассказать ей что?

— Что Кася жива, — ответила я. — Что я спасла ее из Чащи и...

— И что ей наверняка придется умереть? — жестко закончил он.

Инстинктивно я бросилась к Касе, встав на его пути и преграждая путь руками...

бессмысленный поступок, если бы он захотел, то легко бы справился со мной, но он лишь покачал головой:

— Перестань насакивать на меня, словно рассерженная курица, — он был скорее уставшим, чем рассерженным. Его тон заставил мое сердце сжаться: — Последнее, что нам нужно, чтобы ты из-за беспокойства о ней ты натворила еще больше глупостей. Мы можем сохранять ей жизнь столько, сколько сумеем ее сдержать. Но все равно ты наконец решишь, что милосерднее будет ее убить.

* * *

И все же я рассказала Венсе утром, когда она проснулась. Она с широко-раскрытыми глазами схватила мои руки:

— Позволь мне ее увидеть, — попросила она, но Дракон не разрешил.

— Нет, — ответил он: — Можешь истязать себя, если хочешь. Но это все, что я позволю. Не нужно давать женщине несбыточных надежд, и не стоит позволять ей даже приближаться. Если позволишь, я дам совет: скажи матери, что девушка умерла, и пусть продолжает жить, как может.

Но я настроилась и рассказала Венсе правду. Я решила, для нее было лучше знать, что Касю вызволили из Чащи, что ее мучениям пришел конец, даже если исцеление невозможно. Я не была полностью уверена, что была права. Венса плакала и умоляла. Если бы я могла, я бы не подчинилась Дракону и отвела бы мать к дочери. Но в случае с Касей волшебник мне не доверял. Он забрал ее куда-то в глубокую темницу под Башню и там запер. Мне он сказал, что не покажет вход, пока я не научусь защитным заклинаниям, которые смогут предохранить меня от скверны Чащи.

Пришлось ответить Венсе, что не могу этого сделать, и поклясться несколько раз собственной жизнью, пока она не поверила.

— Не знаю я, не знаю, куда он ее спрятал! — наконец выкрикнула я. — Не знаю!

Она прекратила умолять, и, не выпуская моих рук, уставилась на меня, тяжело дыша и сказала:

— Завистливая дрянь! Ты всегда ее ненавидела, всегда. Ты хотела, чтобы ее забрали! Вы с Галиндой всегда знали, что он выберет ее. Знали и радовались. А теперь ты ее ненавидишь, потому что он вместо нее забрал тебя...

Она трясла меня, дергая на себя, и в какой-то момент я не могла ее остановить. Слышать подобное было слишком жестоко: словно в чистом источнике, из которого ты собирался испить оказался яд. Я была так сильно вымотана, потратив все силы на вызволение Каси, и неважно чувствовала себя после очищения. Наконец, мне удалось высвободиться и, не в сила более сносить это, я выбежала прочь из комнаты. Я остановилась в коридоре и прислонилась к стене, беспомощно рыдая, не в состоянии даже вытереть бегущие слезы. Венса выбежала за мной мгновение спустя вся в слезах со словами:

— Прости, прости меня, Нешка. Я не хотела. Не хотела.

Я знала, что на самом деле она так не думала, но в ее словах была правда, чуть-чуть, в переносном смысле. Она разбередила мое чувство вины, и я закричала, обращаясь к Дракону: «Почему? Почему ты не забрал вместо меня Касю?» Мы столько лет жили счастливо с моей матерью, считая, что меня не выберут, а теперь я абсолютно несчастна. И

все же это не было поводом ненавидеть Касю.

Так что мне не было жаль, когда Дракон отправил Венсу домой. Я даже не стала спорить, когда он в тот же день отказался учить меня защитному заклинанию.

— Не пытайся быть еще большей душой, чем ты есть, — рявкнул он. — Тебе требуется отдых. А если тебе он не нужен, то мне точно пригодится, прежде чем придется пройти через сомнительно мучительное удовольствие попытки вдолбить в твою голову необходимость защиты. Спешить некуда. Ничего не изменится.

— Но что, если Кася заражена так же, как и я, — начала возражать я, но он покачал головой в ответ.

— Несколько теней сумели просочиться у тебя между зубов. Быстрое очищение не позволило им в тебе укорениться, — пояснил он. — Это совсем иной случай, и даже не отравление третьего уровня, которому подвергся неудачливый пастух, которого ты безо всякого на то основания обратила в камень. Ты хоть поняла, что дерево, которое ты видела, это один из очагов самой Чащи? Там, где оно укореняется, Чаща расширяет свои пределы. Его плодами питаются ходоки. Она была во власти Чащи настолько, что иного нельзя и представить. Ступай спать. Пара-другая часов для нее ничего не значат, но позволяют тебе избежать новой глупости.

Я была вымотана, и прекрасно знала это, хотя в моей груди горел огонь противоречия. Я сохранила его на будущее. С другой стороны, если бы я послушалась его и тогда вместе с его предостережениями, Кася до сих пор оставалась бы внутри дерева, которое ее пожрало бы и извратило. Если бы я верила всему, что он рассказывает о колдовстве, я бы до сих пор учила изматывающие меня заклятия. Он сам говорил, никого не спасали от дерева и никто не возвращался из Чащи... кроме Яги, и теперь меня. Он способен ошибаться. Он ошибается на счет Каси. Ошибается.

Я вскочила с кровати еще до рассвета. В книжке Яги нашлось заклятье для поиска порчи, довольно простое: «Aish aish aishimad». Я испытала его в кухне, отыскав плесень на задней стенке бочки, сгнивший раствор в кладке, испорченные яблоки и сгнивший кочан капусты, закатившийся под стеллаж с вином. Когда рассвет наконец осветил лестницу, я поднялась в библиотеку и громко снимать с полок книги, пока Дракон не появился собственной персоной — сонный и уставший. Он не стал меня упрекать. Просто быстро хмуρο огляделся и ушел, не сказав ни слова. Лучше бы он накричал.

Но он принес небольшой золотой ключик и открыл шкафчик из черного дерева в дальнем конце комнаты. Я заглянула внутрь: там на подставках было множество листов тонкого стекла. Между ними хранились листы пергамента. Он вытащил один из них со словами:

— Я хранил его больше как курьез, но, кажется, подобное подходит тебе лучше всего.

Он положил его на стол, не вынимая из-под стекла: это была одна страница, криво исписанная неразборчивым почерком с рисунками сосновых иголок, от которых идет дымок, вдыхаемый нарисованным лицом с носом. Многие буквы выглядели очень странно. У заклинания было с десятков вариантов произнесения: «suoltal videl, suoljata akorata, videlaren, akordel, estepum», и так далее.

— Так какое из них? — спросила я.

— Что? — переспросил он, и раздраженно покачал головой, когда я объяснила ему, что это разные заклинания, но все довольно короткие, а не одно длинное, как он предполагал ранее. — Понятия не имею, — коротко ответил он: — Выбери что-то сама и попробуй.

Не стану скрывать, в тайне я была довольна. Это было еще одно подтверждение того, что и его знаниям есть пределы. Сходя в лабораторию за сосновыми иголками, я подожгла их в стеклянной чаше на столе в библиотеке и, нетерпеливо наклонившись к дыму, приступила.

— Suoltal, — произнесла я первое, чувствуя, как заклинание формируется у меня на языке... но что-то с ним было не так. Оно словно соскользнуло.

— Valloditazh aloito, kes vallofozh, — произнес волшебник. Слова заклинания прозвучали резко, вцепившись в меня словно рыболовные крючки. Потом он шевельнул одним пальцем, и мои руки поднялись над столом и трижды хлопнули в ладоши. Это не было похоже на утрату контроля, как бывает во сне, когда падаешь и силишься проснуться. Я чувствовала мысль за каждым движением, как кукольник дергает меня за нити. Как кто-то двигает моими руками, и это не я. Это почти заставило меня схватиться за ответное заклинание, но Дракон еще раз шевельнул пальцем, и крючки исчезли, а марионеточные нити пропали.

Я уже вскочила на ноги и, задыхаясь, бросилась на него через всю комнату, но остановилась. Я смотрела на него, но он и не думал извиняться:

— Когда это делает Чаща, — сказал он, — ты даже не почувствуешь подвоха. Пробуй снова.

У меня ушел час. Ни одно из заклинаний не получалось как следует, не так, как было написано на странице. Я перепробовала все, пыталась произносить их так и эдак, наконец я поняла, что некоторые буквы читаются совсем не так, как я предполагала. Я попыталась изменить их чтение, пока не получилось слово, показавшееся моему языку подходящим. Потом другое, еще и еще, пока они не соединились. Он заставил меня упражняться без остановки несколько часов кряду. Я вдыхала сосновый дым и выдыхала заклинания, а потом он испытывал мой разум на прочность самыми разными неприятными и извращенными заклинаниями.

Наконец в полдень он дал мне передышку. Я рухнула в кресло уставшая и будто исколотая ежом. Защита выдержала, но я чувствовала себя словно была истыкана множеством иголок. Я смотрела на пергамент со странными буквами, запечатанный под стеклом и размышляла, сколько же ему лет.

— Он очень древний, — сказал волшебник. — Он древнее Польни. И, наверное, даже древнее Чащи.

Я уставилась на него. Мне ранее никогда не приходила в голову мысль, что Чаща не была здесь всегда, что не всегда могло быть так.

Он пожал плечами:

— Все, что нам известно, так и есть. Чаща совершенно точно старше Польни и Росии. Она уже была здесь, когда кто-то из нас решил заселить эту долину. — Он постучал по пергаменту под стеклом. — Насколько мы знаем, те, кто это написал, были первыми поселенцами этой части мира несколько тысяч лет тому назад. Поселившись в долине, их короли-колдуны принесли с собой на запад из бесплодных земель на дальнем конце Росии свой язык колдовства. И потом на них обрушилась Чаща, которая поглотила их крепости и опустошила их поля. Это все то немногое, что осталось после них.

— Но, если Чащи здесь не было, когда мы заселяли долину, тогда откуда же она взялась?

Дракон пожал плечами:

— Если хочешь, можешь отправиться в столицу. Там ты найдешь сотню трубадуров,

которые с радостью исполняют тебе баллады о появлении Чащи. У них этот предмет очень популярен, по крайней мере среди тех, кто знает о нем меньше них. Для них это богатое поле для вымысла. Думаю, кто-нибудь из них мог сочинить близкую к правде историю. Зажигай огонь и начнем заново.

До самого вечера, когда уже начало темнеть, Дракон не был удовлетворен моей работой. Он пытался отправить меня спать, но не смогла бы уснуть. Слова Венсы звенели и стучали в моих ушах. Мне пришло в голову, что он добивается, чтобы я устала, чтобы он мог оттянуть все еще на день. Я хотела увидеть Касю собственными глазами, хотела знать, с чем имею дело, с какой скверной мне предстоит сражаться.

— Нет и нет, — сказала я. — Ты говорил, я смогу ее повидать, если сумею защититься.

Он всплеснул руками:

— Ну, ладно, — сдался он. — Следуй за мной.

Он повел меня по лестнице вниз, в кухню, затем в кладовую за ней. Я помню, как в отчаянии обыскала все стены, когда думала, что он высасывает из меня жизнь. Пытаясь выбраться, я ощупала все стены, все щели, засунула палец в каждую дырочку, пыталась расшевелить каждый кирпичик. Но он подвел меня к совершенно гладкой на вид стене, состоящей из сплошного куска белого камня без единого следа раствора. Он прикоснулся к нему легонько пальцами, а потом скрючил их на манер паучьих лап. Я ощутила легкий отзвук волшебства. Весь кусок камня утонул в стене, образовав проем со слегка светившейся ведущей в глубину крутой лестницей из того же белого камня.

Я последовала за ним внутрь. Эта часть сильно отличалась от остальной Башни. Она была древнее и куда более странной. Ступени были очень четко вырезаны по краям, но сильно гладко истерты посередине. Понизу обеих стен в одну линию были вырезаны буквы: они не были похожи ни на наши, ни на буквы России, а очень напоминали те, что были на пергаменте. Мы шли вниз довольно долго, и я все больше поражалась количеству камня вокруг нас, и тишине. Было полное ощущение могилы.

— Это и есть гробница, — пояснил волшебник. Мы достигли конца лестницы, очутившись в небольшой круглой комнатке. Здесь был спертый воздух. Надпись, сбегавшая вниз по стене вдоль лестницы с одной стороны, непрерывной линией продолжалась вдоль всей комнаты, изгибаясь дугой поверх очерченной на стене арки, и взбиралась вдоль лестницы вверх по стене с другой. Внутри арки, в самом низу, было пятно из более светлого камня. Как будто сперва была построена вся стена, а потом был заделан лаз. Как раз такой, чтобы пролезть человеку.

— Там... до сих пор кто-то похоронен? — робко спросила я. Мой голос прозвучал глухо.

— Да, — ответил Дракон, поворачиваясь ко мне: — Но даже короли не против делиться, особенно, мертвые. А теперь послушай меня внимательно. Я не стану учить тебя ходить сквозь стену. Когда захочешь ее проведать, я сам тебя проведу. Если ты попытаешься к ней прикоснуться или позволишь ей прикоснуться к тебе, я немедленно выведу тебя оттуда. А теперь, если все еще настаиваешь на своем, накладывай защитное заклинание.

Я зажгла прямо на полу щепотку сосновых иголок, и произнесла заклинание, опустив лицо в облако дыма. Затем я протянула ему руку, и он провел меня сквозь стену.

Он внушил мне страх перед самым ужасным вариантом, что Кася стала похожа на Ирижи: изо рта идет пена, и она лезет вон из собственной кожи буквально. Или что в Касе полным-полно этих ужасных теней, которые пожирают ее изнутри. Я была готова ко всему и

взяла себя в руки. Но когда он провел меня сквозь стену, она — такая маленькая — просто скорчившись сидела в углу на матрасе, обхватив руками колени. Перед ней на полу стояла миска едой и вода. Она ела и пила, умылась и аккуратно заплела волосы. Кася выглядела уставшей и напуганной, но совершенно точно привычной собой. Увидев меня, она вскочила и побежала ко мне, раскинув объятья:

— Нешка, Нешечка, ты нашла меня.

— Не приближайся, — спокойно произнес Дракон, и добавил: — Valur polzhys. — Внезапно поперек пола между нами возникла стена яркого пламени. Я тянулась к ней, не в силах ничем помочь.

Я опустила руки и сжала их в кулаки... и Кася тоже отступила назад, стоя за огненной стеной. Она покорно кивнула Дракону. Я стояла и беспомощно смотрела на нее, помимо воли полная надежд.

— С тобой все... — и слова застряли в горле.

— Не знаю, — ответила Кася дрожащим голосом. — Я... ничего не помню. Ничего с тех пор, как меня втащили в Чашу. Они утащили меня, втащили в Чашу и они... они... — она замолчала с приоткрытым ртом. В ее глазах застыл ужас, тот же самый, что я почувствовала, когда увидела ее в дереве, почти покрытой корой.

Мне пришлось заставить себя, не потянуться к ней снова. Я снова очутилась в Чаще, увидела ее невидящее, страдающее лицо, ее руки.

— Не надо об этом, — сказала я твердо и с отвращением. Я почувствовала укол злости в отношении Дракона за то, что он скрывал ее от нее так долго. И уже начала строить в голове планы: использую заклинание Яги, чтобы найти, где скверна могла пустить в ней корни, потом попрошу Дракона научить тому очищающему заклинанию, что он использовал на мне. Poiшу в Ягиной книге и отыщу похожие, и освобожу ее. — Не думай сейчас об этом. Просто скажи, как ты себя чувствуешь? Тебя... тошнит или знобит...

Наконец я оглядела само помещение. Стены здесь были из того же полированного белого мрамора, а в глубокой нише на дальней стене был установлен тяжелый ящик, больше человеческого роста в длину. Поверху на нем были вырезаны все те же буквы, а по бокам шел совсем другой рисунок: высокие цветущие деревья и лозы были плотно переплетены друг с другом. Над спальней горел единственный голубой огонек, воздух для которого поступал сквозь единственное узкое отверстие в стене. Это было красивое помещение, но очень холодное. Оно не было предназначено для живых.

— Мы не можем оставить ее здесь, — резко заявила я Дракону, несмотря на то, что он покачал головой. — Ей нужно солнце, свежий воздух... вместо этого мы можем держать ее в моей комнате...

— Уж лучше тут, чем в Чаще! — сказала Кася. — Нешка, прошу, скажи, с моей матушкой все хорошо? Она пыталась гнаться за ходами... Я боялась, что они заберут и ее.

— Нет, с ней все хорошо, — ответила я, вытерев лицо и глубоко вздохнув. — Она беспокоится за тебя... очень беспокоится. Я передам ей, что с тобой все...

— Можно я напишу ей письмо? — спросила Кася.

— Нет, — ответил Дракон, и повернулась к нему.

— Мы же можем дать ей клочок бумаги и огрызок карандаша! — зло сказала я ему. — Это никого не обременит.

Он смотрел на меня с мрачным выражением лица:

— Ты же не можешь быть настолько глупой. Считаешь, она могла оставаться ночь и

целый день внутри дерева, и выбраться оттуда как ни в чем ни бывало?

Я умолкла в испуге. У меня на языке ворочалось заклинание Яги для поиска порчи. Я открыла было рот... но это же была Кася. Моя Кася, которую я знала лучше всех на свете. Я посмотрела на нее, а она на меня — несчастная и испуганная, но отказывающаяся плакать и сдаваться. Это была она.

— Они сунули ее в дерево. Сохраняли ее специально для этого, а я вытащила ее оттуда до того, как оно...

— Нет, — спокойно ответил он, и я посмотрела на него, а потом перевела взгляд обратно на Касю. Она все равно улыбалась мне, вымученно, но храбро.

— Все хорошо, Нешка, — сказала она. — Если с мамой все в порядке. А что... — она проглотила ком в горле: — Что со мной случилось?

Я не знала, что ей ответить.

— Я отыщу способ тебя очистить, — сказала я чуть отчаянно, и не стала оглядываться на Дракона. — Я отыщу заклинание, которое укажет, что с тобой все в порядке... — но это были лишь слова. Я не имела ни малейшего понятия, как доказать Дракону, что Кася здорова. Он просто не захочет этого признать. А если я не смогу его как-либо убедить, он, если понадобится, продержит Касю до конца ее жизни, похороненной с древним королем без малейшего лучика солнца... без надежды когда-либо увидеть своих любимых, и вообще жить. Он был для Каси не меньшей опасностью, чем Чаща... он вовсе не хотел, чтобы я ее спасла.

И тут до меня с горечью дошло: он хотел оставить ее себе. Хотел ее для себя так же, как хотела Чаща, чтобы по-своему так же ее поглотить. Лишая ее корней, ему не было дела до Касиной прежней жизни. Он уже хотел запереть ее здесь, в Башне, чтобы она служила только ему одному... Зачем же ему рисковать сейчас? Зачем отпускать ее?

Он стоял в нескольких шагах позади меня, дальше от огня и от Каси с ничего не выражающим, спокойным лицом, плотно сжав губы. Я постаралась отвернуться, спрятав свое выражение лица, чтобы не выдать свои мысли. Если мне удастся найти заклинание, которое позволит мне проходить сквозь стены, мне нужно будет лишь чем-то отвлечь его внимание. Можно попытаться насрать на него сон, или что-нибудь подсыпать перед ужином в его чашку: «сварить полынь с тисовыми ягодами, выварить сок до состояния пасты, добавить три капли крови и произнести заклинание. И готов быстрый яд без вкуса и запаха...»

Снова почувствовав едкий запах жженной хвои, я вдруг увидела эту же мысль под странно неприятным углом из-за неправильности ее возникновения. Я испуганно отшатнулась от нее, и, дрожа, отступила на шаг от огня. По другую сторону стояла Кася, ожидая моего ответа: с решительным выражением на лице, с честными глазами, полными доверия, любви и благодарности... а так же с крупицей страха и беспокойства, но все это были обычные человеческие эмоции. Я смотрела на нее, она в ответ на меня, уже слегка беспокоясь, все же оставаясь собой... Но я не могла ответить. В моем носу оставался запах жженной хвои, а глаза чесались от дыма.

— Нешка? — позвала Кася, задрожавшим от страха голосом. Я молчала. Она смотрела на меня через огонь, и ее лицо сперва казалось улыбающимся, потом несчастным, ее губы зашевелились, пробуя... пробуя разные эмоции. Я сделала еще один шаг назад, и стало хуже. Она наклонила голову, ее глаза уставились на меня, слегка расширившись. Она пошевелилась, сменила позу.

— Нешка, — произнесла она, но уже не испуганно, а уверенно и тепло: — Все хорошо. Я уверена, ты меня спасешь.

Дракон за моей спиной молчал. Я судорожно вздохнула и ничего не сказала. Мое горло сдавило. Я умудрилась выдать шепотом: «Aishimad».

Между нами нарастал жгучий горький запах.

— Пожалуйста, — произнесла она. Ее голос внезапно прервали рыдания: актриса четко по сценарию шла от одной сцены к другой. Она протянула ко мне свои руки, подошла ближе к огню, ее тело наклонилось вперед. Она подошла слишком близко. Запах стал сильнее: запахло опаленной зеленой листвой, полной сока. — Нешка...

— Прекрати! — прокричала я. — Прекрати.

Она прекратила. Какое-то мгновение Кася стояла, застыв, потом уронила руки и ее лицо стало пустым. По всей комнате запахло гнилой древесиной.

Дракон поднял руку: «Kulkias vizhkias haishimad», — произнес он, и от его ладони возник луч света, направленный на ее кожу. Там, где свет ее касался, я видела зеленые тени, переплетенные как многочисленные слои лежащей на друг на друге листвы. Из ее глаз на меня смотрело нечто с неподвижным и странным, нечеловеческим лицом. Я его узнала: это было то же создание, которое пыталось отыскать меня в Чаше. Здесь не было ни следа моей Каси.

Дракону почти пришлось тащить меня на себе, проходя сквозь стену обратно до входа в гробницу. Когда мы оказались по другую сторону, я соскользнула на пол рядом со своей щепоткой сосновых иголок и отрешенно уставилась на нее почти с ненавистью за то, что они украли у меня ту ложь. Я не могла даже расплакаться. То, что произошло было даже хуже Касиной смерти.

— Должен быть способ, — произнесла я, поднимая голову к нему почти с детской мольбой, капризом: — Должен быть способ изгнать это из нее. — Он промолчал.

— То заклинание, что вы использовали на мне...

— Нет, — ответил он: — Оно не для этого. Очищающее заклинание едва-едва сработало на тебе. Я предупреждал. Ну, что — она пыталась убедить тебя убить себя?

Мне передернуло при воспоминании от ощущения тех жутких мыслей, что прокрались в мою голову. «Сварить полынь с тисовыми ягодами... быстрый яд».

— Вас... — ответила я.

Он кивнул:

— Это в стиле Чащи: подтолкнуть к моему убийству, а затем заманить тебя обратно.

— Что это такое? Что за... тварь у нее внутри? Мы называем это Чащей, но эти деревья... — внезапно я кое-что поняла: — они тоже заражены, как и Кася. Она живет в деревьях, а не само по себе.

— Мы не знаем, — ответил волшебник. — Она была здесь до нашего появления. А может и задолго до их, — добавил он, кивнув головой на стены со странными надписями. — Они ли пробудили Чашу или вызвали ее появление, но они какое-то время сражались с ней, и она их уничтожила. Эта гробница все, что осталось. На этом месте стояла более древняя башня. К тому времени, когда Польша заявила свое право на эту долину и снова пробудила Чашу, от нее ничего не осталось, кроме груды древних руин, рассыпанной по земле.

Он замолчал. Я же, поджав к груди колени, сидя на полу, погрузилась в собственные мысли. Меня безостановочно трясло. Наконец, он с трудом произнес:

— Ты готова позволить мне положить этому конец? Скорее всего, нам уже нечего спасать.

Я хотела ответить «да», хотела убить эту тварь, уничтожить ее... тварь, что спряталась за Касиным лицом, которая, чтобы разрушить все, что она любила, использовала не только ее внешность и руки, но и то, что хранилось в ее душе и в ее мыслях. Мне было почти все равно, осталось ли в ней что-то от прежней Каси. Если это так, то я не могла себе представить худшего ужаса, чем быть запертой в собственном теле, которое стало похожим на чудовищную марионетку. И больше не могла злиться на Дракона за то, что он сказал, что она умерла. Что спасти ее было не по силам тому волшебству, что он знал.

Но когда он считал обреченным себя, я его спасла. А я еще так мало знала, запинаясь на каждом шаге от одной невероятной вещи к другой. Я представила себе боль, ожидавшую меня после открытия нужного заклинания в книгах — месяц, год спустя:

— Еще нет, — прошептала я в ответ: — еще нет.

Если прежде я была посредственной ученицей, то теперь превратилась в ужасную, но в ином смысле. Я погрузилась с головой в книги, и даже заглядывала в те, что он не позволял брать с полок, если не мог поймать меня за руку. Я просмотрела все и вся, что смогла найти, хваталась за новые заклинания, прорабатывала их в лучшем случае до середины, бросала и торопилась дальше. Я кидалась выполнять заклинания, не зная, хватит ли мне сил — словно бежала по волшебному лесу не глядя, сметая в сторону колючки, не обращая внимания на царапины и грязь.

Почти каждые несколько дней находилось что-нибудь обещающее слабую надежду, способное убедить меня, что стоит попробовать. Дракон отводил меня вниз к Касе, чтобы испытать мое новое средство, что бывало намного чаще, чем по-настоящему стоящих попытки находок. Он позволил перевернуть свою библиотеку вверх дном, и не было ни одного упрека, если я проливала на его стол масло или рассыпала порошки. Он больше не настаивал, чтобы я отпустила Касю. За это и его молчание я его еще больше ненавидела, потому что понимала, что он позволяет мне самой убедиться в бесплодности моих попыток.

Она... та тварь, что в ней жила... больше не пыталась притворяться. Она следила за мной своими птичьими глазами, и слегка улыбалась жутковатой улыбкой, когда мои труды пропадали втуне:

— Нешка-Агнешка, — порой тихо напевала она раз за разом, когда я пробовала новое заклинание, чтобы я сбивалась. Обратно я возвращалась, чувствуя себя избитой и больной до самых костей, чтобы снова в слезах с трудом вскарабкаться вверх по лестнице.

А тем временем в долине цвела весна. Если бы я потрудилась выглянуть из окна, что в последнее время я делала крайне редко, я бы увидела, как каждый день ставшее белым бурное течение Веретяницы уносит прочь тающий лед, как на лугах образуются обширные проталины, ползущие следом за отступающим снегом вверх по горным склонам. По долине серебряными струнами проносились ливни, а я внутри Башни иссыхала как пустыня. Я заглянула на каждую страницу Ягиной книжечки, и во множество других томов, содержащих более подходящие мне заклинания, а также все, что бы мне не предлагал Дракон. Множество заклинаний исцеления, очищения, обновления, жизни — я перепробовала все, что обещало малейшую надежду.

Люди в долине праздновали приход весны и начало Сева: в Ольшанке сложили настолько большой настолько большой костер из сухих дров, что его было отличной видно из Башни. Я в это время была одна в библиотеке, и услышав донесенную ветром отдаленную музыку, выглянула в окно, чтобы полюбоваться праздником. Мне показалось, что вся долина наполнилась жизнью: каждый росток устремился вверх, окружавшие деревни рощи покрылись легкой призрачной светло-зеленой дымкой. А глубоко внизу, в том холодном колодце в своей могиле сидела Кася. Я отвернулась, опустила голову на руки, навалившись на стол и расплакалась.

Когда я снова подняла покрасневшее и зареванное лицо, волшебник сидел рядом, глядя в окно с унылым лицом. Его руки со сцепленными пальцами были сложены на коленях, словно он старался сдержать себя, чтобы не прикоснуться ко мне. Передо мной на столе лежал положенный им платок. Я взяла его, вытерла слезы и высморкалась.

— Однажды, в молодости, я тоже пытался, — отрывисто произнес он: — Я жил тогда в столице. И была одна женщина... — его губы чуть скривились в полу-усмешке. — Первая красавица при дворе, естественно. Думаю, теперь, когда она уже сорок лет, как в могиле, не будет ничего дурного, если я назову ее имя: графиня Людмила.

Я смотрела на него с открытым ртом, не зная, что поразило меня сильнее. Он — Дракон, который всегда жил и будет жить в Башне, неизменная величина, как западные горы. Сама мысль о том, что он когда-то жил в другом месте, что был молодым казалась очевидно невероятной. А с другой стороны, меня поражала сама мысль, что он любил женщину, которая уже сорок лет как умерла. Теперь я умела читать его лицо, но посмотрев сейчас, я снова удивилась. В уголках его глаз и губ были морщинки, если их искать, но это все, что выдавало его возраст. Во всем остальном он был молодым человеком: с четким профилем, темными без следа седины волосами, с бледной, не обветренной кожей на щеках, и длинными, грациозными руками. Я попыталась представить его себе молодым придворным волшебником: его наряд почти подходит для ухаживания за знатной дамой... но тут мое воображение запротестовало. Для меня он был затворником, живущим среди книг и перегонных кубов, между библиотекой и лабораторией.

— Это она... оказалась осквернена? — беспомощно спросила я.

— О, нет. Не она, — ответил он. — Ее муж. — Он замолчал, и я принялась гадать, станет ли он продолжать. Дракон никогда мне не рассказывал о себе, и ни разу не мог упомянуть двор без презрения. Спустя мгновение он продолжил, и я, зачарованная рассказом, превратилась в слух.

— Граф был послом в Росии, где договаривался о перемирии. Он ездил через перевал, вернулся с неприемлемыми для нас условиями и следами скверны. В доме Людмилы жила знахарка, ее няня, которая знала достаточно, чтобы ее предупредить. Объявив всем, что граф заболел, его заперли в подвале, засыпав дверь солью.

Никому в столице не было дела до поведения красивой молодой женщины, пока отсутствовал ее престарелый супруг. И менее всего мне, когда она избрала меня предметом своей охоты. В ту пору я был молод и глуп одновременно, а также довольно самоуверенным, веря, что мое волшебство внушает скорее восхищение, чем тревогу. Она же была не только умна, но и достаточно настойчива, чтобы воспользоваться моим тщеславием. К тому времени, когда она попросила меня спасти ее мужа, я уже был у нее на крючке.

— Она хорошо разбиралась в человеческой природе, — сухо продолжал он. — Она сказала, что не может оставить его в подобном состоянии. Что готова пожертвовать двором, титулом, репутацией, но ее честь заставляет ее оставаться рядом с мужем, пока он остается оскверненным. И лишь его исцеление позволит ей освободиться, чтобы сбежать со мной. Она нажала одновременно на мои эгоизм и гордость. Уверяю тебя, обещая спасти ее мужа, я чувствовал себя героем. А потом она позволила мне его увидеть.

Он умолк. Я сидела как мышка под совиным логовом, боясь дышать, лишь бы он продолжал. Он словно ушел в себя, взгляд потух, и я почувствовала единение с ним, вспомнив ужасающие насмешки привязанного к кровати Иржи, странное выражение глаз Каси, и знала, что у меня сейчас похожее выражение лица.

— В попытках я потратил полгода, — наконец сказал Дракон. — К тому времени я уже считался самым могущественным чародеем Польни, и был уверен, нет таких дел, которые мне были бы не по плечу. Я перетряхнул всю королевскую, а так же университетскую библиотеки, приготовил множество лекарств, — он взмахнул рукой в сторону открытой книжечки Яги. — Именно тогда я приобрел ее, среди многих прочих куда менее разумных попыток. Ничто не помогло.

Его губы вновь скривились.

— Потом я прибыл сюда, — он изобразил одним пальцем круг, подразумевая Башню. —

Тогда от Чащи вас защищала другая ведьма, Ворона. Я думал у нее есть ответ. Она наконец начала дряхлеть, и большинство придворных чародеев тщательно старались ее избегать. Никто не хотел оказаться на ее месте после ее смерти. Однако я этого не опасался. Я был слишком силен, чтобы удалять меня от трона.

— Но... — начала я, но прикусила губу. Он впервые посмотрел на меня, саркастично приподняв одну бровь. Я неуверенно уточнила: — Но потом, вас же все равно отправили сюда?

— Нет, — ответил он. — Я сам решил остаться. Король был совсем не в восторге от моего решения. Он предпочитал держать меня под присмотром, а его наследники старательно добивались моего возвращения. Но она... меня убедила. — Он вновь отвел взгляд, уставившись в окно через всю долину на Чащу. — Тебе приходилось слышать о городке под названием Поросня?

Название было смутно знакомо.

— Булочница в Двернике говорила, что ее бабушка была из Поросни. Она пекла отличные булочки... — сказала я.

— Так, так, — нетерпеливо сказал он. — А ты знаешь, где это?

Я беспомощно пыталась сообразить: ведь я даже едва знала это название.

— Может это где-то в Желтых болотах? — предположила я, наконец.

— Нет, — ответил он. — Поросня находилась в пяти милях дальше по дороге от Заточек.

Заточки находились всего в двух милях от выжженной границы с Чащей. Это был последний городок в долине, последний бастион борьбы с Чащей. Так было всю мою жизнь.

— Ее поглотила Чаша? — прошептала я.

— Да, — сказал Дракон. Он поднялся и сходил за громадным журналом наблюдений, в котором он делал заметки в тот день, когда появилась Венса с известием о Касе. Волшебник положил его на стол и открыл. Все страницы были разлинованы тонкими линиями на строки и колонки, в которые были вписаны аккуратные записи как у счетовода, вот только в строчках значились названия населенных пунктов, имена людей и числа. Сколько пало перед скверной, сколько исцелено, сколько погибло. Все страницы пестрели записями. Я протянула руку и перевернула страницы назад. Пергамент не пожелтел и чернила сохранили черный цвет. Страницы чуть похрустывали от сохранявшего их волшебства. Чем дальше я пролистывала назад, тем меньше становилось записей и ниже цифры жертв. В последнее время случаев становилось больше и масштабнее.

— Поросня пала в ночь гибели Вороны, — сказал Дракон. Он перевернул толстую стопку листов до момента, где вел записи кто-то другой, менее упорядоченно. Каждый случай был описан скорее как рассказ, буквы были крупнее, а проведенные линии чуть расползались.

«Сегодня прибыл гонец из Поросни. У них лихорадка, заболело семеро. По пути нигде не задерживался. Он тоже болен. Настойка древогонки помогло унять лихорадку, а седьмое заклятие Агаты дало результат при очищении причины болезни. Для прочтения заклинания потрачено семь частей шафрана в весе серебра и пятнадцать частей настойки древогонки...»

Это была последняя запись этим почерком.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я как раз возвращался ко двору, — продолжил волшебник. — Ворона предупредила меня, что Чаша наступает... она попросила меня остаться. Я с негодованием отказался. Я

считал, что это ниже меня. Она говорила, что графу уже ничем не поможешь, и я ей не поверил. Я торжественно пообещал, что найду способ; что смогу разрушить любую магию Чащи, какой бы она ни была. Я убеждал себя, что она просто старая слабая гусыня. Что Чаща растет лишь благодаря ее слабости.

Слушая его, я обвила себя руками и смотрела на огромный журнал наблюдений с пустой страницей, следующей за той самой записью. Сейчас мне хотелось, чтобы он замолчал. Я не хотела слышать, что было дальше. Открывая мне правду о своей неудаче, он пытался быть добрым со мной, а я могла думать только о Касе. «Кася!» — плакало мое сердце.

— Как я узнал потом... запыхавшийся гонец догнал меня на дороге... она отправилась в Поросню, забрав свои запасы с собой, и потратила силы, борясь с болезнью. Именно в этот момент Чаща нанесла удар. Ей удалось переправить несколько детишек в соседний городок... думаю, бабушка вашей булочницы была одной из них. Они рассказали о том, что пришли семь ходоков с ростком очагового дерева.

— Даже спустя полдня, когда я добрался обратно, я еще сумел пробраться сквозь деревья. Они посадили очаговое дерево прямо в ее тело. Она была еще жива, если можно так выразиться. Я сумел подарить ей чистую смерть, но это все, что мне удалось сделать до вынужденного бегства. Деревня погибла, а Чаща расширила свои границы.

— Это было последнее крупное расширение, — добавил он. — Я замедлил распространение, заняв ее место, и с тех пор сдерживаю... более или менее. Но она все время старается.

— А если бы вы не вернулись? — поинтересовалась я.

— Я единственный волшебник в Польне, обладающий достаточной силой, чтобы ее сдерживать, — без малейшего следа заносчивости, скорее, как данность, ответил Дракон. — Каждые несколько лет она испытывает мои силы на прочность, а раз в десять лет или около того, предпринимает попытки посерьезнее... как в случае с нападением на твою деревню. Теперь Дверник от границы Чащи отделяет всего одна деревня. Если бы ей удалось убить меня там или поразить скверной, и посадить очаговое дерево... то к тому времени, когда сюда прибудет новый волшебник Чаща поглотит и твою деревню и Заточек, и окажется на пороге восточного перевала у Желтых болот. А оттуда, как только представится шанс, распространится далее. Если бы я позволил им прислать вместо Вороны более слабого волшебника, сейчас бы была потеряна уже вся долина.

— Именно это случилось в Росии. За последние десять лет они потеряли четыре деревни, и две до этого. В следующей раз Чаща доберется до Кивской губернии, а потом... — он пожал плечами: — полагаю, узнаем, умеет ли она расти в горах, чтобы выбраться за перевал.

Мы сидели в полном молчании. В его словах я видела, как Чаща медленно, но неотвратно ползет по моему дому, по долине, по миру. Глядя с Башни вниз, я представляла бесконечные ряды темных осаждающих деревьев. В каждую сторону, куда ни посмотри, пугающий шелестящий океан, движимый ветром, и ни одной живой души. Чаща поглотила всех до единого и затащила под свои корни. Так же, как поступила с Поросней, и с Касей.

По моим щекам, медленными ручейками, покатались слезы. Я была слишком опустошена, чтобы разреветься по-настоящему. Солнечный свет постепенно гас, а волшебные лампы еще не зажглись. Лицо волшебника стало непроницаемым, теряясь в тенях, а по глазам в закатном свете ничего невозможно было прочесть.

— Что с ними случилось дальше? — чувствуя пустоту внутри, спросила я в тишине: —

Что было с ней?

Он повернулся:

— С кем? — переспросил он, выныривая из своих грез. — А, с Людмилой? — он помолчал. — Когда я был при дворе в прошлый раз, — наконец сказал он: — я сказал ей, что с ее мужем ничего невозможно сделать. Я привел с собой еще двух придворных чародеев, чтобы подтвердить, что его скверна не излечима. Прежде всего оба были потрясены тем, что я позволил ему прожить так долго... и я позволил одному из них его умертвить. — Он пожал плечами: — По случаю они пытались раздуть из этого скандал... среди волшебников зависть обычное дело. Они предложили королю отправить меня сюда в изгнание в наказание за сокрытие скверны. Полагаю, они думали, что король отменит это наказание, но приговорит меня к чему-нибудь еще — полегче, больше чтобы пожурить. Когда я объявил, что собираюсь сюда сам, это всех потрясло, не важно, кто что при этом подумал.

— А что до Людмилы... больше я ее не видел. Когда я сказал ей, что ее мужа прошлось придать смерти, она пыталась выцарапать мне глаза. А ее замечания, сделанные при этом в мой адрес, довольно быстро лишили меня иллюзий об истинной природе ее отношения ко мне, — сухо добавил он: — Но она унаследовала поместье и спустя пару лет повторно вышла замуж за одного из младших герцогов. Она родила ему трех сыновей и дочь, и дожила до семидесяти шести лет, оставаясь главной распорядительницей двора. Кажется придворные барды в этой истории сотворили из меня настоящего злодея, а ее превратили в верную благородную супругу, любой ценой пытающуюся спасти своего мужа. С другой стороны, не так далеко от правды.

Тут я вдруг поняла, что уже слышала эту историю. Про это была сложена песня «Людмила и чародей». Только в песне храбрая графиня изображала старуху-крестьянку, готовя и убирая для волшебника, похитившего душу ее мужа, пока она не сумела ее отыскать запертой в сундуке и спасти любимого. Мои глаза защипало от горячих слез. В песнях никого не заколдовывают так, что невозможно расколдовать. В конце герой всех спасает. Там не упоминается ничего неприятного, вроде графини, плачущей в темном подвале, и спорящей с тремя волшебниками, явившимися для того, чтобы убить графа, а потом интриговать по этому поводу при дворе.

— Так ты готова ее отпустить? — спросил Дракон.

Не готова, и уже созрела. Я устала. Мне уже были ненавистны эти ступени, ведущие к твари, нацепившей Касино лицо. Я вовсе не смогла ее спасти. Она по-прежнему была в Чаше, была ею поглощена. Но в моей груди до сих пор дрожало ждущие заклинание «fulmia», и если я отвечу ему «да»... если бы я осталась здесь, спрятав голову в ладонях, позволив ему уйти, а вернувшись сказать, что все кончено... полагаю, оно бы проснулось во мне вновь, и разрушило бы Башню под нами.

В отчаянии я оглядела полки, все пространство: бесконечные книги, корешки и обложки, вставшие словно крепостные стены. Вдруг одна из них все же хранит секрет или уловку, которая освободит Касю? Я поднялась и медленно пошла, ведя рукой по корешкам, но выбитые золоченые буквы оставались немые под моими пальцами. И вновь меня поймало «Призывание» Люта. Та самая красивая книга, которую я позаимствовала целую вечность назад, ничего не понимая в волшебстве, взбесив этим Дракона, и до того, как я узнала, как мало я могу сделать. Я взяла ее в руки и внезапно спросила:

— А что она призывает? Демона?

— Нет, не будь душой, — с раздражением ответил волшебник. — Призвание духов не

более, чем шарлатанство. Нет ничего проще, чем заявить, что вызвал нечто невидимое и бесплотное. «Призывание» не делает ничего столь же обычного. Оно призывает... — он замолчал, и я с удивлением увидела, что он с трудом подбирает слово: — Истину, — наконец сказал он, слегка пожав плечами, словно говоря, что это неправильно и точно, но довольно близко. Я совсем не поняла, как это возможно, призвать истину, если только он не имел в виду, что это позволит видеть ложь насквозь.

— А почему вы так разозлились, когда я начала ее читать? — спросила я.

Он посмотрел на меня:

— Тебе это кажется простой задачей? Я решил, что какой-то придворный волшебник околдовал тебя, поручив невыполнимую задачу... с намерением снести крышу башни, когда ты потратишь все свои силы, и твое незаконченное заклинание обрушится на твою же собственную голову, выставив меня некомпетентным дураком, которому нельзя поручить ученика.

— Но это ведь убило бы меня, — сказала я. — Вы считаете, что кто-то при дворе мог бы...

— Пожертвовать жизнью крестьянки с капелькой силы, чтобы одолеть меня ... и в результате, возможно, увидеть, как меня осудят и унижат? — уточнил Дракон. — Ну, разумеется. Большинство придворных ценит крестьян чуть дороже коровы, и совершенно точно ниже любимых лошадей. Они с радостью, не моргнув глазом, жертвуют тысячами таких как ты в борьбе с Россией ради незначительных пограничных приобретений, — он опустил самые мрачные подробности. — В любом случае, я определенно не ожидал, что ты с ним справишься.

Я уставилась на книгу в руках. Я помнила, как начинала ее читать, то чувство полного удовлетворения, которое это давало, и внезапно я забрала книгу с полки и, прижав ее к себе, повернулась с книгой к нему. Он выжидательно смотрел:

— А это сможет помочь Касе?

Я увидела, что он открыл было рот, чтобы ответить отрицательно, но вдруг засомневался. Он молча посмотрел на книгу, нахмурившись. Наконец он ответил:

— Сомневаюсь. Но призыв — странное дело.

— В любом случае, не повредит, — сказала я, но увидела его нервный взгляд.

— Определенно, оно может повредить, — сказал он. — Разве ты не слышала, что я говорил? Чтобы заклинание сработало, всю книгу необходимо прочесть за один раз, и если тебя не хватит на это сил, когда ты устанешь, все заклинание схлопнется самым ужасным образом. Я видел, как его выполняют лишь однажды три ведьмы вместе, каждая научила другую помоложе, передавая книгу для чтения по очереди. И оно едва их не погубило, а их нельзя было назвать слабыми.

Я снова посмотрела на тяжелую позолоченную книгу в моих руках. Я ему верила. И помнила, как мне нравилось чувствовать ее слова на языке, как они лились из меня. Я сделала глубокий вдох и спросила:

— Прочтете заклинание со мной вместе?

Сперва мы приковали девушку цепями. Дракон принес с собой тяжелые железные кандалы и, попутно произнося заклинание, прикрепил каждый из них к стене комнаты, пока Кася... то существо, которое в ней пряталось... стояло и не мигая следило за нами. Я все это время поддерживала вокруг нее кольцо огня. Когда он закончил, я оттеснила ее к стене, а он, с помощью другого заклинания, заковал ее руки в кандалы. Думаю, она сопротивлялась больше из желания доставить нам проблемы себе в удовольствие, чем из опаски. Ее выражение лица все это время оставалось нечеловечески нейтральным, и она не сводила глаз с моего лица. Девушка за это время похудела. Тварь очень редко ела, скорее для поддержания тела Каси живым, но недостаточно, чтобы было незаметно, как чахнет девушка: выступили ребра, щеки запали.

Дракон призвал узкий деревянный пюпитр и положил на него «Призывание».

— Вы готовы? — обратился он ко мне несколько зажатым, официальным тоном. На нем был красивый костюм, состоящий из множества слоев шелка, бархата и кожи, а также перчатки на руках, словно он пытался защитить себя от того, что случилось в прошлый раз, когда мы произносили заклинание вместе. Мне это уже казалось прошлым, словно миновало сто лет и далеким как Луна. На мне же было мягкое домашнее платье, а мои волосы, чтобы не лезли в глаза, были заколоты в импровизированный узел. Я открыла книгу и начала читать вслух.

Заклинание снова захватило меня почти мгновенно, но теперь я знала о волшебстве достаточно, чтобы чувствовать, как оно пьет мои силы. Однако «Призывание» не собиралось отрывать от меня куски: я пыталась подпитывать его как большинство «своих» заклинаний стабильным ручейком, а не потоком силы, и оно разрешало мне это делать. Слова более не ощущались столь непроницаемыми. Хотя я все равно не могла уловить всей истории или вспомнить только что произнесенную фразу, зато начала ощущать то, чего ранее не замечала: если бы я сумела припомнить слова, хотя бы некоторые показались мне неправильными. Это словно услышать подзабытую историю из детства, и не удовлетвориться качеством исполнения или расхождением с тем, как вы ее запомнили. И именно таким образом, живя в том самом призрачном золотом мирке смутных, но теплых воспоминаний, Призывание доводило себя до совершенства. Я позволила ему течь сквозь меня, и закончив страницу, остановилась, позволив Дракону продолжить начатое. Когда он не смог отговорить меня от попытки призыва, он жестко настоял на том, чтобы читать по две страницы к моей одной.

Его прочтение заклинания слегка отличалось от моего более острыми гранями и менее певучим ритмом, и по началу мне это немного не нравилось. Но, насколько я могла судить, работа шла без существенных трудностей, и к концу его двух страниц, звучание заклинания казалось мне хорошим — словно слушаешь талантливую рассказчика, повествующего о слегка иной версии событий любимой истории, и ему удалось преодолеть мою инстинктивную нетерпимость против другого прочтения. Но когда я начала читать свою часть, мне пришлось судорожно хвататься за нить сюжета, и это оказалось существенно сложнее, чем с первой страницей. Слово мы пытались рассказывать одну историю, но вели ее к разным концовкам. Я с огорчением поняла, что того, что он мой учитель недостаточно. Те ведьмы, о которых он упоминал, должно быть были более похожи друг на друга своим

волшебством, совсем не как мы с ним.

Я, напирая, продолжила читать, и сумела добраться до конца страницы. Когда я ее закончила, для меня история снова начала идти гладко... но только потому, что она снова стала моей собственной, и когда Дракон начал свою часть, разрывы усилились. Я сглотнула слюну в пересохшее горло и подняла глаза от пюпитра. Кася смотрела на меня от стены, ехидно улыбаясь с нескрываемым удовольствием. Как и я, она могла с легкостью предсказать, что у нас получается недостаточно хорошо... что мы не сможем закончить. Я посмотрела на мрачного Дракона, сосредоточенно читающего страницу: как от напряжения нахмурился его лоб. Он предупредил меня, что остановит заклинание прежде, чем мы заберемся слишком далеко, если почувствует, что мы не преуспеем. Он постарается обрубить и обрушить заклинание наиболее безопасным образом, контролируя причиняемый им ущерб. Таково было его условие: он попытается помочь, а я приму в обмен его мнение, отступлю и не буду вмешиваться, пока он делает то, что необходимо.

Но заклинание уже было слишком сильно, наполнено силой. Нам приходилось стараться, чтобы его поддерживать. Должно быть уже не было безопасного пути к отступлению. Я снова посмотрела на Касю, и вспомнила ощущение чьего-то присутствия в Чаще, чем бы оно ни было. Оно было таким же. Если сейчас в Касю вселилась сама Чаша... если она знала, что мы пытаемся сделать, и что Дракон может быть ранен и большая часть его сил будет потрачена... она ударит снова прямо сейчас. Она снова явится в Дверник, или прямо в Заточек, чтобы одержать небольшую победу. Из-за моего желания спасти Касю, из-за его жалости к моим страданиям, мы только что преподнесли Чаще отличный подарок.

Я должна была немедленно что-то предпринять по этому поводу — все что угодно — и я, отбросив свои сомнения, протянула дрожащую руку и накрыла своей ладонью его руку. Он стрельнул в меня глазами, а я набрала в грудь воздух и принялась читать вслух вместе с ним.

Он не остановился, хотя рассерженно поглядывал на меня, словно говоря: «Какого черта ты творишь?» — Но спустя какое-то мгновение он понял и уловил смысл того, что я пытаюсь сделать. По началу, когда мы пытались читать хором, наши голоса звучали ужасным диссонансом. Мы читали не в лад и невпопад, мешая друг другу. Заклинание начало трескаться, как песочный замок. Но потом я перестала пытаться читать как он, а просто читала с ним, позволив своему инстинкту вести меня дальше. Я обнаружила, что я разрешаю ему читать текст со страницы, добавляя голосом в нужном месте звуки, где-то выделяя нужное слово, либо повторяю его дважды или трижды, а порой вместо слов — просто бессвязно пропеваю с закрытым ртом, отбивая ногой ритм.

Вначале он этому противился, пытаясь четко придерживать своего стиля, но мое волшебство протянуло ему руку помощи, и, по чуть-чуть, он начал читать, пусть и не уняв резкости, но согласно заданному мною ритму. Он выделил место под мои импровизации, позволил им задыхаться. Мы вместе перевернули страницу и продолжили без остановки. Уже к середине этой страницы изливающаяся из нас заклинание превратилось в музыку. Его голос чуть хрипло произносил слова, а я тем временем пропевала их ниже или выше, и внезапно, и ошеломительно, нам стало гораздо легче.

Нет... не легче. Это совсем не точное для этого слово. Он сжал мою руку крепче, наши пальцы сплелись, как и наши силы. Заклинание пело, изливаясь сквозь нас без усилий, словно ручей вниз с холма. Теперь его было труднее остановить, чем поддерживать.

Теперь я поняла, почему он не мог подыскать нужные слова, чтобы объяснить суть; почему не мог твердо дать ответ, поможет это заклинание Касе или нет. Призывание вовсе

не вызывало какой-либо предмет или чудовище, не вызывало всплеск силы, ни огня, ни молнии. Все, что оно делало, это наполняло помещение чистым холодным светом, но не настолько ярким, чтобы ослепить. Но в этом свечении все, на что ни посмотри, выглядело иначе. Камни стен стали полупрозрачными: внутри словно реки двигались прожилки, и когда я проследила за ними, они рассказали мне историю. Странную, бесконечную историю совершенно отличную от человеческих, очень медленную и далекую, которая напомнила мне о том, как я сама была каменной. Голубое пламя, танцующее в чаше, дремало в бесконечном сне, напевая себе зацикленную на себе колыбель. Я заглянула вглубь пламени и увидела храм, откуда был принесен этот огонь, находившийся очень далеко отсюда и давно ставший руинами. И все равно, я внезапно узнала, где именно стоял этот храм, и как сотворить заклинание, чтобы сохранить после себя вечный огонь. Резные стены гробницы, сверкая надписью, зажили собственной жизнью. Если смотреть на нее достаточно долго, то, я была в этом уверена, ее можно прочесть.

Загремели цепи. Кася яростно завозилась, и грохот цепей по камню прозвучал бы почти невыносимо, если бы заклинание оставило для него место. Но скрежет превратился в тихий грохот где-то далеко, и это не отвлекло меня от заклинания. Я даже не взглянула на нее. Еще рано. Когда посмотрю, я узнаю все. Если Каси больше нет, если от нее ничего не осталось — я это узнаю. Мы читали заклинание, и я смотрела на страницы, боясь поднять голову. Он чуть приподнимал каждую, и я подхватывала ее и осторожно переворачивала. Стопка прочтенных страниц продолжала расти, и заклинание текло сквозь нас, и, наконец, с тяжестью в груди, я подняла голову.

Из Касиного лица на меня смотрела Чаща: бесконечная глубина шуршащей листвы, яростно перешептывающаяся, гневная и зовущая. Но Дракон замолчал, моя рука сжала его ладонь слишком сильно. Кася тоже была здесь. Я видела ее потерявшуюся, блуждающую по темному лесу, вытянув перед собой руки, озирающуюся по сторонам невидящими глазами, стараясь уворачиваться от бьющих по лицу невидимых ветвей, и шипов, оставляющих на руках глубокие кровоточащие царапины. Кася даже не догадывалась, что она больше не в Чаше. Девушка оставалась пойманной в ловушке, пока Чаща по чуть-чуть отщипывала от своей жертвы по кусочку, подпитываясь от ее горя.

Я отпустила руку волшебника и шагнула навстречу Касе. Заклинание не обрушилось. Дракон продолжил чтение, а я подпитывала заклинание своей силой. «Кася!», — позвала я, и сложила ладони лодочкой перед ее лицом. Свечение заклинания стекло в ладони, засияв резким и ярким чистым труднопереносимым белым светом. Я видела, как в ее широких влажных глазах отразилось мое лицо, и моя тайная зависть — как страстно я хотела бы обладать ее талантами, но не ценой, которой она должна была за них заплатить. Мое лицо залилось слезами, словно Венса вновь начала меня обвинять, и на сей раз от нее не было возможности сбежать. Каждый миг, когда я чувствовала себя пустым местом — тем, до кого никому нет дела, кого не захочет выбрать ни один лорд, и каждый миг, когда я чувствовала себя рядом с ней полной неряхой. Каждый миг, когда с ней обращались по-особенному: отдельное место, подарки, внимание, одаривали, пока могли любовью. Было время, когда я тоже хотела стать особенной, о ком было бы известно, что ее обязательно выберут. Может не на долго, совсем не на долго, но сейчас это было похоже на трусость. Я лелеяла мечты о том, чтобы стать особенной и возвращала семя зависти к Касе, хотя имела возможность отбросить зависть прочь в любой момент.

Но я не могла остановиться: мой свет нашел ее. Она повернулась мне навстречу.

Заблудившаяся в Чаще девушка повернулась ко мне, и я увидела копившийся годами ее собственный гнев. Всю жизнь она знала, что ее выберут, вне зависимости хочет она того или нет. На меня глядел ужас тысяч бессонных ночей, проведенных, ворочаясь, в темноте, обдумывая, что с ней произойдет, воображая на себе ужасные руки чародея и его дыхание на щеке. За своей спиной я услышала, как волшебник резко втянул в себя воздух, запнулся на слове и остановился. Свет в моих ладонях моргнул.

Я бросила на него отчаянный взгляд, но он уже подхватил заклинание снова, уставившись в книгу и полностью справившись со своим голосом. Сквозь его тело постоянно сиял свет — чтобы поддерживать заклинание Дракон каким-то образом сумел стать прозрачным как стекло, очистив себя от мыслей и чувств. О, как я ему позавидовала. Я даже не мечтала, что смогу так же. Мне пришлось повернуться к Касе в полноте моих страшно запутанных мыслей и тайных желаний, и позволила ей их увидеть — увидеть меня как выглянувшего из-под перевернутой сгнившей коряги белого червяка. Мне нужно было видеть ее перед собой, беззащитную, и что ранило меня сильнее всего: она тоже меня ненавидела.

Она ненавидела меня за то, что я оставалась в безопасности, оставалась любима. Моя матушка не заставляла меня залезать на слишком высокие деревья, не заставляла ходить по три часа туда и обратно в соседнюю деревню в горячую и душную пекарню, чтобы научиться готовить для лорда. Моя матушка не отворачивалась от меня, когда я плакала, и не увещевала, что мне следует быть храброй, не расчесывала мои волосы по три сотни раз на ночь, чтобы я оставалась красивой, словно хотела, чтобы меня забрали. Словно хотела, чтобы дочь уехала в город и стала богатой, чтобы потом присылать деньги братьям и сестрам, которых оставили чтобы любить. О, я даже и не представляла, как сильна была эта тайная горечь, неприятная, как пропавшее молоко.

И еще, еще она ненавидела меня за то, что меня все же выбрали, а ее нет — после всего ею пережитого. Я видела, как после она сидела на празднике в стороне от всех, как все перешептывались. Она никогда не представляла, что окажется в таком положении — пария в собственной деревне, в ставшем неприветливым родном доме. Она была настроена заплатить цену и быть храброй, но теперь ее храбрость была ни к чему, впереди не было будущего. Деревенские парни постарше поглядывали на нее, улыбаясь, со странной уверенностью в себе. С полдюжины из них — те, с кем она за всю жизнь не перемолвилась и словом или до того поглядывавших издали, словно не смея прикоснуться — довольно нахально заговорили с ней, словно ей ничего больше не осталось, как ждать здесь и снова быть выбранной кем-то еще. А потом я вернулась в шелковом платье и бархате, с украшенной драгоценной сеткой прической, и владея волшебной силой, которой я верчу как мне вздумается. И ее мысль была: «Это я должна была быть на ее месте», — словно я украла что-то, что было ее по праву.

Это было невыносимо, и я видела, что ей это так же неприятно, но каким-то образом мы обе справились. «Кася!», — звала я, срывающимся от рыданий голосом, и старалась поддерживать для нее постоянный яркий свет. Я увидела, как она остановилась в нерешительности, и потом пошла мне навстречу с вытянутыми руками, спотыкаясь на ходу. Чаща цеплялась за нее, ветки хлестали, и лианы обвивались вокруг ног, но я ничего не могла поделать. Я могла лишь стоять и держать для нее огонь, пока она шла, падая и поднимаясь, и снова падая, с растущим выражением ужаса на лице.

«Кася!» — плакала я. Теперь она почти ползла, сжав зубы от упорства, но все же приближалась, оставляя позади кровавый след на опавшей листве и на поверхности темного

мха. Она хваталась за корни и подтягивала себя вперед, даже когда ветви тащили ее назад, и все равно была слишком далеко.

Тут я снова оглядела ее тело, лицо, которое нацепила на себя Чаща и улыбалась мне, потому что Касе не выбраться. Чаща специально позволила ей попытаться, подогрела ее смелость и мою надежду. Она в любой момент могла утащить ее назад. Она позволит ей приблизиться настолько, чтобы меня увидеть, может быть даже даст почувствовать собственное тело, воздух на лице, а потом взметнутся лианы, опутают ее, а вихрь облетевшей листвы погребет ее под собой, и Чаща снова сомкнется вокруг нее. Я застонала от бессилия и едва не потеряла нить заклинания. Вдруг я услышала как позади меня раздался странный и словно отдаленный голос Дракона:

— Агнешка, используй очищение. Ulozishtus. Попробуй его. Я сумею закончить один.

Я осторожно потянула свою силу, освобождаясь от Призывания. Аккуратно, по чуть-чуть, словно наклоняя бутылку, не позволяя выливаться из нее ни капли жидкости. Свет не исчез, и я прошептала: «Ulozishtus». Это было одним из заклинаний Дракона, и совсем не из той категории, которая легко мне давалась. Я не помнила остальной последовательности слов, что он мне говорил, однако я позволила этому слову покататься на языке, осторожно ограняя его и вспоминая ощущения... опаляющее пламя, струящееся по моим венам, невыносимый приторный вкус эликсира во рту. «Ulozishtus», — повторила я медленно: — «Ulozishtus», — и заставила каждый звук превратиться в искорки, летящие на трут, словно парящие капельки волшебства. И в глубине Чащи я заметила, как в одном месте рядом с Касей занялся легкий дымок. Я снова прошептала ему: «Ulozishtus», — и впереди нее возник новый дымок, и когда я проделала это в третий раз, рядом с ее сжатой рукой взвился язычок желтого пламени.

«Ulozishtus», — снова произнесла я, вкладывая в него еще капельку силы, словно подкладывая растопку в погасший очаг. Пламя окрепло, и там, где оно расширялось, лианы отступали. «Ulozishtus, ulozishtus», — подпитывала я пламя, заставляя взвиться его сильнее, и когда оно взметнулось вверх, я направила его опалить ветки, и осветить остальную Чащу.

Кася выпрямилась, освободившись от дымящихся лиан. На ее коже были видны розовые пятна ожогов, но теперь Кася могла двигаться быстрее, и она направилась ко мне сквозь дым, сквозь занявшуюся листву, которая осыпалась с выпрямившихся деревьев, вокруг нее падали дымящиеся ветки. Ее волосы, как и разодранную одежду опалило пламя, по ее лицу лились слезы боли от покрасневшей и покрывшейся волдырями от ожогов кожи. А ее тело перед моим лицом билось в цепях с криками ярости, а я захлебывалась слезами, но выкрикивала снова и снова: «Ulozishtus!». Пожар ширился, и я знала, как Дракон мог убить меня, очищая меня от теней, так и Кася могла погибнуть от моих рук, сгорев в пожаре.

Сейчас я была благодарна за те несколько ужасных месяцев, проведенных в поисках чего-то полезного. Я была благодарна за все неудачи, за каждую минуту, что я истратила, проведя здесь в гробнице под насмешками Чащи. Это позволило мне довести заклинание до конца. Голос волшебника, который ровно звучал за моей спиной, произнося финальную часть Призывания, стал для меня якорем. Кася становилась все ближе, а Чаща вокруг нее полыхала. Теперь я видела все меньше деревьев. Она подошла настолько близко, что проглядывала в собственных глазах, и повсюду ее окружало пламя, обжигающее ее плоть, режущее, потрескивающее. Ее прикованное к камню тело изгибалось, скручивалось. Пальцы напряглись, растопырившись в стороны, и внезапно ее вены на руках стали ярко зелеными.

Из ее глаз и носа брызнули капли древесного сока, побежав ручейками по лицу, словно

слезы. Комнату наполнил пахший ужасно неприятно едкий сладковато-свежий запах. Касин рот распахнулся в беззвучном крике, и из-под ее ногтей выросли крохотные корешки, похожие на проросший за ночь росток дуба. Они начали расти с невероятной скоростью, взбираясь по цепям, на ходу деревенея, покрываясь серой корой, и с треском, похожим на начало ледохода, цепи лопнули.

Я даже не пошевелилась. Все случилось настолько быстро и внезапно, что я едва это заметила. Вот Кася была прикована, а в следующий момент уже бросается на меня. Она опрокинула меня на пол и была невероятна сильна. Я уперлась в ее плечи, стараясь отстранить от себя, и завопила. По ее лицу, пропитав ее одежду, тек зеленый сок, капающий на меня словно дождь. Он стекал по моей коже, и барабанил по моему защитному заклятию. Касины губы скривились в оскале, обнажив зубы. Ее руки сомкнулись на моем горле словно две головни, горячие, обжигающие. Эти странные корешки начали меня опутывать. Дракон начал читать быстрее, стараясь закончить последние слова, ускоряя заклинание.

Я задыхалась: «Ulozishtus!», — снова, всматриваясь в лица Чащи и Каси, которое исказилось наполовину от гнева, наполовину от боли. Ее хватка крепчала. Она смотрела прямо на меня. Свечение Призывания стало ярче, заполнив каждый уголок помещения. От него невозможно было укрыться, и мы могли заглянуть глубоко внутрь друг друга, увидеть каждый секрет, хранимый в тайне — и ненависть, и зависть. Слезы перемешивались с древесным соком и капали на мое лицо. Я тоже рыдала, и слезы текли ручьями, несмотря на то, что она почти лишила меня воздуха и мое зрение начало уступать темноте.

Она произнесла сдавленно собственным голосом: «Нешка», — и решительно собравшись с силами, один за другим разжала пальцы, позволив мне вздохнуть. Мое зрение прояснилось, и, взглядевшись в ее лицо, я увидела проходящий стыд. Она смотрела на меня с любовью, с вызовом.

Я снова всхлипнула. Сок высох, и ее обожгло пламенем. Корешки иссохли и осыпались прахом. Еще одно очищение ее бы доконало. Я знала это наверняка. Я видела. Но Кася улыбалась мне в ответ. Она просто не могла говорить, и просто медленно кивнула. Я почувствовала, как мое лицо сморщилось, став уродливым и жалким, и я произнесла: «Ulozishtus».

Я смотрела в Касино лицо, истово стараясь запомнить этот ее последний образ, но на меня из ее глаз снова выглянула Чаща — в черной ярости, полная дыма, огня, слишком глубоко пустившая корни, чтобы их можно было так просто выкорчевать. Но Кася все равно держала руки далеко от моего горла.

И внезапно Чаща пропала.

Кася упала на меня сверху. Я раскричалась от радости и сжала ее в своих объятьях, а она, сотрясаясь и плача, вцепилась в меня. Она все еще была нездорова, ее трясло, и когда я ее приподняла, все еще беспомощно плача, ее вырвало на пол. Ее руки причиняли мне боль: они были очень горячи и сильны, и Кася сжимала меня слишком сильно в объятьях, так что мои ребра болезненно трещали под кожей. Но это была она. Дракон с финальным хлопком закрыл книгу. В помещении сиял яркий-преяркий свет. В нем Чаще было негде спрятаться. Это была Кася и никто более. Мы победили.

Когда уставшие мы медленно несли Касю наверх, Дракон был странно молчалив и непохож на себя. Она большую часть времени была без чувств, приходя в себя только для того, чтобы вдохнуть в грудь воздух и снова впадала в забытие. Ее обмякшее тело было неестественно тяжелым, почти как из мореного дуба, словно уходя Чаща каким-то образом ее изменила.

— Все прошло? — спросила я волшебника. — Прошло?

— Да, — кратко ответил он, пока мы, словно бревно, шатаясь и спотыкаясь даже с учетом его странной силы тащили Касино тело по длинной спиральной лестнице. Кроме того, мы уже были вымотаны. — Призывание нам обязательно бы это показало. — Он далее молчал, пока мы не втащили девушку в гостевую комнату, постоял рядом с постелью, глядя вниз, нахмутив лоб, потом повернулся и вышел из комнаты.

Мне некогда было думать о нём. Касю почти месяц лихорадило и не отпускала болезнь. Ночами она подскакивала полусонная, захваченная кошмарами о том, как она все еще блуждает по Чаще, и легко раскидывала нас, даже Дракона могла отшвырнуть в другой конец комнаты. Пришлось привязать ее к массивной кровати со столбиками сперва веревками, и, наконец, цепями. Я спала на ковре у подножия кровати, чтобы по любому крику принести ей воды, а также постараться впихнуть в нее пару ложек еды. Сперва она не могла удержать в желудке ничего, кроме пары ломтиков простого хлеба.

Дни и ночи слились в сплошную череду, прерываемую лишь ее бодрствованием. Сперва она просыпалась каждый час, и десять минут уходило на то, чтобы её успокоить, так что я почти не высыпалась и постоянно клевала носом. Только спустя неделю пришла уверенность, что она выживет, и я выкроила пару минут, чтобы накарять послание Венсе о том, что Кася спасена и что ей становится лучше.

— Она сохранит это в тайне? — спросил Дракон, когда я попросила его отправить записку. Я была слишком уставшей, чтобы спросить, почему его это беспокоит. Я лишь расправила записку и приписала: «Не говори пока никому», — и отдала волшебнику.

Мне следовало поинтересоваться, а ему настоять на больших предосторожностях. Но мы были оба потрепаны как ветхая одежда. Я не знала, над чем он сейчас работает, но ночами, пробираясь, спотыкаясь в кухню и назад, замечала горящий в библиотеке свет, и сваленные стопками страницы, исчерченные диаграммами или с записями. Как-то вечером, придя на запах дыма, я нашла его заснувшим с лаборатории. Нижняя часть перегонного куба, нагревавшегося на пламени свечи, успела почернеть и полностью выкипеть. Когда я его разбудила, он подскочил, неуклюже перевернув всю конструкцию и вызвав пожар, что для него было нехарактерно. Нам обоим пришлось постараться, чтобы унять огонь, и у волшебника был напряженный и взъерошенный вид, как у рассерженного кота, недовольного уроном, нанесенным собственному достоинству.

Спустя три недели Кася проснулась, проспав целых четыре часа подряд, и, повернув ко мне голову, сказала бессильным, но собственным голосом:

— Нешка, — ее темно-карие глаза смотрели тепло и открыто. Смеясь сквозь слезы, я обхватила ее лицо ладонями, а она сумела обнять меня своими непослушными руками и улыбнуться в ответ.

После этого она быстро пошла на поправку. Поначалу ее странная новообетенная сила

принесла ей некоторые неудобства, даже когда она попыталась впервые встать. Она натыкалась на мебель, и когда я в кухне варила суп, свалилась с лестницы, попробовав спуститься вниз. Но когда я от плиты примчалась на ее крик к ней на помощь, то обнаружила ее невредимой — не осталось даже синяка — у подножия лестницы, пытающейся снова встать на ноги.

Чтобы снова научить ее ходить, я, поддерживая ее на ходу, медленно водила ее по большому залу кругами, хотя на полу чаще оказывалась я, когда она по неосторожности сбивала с ног меня. Проходивший по своим делам в сторону подвала Дракон остался под аркой понаблюдать за нашим неуклюжим успехом с мрачным и непроницаемым лицом. Я помогла ей добраться до комнаты, и когда Кася осторожно забралась в постель и уснула, я спустилась в библиотеку поговорить с ним:

— Что с ней не так? — спросила я.

— Ничего, — коротко ответил волшебник. — Насколько я могу судить, она чиста. — По его виду не скажешь, что он этим доволен.

Я ничего не понимала. Может его беспокоит то, что в Башне находится кто-кто еще.

— Ей лучше, — рассказала я ему: — Скоро все кончится.

Он посмотрел на меня с видимым раздражением:

— Скоро? А что ты собираешься с ней делать дальше?

Я открыла было рот и снова закрыла:

— Она...

— Вернется домой? — закончил за меня Дракон. — И выйдет замуж за крестьянина, если сумеет найти такого, кому будет все равно, что его жена из дерева?

— Она из плоти, а не из какого не из дерева! — возразила я, но уже поняла, и быстрее, чем хотела, что он прав. В нашей деревне для Каси больше не было места, как и мне. Я медленно села, положив руки на стол:

— Она... заберет свое приданное, — сказала я лишь бы что-то сказать. — Ей придется уехать... в город, в Университет, как прочим женщинам...

Он хотел было что-то сказать, но помолчал и переспросил:

— Что?

— Как прочие избранные, те, кого ты забирал, — сказала я без задней мысли: я слишком сильно беспокоилась из-за Каси. Что ей делать? Она не ведьма. Такое люди по крайней мере понимают. Она просто измененная, причем сильно, и я не думала, что ей удастся это скрыть.

Но он перебил мои мысли.

— Скажи-ка мне, — едко спросил он, и я, вздрогнув, подняла на него глаза: — вы все считали, что я брал их силой?

Я застыла с открытым ртом под его взглядом. Выражение его лица было натянутым и оскорбленным.

— Да? — ответила я по началу сбита с толку. — Конечно мы так считали. А как иначе? Если это не так, то почему бы... почему бы вам просто не нанять себе слугу... — уже когда я произносила это, начала сомневаться, была ли та, другая девушка, что оставила мне послание, права. Что он просто хотел общения... но немного и на собственных условиях: не из числа тех, кто может уйти от него, когда захочет.

— Наемные слуги оказались непригодными, — уклончиво и с раздражением ответил волшебник, не объяснив, почему конкретно. Не глядя на меня, он сделал нетерпеливый жест.

Если бы он видел мое лицо, то остановился бы: — Я не выбираю деревенских девиц, которые хотят лишь найти себе жениха или стали бы от меня шарахаться...

Я резко выпрямилась, заставив кресло с грохотом отъехать по полу. Медленно и запоздало во мне словно наводнение начал вскипать бурлящий гнев:

— Так стало быть ты забираешь таких, как Кася, — выпалила я, — тех, что похрабрее, чтобы смогли это выдержать, кто не будет досаждать своим семьям слезами, и считаешь, что все в порядке? Ты их не насилуешь, а просто запираешь здесь на десять лет, и еще жалуешься, что мы плохо о тебе думаем?

Он уставился на меня, я, отдуваясь, уставилась на него в ответ. Я и не знала, что во мне есть подобные слова. Не знала, что во мне сохранились подобные чувства. Я никогда не думала, что смогу сказать нечто подобное своему лорду, Дракону. Я его ненавидела, но не стала бы упрекать, как не стала бы упрекать молнию за то, что она ударила в мой дом. Он не был обычным человеком, он был лордом и волшебником: странным существом совершенно иного порядка, таким же непостижимым, как буря или чума.

Но он снизошел вниз со своей недостижимой высоты, он проявил ко мне настоящую доброту. Ради спасения Каси он снова позволил соединить свою силу с моей тем особым, захватывающим дух, интимным образом. Полагаю, может показаться странным мой способ поблагодарить его за это, накричав на него, но это было более чем благодарность — я хотела, чтобы он стал человечнее.

— Это неправильно, — громко произнесла я: — Неправильно!

Он поднялся, и мгновение мы в молчаливом гневе оба смотрели друг на друга через стол, и оба в одинаковой степени, я полагаю, были поражены. Потом он повернулся и отошел от меня с ярко-красными пятнами от гнева на щеках, уставившись в окно, крепко сжав руками подоконник. Я выбежала из комнаты и понеслась вверх по лестнице.

* * *

Остаток дня я провела, притулившись на краешке кровати рядом со спящей Касей, держась за ее тоненькую ручку. Она была теплой и живой, но волшебник прав. Хоть ее кожа и была мягкой на ощупь, под ней находилась твердая плоть — но вовсе не каменная, а как бы гладкий янтарь, твердый, но округлый, без острых граней. Ее темно-золотые волосы подсвеченные отраженным сиянием свечи завивались в колечки, похожие на древесные кольца. Ее можно было бы принять за вырезанную из дерева статую. Я убеждала себя, что невозможно до такой степени измениться, но знала, что неправа. У меня был слишком предвзятый взгляд: я видела лишь свою Касю. Тот, кто с ней не знаком, сразу заметит странности. Она всегда была красивой, но сейчас была просто неземной красавицей, застывшей и сияющей.

Она проснулась и посмотрела на меня:

— Что случилось?

— Ничего, — ответила я. — Ты голодна?

Я не знала, что с ней делать. Если Дракон разрешит ей остаться, то мы могли бы поселиться в моей комнате наверху. Возможно он обрадуется служанке, которая никогда от него не уйдет, раз ему не нравится обучать новеньких. Это была горькая мысль, но ничего иного я не могла придумать. Если бы в нашей деревне появилась похожая на нее чужачка, то

мы бы решили, что она наверняка осквернена, или какой-то новый монстр из Чаши.

Следующим утром я настроилась попросить его оставить Касю во что бы то ни стало. Я спустилась в библиотеку. Он стоял у окна с одной из своих псевдо-ос, парящей над его руками. Я застыла. Ее мягкая подвижная поверхность была зеркальной как у спокойного пруда, но когда я заглянула ему через плечо, то увидела в ней отражение не этой комнаты, а дерева: бесчисленные и бесконечные темные шевелящиеся ряды деревьев. Изображение в отражении постепенно менялось, как я полагаю, показывая, где пролетела оса. Когда под темной поверхностью что-то промелькнуло, я затаила дыхание. Это было похоже на ходока создание, но меньше размером, и у него были не похожие на суки конечности, а прямые и серебристые с прожилками, словно у листьев. Существо остановилось и повернуло свою странную, лишенную лица голову к осе. В передних конечностях существо держало вырванный пучок каких-то трав и растений — совсем как садовник, пропалывающий грядки. Существо поворачивало головой из стороны в сторону и устремилось дальше в лес, пропав из виду.

— Ничего, — произнес Дракон. — Ни сбора сил, ни приготовлений... — он покачал головой. — Отодвинься, — сказал он, обращаясь ко мне через плечо. Он отпустил осу за окно, затем поднял то, что я могла бы представить себе посохом волшебника, стоящим у стены, поджог его конец в камине и направил его прямо в середину осы. Все летающее существо охватило пламя в одной голубой вспышке, и оса исчезла, оставив после себя легкий сладковатый дымок, напоминающий скверну.

— Те существа не могут их видеть? — зачарованно спросила я.

— Порой случается, что один-другой страж не возвращается, — сказал волшебник, — но если они прикоснутся к стражам, то он просто взорвется, — он ответил отвлеченный чем другим, хмурясь.

— Не понимаю. Чего ты ожидал? Разве это плохо, что Чаша не планирует нападение?

— Ответь, — сказал он, — ты думала, что она выживет?

Конечно, нет. Для меня это было сродни чуду, и одно из тех, что я очень сильно хотела изучить. Пока я не позволяла себе об этом думать.

— Она позволила Касе сбежать? — прошептала я.

— Не совсем так, — ответил он. — Она не могла ее удержать. Призывание и очищение отбросили Чашу прочь. Но я уверен, она могла продержаться достаточно, чтобы девушка умерла. А Чаша совсем не славится подобными благородными порывами. — Он побарабанил по подоконнику пальцами в слегка знакомом ритме. Я узнала его одновременно с ним: это был ритм нашего с ним заклинания Призывания. Он тут же перестал и натянуто спросил:

— Она поправляется?

— Ей лучше, — ответила я. — Этим утром сама взобралась по лестнице. Я помещу ее у себя...

Он пренебрежительно махнул рукой:

— Я думал, ее поправка всего лишь уловка, чтобы нас отвлечь, — сказал волшебник. — Если ей уже лучше... — он покачал головой.

Спустя мгновение он расправил плечи, убрал руку с подоконника и повернулся ко мне:

— Что бы не задумала Чаша, мы потеряли достаточно времени, — мрачно сказал он. — Доставай свои учебники. Мы должны возобновить твое обучение.

Я уставилась на него.

— Перестань на меня таращиться. Ты хотя бы понимаешь, что мы с тобой сделали? —

он махнул в сторону окна. — Это не был единственный страж, которого я отправил на разведку. Другие нашли то очаговое дерево, в котором оказалась девушка. Это было очень любопытно, — сухо добавил он: — потому что оно мертво. Когда ты выжгла скверну из девушки, этим же ты сожгла дерево.

И все равно я не понимала причины его мрачного настроения, и когда он продолжил, стало понятнее еще меньше:

— Ходоки уже вырвали его и заменили новым саженцем, но если бы сейчас была зима, а не весна, если бы поляна была чуть ближе к границе Чащи... если бы мы были готовы заранее, то могли бы взять отряд лесорубов, которые бы вырубili бы и выжгли Чашу до самой поляны.

— А мы не можем... — я сбилась от удивления. Я даже не могла толком сформулировать свою мысль.

— Повторить? — уточнил он. — Да. И это значит, что Чаша должна дать нам отпор. И скоро.

Теперь я начала понимать причину его тревоги. Это было сродни его переживаниям из-за России. Я поняла: мы с Чашей ведем войну, и наш враг знает, что у нас есть новое оружие, которое мы можем применить против него. Поэтому Дракон ожидает, что Чаша нападет не просто в отместку, а для самозащиты.

— Предстоит много работы до того, как мы сможем надеяться на повторение эффекта, — добавил волшебник, и указал на стол, устланный еще большим количеством бумаги. Я пригляделась повнимательнее и наконец поняла, что это были заметки о работе — нашей совместной работе. Тут были наброски диаграмм, на которых мы довольно схематично были изображены по разные стороны от книги Призывания на максимальном удалении друг от друга, противостоящую нам Касю изображал круг, к которой вела линия с надписью «канал», и от нее вела пунктирная черта к тщательно изображенному очаговому дереву. Он указал на эту пунктирную черту:

— Самой большой сложностью является канал. Мы не можем каждый раз надеяться на кстати подвернувшуюся жертву, только что вызволенную из очагового дерева. Однако, вместо этого может пригодиться пойманный ходок, или жертва, подвергшаяся скверне в меньшей степени...

— Иржи, — внезапно сказала я. — Мы ведь можем испробовать это на Иржи?

Дракон замолчал и раздраженно сжал губы.

— Возможно, — произнес он:

— Но сперва, — добавил он, — мы должны кодифицировать все принципы заклинания, а тебе нужно попрактиковаться с каждым отдельным элементом. Полагаю, это подпадает под категорию пятого уровня сложности, где Призывание является только структурой, скверна — проводящим каналом, а заклинание очищения дает должный импульс... ты что, позабыла все, чему я тебя учил? — спросил он, заметив, как я кусаю губы.

Это верно: я не позаботилась о том, чтобы запомнить большую часть его лекций о структуре заклинаний, которые по большей части просто объясняли, почему одни заклинания сложнее других. Насколько я могла судить, все сводилось к очевидному: если ты складываешь два заклинания, чтобы получить новое, то оно окажется сложнее для выполнения, чем каждое из них по отдельности. Но я не находила эти правила полезными. Если сложить три заклинания, то оно окажется сложнее чем каждое в отдельности, но по крайней мере, когда я попробовала это на практике, то это не показалось мне сложнее, чем

любое двойное. Все зависело от того, что ты делаешь и в каком порядке. И его правила не имели ничего общего с тем, что случилось внизу.

Я не хотела это обсуждать, и знала, что и он не хочет. Но я вспомнила о Касе, которая продиралась ко мне сквозь раздирающую ее Чашу, и о Заточках, находящихся на границе с Чашей на расстоянии одного удара от полного поглощения.

— Все это неважно, и тебе это известно.

Его рука сжалась, сминая страницы, и мгновение я думала, что он сейчас накричит на меня. Но он уставился на них и ничего не сказал. Спустя мгновение я сходила за моей книгой заклинаний и открыла заклятие иллюзии, которые мы делали совместно зимой, много месяцев тому назад. До Каси.

Я расчистила на столе место среди бумаг, сдвинув их в сторону, и положила книгу перед собой. Не вымолвив ни слова, он через мгновение сходил к полке за другим томом — узкой черной книгой, со слегка светившейся обложкой в тех местах, где касались его пальцы. Он открыл ее на заклинании, записанном на двух страницах четкими буквами с диаграммой из одного цветка, каждая часть которого была каким-то образом связана со своим слогом заклинания.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Приступим, — и протянул ко мне через стол руку.

На этот раз без столь полезно отвлекающего влияния отчаяния было труднее сделать обдуманый выбор. Я не могла не думать о силе его руки, о длине его изящных пальцев, опутавших мою ладонь, о тепле мозолистых кончиков пальцев, касавшихся моего запястья. Я чувствовала под своими пальцами биение его сердца, жар кожи. Я сидела, уставившись в свою книгу с пылающими щеками, и пыталась понять смысл букв, пока он отрывисто произносил свое заклинание. Иллюзия начала принимать очертание: еще один прекрасно очерченный цветок, ароматный и красивый, совершенно непрозрачный с покрытым шипами стеблем.

Я начала с шепота, отчаянно пытаюсь отбросить любые мысли, не чувствовать своей кожей его волшебство. Ничего не случилось. Он ничего мне не сказал. Его взгляд был старательно сфокусирован где-то в точке над моей головой. Я остановилась и мысленно встряхнулась. Потом закрыла глаза и почувствовала форму его волшебства: полную шипов, как его иллюзия, колючую и настороженную. Я начала тихо произносить заклинание, но поймала себя на мысли, что думаю не о розе, а о воде, о жаждущей влаги почве, стараясь пристроиться к его силе, а не превзойти ее. Я услышала, как он резко втянул в себя воздух, и колючее здание его заклинания нехотя впустило меня внутрь. Роза между нами выпустила длинные корни по всему столу и отрастила новую ветку.

Сейчас это не было похоже на те джунгли, что выросли во время нашей первой попытки. Он старался сдерживать свою силу, как и я, в итоге мы оба пропускали подкормить наше заклинание лишь тоненький ручеек волшебства. Но розовый куст приобрел новый вид реальности. Я более не могла назвать это иллюзией: длинные шнуровидные корни переплелись вместе, запустили кончики в трещины столешницы, оплели ножки. Бутоны больше не были похожи на портрет цветка, а превратились в настоящие лесные розы, половина из них еще не открылась, другие уже цвели, с них осыпались лепестки, коричневее на концах. Воздух наполнился густым ароматом, таким сладким, что, пока мы работали, в окно залетела пчела, направившаяся прямо к одному из бутонов и настойчиво принялась по нему ползать. Когда она не сумела добыться нектара, она попробовала другой, и другой. Маленькие лапки сучили по лепесткам, которые прогибались именно так, как должны под

весом пчелы.

— Тебе здесь ничего не достанется, — сказала я парящей пчеле, и подула на нее, но та лишь попробовала снова.

Дракон перестал разглядывать мою макушку. Все неловкости пересилила его страсть к волшебству. Он принялся изучать нашу переплетенную друг с другом работу с тем же энтузиазмом, с каким работал над сложнейшими заклинаниями. Свечение заклинания отражалось на его лице и в глазах: это был голод познания.

— Ты можешь поддерживать его в одиночку? — спросил он.

— Думаю да, — ответила я, и он медленно высвободил руку из моей ладони, оставив меня поддерживать дико разросшийся розовый куст. Без жесткой опоры его волшебства, он едва не рухнул, как лиана у которой оборвали усики, но я нашла способ удержать его волшебство, всего лишь уголок, но этого было достаточно, чтобы служить основой — и подпитывала заклинание больше из своих сил, чтобы сгладить его слабости.

Он наклонился и перевернул пару страниц своей книги, пока не нашел нужное ему заклинание: на этот раз это была иллюзия насекомого столь же детально расписанная на диаграмме, как перед этим цветок. Он быстро произнес заклинание, оно скатилось с его языка, и появились с полдюжины пчел, которые направились к кусту, что лишь еще больше смутило нашу гостью. Создавая каждое насекомое, он передавал их мне с легким шлепком. Я сумела их подхватить и вплести в наш куст. Потом он сказал:

— А сейчас я хочу добавить к ним заклинание наблюдения. То самое, что я применяю к стражам, — добавил он.

Я медленно кивнула, сфокусировав внимание на поддержании заклинания. Что может быть незаметнее в Чаще, чем пчела? Он перелистал книгу в самый конец, где его собственной рукой было вписано это заклинание. Но когда он приступил, сложность заклинания иллюзии пчел повысилась, и легла на мои плечи. Я удержала их, покачнувшись, чувствуя, как моя сила тратится слишком быстро без восстановления, пока я не сумела издать бессловесный тревожный звук, и он оторвался от своей работы и потянулся ко мне.

Я неосторожно схватилась за его руку и за силу, хотя и он нажал со своей стороны. У него перехватило дыхание, и наши заклинания сцепились друг с другом, в них хлынула сила. Куст снова принялся расти, корни сползли со стола, а ветви потянулись за окно. Среди цветов принялись с жужжанием носиться пчелы, каждая со странным блеском в глазках улетала прочь. Если бы я поймала одну из них руками и пригляделась повнимательнее, то увидела бы в отражении в ее глазах каждый цветок, на который она садилась. Но в моей голове для пчел не было места, а также для роз и подглядывания. Не было места ни для чего, кроме волшебства, которое заливало меня мощным потоком и единственной моей соломинкой была его рука... вот только он тонул вместе со мной.

Я почувствовала его удивленное беспокойство. Инстинктивно я потащила его туда, где поток становился тише, словно на самом деле оказалась в разлившейся реке, вышедшей из берегов. Вместе мы умудрились выбраться. Розовый куст постепенно уменьшился до единственного цветка, псевдопчелы забирались внутрь закрывавшихся бутонов или просто растворялись в воздухе. Последний цветок закрыл лепестки и исчез, а мы, не разнимая рук, оба тяжело осели на пол. Я не имела понятия, что произошло. Он очень часто повторял мне, как опасно начинать произносить заклинание, не имея достаточно сил, но никогда не предупреждал о том, как опасно иметь переизбыток силы. Когда я повернулась к нему, чтобы спросить об этом, он сидел с ошарашенным видом, откинув голову назад на полки, и я

поняла, что он знает о случившемся не больше моего.

— Что ж, — наконец, спустя мгновение сказала я. — Думаю, сработало. — Он уставился на меня, его раздражение пропало, и я начала беспомощно смеяться, едва ли не похрюкивая при этом. От волшебства и переживаний у меня кружилась голова.

— Ты невыносимая психопатка, — рявкнул он, и вдруг обхватил мое лицо руками и поцеловал.

Я все еще не могла толком понять, что происходит, даже когда целовала его в ответ — мой смех наполнял его рот и заставлял прерывать наш поцелуй. Я все еще оставалась связана с ним силой, она переплелась целой кучей чудовищно запутанных узлов. Мне не с чем было сравнить подобную близость. Я чувствовала жаркое смущение, но подумала, что это смутно похоже на раздевание перед незнакомцем. И никак не связывала это с сексом. Секс оставался поэтическими метафорами в песнях, практическими инструкциями моей матери и парой неприятных моментов из моего опыта в Башне с принцем Марекком: но с его точки зрения я могла бы быть и тряпичной куклой.

Но сейчас я оказалась верхом на Драконе, повалив его, ухватившись за плечи. Когда мы падали, его бедро оказалось зажато между моими, и нажало через юбки, так после случайного судорожного толчка я вдруг обрела совершенно иное понимание. Он застонал глубоким голосом, и его руки скользнули в мою прическу, распуская заколотые в узел волосы вокруг плеч. Наполовину ошарашенная, наполовину недоумевающая, я держалась за него и руками и своей силой. Его сухость, тщательно подобранный наряд из бархата, шелка и кожи — такой пышный и собравшийся складками под моими пальцами — внезапно приобрели иной смысл. Я находилась в его объятьях, верхом на его бедрах, его тело обжигало мое, его руки сквозь платье очень сильно, почти до боли сжимали мои бедра.

Я наклонилась и снова его поцеловала в прекрасном месте полном незамысловатых желаний. Мое волшебство и его были едины. Его рука скользнула по моей ноге под юбку, и его ловкий искусный палец погладил меня между ног. Я немного шумно вздохнула как уже случалось зимой. От моих рук над его телом промчались невольные отблески подобно солнечным зайчикам на речных волнах, и все бесконечные пряжки его колета расстегнулись — он распахнулся, а шнуровка на его рубашке расплелась.

Я все еще не до конца понимала, что делаю, как мои руки очутились на его обнаженной груди. Или скорее, я позволяла себе задумываться не далее собственных желаний, но не решалась облечь их в слова. Однако я не могла просто отмахнуться от понимания, с учетом того, насколько ошарашивающее раздетым он оказался подо мной. Даже завязки на его штанах оказались распушены. Я это чувствовала бедрами. Ему всего лишь стоило чуть сдвинуть мои юбки и...

Мои щеки отчаянно пылали. Я хотела его, и одновременно хотела слезть с него и сбежать, а больше всего я хотела узнать, чего же я хочу больше. Я замерла и уставилась на него с широко открытыми глазами, а он уставился на меня, куда более беззащитный чем я когда-либо его видела, с покрасневшим лицом, взъерошенный, в распахнутой одежде — одинаково изумленный и разозленный. Тут он чуть слышно сказал: «Что я делаю?» — Он взял меня за запястья, чуть отстранил, и поднял нас на ноги.

Разрываясь между сожалением и облегчением, я пошатнулась и ухватилась за столешницу. Он отвернулся от меня с напряженной спиной, завязывая завязки. Распушившиеся кончики моей силы постепенно возвращались ко мне, исчезая под кожей, а его отступали прочь. Я прижала ладони к горячим щекам:

— Я не хотела... — промямлила я, но остановилась, потому что не знала, чего именно я не хотела.

— Да, это совершенно очевидно, — буркнул он через плечо, застегивая колет поверх распахнутой рубашки. — Уходи.

Я сбежала.

В моей комнате Кася, сидя на кровати, мрачно сражалась с корзинкой для вышивания. На столе лежали три сломанных иголки, и ей лишь с большим трудом удалось сделать несколько неуклюжих стежков на одном из лоскутков.

Когда я вбежала с пунцовыми щеками и в своем наряде, приведенном в полный беспорядок, задыхаясь, словно лошадь на скачках, она подняла голову и уронила вышивание:

— Нешка! — она поднялась, шагнула вперед и взяла меня за руки, но замерла. Она научилась остерегаться собственной силы: — Ты? Он что-то...

— Нет! — ответила я, не зная, радоваться этому или огорчаться. Единственное волшебство, которое осталось во мне принадлежало мне, и я плюхнулась на кровать с разочарованным шлепком.

Мне не предоставили времени, чтобы разобраться в ситуации. Чуть за полночь этой же ночью Кася, лежавшая рядом, дернулась, и я едва не свалилась с кровати. В дверях стоял Дракон с непроницаемым натянутым выражением лица, в ночной рубашке и с накинутым поверх халатом. В его ладони горел огонек.

— На дороге солдаты, — сказал он. — Одевайтесь.

Он повернулся и без лишних слов ушел.

Мы обе быстро поднялись, натянули одежду и примчались вниз в большой зал. Дракон стоял у окна полностью одетый. Я увидела вдалеке всадников, крупный отряд. В голове отряда находилось два фонаря на шестах, и один позади. Свет поблескивал на кольчугах и сбруе. Два всадника вели за собой заводных лошадей. Впереди несли два знамени, перед которыми находились маленькие шарики волшебного света, освещавшего зеленое трехглавое чудовище вроде дракона на белом фоне. Это был герб принца Марека, а за ним — символ красного сокола с растопыренными когтями.

— Зачем они явились? — прошептала я, хотя они находились слишком далеко, чтобы слышать.

Дракон ответил не сразу. Наконец, он сказал:

— За ней.

Я потянулась и крепко схватила Касю за руку.

— Почему?

— Потому, что я осквернена, — ответила Кася, и Дракон молча кивнул. Они приехали, чтобы казнить Касю.

Слишком поздно я вспомнила про мою записку. На нее не было ответа, и я забыла даже о том, что ее посылала. Уже несколько после я узнала, что после того, как Венса вернулась из Башни, она впала в болезненное безразличие. Ее навещала одна женщина, и она открыла мое письмо, как будто из сострадания, и разнесла повсюду слух. Слух о том, что мы притащили кого-то из Чащи. Он разнесся в Желтые болота, вместе с бродячими бардами добрался до столицы, и вот к нам пробыл сам принц Марек.

— Они поверят, что она не осквернена? — задала я вопрос Дракону. — Они должны поверить тебе...

— Как ты, наверное, помнишь, — сухо ответил он, — у меня в таких вещах незавидная репутация. — Он снова посмотрел в окно. — И сомневаюсь, что Сокол проделал весь этот путь лишь для того, чтобы согласиться с моим мнением.

Я повернулась к Касе, которая оставалась спокойна и неестественно тиха. Я сделала глубокий вдох и схватила ее руки:

— Я им не позволю, — пообещала я ей. — Не позволю.

Дракон раздраженно фыркнул:

— Собираешься убить их вместе с королевскими солдатами? А что потом — сбежишь в горы к разбойникам?

— Если придется! — ответила я, но, почувствовав крепкое пожатие Касиных пальцев, повернулась к ней. Она едва-едва качнула головой.

— Нельзя, — сказала она. — Тебе нельзя, Нешка. В тебе нуждаются все, а не только я.

— Значит, ты отправишься в горы одна, — упрямо ответила я, чувствуя себя запертым

животным, услышавшим, как мясник точит нож. — Или я сама тебя отправлю, а потом вернусь... — лошади были уже так близко, что их топот почти заглушал мой голос.

Время бежало, а мы торчали на месте. Мы с Касей стояли, взявшись за руки, в алькове большого зала Башни. Волшебник уселся в свое кресло и ждал, поблескивая отрешенным каменным лицом. Мы слышали, как кортеж остановился: лошади, фыркая, били копытом, за тяжелыми дверями приглушенно звучали голоса солдат. Повисла пауза: стук в дверь, которого я ждала, все не появлялся, и потом спустя некоторое время я почувствовала медленное, вкрадчивое касание волшебства. Заклинание обрело форму с нашей стороны дверей, пытаясь захватить их и заставить открыться. Оно ошупывало и тыкалось в результат труда Дракона, пытаясь его взломать, и потом внезапно последовал резкий удар: взрыв волшебства, пытавшегося сломить его контроль. Губы и взгляд Дракона на мгновение обрели жесткость, и по дверям пробежала легко потрескивающая волна голубого свечения. И все.

Наконец в дверь постучали тяжелым, закованным в железо кулаком. Дракон чуть согнул палец и двери распахнулись. На пороге стоял принц Марек. С ним рядом находился другой мужчина, который хоть и был вполтину уже в плечах, но умел себя подать не менее величаво. Он был укутан в длинный белый плащ, украшенный черными значками, напоминающими птичьи крылья. Волосы незнакомца оказались цвета вымытой овечьей шерсти с черными корнями, словно он их осветлил. Плащ сполз с одного плеча и под ним показалась одежда серых и черных цветов. Выражение лица было тщательно выверено: на нем, как на странице книги, была начертана скорбная обеспокоенность. Вместе они составляли полную картину: солнце и луна в дверной рамке, подсвеченной сзади. Потом принц Марек шагнул внутрь и стянул рыцарские перчатки.

— Итак, — начал он. — Вы знаете, зачем мы здесь. Где девушка?

Дракон не произнес ни слова, только указал в Касину сторону, где мы с ней стояли, пытаясь слиться со стеной. Марек повернулся и сразу же сконцентрировался на ней, испытующе сощурился. Я гневно смотрела на него, хотя он не обращал на это ни малейшего внимания, не удостоив меня даже взглядом.

— Саркан, что ты наделал? — произнес Сокол, подходя к креслу Дракона. Его чистый тенор прозвенел как у какого-нибудь прекрасного актера, наполнив помещение сожалением от сделанного обвинения. — Неужели ты совсем потерял связь с реальностью, прячась в этом захолустье...

Дракон сидел молча, оперев голову о кулак:

— Ответь мне, Соля, — сказал он, — что ты надеялся увидеть в этом зале, если бы я действительно выпустил оскверненного погулять?

Сокол промолчал, и Дракон неспешно поднялся из кресла. Вокруг него зал внезапно с пугающей скоростью потемнел, повсюду расплзлись тени, выпившие свет волшебных светильников и высоких свечей. Он спустился с возвышения, и каждый его шаг, один за другим, прозвучал глухим сотрясающим ударом огромного колокола. Принц Марек с Соколом помимо воли попятнулись назад, первый схватился за рукоять меча.

— Если я пал перед Чашей, — произнес Дракон, — то на что вы здесь надеялись, в моей Башне?

Сокол уже свел руки вместе, сложив большие пальцы и указательные треугольником, и что-то чуть слышно пробормотал. Я почувствовала бурление формирования его заклинания, и сквозь пространство, очерченное его руками, начали сверкать тонкие лучики света. Они металась все быстрее и быстрее, пока не охватили весь импровизированный треугольник, и

словно это дало какую-то искру, все его тело окуталось белым пламенем. Он развел в стороны горящие белым потрескивающим пламенем руки, с которых дождем сыпались на пол искры, словно готовился к броску. Это заклинание вызывало то же ощущение голода, что и у очагового дерева в середине, словно оно хотело поглотить даже сам воздух.

— Triozna greszhni, — произнес Дракон, слова резанули слух, и пламя опало подобно оплывшим свечам. Через зал просвистел порыв холодного ветра, охладив мою кожу, и пропал.

Застыв, они уставились на него... но тут Дракон широко распахнул руки:

— К счастью, — сказал он своим обычным, резковатым тоном, — я даже близко не оказался настолько бестолковым, как вы себе представляли. Так, что вам повезло. — Он повернулся спиной и поднялся к креслу, тени разбежались от его ног и попрятались. Свет снова зажегся. Я отчетливо видела выражение лица Сокола — он вовсе не был благодарен — оно было ледяным, его рот вытянулся и сжался в прямую линию.

Полагаю, он порядком устал считаться вторым чародеем Польни. Мне даже приходилось кое-что о нем слышать. Его имя часто упоминалось в песнях о войнах с Россией, хотя, разумеется, в нашей долине барды почти не пели о других волшебниках. Мы все больше хотели услышать о Драконе, о нашем чародее, господине, и услышав, чувствовали гордость и удовлетворение — все же, он был наимогущественнейшим волшебником страны. Но раньше я не задумывалась, что это значит. Проведя слишком много времени наедине с ним, я забыла о своем страхе перед ним. Сейчас последовало внушительное напоминание — как легко он смял заклинание Сокола. Пред такой силищей как он должны трепетать даже короли и другие чародеи.

И, должна заметить, принц Марек был доволен этим напоминанием не больше Сокола. Его рука не отпускала рукоять меча, а лицо ожесточилось. Но он вновь смотрел на Касю. Когда она сделала шаг из алькова наружу, я моргнула и постаралась удержать ее, но она пошла к нему навстречу через зал. Я проглотила предупреждение, которое хотела прошептать, потому что было поздно. Кася уже присела в поклоне, склонив золотистую головку. Она выпрямилась и открыто посмотрела прямо в его лицо, именно так, как я представляла на ее месте себя, всего несколько месяцев тому назад.

— Сир, — ничуть не заикаясь обратилась она. — Я знаю, что вы сомневаетесь на мой счет. Мне известно, что я выгляжу странно. Но все правда: я свободна.

В моей голове в отчаянной молитве прокручивались разные заклинания. Если он вытащит меч, чтобы угрожать ей... если Сокол только попробует поразить ее каким-нибудь заклинанием...

Принц Марек смотрел на девушку с мрачным выражением, решительно склонив голову:

— Ты была в Чаше? — спросил он.

Кася кивнула:

— Меня утащили ходоки.

— Подойди и взгляни на нее, — бросил принц через плечо Соколу.

— Ваше высочество... — становясь рядом, начал было Сокол: — Совершенно очевидно, что любые...

— Прекрати, — сказал принц резким как нож тоном. — Мне он нравится не больше твоего, но я притащил тебя сюда не ради политических дрызг. Взгляни на нее. Она осквернена или нет?

Сокол промолчал, нахмурившись. Он был уязвлен.

— Любой, кто провел в Чаше ночь, заведомо...

— Она о-сквер-не-на? — повторил принц, четко и твердо произнеся каждый слог.

Сокол медленно повернулся и посмотрел на Касю. Действительно посмотрел, впервые, и его брови медленно поднялись в недоумении. Едва смея надеяться и все равно надеясь, я посмотрела на Дракона. Если только они прислушаются...

Но Дракон не смотрел в мою сторону и даже на Касю. Он смотрел на принца, и его лицо было мрачнее тучи.

* * *

Сокол немедленно приступил к проверкам. Он потребовал у Дракона эликсиры из его запасов и книги из его библиотеки — за всем этим Дракон без возражений отправил бегать меня. Все остальное время волшебник приказал мне оставаться в кухне. Сначала я решила, что он пытается избавить меня от созерцания ужасных испытаний, вроде тех, которым он подверг меня, когда я вернулась из Чащи, отнимающих дыхание. Даже находясь в кухне я слышала произносимые заклинания и потрескивание волшебства Сокола, струящегося где-то над моей головой. Оно стучалось в моих костях как отдаленные барабаны.

На третье утро я случайно увидела свое отражение в стенке огромного медного чайника и поняла, что представляю собой сплошной беспорядок. Я даже не подумала о том, чтобы наколдовать себе новой одежды, слыша возню наверху, все свои мысли и беспокойство я сосредоточила на Касе. Не удивительно, что я собрала все, что только можно: пятна, потеки, слезы, но мне было все равно. Однако Дракон ничего не сказал. Он больше одного раза спускался вниз, объясняя, куда сходить и что принести. Я смотрела на отражение, и когда он в следующий раз спустился вниз, буркнула:

— Ты что, прячешь меня?

Он помолчал, застряв на нижней ступени, и ответил:

— Разумеется, идиотка, я стараюсь держать тебя подальше от них.

— Но он даже не помнит, — сказала я, имея в виду принца. Повис тревожный вопрос.

— Вспомнит, дай только шанс, — ответил волшебник. — Для него это слишком важно.

Не путайся у них под ногами, веди себя как обычная служанка и не используй волшебство нигде, где могут тебя увидеть Соля и принц.

— С Касей все в порядке?

— Настолько, насколько возможно. Пусть тебя это не тревожит. Теперь ей очень сложно навредить, а Соля не полный тупица. В любом случае, он отлично понимает, чего добивается принц, и изо всех сил старается ему это предоставить. А сейчас ступай и возьми три флакона соснового молочка.

Что ж, я не знала, чего добивался принц, и мне не хотелось, чтобы он своего добился, чем бы это ни было. Я сходила в лабораторию за сосновым молочком: его Дракон добывал из сосновых иголок, которые в результате его манипуляций выделяли похожую на молоко жидкость совершенно без запаха. Когда он попытался научить меня этому способу, у меня вышел лишь липкий вонючий комок иголок в луже воды. Сосновое молочко было необходимо чтобы задержать волшебство в теле, и входило в состав почти каждого целебного эликсира, а так же в зелье окаменения. Я доставила пузырьки в большой зал.

По центру помещения в середине двойных импровизированных кругов, образованных

рассыпанной солью, смешанной с мелко растертыми травами, стояла Кася. На ее шею они помести тяжелый ошейник, вроде бычьего ярма из вороненного железа, инкрустированного серебряными надписями заклинаний. Ошейник цепями соединялся с кандалами, в которые были закованы запястья девушки. У нее на было даже стула, чтобы присесть, а под тяжестью этого ярма она должна была склониться до земли, но Кася легко стояла прямо. Когда я вошла в зал, она чуть улыбнулась мне, давая понять: «Со мной все в порядке».

Сокол выглядел куда более уставшим, чем она, а принц Марек, широко зевая, тер лицо, хотя он всего лишь был сидящим в кресле зрителем.

— Оставь там, — не обращая на меня внимания, сказал мне Сокол, махнув рукой на свой заваленный вещами рабочий стол. Когда я задержалась, сидевший на своем троне Дракон бросил на меня острый взгляд. Я молча поставила пузырьки на стол, но не ушла совсем. Я вернулась ко входу в зал и осталась понаблюдать.

Сокол поместил в пузырьки заклятия очищения, в каждый из трех своё. Он действовал со своеобразной острой прямолинейностью: там, где Дракон сворачивал волшебную силу бесконечными речитативами, Сокол прочерчивал прямую линию. Но его волшебство действовало тем же манером. На мой взгляд он выбрал единственную дорогу из многих, не плутая между деревьями, как я. Он передал Касе флаконы через границы кругов длинными железными щипцами. Кажется, чем дальше он продвигался, тем все осторожнее он становился. Когда Кася выпила каждое снадобье, оно засветилось, и к тому времени как она выпила третье, свечение ее тела освещало все помещение. В ней не было ни следа теней, ни самого крошечного спрятавшегося пятнышка скверны.

Принц небрежно и легко развалился в кресле с громадным кубком вина у локтя, но я заметила, что вино осталось нетронутым, и он не сводил взгляда с Касино лица. У меня прямо-таки зачесались руки применить волшебную силу — отвесить ему оплеуху, чтобы не пялился на нее.

Сокол довольно долго смотрел на девушку, потом достал из кармана на своем дублете повязку и завязал ею себе глаза. Это была широкая, во весь лоб, плотная повязка из черного бархата, украшенная серебряными буквами. Повязывая ее, чародей что-то прошептал, и буквы загорелись, а потом прямо по середине его лба на повязке появилась глазница. В ней было единственное око — огромное и странной, округлой формы. Радужка вокруг зрачка была настолько темной, что практически сливалась в одно черное пятно, пронизанное крохотными серебряными крапинками. Волшебник приблизился к самому краю круга и уставился на Касю волшебным оком, поводя головой сверху-вниз, и обойдя девушку три раза по кругу.

Наконец, он отошел. Око закрылось, потом пропала глазница, и волшебник поднял подрагивающие руки, чтобы снять повязку. Замешкавшись с узлом, он все же снял ее. Я не могла отвести глаз от его лба: там не было и следа волшебного ока, никаких отметок совсем, хотя его собственные глаза налились кровью. Волшебник тяжело опустился в кресло.

— Ну? — резко спросил принц.

Мгновение Сокол ничего не отвечал.

— Я не сумел найти следов скверны, — наконец неохотно произнес он. — Но не могу поклясться, что ее там нет...

Но принц его уже не слышал. Он поднялся и взял со стола тяжелый ключ. Потом он пересек зал до Каси. Последнее свечение гасло в ее теле, но еще ушло не полностью. Сапоги принца по пути разбросали кольцо соли, и он отпер тяжелый ошейник и кандалы ключом.

Сбросив их на пол, он, пожирая Касю глазами, любезно подал руку, словно она была знатной дамой. Она в ответ замешкалась... я знала, что она беспокоиться, как бы случайно не сломать ему руку. Что касается меня, то я очень на это надеялась... но она осторожно вложила свою ладонь в его.

Он крепко ее сжал и, повернувшись, повел ее за собой к подножию помоста Дракона.

— А теперь, Дракон, поведай нам, — тихо сказал он, — как ты этого добился, — он резко дернул руку девушки вверх. — А потом мы, я и Сокол, отправимся в Чашу, раз ты слишком труслив, чтобы пойти с нами. И приведем мою мать назад.

— Я дам тебе меч, чтобы ты смог на него упасть, если ты настаиваешь на самоубийстве, — ответил Дракон. — Наименее болезненно для всех будет, если ты воспользуешься своим.

Плечи принца напряглись. Было отчетливо видно, как свело мускулы вокруг шеи. Он отпустил Касину руку и шагнул на возвышение. Лицо Дракона оставалось невозмутимо ледяным и непроницаемым. Я думала, что принц охотно его стукнет, но с кресла подскочил Сокол.

— Прошу прощения, ваше высочество, но в этом нет необходимости. Если вы помните то заклинание, которое я использовал, когда мы захватили лагерь генерала Ничкова в Киве. Оно прекрасно нам сгодится и здесь. Это поможет нам увидеть, как было выполнено заклинание. — Он улыбнулся Дракону одними губами. — Думаю даже Саркан признает, что ему не скрыть от меня подобные вещи.

Дракон не стал ничего отрицать:

— Если ты позволишь втянуть себя в это идиотское предприятие, я признаю, что ты куда более экстравагантный дурак, чем я о тебе думал.

— Я бы не назвал экстравагантной любую разумную попытку спасти королеву, — парировал Сокол. — До сего момента мы все преклоняли голову перед твоим благоразумием, Саркан. Действительно, не было никакого смысла рисковать, чтобы доставить королеву и сразу же ее казнить. А теперь, — он взмахнул рукой в Касину сторону, — перед нами есть очевидное доказательство иного варианта. Почему ты так долго это скрывал?

Вот так запросто, Сокол перескочил с позиции ярого противника любой возможности избавления от скверны и обвинения Дракона в том, что он вообще сохранил Касе жизнь! Я вытаращилась на него, но волшебник ничуть не смутился такой кардинальной перемены своего мнения.

— Если существует любая возможность спасти королеву, — добавил Сокол. — Должно быть сделано все возможное.

Дракон хмыкнул:

— Тобой?

Даже я должна была признать, что это была худшая попытка заставить Сокола засомневаться. Он сощурил глаза, холодно повернулся к принцу и сказал:

— Я покидаю вас, ваше высочество. Мне нужно восстановить силы прежде, чем смогу утром использовать заклинания.

Принц Марек отпустил его движением руки. К своему беспокойству, пока я следила за словесной перепалкой, я проглядела, как принц о чем-то беседует с Касей, держа ее руки в своих. Ее лицо по-прежнему было неестественно неподвижно, но я уже научилась его читать, и видела, что она обеспокоена.

Я было собралась ее спасти, как он отпустил ее руку и быстро ушел из зала наверх, прогремев каблуками по лестнице. Кася подошла ко мне и я поймала ее руку. Дракон мрачно смотрел на лестницу, беспокойно постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Он может это сделать? — спросила я у него. — Сумеет увидеть, как было выполнено заклинание?

«Тук-тук-тук», — отбили его пальцы.

— Не сможет, пока не найдет путь в гробницу, — наконец ответил Дракон. Спустя мгновение он неохотно добавил: — В чем он вполне может преуспеть. У него есть способность к магии поиска. И все же ему еще нужно найти в нее вход. Думаю, это займет у него пару недель, чего будет достаточно, чтобы я успел отправить сообщение королю, и, надеюсь, предотвратить эту глупость.

Он взмахнул рукой, прогоняя меня, и я была рада сбежать, утащив наверх за собой Касю, осторожно проверяя наш путь. На втором этаже прежде, чем тащить через весь коридор Касю, я выглянула, чтобы убедиться, что по близости нет ни Сокола, ни принца. А когда мы добрались до моей комнаты, я попросила ее подождать снаружи, и заглянула внутрь: пусто. Я завела ее внутрь, потом закрыла и забаррикадировала дверь, и еще прислонила спинку стула к дверной ручке. Я бы с удовольствием заперла ее с помощью волшебства, но Дракон строго предупредил меня не пользоваться заклинаниями, и как бы сильно мне не хотелось избежать повторного визита принца Марека, еще меньше я хотела напоминать ему о том, что на самом деле случилось в его прошлый визит. Я не была уверена, сумеет ли Сокол обнаружить мое крохотное заклятье замка здесь в комнате наверху, однако я чувствовала его работу из кухни, так что не хотела испытывать судьбу.

Я повернулась к Касе. Она тяжело села на кровать с прямой спиной — теперь она так держалась постоянно — сложив руки на коленях, и наклонив голову вперед.

— Что он тебе сказал? — спросила я у нее, чувствуя, как в моем животе бурлит ярость, но Кася в ответ покачала головой.

— Просил помочь, — ответила она. — Сказал, что поговорит со мной снова завтра, — она подняла голову и посмотрела на меня: — Нешка, ты ведь спасла меня... ты можешь спасти королеву Анну?

На мгновение я снова очутилась в Чаще, под плотным переплетением ветвей, на меня обрушилась тяжесть ее ненависти и с каждым вздохом в меня вползали тени. Страх сдавил мое горло. Но я вспомнила о заклинании «fulmia», тихо рокотавшем как гром в моем животе, Касино лицо и другое дерево, выросшее высоко-высоко и в его коре лицо, его расплывшиеся и стёршиеся за двадцать лет черты под наросшей корой словно у статуи под струями воды.

Дракон находился в библиотеке в раздраженном состоянии духа и что-то писал, и мой приход с вопросами не прибавил ему настроения:

— Тебе и так не занимать безрассудства, не следует одалживать его у других, — сказал он. — Ты что до сих пор не видишь очевидной ловушки? Именно этого и ждет Чаша.

— Ты думаешь, что Чаша заполучила... принца Марека? — удивилась я, считая, что этим можно было бы все объяснить. Если именно благодаря этому он собирался...

— Нет, этого еще не случилось, — ответил Дракон. — Но он готов преподнести ей себя вместе с волшебником на блюде: чудесный обмен за одну деревенскую девушку, и будет еще лучше, если в западне очутишься и ты! Чаша посадит в вас с Солей очаговые деревья, и за неделю проглотит всю долину целиком. Вот почему она ее отпустила.

Но я помнила отчаянное сопротивление.

— Она ее не отпускала! — сказала я. — Она не позволяла мне даже приблизиться к ней...

— До определенного момента, — ответил он. — Чаша старалась сделать все возможное, чтобы спасти очаговое дерево, так же как генерал спасает крепость. Но если дерево было уже не спасти... а все действительно зашло так далеко, не смотря на то, выживет или умрет

девушка... тогда, разумеется, она постаралась повернуть свой проигрыш к лучшему.

Мы обсудили все взад и поперек. Я не считала, что он неправ. Все казалось именно настолько коварным, как обычно действовала Чаша, превращая любовь в оружие. Но, на мой взгляд, это не означало, что не стоит попытаться. Освобождение королевы могло положить конец войне с Россией, могло укрепить оба государства, а если попутно мы уничтожим еще одно очаговое дерево, то, возможно, нам удастся надолго подорвать силы Чаши.

— Да, а если с неба спустятся десятков ангелов с огненными мечами, — сказал он, — и порубят всю Чашу в капусту, ситуация тоже исправится в лучшую сторону.

Я раздраженно фыркнула в ответ, притащила огромный журнал наблюдений, положила его на стол между нами и открыла его на последних страницах, испещренных его тщательным аккуратным почерком. Положив поверх руку, я сказала:

— Она уже побеждает, несмотря на все, что ты делаешь, не так ли? Мы не можем хранить этот секрет закрытым здесь в Башне, пока не будем идеально готовы. Если Чаша собирается ударить, мы должны ударить первыми и скорее.

— Есть огромная разница между поиском совершенства и непоправимой поспешностью, — ответил волшебник. — То, что ты хочешь на самом деле, наслушавшись слащавых баллад о несчастной потерянной королеве и убитом горем короле, считая, что живешь в одной из них, это оказаться одной из героинь. Что, как ты думаешь, от нее осталось за двадцать лет пожирания ее деревом?

— Больше, чем останется через двадцать один год! — парировала я.

— А если еще достаточно, чтобы понимать, что происходит, когда Чаша подселит к ней в дерево ее собственного ребенка? — парировал он в ответ, и ужас от подобной мысли заставил меня замолчать.

— А это уже моя забота, а не ваша, — раздался голос принца Марека. Мы нервнично обернулись за столом. Он молча стоял в дверях в ночной рубашке и босиком. Принц посмотрел на меня, и я заметила, как трещит по швам заклятье фальшивой памяти. Он вспомнил меня, и внезапно я тоже вспомнила, как переменялось его лицо, когда я прямо перед ним использовала колдовскую силу, его голос: «Ты ведьма». С самого начала он искал кого-то, кто может ему помочь.

— Это ты сделала, не так ли? — спросил он у меня с горящими глазами. — Мне бы следовало сразу догадаться, что этот высохший старый змей ни за что бы не подставил свою шею даже за такие чудесные прелести. Это ты спасла девушку.

— Мы... — заикнулась было я, отчаянно взглянув на Дракона, но Марек лишь фыркнул в ответ.

Он вошел внутрь и прошел прямо ко мне. Я заметила еле заметный шрам у него на голове на линии волос, куда я безумно лупила его тяжелым подносом. В моем животе словно поселился волшебный тигр, готовый разразиться рыком, но моя грудь по-прежнему была стянута объятьем страха. Когда он подошел вплотную, у меня участилось дыхание: если он подойдет еще ближе, если он дотронется до меня, я закричу... какое-нибудь проклятье — в моей голове светлячками вертелось с десятков наимерзейших заклинаний Яги, так и ждущих чтобы сорваться с языка.

Но принц остановился на расстоянии вытянутой руки и только слегка наклонился ко мне со словами:

— Эта девушка, знаешь ли, обречена, — глядя мне в лицо, заявил он: — Король критически смотрит на все заявления волшебников о том, что они умеют исцелять скверну.

Слишком многие из них сами вскоре пали перед ней. Закон гласит, что ее следует предать смерти, и Сокол определенно не станет свидетельствовать в ее пользу.

Я выдала себя и знала это, но не могла больше увиливать.

— Помоги мне спасти королеву, — добавил он тихо и тепло, — и я в обмен спасу девушку. Когда король получит назад мою мать, ему не останется ничего иного, как пощадить обеих.

Я прекрасно понимала, что это никакая не сделка, а угроза. Он прямо говорит, что приговорит Касю к смерти, если я не соглашусь. Я и ненавидела его еще больше, и вместе с тем, прожив три ужасных месяца с этой скребущей раной отчаяния в душе, не могла полностью его ненавидеть. А он жил с такой раной с самого детства, без матери, которую у него отобрали, сказав, что она пропала и хуже, чем мертва, и навсегда останется вне пределов его досягаемости. Я не жалела его, но могла понять.

— А когда мир перевернется вверх ногами, солнце точно взойдет на западе, — рявкнул Дракон. — Единственное, чего ты добьешься, это дашь убить себя, и ее в придачу.

Принц повернулся к нему лицом и грохнул кулаком об стол, заставив подскочить книги и свечи.

— А ты будешь спасать бесполезных крестьянок, бросив королеву Польни гнить? — прорычал принц, его маска спокойствия дала трещину. Он замолчал и втянул в себя воздух, натянуто улыбнувшись кривыми губами. — Ты слишком далеко зашел, Дракон. После этого даже мой брат перестанет прислушиваться к твоим тихим советам. Годами ты кормил нас историями о Чаше...

— Если ты мне не веришь, бери своих людей и ступай туда. Проверь сам, — прошипел в ответ Дракон.

— Так и сделаю, — ответил принц. — И заберу эту ведьму с собой, и твою симпатичную крестьянку тоже.

— Ты не возьмешь никого, кто не захочет с тобой идти, — ответил Дракон. — Ты с детства воображал себя героем из легенд...

— Лучше уж так, чем быть отъявленным трусом, — сказал принц, улыбнувшись всеми зубами. Между ними словно живое существо начала обретать форму враждебность, и прежде чем Дракон успел что-то ответить, я вмешалась:

— А вдруг мы сумеем немного ослабить Чашу перед нашим походом? — они отвели взгляды и удивленно посмотрели на меня.

* * *

Увидев за моей спиной большую толпу мужчин в доспехах, бьющих копытами лошадей, а также волшебников, уставшее лицо Кристины вытянулось и застыло. Я шепнула ей:

— Мы пришли за Иржи. — Она нервно кивнула, не глядя на меня, и попятилась внутрь, впуская меня в дом.

На кресле-качалке лежало вязание, а у очага стояла колыбель, в которой спал ребенок: довольно крупный, здоровый, краснолицый. В одной ручке малыш сжимал погрызенную деревянную погремушку. Конечно я подошла взглянуть на малыша. Кася зашла за мной следом и заглянула через мое плечо в колыбельку. Я уже была готова ее позвать, но она повернулась, держась в тени, и я промолчала. Кристине больше нечего было бояться.

Она забила со мной в угол, бросая взгляды на вошедшего Дракона, и еле слышным шепотом сообщила, что назвала ребенка Анатодем. Она умолкла, когда в дом, нагнувшись, зашли принц Марек с Соколом в белоснежном плаще без единого пятнышка грязи. Никто из них не обратил ни малейшей внимания ни на ребенка, ни на саму Кристину.

— Ну, и где же оскверненный мужчина, — спросил принц.

Кристина шепнула мне:

— Он в амбаре. Мы его перетащили... я хотела освободить комнату, но мы не... я не хотела ничего дурного...

Ей не нужно было объяснять, почему ей не хотелось оставаться каждую ночь в одном доме с таким лицом.

— Все хорошо, Кристина, Иржи может... то, что мы попробуем, может не... это поможет. Но Иржи может от этого умереть.

Она сжала край колыбельки, но слегка кивнула. Думаю, для нее он уже был мертв, словно он пал в проигранной битве, а она лишь ждала подтверждение об его гибели.

Мы вышли наружу. Из новенького загона рядом с домом на наших лошадях с любопытством смотрели семеро маленьких повизгивающих поросят с толстобрюхой мамашей. Жерди изгороди даже не успели еще потемнеть, оставаясь светло-коричневыми. Мы объехали вокруг этого одинокого домика и спустились по узкой почти заросшей деревьями тропинке к небольшому серому амбару. Здание стояло на лугу, заросшем высокой травой и густой молодой порослью деревьев. Соломенная крыша зияла дырами там, где птицы растащили материал себе на гнезда. Поперек дверей был положен засов, успевший заржаветь в петлях. Складывалось ощущение давно заброшенного места.

— Открой-ка, Михай, — приказал капитан гвардии принца, и один из солдат спешился и продрался ко входу сквозь травяные заросли. Михай был молодым человеком, и, как и многие солдаты, носил длинные волосы, длинные усы и бороду, заплетенными в косички как на картинках в книгах Дракона о прежних временах основания Польни, и был силен, как молодой дуб — даже среди остальных солдат выделяясь ростом и плечами. Он отодвинул засов одной рукой и отворил обе двери легким толчком, впустив в амбар вечерний свет.

Солдат заглянул внутрь и тут же, вскрикнув, отпрянул, потянувшись к рукояти меча, и едва не упал, запутавшись в собственных ногах. Иржи был прислонен к задней стене, и солнце во всей красе осветило оскал его перекошенного лица. Глаза статуи смотрели прямо на нас.

— Какая отвратительная рожа, — спокойно отметил принц Марек, — Ладно, Янос, — обратился он к капитану своей гвардии, покидая седло: — отправляйтесь с остальными и лошадьми на деревенскую площадь, и найдите, где их укрыть. Не думаю, что твари, едва почуяв чары и вопли, будут сидеть смирно.

— Слушаюсь, ваше высочество, — ответил Янос и махнул головой своим людям.

Не только солдаты, но и лошади были рады оказаться подальше от этого места. Они увели с собой наших верховых, настороженно косясь в сторону амбара. Я заметила, как побледневший Михаль несколько раз оглядывался через плечо.

Никто из них ничегошеньки не знал о Чаше. Они были не из долины... как я упоминала ранее, Дракону не требовалось отправлять рекрутов в королевскую армию... и не жили где-то по соседству. На их щитах был всадник, значит их набрали из северных провинций у Таракая, откуда родом была королева Анна. Все, что они знали про волшебство это разряд молнии на поле боя: чистый и смертельный. Они не имели представления, с чем им

придется встретиться.

— Подожди, — сказал Дракон вслед Яносу, который уже повернул коня, чтобы следовать за остальными. — Пока будете в деревне, купите два мешка соли и разделите между собой на кульки, по одному каждому. Потом, найдите шарфы, чтобы можно было завязать поверх носа и рта, и скупите все топоры, которые сможете. — Он оглянулся на принца: — Не будем терять времени зря. Если даже наша задумка сработает, все, что мы получим, это временное преимущество. Может день или два, самое большее, пока Чаща будет оправляться от урона.

Принц кивнул Яносу, подтверждая приказы:

— И проверь, чтобы все по возможности хоть немного отдохнули, — приказал он. — Как только мы здесь закончим, сразу отправимся в Чащу.

— И молитесь, чтобы Королева оказалась не слишком далеко, — спокойно добавил Дракон. Янос бросил на него короткий взгляд, потом обратно на принца, но Марек лишь шлепнул его коня по крупу и, заканчивая разговор, повернулся спиной. Янос отправился догонять ушедший по тропе отряд и скоро скрылся из виду.

Мы впятером остались одни у самого входа в амбар. Сквозь солнечные лучи была видна летевшая пыль, тепло пахло сеном, но с легким душком подгнивающей где-то листвы. Я заметила в стене дыру с торчащими щепками, где в амбар проникли волки, покусавшие и осквернившие коров. Я обхватила себя руками. День начинал клониться к закату. Выехав до рассвета, мы пересекли всю долину прямо до Дверника, делая лишь вынужденные остановки, чтобы дать отдых лошадям. В двери подул ветер и по шее повеяло холодом. Солнце на лице Иржи приобрело оранжевый оттенок, освещая его невидящие каменные глаза. Я помнила холод и чувство покоя, когда сама была каменной. Интересно, видит ли Иржи своими неподвижными глазами, или Чаща держит его глубоко в дебрях.

Дракон повернулся к Соколу и сделал насмешливый широкий приглашающий взмах рукой в сторону Иржи.

— Может быть окажешь любезность и поможешь?

Сокол в ответ слегка поклонился с улыбкой, подошел к статуе и воздел руки вверх. С его языка очень велеречиво слетели слова заклинания снятия заклятия окаменения, и вслед за словами начали чуть подрагивать кончики пальцев Иржи, когда окаменение начало проходить. Его скрюченные руки до сих пор были растопырены в стороны, так что мы надели на них цепи, которые приколотили к амбарной стене. Оскверненный пошевелился и металлические звенья цепи заскрежетали. Сокол по-прежнему улыбаясь немного попятился. Окаменение постепенно отступало: ушло с темени Иржи, он начал вращать глазами и стрелять ими из стороны в сторону. Когда открылись губы из его рта сперва донесся тихий хриплый смешок, а когда от окаменения освободились легкие и смех достиг визгливой ноты, с лица Сокола полностью сошла улыбка.

Кася неловко пододвинулась ко мне, и я схватила ее за руку. Она стояла рядом, окостенев вспоминая, сама похожая на статую. Иржи завывал, хохотал, завывал — снова и снова, словно стараясь потратить все, накопившееся за это время в его груди вопли. Он выл, пока не иссяк воздух, а потом поднял лицо с зеленоватым оттенком кожи и улыбнулся нам почерневшими гнилыми зубами. Принц Марек молча смотрел, положив руку на меч, а Сокол занял место рядом с ним.

— Приветик тебе, принцуска, — хмыкнул Иржи, — соскучился по мамочке? Хочешь послушать ее вопли тоже? Марек! — внезапное отчаянно крикнул Иржи женским высоким

голосом. — Спаси меня, Маречек!

Принц пошатнулся, словно что-то ударило его в живот, и успел на целую ладонь вытащить лезвие из ножен, прежде чем спохватился.

— Прекрати это! — рявкнул он. — Заставь эту тварь заткнуться.

Наблюдавший и по-прежнему выглядевший потрясенным Сокол поднял руку и произнес: «Elrekaduht!» Громогласные вопли Иржи стихли, словно доносясь из-за толстых стен, осталось доносившееся лишь еле слышно далекое: Маречек! Маречек!

Сокол повернулся к нам:

— Не может быть, чтобы вы решили будто в состоянии исцелить подобное...

— А! Что, теперь почувствовал брезгливость? — сухо и резко произнес Дракон.

— Посмотри на него! — ответил Сокол. Он повернулся к Иржи и произнес: «Lehleyas! palezh!», и взмахнул рукой, словно протирал запотевшее стекло. Я отшатнулась. Кася до боли сжала мою руку, и мы в ужасе уставились на Иржи. Его кожа стала полупрозрачной тоненькой пленкой, похожей на луковую чешуйку, а под ней копошилась, бурлила, кишела сплошная черная масса скверны. Она была похожа на тени, что я видела у себя, только эти разрослись настолько, что заполнили внутри Иржи все, даже на лице. Его зловещие, покрытые желтыми пятнами глаза едва выглядывали из-под копошащихся облаков теней.

— И тем не менее, вы готовы беззаботно лезть в Чашу, — ответил Дракон. Он повернулся. Принц Марек наблюдал за Иржи серый как зеркало. Его губы сжались в бесцветную тонкую линию. — Послушай меня. Вот это, — он указал на Иржи, — еще ничто. Эта скверна приобретена через третьи руки, и благодаря эликсиру окаменения лишь трехдневной давности. Если бы скверна была получена через четвертые руки, я бы сумел исцелить ее простым заклинанием очищения. Королева же пробыла внутри очагового дерева двадцать лет. Даже если мы сумеем ее найти, даже если сумеем привезти ее назад, и сумеем ее очистить от скверны — а каждое из этих «если» под большим вопросом, все равно — она двадцать лет прожила в худшем кошмаре, который могла устроить Чаша. Она не примет тебя. Она тебя даже не знает.

— Сейчас у нас есть прекрасный шанс нанести Чаше ущерб, — продолжил он. — Если мы преуспеем в очищении этого человека, если сумеем уничтожить еще одно очаговое дерево, нам не следует, рискуя всем, использовать предоставленную возможность ради глупого самоубийственного броска в самые дебри Чаши. Нам следует начать с границы и от рассвета до заката прорубить просеку вглубь Чаши насколько сумеем, а перед отходом зажечь эликсиром пекла лес. Тогда бы мы отвоевали у Чаши целых двадцать миль долины и ослабили ее на три поколения.

— И сожгли бы при этом мою мать? — спросил принц Марек, повернувшись к волшебнику.

Дракон кивнул на Иржи:

— Разве тебе понравилось бы жить таким?

— Уж лучше чем сгореть! — ответил Марек. — Нет. — Он тяжело вздохнул, словно его грудь сдавили железные обручи. — Нет.

Дракон заиграл желваками:

— Если бы нам удалось настолько ослабить Чашу, то наши шансы отыскать ее...

— Нет, — еще раз повторил Марек, рубанув рукой. — Мы вернем мою мать, и опустошим Чашу настолько, насколько сможем. А потом, Дракон, когда ты ее очистишь и сожжешь очаговое дерево, в котором ее держат, клянусь, ты получишь всех лесорубов, кого

сможет тебе выделить мой отец, и мы не только выжжем Чашу на двадцать миль. Мы испелим все, вплоть до России, и избавимся от нее навсегда.

Почувствовав уверенность, он выпрямился и расправил плечи. Я закусила губу. Я не верила принцу ни на грош, так как он думал только о себе, но не могла не признать, что кое в чем он прав. Если мы опустошим Чашу на двадцать миль, это будет огромное достижение, но временное. Мне хотелось сжечь ее дотла.

Конечно, я всегда ненавидела Чашу, но подспудно. Случались и град перед сбором урожая, и нашествия саранчи, просто Чаша была страшнее — вроде кошмара, только действовавшего по-своему. Сейчас же она превратилась в нечто иное: живое существо из всех своих злобных сил пытающееся причинить вред мне, всем, кого я любила, угрожающая моей деревне, готовясь проглотить ее как Поросню. Я вовсе не воображала себя великой героиней, в чем обвинил меня Дракон, но я желала вторгнуться в Чашу с огнем и топором. Хотела вырвать королеву из ее хватки, созвать армии из обеих держав и уничтожить Чашу до конца.

Дракон молча покачал головой. Он перестал спорить. Вместо него подал голос Сокол. Волшебник не был уверен настолько, как принц. Его взгляд по-прежнему был прикован к Иржи, и одной рукой он прижимал к лицу полу своего плаща, словно ему было видно нечто, чего не видели мы, и он опасался вдыхать отравленный воздух.

— Надеюсь, вы простите мои сомнения. Возможно, я просто слишком неопытен в подобных вопросах, — произнес он саркастично, что было отчетливо слышно даже сквозь плащ: — но я бы назвал этот случай довольно ярким примером скверны. Его даже небезопасно обезглавливать перед сожжением. Может будет лучше сперва убедиться, что вы сумеете его исцелить, а уж потом строить грандиозные планы, которым не суждено сбыться.

— У нас уговор! — возмущенно воскликнул принц, поворачиваясь к нему.

— Я соглашался, что стоит рискнуть, если Саркан изыскал способ исцелять скверну, — ответил Сокол. — Но нечто подобное...? — Он снова посмотрел на Иржи. — Я отказываюсь, пока не увижу, как он это сделает, и даже после этого еще дважды подумаю. Все, что мы знаем, мы можем сделать вывод, что девушка вообще не была осквернена, и он всего лишь распускает о себе фантастические слухи, чтобы сильнее прославиться.

Дракон презрительно фыркнул и ничего не ответил. Он отвернулся, выдернул клочок соломы из давно упавшего и рассыпавшегося по земле снопа и, быстро переплетая соломинки, принялся бормотать на ними заклинание. Принц схватил Сокола за руку и оттащил в сторону, попутно что-то яростно ему шепча.

Потерявший дар речи Иржи что-то неслышно напевал сам себе. Он принялся биться в цепях, максимально бросаясь вперед, повисая на них, сильно отводя руки назад, тянулся, далеко вытягивал шею, щелкая зубами в воздухе, покачивался и закатывал глаза. Его язык свисал набок словно раздувшееся почерневшее, похожее на слизняка существо, забравшееся ему в рот.

Дракон не обращал на него внимания. В его руках солома утолщилась и превратилась в небольшой, кривоногий столик всего в фут шириной, потом волшебник взял кожаную сумку, которую принес с собой и открыл. Он осторожно извлек оттуда «Призывание», блеснув закатным лучом по золоченному шрифту, и положил книгу на столик.

— Итак, — произнес он, поворачиваясь ко мне, — приступаем.

До сего момента, я совсем не думала о том, как на глазах у всех, у принца с Соколом, которые крутились вокруг нас, возьму Дракона за руку и объединю с ним наши чары. При

этой мысли мой желудок скукожился как высохшая слива. Я бросила взгляд на Дракона, но он стоял с невозмутимым выражением на лице, словно его мало беспокоило то, чем мы занимались.

Я покорно встала рядом. Взгляд Сокола сосредоточился на мне, и я была уверена, что он смотрит не только обычным хищным и пронзительным взглядом. Мне претила сама мысль настолько открываться перед ним, перед принцем. И хуже всего мне было оттого, что здесь была отлично меня знавшая Кася. Я почти ничего не рассказывала ей о той самой ночи, как и прошлом разе, когда мы с Драконом пытались работать сообща. Мне не удалось облечь это в слова, и не хотелось даже думать на эту тему. Но, не могла отказаться помочь Иржи, который выплясывал между цепями как смешной игрушечный акробат между двух палочек, которого давным-давно мне сделал отец.

Я проглотила ком в горле, положила руку на обложку Призывания, и открыла книгу. Мы с Драконом начали читать.

Стоя рядом мы были скованны и неуклюжи, но наше волшебство соединилось, словно оно и без нас, знало, что делать. Мои плечи расслабились, и голова просветлела. Я с удовольствием вдохнула воздух, и ничего не могла с этим поделать — мне было плевать, даже если весь мир на меня смотрит. Призывание разлилось вокруг нас словно река. Голос волшебника звучал рябью на ее поверхности, которую я наполняла перекатами и всплесками рыб, блеском яркой и чистой воды как окружающий нас закат.

Из глаз Иржи выглянула Чаща и в беззвучной злобе оскалилась на нас.

— Работает? — поинтересовался у Сокола принц за моей спиной. Я не слышала ответ. Иржи тоже заблудился в Чаще, но в отличие от Каси он сдался. Он одиноко сидел с отвисшей челюстью, скорчившись у ствола дерева, вытянув перед собой окровавленные ноги и бессмысленно уставившись на сложенные на коленях руки. Когда я позвала его по имени, он не пошевелился. «Иржи!» — позвала я его. Он отрешенно поднял голову, взглянул на меня и снова уронил ее.

— Я вижу... созданся канал, — произнес Сокол. Когда я обернулась к нему, он вновь был в своей повязке с оком. С его лба взирал тот самый странный расширенный птичий зрачок. — Вот как скверна проходит из Чащи. Саркан, если я прямо сейчас воспользуюсь им и произнесу очищающее заклинание, то...

— Нет! — быстро ответила я. — Иржи умрет. — Сокол бросил на меня уничтожительный взгляд. Ему не было дела, выживет или умрет Иржи. Но Кася выбежала из амбара и умчалась по тропинке. Через некоторое время она вернулась в сопровождении настороженной Кристины, которая принесла на руках младенца. Увидев волшебство, она попыталась сбежать, но Кася что-то настойчиво ей шепнула. Кристина крепче сжала в руках младенца и медленно подошла ближе на шаг, потом еще на один, пока не оказалась совсем рядом с Иржи. Она тоже переменялась в лице.

— Иржи! — крикнула она. — Иржи! — и протянула к нему руку. Касе удалось оттянуть ее назад до того, как она прикоснулась к его лицу, но там, в глубине Чащи я заметила, как он снова поднял голову, и потом медленно поднялся на ноги.

Свет Призывания больше не щадил Иржи. Теперь это чувствовалось словно на расстоянии, будто меня это не касалось, но для всех для нас он был весь словно на ладони: переполняющий его гнев, крохотные могилки детей, расстроенное лицо Кристины, посасывание голода в желудке, кислый привкус от вида корзин с подачками, которые он предпочитал не замечать в углу комнаты, прекрасно зная, что она ходила побираться.

Сильная волна отчаяния при виде оскверненных коров, ускользнувшая нить надежды вырваться из нищеты. Он почти хотел, чтобы чудовища его убили.

Лицо Кристины сверкало собственным отчаянием, беспомощными темными мыслями. Ее мать, которая предупреждала не выходить замуж за бедняка, ее сестра, живущая в Радомско замужем за ткачом и родившая четверых детей. Дети ее сестры выжили все, они не знали ни холода, ни голода.

Рот Иржи широко вытянулся от стыда, губы задрожали, он сжал зубы. Но Кристина, лишь раз всхлипнув, вновь протянула к нему руку, ребенок проснулся и заплакал. Это был ужасный звук, и вместе с тем совершенно чудесный, такой обычный и не замысловатый, состоящий лишь из чистой необходимости. Иржи сделал первый шаг.

И вдруг все пошло куда проще. Дракон был прав: несмотря на его жуткий вид, скверна была слабее, чем в Касином случае. Иржи не так сильно углубился в Чашу, как она. Как только он пошел, он быстро стал выходить навстречу к нам, и, хотя ветви пытались преградить ему дорогу, это были лишь тоненькие прутики. Он вытянул перед собой руки, отводя ветки в сторону, и побежал к нам.

— Прими заклинание, — сказал мне Дракон, когда мы почти довели дело до конца. Я сжала зубы и перехватила заклинание, пока он высвобождал свою силу. — Приступай, как только он приблизится, — сказал он Соколу, и когда Иржи почти полностью показался из собственного лица, они одновременно произнесли: «Ulozishtus sovjenta!»

Проходя сквозь очищающее пламя Иржи закричал, но все же проскочил. Из уголков его глаз и ноздрей просочилось несколько пахнущих смолой капель и, задымившись, упали на землю. Его тело повалилось, извиваясь в цепях.

Кася быстро закидала упавшие капли землей. Дракон подошел, поднял лицо Иржи за подбородок, и держал, пока я не закончила читать заклинание.

— Давай, — сказал он Соколу.

Сокол взял лицо Иржи в свои руки и принялся читать похожее на стрелу заклинание. Оно выстрелило из него с последней наиярчайшей вспышкой Призывания. На стене между цепями над головой Иржи отворилось окно, и мы на мгновение увидели в нем высокое старое очаговое дерево вдвое шире в обхвате чем то, в котором оказалась Кася. Его ветви дико метались, охваченные потрескивающим пламенем.

Покидая тихий Дверник на рассвете следующим утром, солдаты беспечно шутили друг с другом и смеялись. Все вооружились и выглядели очень эффектно в сверкающих кольчугах, в длинных зеленых плащах, и с перьями на шлемах. Красочные щиты висели у седел. Они и сами это прекрасно знали, и гордо вели своих коней по темной улице. Даже кони старались держать головы грациозно, выгибая дугой шеи. В маленькой деревушке было не легко найти три десятка шарфов, поэтому большинство гвардейцев достались зимние из колючей шерсти, которые они, следуя распоряжению Дракона, небрежно намотали на шеи и вокруг лиц. Так что им довольно часто приходилось нарушать гордые позы и залезать под них, чтобы почесаться.

Я привыкла ездить верхом на медленных отцовских тяжеловозах, которые лишь удивленно остановились бы, если бы я встала на руки на их широкой спине, и категорически отказывались перемещаться не только легким галопом, но и рысцой. Однако принц Марек предоставил нам заводных лошадей, которых привели с собой его рыцари, и те оказались совершенно иными животными. Когда я случайно как-то неправильно потянула повод, лошадь встала на дыбы, взмахивая копытами, и начала перемещаться вперед нервными скачками, пока я старалась удержаться на ней, вцепившись в гриву. Через какое-то время она, по все так же непонятным мне причинам, успокоилась и бежала вполне довольная собой. По крайней мере, пока мы не миновали Заточек.

Не было какого-то одного места, где бы заканчивалась дорога. Полагаю, когда-то она проходила дальше — на Поросню, и наверное куда-то еще дальше к другим безымянным давным-давно поглощенным Чащей поселениям. Но не успел еще стихнуть за спиной скрип мельничного колеса на мосту, как дорога начала постепенно уступать зарослям сорняков и через милю почти затерялась, так что мы едва могли сказать, что у нас под ногами. Солдаты пока оставались веселы, но животные, наверное, оказались умнее нас. Без каких-либо понуканий они замедлили шаг. Лошади нервно фыркали, дергали головами, стригли ушами, и вздрагивали, словно им докучали кусачие мухи. Но никаких мух не было. Нас ждала стена темного леса.

— Остановимся тут, — сказал Дракон, и лошади, словно поняв его слова и обрадовавшись выпавшей okazji, почти мгновенно встали. — Если хотите, выпейте воды и поешьте. Когда окажетесь под кронами деревьев, вы не возьмете в рот ничего более. — С этими словами он спешился.

Я тоже очень осторожно спустилась на землю.

— Я ее приму, — пообещал мне один из солдат, светловолосый парень с дружески открытым круглым лицом, которое чуть портил дважды сломанный нос. Он весело и умело пофыркал, обращаясь к кобыле. Солдаты сводили своих лошадей к реке на водопой, а потом пустили по кругу несколько караваев хлеба и фляг с наливкой.

Дракон подозвал меня к себе:

— Наложь на себя защитное заклинание и самое сильное, — посоветовал он: — А потом, если сумеешь, попробуй то же самое сделать с солдатами. И еще я наложу на тебя свое.

— Это спасет нас от теней? — с сомнением спросила я. — В Чаще?

— Нет. Но поможет их задержать, — ответил он. — На окраине Заточек есть один

амбар. Я храню в нем свои эликсиры для очищения, если требуется навестить Чашу. Как только мы выберемся, нужно будет отправиться сразу же туда и принять их. Десятикратную дозу, вне зависимости от того, насколько будешь уверена в том, что все чисто.

Я посмотрела на весело беседовавших, шутивших за закуской солдат:

— Там хватит на всех?

Он словно косарь на страде обвел их холодным уверенным взглядом:

— На тех немногих, кто выживет, — ответил он.

Я поежилась:

— Ты все еще считаешь это глупой затеей, несмотря на Иржи. — Из глубины Чаши с того места, где сгорело очаговое дерево, до сих пор поднималась тонкая струйка дыма. Мы заметили ее еще вчера.

— Это ужасная затея, — ответил Дракон. — Но отпускать вас туда с Марекком во главе и с Солей одних было бы еще хуже. Я хотя бы представляю, чего ожидать. Ступай, у нас не так много времени.

Кася молча помогла мне собрать для заклинания несколько горстей сосновых иголок. Сокол уже сплел собственный весьма запутанный щит вокруг принца, который был похож на кирпичную стену, и когда он вложил последний кирпичик в кладку, заканчивающуюся над головой Марека, все сооружение замерцало как единое целое и опало на принца. Если посмотреть чуть скосив глаза на принца, то было заметно легкое свечение на его коже. Сокол тем временем наложил аналогичное заклинание на себя, но, как я отметила, не стал делать ничего подобного для солдат.

Присев, я зажгла кучку, сложенную из веточек и иголок. Когда всю поляну наполнил горький, удушливый дым, я посмотрела на Дракона:

— Наложить свое первым? — попросила я. Ощущение от заклинания Дракона, опустившегося на мои плечи, было сравнимо с нахождением в шубе перед камином: щекотно, неудобно, и не отпускает мысль «как это мне пригодится?». Я пропела свое заклинание одновременно с его, воображая, что собираюсь в поход в зимнюю стужу, надевая не только шубу, но и варежки, теплый шарф, завязываю под подбородком уши шапки, натягиваю штанины поверх сапог. Все тщательно и плотно подтянуто, и, наконец, не оставляя морозу ни малейшей щелочки, наматываю шарф.

— А теперь все дружно натягиваем на лицо шарфы, — скомандовала я, не сводя глаз со своего дымящего костерка, забыв, что я обращаюсь ко взрослым мужчинам, солдатам. Что самое странное, они все подчинились. Я чуть развеяла дым вокруг себя, дав ему впитаться в одежду, в складки шерсти и хлопка, привнося с собой дополнительную защиту.

Наконец, последние иголки стали пеплом. Огонь потух. Чуть шатаясь, я поднялась на ноги, закашлявшись от дыма и потеряла слезящиеся глаза. Когда я проморгалась и смогла снова видеть, я вздрогнула от неожиданности. Сокол следил за моими действиями внимательно и жадно, хотя и прикрыл нос полкой своего плаща. Я быстро отвернулась и отправилась к реке чтобы напиться, и умыть лицо и руки. Мне очень не понравился его пронзительный взгляд.

Мы с Касей перекусили на двоих хлебом с таким бесконечно знакомым вкусом выпечки из Дверника: с серо-коричневой хрустящей корочкой, чуть кисловатый, но такой родной вкус дома. Солдаты начали отряхиваться, убрали фляги и направились к своим лошадям. Над верхушками деревьев уже показалось солнце.

— Ну хорошо, Сокол, — произнес принц, когда все уже сели в седла. Он стянул латную

перчатку. Почти на кончике мизинца у него оказался крохотный женский перстенок — изящное тонкое колечко с небольшим голубеньким камнем: — Показывай дорогу.

— Держите большой палец над кольцом, — сказал Сокол, наклоняясь к принцу. Он уколол его палец драгоценной булавкой и чуть надавил. На кольцо упала крупная капля крови, окрасив золото в красный цвет. Сокол пробормотал заклинание поиска.

Голубые камни превратились в темно-пурпурные. Над рукой Марека появилось фиолетовое свечение, оставшееся видимым даже, когда он снова натянул на нее латную перчатку. Он поднял сжатый кулак перед собой и повел им из стороны в сторону. Когда он повернул его в сторону Чащи, свечение стало светлее. Принц повел нас вперед, и наши лошади одна за другой пересекли выжженную границу и вошли в Чащу.

Весенняя Чаща была совсем не похожа на зимнюю. Было ощущение общего оживления и ускорения. Едва первая тень от ветви коснулась меня, я почувствовала мурашки на коже от ощущения чужих взглядов. Звук лошадиных копыт по мху звучал приглушенно среди подлеска, проросшего между колючим кустарником, который тянул к нам свои ветки с длинными шипами. С ветку на ветку, оставаясь почти невидимыми, следом за нами порхали какие-то безмолвные черные птицы. Внезапно я поняла одну вещь: если бы я пошла за Касей весной одна, я бы вряд ли сумела до нее добраться. Особенно без боя.

Но сегодня с нами было три десятка солдат, все вооруженные и в доспехах. При них были длинные мечи, факелы и, как приказывал Дракон, мешки с солью. Те, что двигались в голове отряда, рубили ветки, торя тропу, по которой двигались остальные. Остальные поджигали колючки по обе стороны и солили землю на тропе, чтобы мы могли вернуться той же дорогой, что приехали.

Но шуток больше не было. Мы ехали почти в полной тишине, не считая приглушенного позвякивания сбруи, тихого перестука копыт по тропе и редких слов шепотом, которыми перекидывались то один, то другой. Даже лошади не ржали. Они следили за деревьями своими большими глазами с белым ободком. Все мы чувствовали себя выслеживаемой добычей.

Кася ехала рядом со мной, низко наклонив голову к конской шее. Я ухитрилась дотянуться до ее руки и пожать руку.

— Что такое? — спросила я ее.

Она посмотрела в сторону от дороги и указала на дерево вдалеке — древний дуб, расколотый давним ударом молнии. С его мертвых ветвей свисал мох, и дерево было похоже на старуху, присевшую в поклоне, раскинув юбки.

— Я помню это дерево, — ответила она. Она уронила руку и уставилась на тропу между ушей лошади. — И тот красный камень, что мы проехали, а так же серую колючку... все это. Как будто я осталась здесь. — Она тоже шептала. — Словно вообще не покидала это место. Нешка, я даже не знаю, реально ли это. Что если это всего лишь очередной сон?

Я беспомощно сжала ее ладонь, не зная, как ее утешить.

— Здесь что-то есть рядом, — продолжила она. — И что-то поджидает впереди.

Капитан услышал ее и обернулся.

— Это нечто — опасное?

— Что-то мертвое, — ответила Кася, и опустила, вцепившись в повод, взгляд к седлу.

Вокруг нас стало светлее, и тропа под ногами лошадей стала шире. Копыта зазвучали звонче. Я посмотрела вниз и увидела почти заросшую мхом мостовую. Когда я подняла голову, то вздрогнула: издали между деревьев на меня смотрело призрачное серое лицо с

огромным пустым глазом над громадным квадратным ртом: заброшенный амбар.

— Съезжайте с тропы, — резко приказал Дракон. — Объезжайте вокруг с севера или с юга, не важно. Но не выезжайте на площадь, и не останавливайтесь.

— Что это за место? — спросил Марек.

— Поросня, — ответил Дракон, — или то, что от нее осталось.

Мы повернули лошадей и направились севернее, выбирая дорогу среди колючего кустарника и руинами небольших домов: осевших срубов, провалившихся соломенных крыш. Я пыталась не смотреть на землю. Мох и трава затянули ее толстым ковром, а молодые высокие деревья вытянулись навстречу солнцу, и начинали заслонять свет бегающими тенями. Но подо мхом виднелись и иные формы: тут и там из дерна торчали кости, сквозь зеленый ковер выглядывали и холодно светились кончики белых пальцев. Если посмотреть туда, где должна была находиться деревенская площадь, над домами возвышался густой серебристый навес, и слышался отдаленный шепот листвы очагового дерева.

— А мы не можем задержаться и сжечь его? — как можно тише шепотом я спросила Дракона.

— Разумеется, — ответил он. — Если бы мы сейчас воспользовались пеклом и тут же отступили. И это был бы разумный ход.

Он и не подумал говорить тихо. Но принц не обернулся, хотя на нас обернулось несколько солдат. Лошади заволновались, принялись вытягивать шеи, и мы постарались проехать это мертвое место побыстрее, оставляя его позади.

Чуть погодя мы ненадолго остановились дать животным отдых. Они успели устать от страха и от дороги поровну. Тропа чуть раздавалась, огибая заболоченный участок — сюда стекал ручей, подпитываемый тающим снегом, который начинал пересыхать. Оставалась лишь тоненькая струйка, втекающая в широкий прозрачный прудик с каменистым дном.

— Можно здесь дать коням напиться? — спросил принц Марек у Дракона, который только пожал плечами в ответ.

— Если хочешь, можешь даже сам напиться, — ответил он. — Ничем не хуже, чем оставаться здесь, под этими деревьями. Все равно потом придется их прирезать.

Уже спешившийся Янос поглаживал нос коня, успокаивая животное. Услышав Дракона, он резко вскинул голову и повернулся:

— Это же обученные боевые кони! Каждый из них ценится на вес серебра!

— Золото, потраченное на очистительный эликсир, так же окажется равно их весу, — парировал Дракон. — Если вам их настолько жаль, то не следовало брать их в Чашу. Но не слишком переживайте. Шансы вернуться такие, что вопрос может отпасть сам собой.

Принц Марек одарил его мрачным взглядом, но не стал спорить. Вместо этого он отвел Яноса в сторону и сказал ему что-то утешительное.

Кася стояла на краю поляны, где обнаружилось множество оленьих следов. Она смотрела в другую сторону от прудика. Я старалась понять, видела ли она уже этот пруд во время своего долгого скитания в заключении. Она уставилась в темную чашу. Проходивший мимо нее Дракон остановился и заговорил. Я заметила, как ее голова повернулась к нему.

— Интересно, известно ли тебе, как он должен с тобой поступить, — произнес Сокол, оказавшийся неожиданно за моей спиной. Я вздрогнула и обернулась. Моя лошадь жадно пила. Я сжала повод и, не ответив, прижалась к ее теплему боку.

Сокол лишь приподнял одну черную узкую и ухоженную бровь.

— У нашего королевства не так уж много волшебников. По закону твой дар ставит тебя

над вассальной присягой. Теперь ты имеешь право быть представленной ко двору, и рассчитывать на покровительство самого короля. И прежде всего, он не должен был удерживать тебя в этой долине и обращаться с тобой как со служанкой. — Он взмахнул рукой, показывая на мой наряд. Я сама оделась так, словно направляюсь на свою лесную охоту — на мне были высокие сапожки для ходьбы по грязи, холщовые шаровары, и коричневый кафтанчик сверху. Волшебник же по-прежнему был в своем белоснежном плаще, хотя зло Чащи оказалось сильнее его заклинания, какие бы чары он не использовал, чтобы поддерживать его чистоту в обычном лесу, сейчас его полы уже обтрепались.

Он неверно понял мой критичный взгляд.

— Полагаю, твой отец землепашец?

— Лесоруб, — ответила я.

Он отмахнулся, словно это не имело ровно никакого значения.

— Тогда, могу смело утверждать, ты ничего не знаешь о дворе. Когда у меня нашли талант, король посвятил моего отца в рыцари, а после того, как я завершил обучение, он стал бароном. И по отношению к тебе он будет не менее милостив. — Он наклонился ко мне, я сильнее прижалась к лошадиному боку, и животное фыркнув, напустило в воду массу пузырей. — Что бы вы не слышали, живя в этом болоте, Саркан не единственный могущественный волшебник в Польне. Уверяю тебя, тебе не обязательно киснуть рядом с ним из чувства благодарности за то, что он нашел, не могу не отметить, любопытный способ тебя использовать. Уверен, найдутся и другие волшебники, с которыми ты можешь устроить свою жизнь. — Он протянул в мою сторону ладонь, что-то прошептал и над ней взвился, завертевшись спиралью, язычок пламени. — Может попытаешься?

— С тобой? — довольно недипломатично буркнула я. Он чуть сощурил глаза. Но я не чувствовала ни капли сожаления. — После того, что ты сделал с Касей?

Он изобразил на лице удивленную обиду, словно накинул второй плащ:

— Ведь я оказал ей и тебе услугу. Кто бы еще мог поверить Саркану на слово, что она исцелена от скверны? Твоего покровителя, со всей снисходительностью, можно было бы назвать эксцентричным, с учетом того, что он заперся здесь и появляется при дворе лишь по приказу, мрачный словно буря, грозясь неминуемыми несчастьями, которые почему-то все никак не случатся. У него там совсем нет друзей, а те немногие, кто мог бы высказаться в его пользу, такие же мрачные предсказатели катастрофы, которые сами же и настаивали на том, чтобы немедленно казнить твоего приятеля. Если бы принц Марек не вмешался, вместо нас король отправил бы за палачом и призвал Саркана в столицу, чтобы тот сам держал ответ за то, что позволил девушке прожить настолько долго.

По всей видимости именно он и оказался бы тем самым палачом, но все равно не переставал уверять меня, что оказал мне услугу. Я не знала, как ответить на подобную наглость. Единственное, на что хватило бы моей находчивости, это нечленораздельно фыркнуть, но он не довел меня до этой грани. Он лишь произнес вкрадчивым голосом, подразумевающим, что я веду себя глупо:

— Поразмысли о том, что я тебе сказал. Я не могу винить тебя за гнев, но не позволяй ему заставить тебя отказаться от доброго совета, — с этими словами он элегантно поклонился и величественно удалился, когда ко мне подошла Кася. Солдаты вновь садились в седло.

Лицо подруги было печальным, и она потирала запястья. Дракон направился к своей лошади. Я обернулась к нему, размышляя, что он мог такого ей сказать:

— С тобой все в порядке? — поинтересовалась я у Каси.

— Он сказал мне, чтобы я не боялась того, что до сих пор осквернена, — ответила она, чуть шевельнув губами в призрачной улыбке. — Он говорит, что раз я этого опасаюсь, значит скорее всего со мной все в порядке. — Потом она неожиданно произнесла: — Он сказал, что ему жаль, что я его боялась... точнее, боялась избрания. Сказал, что больше не станет никого брать.

А ведь я просто накричала на него, но никак не ожидала, что он прислушается. Я устала на нее, но мне не оставили времени на потрясение. Янос уже был на коне, и оглядывая своих людей вдруг резко спросил:

— А где Михай?

Мы пересчитали людей и лошадей, громко звали во всех направлениях. Но никто не отозвался, как не осталось ни следов, ни сломанных веток, ни даже потревоженной листвы, чтобы узнать, в какую сторону он направился. Лишь пару минут назад его видели с конем в очереди на водопой. Если его умыкнули, то сделали это бесшумно.

— Довольно, — наконец сказал Дракон. — Он погиб.

Янос возмущенно обратился к принцу, но помолчав мгновение Марек изрек:

— Отправляемся. Ехать по двое и не упускать соседа из виду.

Янос помрачнел и с недовольным видом потуже затянул на лице шарф, но кивнул паре солдат в голове отряда, и спустя мгновение они направились дальше по тропе. Мы снова въехали в Чащу.

Под кронами деревьев было тяжело сказать, какой сейчас час, и сколько мы уже едем. Чаща хранила безмолвие, какого не услышишь ни в каком лесу: ни жужжания насекомых, ни хруста нечаянной веточки под заячьей лапой. Даже наши лошади издавали очень мало шума: их копыта ступали по мягкому мху, траве и поросли, а не по сырой земле. Тропа постепенно исчезала. Нашим товарищам в голове все время приходилось вырубать ветви, чтобы позволить отряду проехать дальше.

Из-за деревьев мы слышали тихий звук падающей воды. Внезапно тропа вновь резко расширилась. Мы остановились. Я поднялась в стремях и над плечом находившегося впереди солдата увидела просвет среди деревьев. Мы вновь оказались на берегу Веретяницы.

Мы вышли из леса на пологий берег всего в каком-нибудь футе от воды. Деревья обступили воду, их ветви склонялись почти до самой воды. Ивы свесили свои длинные побеги, теряясь в прибрежных камышах, толпящихся у кромки воды, и между бледными клубками обнажившихся во влажной почве корней деревьев. Веретяница была достаточно широкой, чтобы солнечный свет проник сквозь плотный навес ветвей. Он блестел на поверхности воды, не в силах проникнуть глубже, и судя по нему можно было сказать, что большая часть дня уже миновала. Несколько длинных мгновений мы сидели в полной тишине. В том, что мы очутились на берегу реки, пробиваясь сквозь чащу, было нечто неправильное. Мы все время ехали на восток и должны были двигаться вдоль нее.

Когда принц поднял свою руку и направил ее в сторону реки, фиолетовое свечение приобрело голубой оттенок, направляя нас на другую сторону, но течение было быстрым, и было непонятно, насколько тут глубоко. Янос сорвал небольшую веточку и бросил в воду. Ее мгновенно унесло течением, и она скрылась из вида за слегка мерцающей зыбью.

— Ищем брод, — приказал принц Марек.

Мы развернулись и по одному двинулись вдоль берега. Солдаты начали прорубать себе

дорогу в пышных зарослях, чтобы позволить лошадям пройти. Пока что нам не попадались следы того, что к берегу выходили животные, а течение Веретянницы по-прежнему оставалось быстрым и берега не становились уже. Здесь река была совсем не такой, как я ее знала в долине — она текла быстрее и тихо под деревьями, как и мы, скрытая тенью Чащи. Я знала, что река не появляется из Чащи на другой стороне — у Росии. Она пропадала где-то в дебрях, полностью исчезая в каком-то мрачном месте. В это было почти невозможно поверить, учитывая ширину темного течения.

За моей спиной кто-то облегченно вздохнул, словно сбросив тяжелый груз. В гробовой тишине Чащи это прозвучало очень громко. Я оглянулась. Его шарф был опущен. Это был тот самый дружелюбный солдат с перебитым носом, который помог мне у водополя. Он потянулся одной рукой и поймал голову едущего впереди солдата, другой рукой, в которой был острый, сверкнувший яркой серебряной искрой, нож, он глубоко полоснул его по горлу от уха до уха.

Всадник умер, не издав ни слова. По лошадиной шее хлынула кровь, закапав на листву. Когда наездник вывалился из седла, лошадь испуганно присела на задние ноги и заржала. Потом она бросилась в подлесок и скрылась из виду. Молодой солдат, широко улыбаясь, сидел с ножом в руке. Потом он спрыгнул с лошади прямо в реку.

Мы застыли в полной неожиданности от случившегося. Далеко впереди отряда принц Марек резко вскрикнул, быстро соскочил на землю и бросился вниз к воде, поскользываясь и разбрызгивая в стороны грязь из-под сапог. Он попытался дотянуться и поймать солдата за руку, но тот и не подумал протянуть свою в ответ. Солдат проплыл мимо принца, лежа на спине, как уносимое течением бревно, сопровождаемое плывущими позади шарфом и плащом. Его ноги уже начали погружаться, едва его сапоги наполнились водой, потом все его тело утонуло. Мы еще заметили, как в последний раз промелькнуло его белое круглое лицо, уставившееся в небо. Потом над его головой, над сломанным носом, сомкнулась вода. Следом с поверхности воды зеленым пузырем исчез плащ. Солдат пропал бесследно.

Принц Марек поднялся на ноги. Он стоял на берегу, держась чтобы не упасть за тонкий ствол какого-то деревца, и смотрел, пока солдат не исчез под водой. Наконец он повернулся и вскарабкался вверх по склону к нам. Так же спешившийся Янос стоял, придерживая коня принца под уздцы. Он наклонился и протянул руку, чтобы помочь принцу взобраться. Какой-то из солдат успел схватить повод оставшейся без седока лошади. Она дрожала, раздувая ноздри, но стояла смирно. Вновь все стихло. Река текла, ветки склонялись к воде, солнце отражалось от воды. Мы даже не слышали ни звука от лошади, которая убежала в лес. Как будто ничего не произошло.

Дракон верхом протолкнулся вдоль строя и посмотрел сверху вниз на принца:

— Оставшиеся спят к ночи, — напрямик сказал он, — возможно, и ты вместе с ними.

Марек поднял голову и впервые он выглядел озадаченным и неуверенным, словно только сейчас заметил нечто, неподдающееся его разумению. Я заметила, что Сокол немигающим взглядом оглядывает солдат одного за другим. Его пытливый взгляд пытался увидеть то, что было скрыто из виду. Марек повернулся к нему, они переглянулись, и Сокол едва заметно кивнул утвердительно.

Принц вскочил в седло:

— Расчистите для нас место, — приказал он солдатам в голове отряда. Они принялись вырубать растительность вокруг нас, потом к ним присоединились остальные, пока вокруг не образовалась поляна, на которой оказалось достаточно места для всех. Лошади норовили

сбиться в кучу, поближе друг к другу.

— Итак, — обратился Марек к гвардейцам, которые обратились во слух. — Вам всем известно, зачем мы здесь. Вы все до одного добровольцы, северяне, мои лучшие из лучших. Вы шли за мной, не взирая на колдовство росиянцев, и стояли стеной под их кавалерийскими атаками. Нет ни одного, на ком не было бы боевых шрамов. Каждого из вас перед отъездом я спросил, отправится ли он со мной в это проклятое место. И каждый ответил «да».

— Что ж, не стану обещать и клясться, что вы вернетесь назад живыми. Но вот вам мое слово: каждый, кто выживет и вернется со мной, может рассчитывать на любой почет, который я способен ему оказать, и каждый станет рыцарем с земельным наделом. А теперь мы прямо здесь переправимся через эту реку и отправимся дальше все вместе — на смерть или к чему похуже, но как настоящие мужчины, а не пугливые мыши.

К настоящему моменту они уже должны были понять, что Марек и сам не имел ни малейшего представления, что может случиться. Что он не был готов к коварству Чащи. Но я заметила так же, что его слова убрали часть тени из их лиц. Они просветлели и обрели второе дыхание. Никто не попросил повернуть назад. Марек снял с седла свой охотничий рог — он был медным, довольно длинным, свернутым в кольцо и ярко начищенным. Принц поднес его к губам и дунул в него изо всех сил. Раздался оглушительный боевой сигнал: четкий и звонкий, который не должен был тронуть мое сердце, однако всколыхнул. Лошади били копытами, шевелили ушами, солдаты выхватили оружие и поддержали звук рога голосами. Марек развернул коня и помчался вниз по склону прямо в холодную темную речную воду. Все лошади последовали за ним.

Когда мы погрузились в реку, я почувствовала сильный удар по ногам, но основная часть воды раздавалась в стороны перед грудью моей лошади. Мы двигались вперед. Вода дошла мне до колен, взобралась по бедрам. Моя лошадь, раздувая ноздри, старалась держать голову повыше, перебирала ногами по дну, перескакивая вперед и пытаясь устоять.

Где-то позади одна из лошадей споткнулась и оступилась. Она мгновенно упала и увлекла за собой соседку. Река снесла их в сторону, и они погрузились с головой. Мы не остановились: мы просто не могли. Я лихорадочно подыскивала нужное заклинание, но ничего не приходило в голову. Вода рычала на меня, и внезапно пострадавшие исчезли.

Принц Марек снова протрубил в рог. Его лошадь уже выбиралась на другой берег реки, и он прищоривал ее, увлекая в лес. Один за другим мы выбирались из воды промокшими насквозь и без остановки бросались следом. Все как один мы неслись следом за фиолетовым свечением над головой Марека, следом за его зовущим рогом. Нас нещадно секло ветвями. На этом берегу подлесок был реже, а стволы деревьев толще и стояли реже. Мы больше не двигались одной колонной. С каждой стороны я видела несколько других несущихся вскачь между деревьями лошадей, удирающих, удирающих от того, что позади, и несущихся чему-то навстречу. Я оставила надежду справиться с поводьями, просто вцепилась в лошадиную гриву и пригнулась пониже, чтобы укрыться от встречных ветвей. Я заметила неподалеку Касю и яркий проблеск плаща Сокола где-то впереди.

Лошадь тяжело дышала, дрожала, и я понимала, что долго она не продержится. Даже сильный и тренированный боевой конь может свалиться с ног после подобной скачки сразу после купания в ледяной воде. Я прошептала на ушко своей лошади: «Nen elshayon», — и передала ей немного сил, немного тепла: — «nen elshayon». Она повернула ко мне свою красивую голову и благодарно ею встряхнула. Я закрыла глаза и постаралась распространить

это заклинание на остальных: «Nen elshayon», — выбросив в сторону Касиной лошади руку, словно забрасываю воображаемую леску.

Я почувствовала, как незримая леска натянулась. Я забросила новые, и лошади стали сближаться, их бег выровнялся. Дракон бросил на меня через плечо короткий взгляд. Мы продолжали скачку, мчась следом за трубящим рогом, но теперь между деревьями я заметила что-то, что двигалось за нами следом. Это были ходоки. Множество ходоков, и они быстро к нам приближались. Их длинные похожие на палки конечности перемещались в унисон. Один из них вытянул свою длинную переднюю лапу и выхватил одного из солдат из седла. Но чудовищам приходилось догонять нас, словно они не ожидали от нас такой сумасшедшей прыти. Мы все вместе прорвались сквозь стену сосновой поросли на широкую поляну. Лошади перемахнули через последние кусты, и перед нами оказалось очаговое дерево чудовищных размеров.

Его ствол в ширину был больше лошади. Над деревом разросся огромный шатер из веток. На них росли серебристо-зеленые листья и небольшие золотистые фрукты, от которых шла невыносимая вонь. Из-под коры на нас смотрело человеческое лицо — заросшее и сгладившееся, всего лишь намек. Ниже, как у трупа, виднелись перекрещенные на груди руки. Два огромных корня, похожих на ноги, расходились в стороны и во впадине между ними лежал полускрытый под мхом и прелыми листьями скелет. Один из корешков пророс сквозь пустую глазницу черепа, а между ребер и остатков ржавой кольчуги проросла трава. Поверх останков лежали куски щита, на которых еще сохранился едва заметный черный двуглавый орел — королевский герб России.

Мы остановили своих фыркающих запыхавшихся лошадей почти у самых его ветвей. За спиной я услышала внезапный шлепок, словно захлопнулась дверца печки, и в тот же момент меня внезапно выбила из седла что-то очень тяжелое. Я очень больно ударилась о землю. Удар вышиб из меня весь воздух, я поцарапала локоть и сильно ушибла ноги.

Я повернулась. На мне лежала Кася. Это она выбила меня из седла. Я увидела, что происходит за ее спиной. Моя лошадь, без головы, висела в воздухе. Огромное, похожее на богомола, чудовище держало ее на весу двумя лапами. Богомол почти сливался с очаговым деревом: его узкие глазки были похожи на золотистые фрукты, а тело имело тот же серебристо-зеленый оттенок, как у листвы. Чудовище откусило голову лошади одним махом, одним движением. Позади упал на землю обезглавленный солдат, а еще один закричал, оставшись без ноги, и забился в хватке еще одного богомола. Из-за деревьев на поляне появился десяток этих тварей.

Серебристый богомол уронил животное на землю и выплюнул лошадиную голову. Вскочившая на ноги Кася потащила меня в сторону. Мгновение мы все находились в шоке от ужаса, потом принц Марек крикнул и швырнул свой рог в голову монстра.

— Сомкнуть ряды! — прокричал он, выхватив меч: — Волшебников в тыл! — Он пришпорил коня, заслоняя нас собой от богомола, и нанес удар. Меч скользнул по панцирю, срубив длинный полупрозрачный лоскут, как бывает при чистке морковки.

Сейчас боевые кони проявили себя во всей красе, доказав, что они стоят потраченного серебра. Они не испугались, как сделали бы обычные животные. Вместо этого они, издавая пронзительное ржание, вставали на дыбы и били врага передними копытами, издавая копытами гулкие удары по панцирям богомолов. Солдаты построились вокруг нас в просторный круг, прикрывая нас со всех сторон лошадьми. Воины уже зажали поводья в зубах — половина из них уже успела выхватить мечи, выставив перед нами колючую стену, в то время как другие первым делом схватились за щиты.

Вокруг нас из леса выползали богомолы. Их по-прежнему было плохо видно на пестром фоне шевелящихся деревьев, но они перестали быть невидимками. Движениями они не были похожи на ходоков — таких медлительных и неуклюжих. Они быстро перемещались на четырех лапах, шевеля широкими шипастыми клешнями изогнутых передних конечностей.

— *Suitah liekin, suitah lang!* — выкрикнул Сокол, призывая яркий белый огонь, которым уже пользовался в башне. Волшебник взмахнул им как плетью, зацепив за передние лапы ближайшего богомола, который уже тянулся, чтобы схватить новую жертву. Сокол потянул на себя жгут, словно борясь с упрямым теленком, притянув богомола вперед. Раздалось потрескивание в местах соприкосновения огня с панцирем и запахло горьким горелым маслом. Взвились тонкие струйки белого дыма. Пошатнувшийся богомол щелкнул ужасными челюстями по пустому месту. Сокол заставил его вытянуть голову, и один из солдат рубанул тварь по шее.

У меня было мало надежды на результат. В долине наши обыкновенные топоры, мечи и косы были лишь едва-едва способны поцарапать кожу ходоков. Однако этот меч сумел сделать глубокую зарубку. В воздух взлетели осколки хитина. Находившийся с другой стороны от твари солдат вогнал острие меча в сочленение между головой и шеей. Навалившись на оружие всем телом, ему удалось проткнуть шею насквозь. Панцирь богомола громко треснул, как раковая клешня, его голова опустилась, челюсти замерли. Из его тела по лезвию вытек дымящийся гной, и я мельком заметила на стали сверкнувшие золотом сквозь дымку и исчезающие буквы.

И все же, несмотря на то, что богомол сдох, его тело подалось вперед, прорвав защитное кольцо и едва не сбив лошадь Сокола с ног. В открывшийся разрыв сунулся другой богомол и потянулся к волшебнику. Тот успел натянуть зажатые в кулаке поводья, не позволив лошади отступить, и снова взмахнул своим огненным кнутом, впечатав его в морду твари.

С земли мы с Касей почти не видели остальной схватки. Я слышала принца и Яноса, которые подбадривали солдат, и резкий скрип металла об панцирь. Вокруг творилось что-то непонятное и шумное, и так быстро, что я почти не могла ни дышать, ни думать. Я испуганно посмотрела на Дракона, сражающегося со своей перепуганной лошадью. Он что-то тихо прорычал, высвобождая ноги из стремян. Бросив поводья одному из оставшихся без

лошади солдат — та, уже издыхала от ужасной открытой раны на груди — и очутился на земле возле нас.

— Что мне делать? — крикнула я ему, беспомощно перебирая заклинания: — Murzhator...?

— Нет! — прокричал он в ответ, перекрывая всеобщую какофонию, и взяв за руку, развернул меня лицом к очаговому дереву: — Мы здесь ради королевы. Если потратим силы на бесполезную драку, то все будет напрасно.

Мы стояли спиной к дереву, но богомолы постепенно по чуть-чуть оттесняли нас к нему, под его ветви. В носу щипало от вони его плодов. Ствол дерева чудовищно толстым. Никогда не видела такого большого дерева, даже в самом глубоком лесу. В таких размерах было нечто гротескное, словно это был напившийся крови клещ.

На сей раз одними угрозами не обойдешься, даже если я взбешусь настолько, что сумею вызвать «fulmia»: Чаща не отдаст королеву даже ценой спасения столь большого очагового дерева, особенно зная, что мы все равно способны его сжечь после обряда очищения. Я не имела ни малейшего представления, что еще мы можем с ним сделать. Его кора поблескивала словно металл. Дракон пристально смотрел на дерево, что-то шепча и двигая руками, но еще до того, как кору дерева лизнуло первое пламя, я уже инстинктивно знала, что ничего не получится. Кажется, даже несмотря на волшебные мечи, солдатам не удалось бы повредить это дерево.

Дракон не прекращал системно перебирать заклинания: разрушения, открывания, холода, молнии — оставаясь ученым, не взирая на бушующую битву. Он искал уязвимость, щелочку в обороне. Однако дерево устояло перед всем, а вонь плодов только усилилась. Солдаты успели убить еще двух богомол, потеряв при этом четверых товарищей. Кася чуть слышно вскрикнула, когда что-то подкатилось ко мне под ноги: это оказалась голова Яноса, и его ясные голубые глаза навечно остались хмурыми. Я отпрыгнула от нее в ужасе, упала на колени, мгновенно утратив все силы, и меня стошнило на траву.

— Нашла время! — прикрикнул на меня Дракон, словно от меня в этом деле что-то зависело. Я никогда не видела сражения, тем более подобных мясорубок. Солдат убивали словно скот. Я расплакалась, стоя на четвереньках, роняя слезы в грязь, потом ухватилась за самые толстые ближайšie ко мне корни дерева и произнесла заклинание: «Kisara, kisara, vizh».

Корни дернулись. «Kisara», — повторяла я снова и снова, и на поверхности корней медленно начали образовываться капли, вытягиваемой из них влаги, одна за другой скатываясь и сливаясь в крохотные лужицы. Вскоре они разрослись, образовав лужу между моих рук. Висящие в воздухе тончайшие корешки принялись извиваться. «Tulejon vizh, — настойчиво шептала я: — kisara». — Теряющие влагу ручьями корни в земле начали медленно шевелиться и отползать словно толстые дождевые черви. Под моими руками образовалось уже грязная жижа, которая стекала и отступала от крупных корней, обнажая их все сильнее.

Дракон присел рядом со мной и затянул заклинательный напев, показавшийся мне знакомым, как будто уже слышимый мною ранее. Я вспомнила: это было весной после Зеленого года, когда он появлялся, чтобы помочь восстановить поля. В тот раз он подвел к разоренным и опустевшим полям воду от Веретяницы с помощью каналов, которые вода прокладывала сама. Но на этот раз вода бежала узкими ручейками от очагового дерева прочь. И по мере того, как мое заклятие вытягивало влагу из корней, она ручьями стекала

подальше, и вот уже земля вокруг дерева начала высыхать пятнами, а грязь превратилась в пыль и песок.

Внезапно Кася схватила нас обоих за руки и фактически приподняла над землей, увлекая нас за собой. Те ходоки, от которых мы сбежали в лесу, наконец добрались до нас и всей ордой выбрались на поляну. Создавалось ощущение, что они нас поджидали. Серебристый богомол продолжал насесть на солдат, несмотря на потерю одной ноги, покачиваясь из стороны в сторону и выбрасывая свои клешни в образующиеся разрывы в обороне. Боевые кони, о которых так переживал Янос, уже почти все погибли или разбежались. Даже принц Марек сражался пешим плечом к плечу с оставшимися на ногах шестнадцатью гвардейцами, образовавшими перекрывающую друг друга стену из щитов. Укрывшийся за их спинами Сокол продолжал стегать огнем врага, но мы были окружены и еще сильнее оттеснены к стволу очагового дерева. Его серебристая листва шелестела на ветру все громче и громче — и это был пугающий шепот. Мы стояли почти у самого ствола. Я втянула в грудь воздух, и меня едва снова не стошнило от удушающей вони его плодов.

Один из ходоков попытался пробраться в обход строя, наклонив голову набок, чтобы лучше нас видеть. Кася подхватила с земли меч, выпавший из руки одного из павших солдат, и принялась им яростно широко размахивать. Клинок достал бок ходока, и он раскололся будто треснувшая ветка. Создание повалилось мешком на землю, подергиваясь в конвульсиях.

Стоявший рядом Дракон закашлялся от вони плодов, но мы снова отчаянно начали напевать заклинания, и сумели вытянуть еще больше воды из корней. Тут, рядом со стволом, самые толстые корни сперва нам сопротивлялись, но наши общие усилия все равно выжали воду из них и из почвы, и земля вокруг ствола начала оседать. Ветви дерева начали дрожать, и вниз по стволу обильными зелеными струями тоже потекла влага. Листья начали на глазах высыхать и дождем осыпаться на землю, но внезапно я услышала ужасный крик: серебристый богомол выхватил еще одного солдата из строя, но на сей раз не убил его. Существо откусило ему руку с мечом и отбросило его тело ходокам.

Ходоки подхватили его и принялись впихивать в рот своей жертве сорванные с дерева плоды. Раненый солдат кричал, плевался, но они впихивали еще и еще, заливая все его лицо соком, и заставили его закрыть рот. Все тело бедолаги, содрогаясь в их хватке, выгнулось дугой. Ходоки перевернули его вверх ногами, и богомол ткнул солдата в горло острым концом своей клешни. Хлынувшая из раны кровь пролилась на пересохшие корни.

Красные тонкие струйки потекли по корням, впитываемые серебристым стволом, и все дерево издало шелестящий вздох. От ужаса я снова расплакалась, и увидела, как мертвеет лицо солдата — его сердце пронзил кинжал, брошенный рукой принца Марека.

Но большая часть наших трудов оказалась уничтожена, а ходоки сжимали вокруг нас кольцо, казалось с жадным видом выжидая момент. И действительно — солдаты жались вместе, тяжело дыша. Дракон вполголоса выругался. Он повернулся к дереву спиной и воспользовался заклинанием, которое я видела раньше, когда он создавал свои эликсиры. Он произнес его, прикоснулся к высохшему песку у нас под ногами и принялся тянуть из него веревки и нити расплавленного стекла. Он бросал получившиеся клубки на опавшие листья и обнажившиеся корни. Вокруг нас начали заниматься огоньки пламени, взвились струйки дыма.

Я была потрясена, ошарашена от ужаса и вида крови. Кася задвинула меня за спину, защищая меня, пока я обливалась слезами, с мечом в руке.

— Берегись! — крикнула она, я обернулась и заметила, как над головой Дракона треснула толстая ветка. Она тяжело ударила его по плечу и сбила с ног, бросив вперед.

Инстинктивно он ухватился за ствол, выронив стеклянную веревку. Он попытался выпрямиться, но дерево уже успело его поймать, и поверх рук начала нарастать кора.

— Нет! — бросаясь к нему, выкрикнула я.

Ценой одной руки, он ухитрился высвободить другую руку — кора успела добраться уже до локтя, корешки выскользнули из земли и обвилились вокруг его ноги, подтягивая его ближе. Дерево старалось продрасть сквозь его одежду. Волшебник дотянулся до кошелька на поясе, ослабил завязки и всунул в мою ладонь что-то булькнувшее. Это оказался флакон, светившийся ярким красно-фиолетовым светом. Пекло, всего капелька, и он передал его мне.

— Давай же, дуреха! Если оно поглотит меня, вы все покойники! Поджигай и бегите!

Я перевела взгляд с флакона на него. Он хотел, чтобы я сожгла дерево, поняла я. Сожгла дерево... вместе с ним.

— Думаешь, мне сильно этого хочется? — спросил он напряженным и натянутым тоном, словно борясь с ужасом. Кора уже покрыла одну из его ног и почти добралась до плеча.

Бледная Кася стояла рядом с потрясенным видом:

— Нешка, — сказала она: — Это хуже смерти. Гораздо хуже.

Я сжала в руке сиявший между пальцами флакон, потом положила руку на плечо волшебника и произнесла: «Ulozishtus. Очищающее заклинание. Давай вместе».

Он уставился на меня. Потом быстро кивнул:

— Отдай ей флакон, — процедил он, сквозь сжатые зубы. Я передала пекло Касе, сжала руку Дракона, и мы вместе произнесли заклинание. Я в постоянном ритме шептала: «Ulozishtus, ulozishtus», и потом он присоединился ко мне, тщательно пропев весь речитатив. Но я не позволяла силе вытекать, наоборот, я ее сдерживала. Мысленно я возвела барьер на ее пути, позволяя, благодаря нашим общим усилиям по мере создания заклинания, разлиться внутри меня широкому озеру волшебства.

Его нарастающий жар наполнил меня обжигающим свечением, почти невыносимым. Я с трудом могла дышать. Мои легкие распирали грудную клетку, сердце билось с трудом. Я ничего не видела вокруг. Схватка происходила где-то за спиной всего лишь как далекий шум: крики, жутковатое потрескивание ходоков, гулкий звон мечей. Но она приближалась. Я чувствовала спину прижавшейся ко мне Каси. Она стала моим последним щитом. В ее руке довольно и нетерпеливо пело пекло, надеясь, что его вот-вот выпустят на волю из флакона. Надеюсь, что оно поглотит нас всех — что почти утешало.

Я сдерживала силу сколько могла, пока голос Дракона не осекся, и тогда я открыла глаза. Кора взобралась по его шее и поползла до его щеки. Она почти запечатала его рот и начала наползать на глаза. Он сжал мою руку, и я прогнала весь поток силы сквозь него в полу-сформировавшийся между ним и наступающим деревом канал.

Он напрягся, застыв с широко раскрытыми невидящими глазами. Его рука цеплялась за мою в немой агонии. Вдруг кора, покрывавшая его рот отслоилась, как слезшая кожа чудовищной змеи, и он заорал в полный голос. Я сжала его ладонь обеими руками, прикусив губу от боли от его ответной мощной хватки. Он кричал, наростая кора обуглилась и отваливалась. Листва у нас над головой занялась огнем. Они осыпались на землю, на лету превращаясь в пепел. Отвратительная вонь поджаривавшихся и растекающихся плодов

усилилась. По веткам потек сок, из наростов на стволе и из-под коры начала сочиться вскипающая пузырями смола.

Корни дерева загорелись словно хорошо высушенный хворост. Мы выжали из дерева достаточно влаги. На крупных сучьях лопалась и отслоилась кора. Кася схватила Дракона за руку и оторвала его обмякшее обожженное и покрывшееся язвами тело от ствола. Я помогла ей оттащить волшебника сквозь собирающийся дым. Потом она повернулась и бросилась сквозь дымку обратно. Смутно было видно, как она оторвала от ствола крупный кусок коры и принялась рубить ствол мечом — отделяя от него все более и более крупные щепки. Я опустила Дракона на землю и поковыляла ей на помощь. Ствол дерева оказался настолько горячим, что до него было почти не прикоснуться. Тем не менее, я положила на него руки и пробормотала: «Imeyon!» — «Выходи, выходи», — повторяла я словно Яга, призывающая кролика из норы себе на ужин.

Кася нанесла еще один удар и древесина с треском расщепилась, и я увидела внутри серебристого ствола бессмысленное женское лицо с открытыми голубыми глазами. Кася потянулась внутрь сквозь трещину и стала отламывать края, расширяя пролом. Внезапно королева выпала наружу: ее тело безжизненно нагнулось вперед из образовавшейся в стволе ниши, оставив за собой женский силуэт. Обрывки ее истлевшей одежды осыпались с тела, загораясь на лету. Она повисла, застыв на месте: ее невероятно длинные золотистые волосы паутиной вросли в дерево и не позволили ей освободиться. Кася провела мечом вокруг этого облака, тогда королева наконец освободилась и упала к нам на руки.

Она оказалась тяжелой и неподвижной как бревно. Вокруг нас все было объято дымом и огнем, над нами стонали и ломались ветви. Все дерево превратилось в столб огня. Пекло во флаконе вопило, желая с нетерпением присоединиться к пожару, и я была почти уверена, что смогла это услышать собственными ушами.

Мы поплелись прочь. Касе пришлось тащить нас троих: меня, королеву Анну и Дракона. Выбравшись из-под кроны на открытое место, мы рухнули на землю. Сокол и принц Марек, стоя спина к спине, оставались последними, кто еще сражался с ужасающим умением. Меч Марека полыхал тем же пламенем, которым орудовал Сокол. На них наседали последние четыре ходока. Они предприняли внезапную атаку, но Сокол отогнал их назад круговым взмахом огненного кнута, а Марек нацелился на одного и метнулся к нему сквозь пламя. Одной рыцарской перчаткой он ухватил ходока за шею, обхватил сапогами тело, зацепившись одной ногой за переднюю конечность, с силой протянул меч между телом и шеей твари, и развернул тело — почти тем же движением срезают сучки с ветки. Длинная узкая голова ходока треснула и раскололась.

Принц позволил телу упасть и отпрыгнул обратно сквозь кольцо огня до того, как к нему успел приблизиться другой ходок. Вокруг валялось еще четыре ходока, убитых тем же самым способом. Принц выработал собственный метод для их убийства. Но ходоки чуть его не поймали, Марек уже едва стоял на ногах от усталости. Он отбросил шлем в сторону, наклонил голову и, отдуваясь, вытер вспотевший лоб краем табарда. Стоявший рядом Сокол тоже тяжело согнулся. Несмотря на то, что он не переставая шевелил губами, свечение серебристого пламени в его руках потускнело. Белый плащ был вывален в грязи и дымился в местах, где его прожгли горящие листья. Оставшиеся три ходока отступили, готовясь к новому натиску. Волшебник через силу выпрямился.

— Нешка, — позвала Кася, вырывая меня из гипнотического созерцания, я шагнула вперед, открывая рот. Но из него вырвался лишь хрип. От дыма пересохло горло. Я набрала в

грудь воздух и умудрилась прошептать: «Fulmedesh», — или по крайней мере нечто похожее, чтобы моя сила смогла оформиться в нечто, когда я опустила руки к земле. От меня пробежала трещина, создав разлом прямо под подошвами. Когда твари рухнули в расселину, Сокол швырнул следом огонь, и разлом закрылся.

Марек обернулся и, когда я с трудом выпрямилась, внезапно побежал ко мне. Он на ходу упал ногами вперед и сбил меня на землю. Из облака дыма, окутавшего очаговое дерево, появился серебристый богомол с горящими крыльями в надежде отомстить. Я уставилась в его золотистые нечеловеческие глаза. Пугающие когти чудовища отодвинулись для удара. Марек лежал на спине прямо под брюхом богомола. Он подставил меч под шов в его панцире, и повалил чудовище, ударив его по ноге. Богомол упал, нанизав себя на меч, и даже поднявшись снова продолжил сильно содрогаться. Принц одним ударом высвободил меч и отбросил богомола в сторону пылающего очагового дерева. Тварь осталась лежать неподвижно.

Марек повернулся и поднял меня на ноги. Мои колени все еще дрожали, а все тело трясло. Я не могла стоять прямо. Мне всегда казались подозрительными рассказы о войнах: даже случайные драки между деревенскими мальчишками на площади обычно заканчивались в грязи с разбитыми носами, царапинами, в слезах и соплях — в этом не было ничего славного или величественного. Так что я не понимала, как добавление к этому мечей и смертей может как-то улучшить ситуацию. Но даже в своих худших мыслях я не могла себе представить ничего подобного этому ужасу.

Сокол доковылял до солдата, скрючившись лежавшего в грязи. На поясе волшебника был флакон с каким-то эликсиром. Он дал пострадавшему выпить глоток эликсира и помог ему подняться. Вместе они нашли еще одного выжившего, лишившегося правой руки. Солдат прижег обрубок в огне и беспомощно лежал на земле, уставившись в небо. Из тридцати человек, выжило лишь два солдата.

Но принц Марек не выглядел убитым горем. Он рассеянно провел рукой по лбу, размазывая по лицу сажу. Ему уже почти удалось восстановить дыхание. Грудь принца вздымалась и опускалась, но уже легко, а не с трудом, как у меня, и он легко перетащил меня подальше от пламени под прохладный шатер деревьев на краю поляны. Абсолютно молча. Не уверена, что он вообще меня узнал: его взгляд был полу-остекленевшим. К нам подошла Кася, неся на плечах Дракона. Несмотря на его вес, она несла его неестественно легко, почти не сгибаясь.

Пока Сокол собирал раненных, Марек моргнул всего пару раз, но вдруг он наконец-то увидел пылающее дерево и падающие обугленные ветки. Его рука сжала мою ладонь, и острые грани рыцарской перчатки больно впились в кожу, как бы я не пыталась высвободиться. Он повернулся ко мне и встряхнул меня с выпученными от гнева и ужаса глазами:

— Что вы натворили? — накричал он на меня хриплым от дыма голосом, и внезапно умолк.

Перед нами неподвижно стояла королева, освещаемая золотистым отсветом пламени пылающего дерева. Она стояла как статуя ровно на том же месте, где ее поставила, поднимая на ноги, Кася, безвольно опустив руки по бокам. Ее обрезанные волосы были того же золотистого цвета, что у принца Марека — мягкие и пушистые. Они пушились вокруг ее головы словно облако. Принц уставился на нее словно голодный птенец. Он отпустил меня и протянул к ней руку.

— Не прикасайтесь к ней! — резко приказал Сокол хриплым голосом. — Наденьте цепи.

Марек застыл. Он не сводил с нее взгляда. Мгновение я думала, что он не послушается. Но он повернулся и побрел сквозь поле боя к трупам своих коней. Те самые цепи, которые Сокол надевал на Касю во время проверки, находились в свертке, завернутые в кусок ткани, позади седла. Марек вытащил их и принес к нам. Сокол взял ярмо тканью и осторожно, словно приближался к бешеной собаке, направился к королеве.

Она не пошевелилась, ее глаза смотрели не моргая. Такое впечатление, что она его даже не видела. Он еще больше занервничал, потом снова произнес защитное заклинание, одним быстрым движением надел ярмо на шею королевы и отскочил назад. Она не пошевелилась. Он снова потянулся с куском ткани в руках и быстро один за другим защелкнул на ее запястьях кандалы. Потом он накинул ткань ей на плечи.

За нашими спинами раздался ужасный треск. Мы подпрыгнули словно зайцы. Очаговое дерево расколосось до самого корня. Одна массивная половина наклонилась в сторону. Она рухнула на землю с громким скрежетом, обрушившись на столетние дубы, растущие на границе поляны. Из сердцевины ствола вверх взвилось облако оранжевых искр. Вторая половина ствола внезапно вспыхнула как свечка в ревушем и быстро распространявшемся пламени, ветви очагового дерева вздрогнули последний раз и замерли.

Одним внезапным дерганным толчком тело королевы оживило. Цепи скрипнули и зазвенели при ее движении, застонал металл, и она бросилась прочь от нас, вытянув руки впереди себя. Ткань соскользнула с нее, но королева этого не заметила. С низким нечленораздельным стоном она царапала лицо отросшими невероятно длинными загибающимися ногтями.

Марек бросился к ней и перехватил ее закованные в кандалы запястья. Она конвульсивно отбросила его, используя свою невероятную силу. Потом она остановилась и сфокусировала свой взгляд на нем. Он восстановил равновесие и выпрямился. Несмотря на кровь, вонь от сажи и пота, Марек по-прежнему выглядел принцем. На груди все еще был заметен зеленый герб и корона над гидрой. Она смотрела на нее, потом перевела взгляд на его лицо. Она молчала, но не сводила с него глаз.

Он сделал один резкий вдох и произнес:

— Матушка.

Она не ответила. Марек ждал, сцепив руки, пристально вглядываясь в ее лицо, но ответа не было.

Мы стояли молчаливые и угнетенные, вдыхая дым сгоревшего очагового дерева, опаленных трупов павших людей и тварей из Чащи. Наконец Сокол взял себя в руки и, прихрамывая, вышел вперед. Он протянул руки к ее лицу, мгновение колебался, но королева даже не обратила на него внимания. Чародей обхватил ее лицо руками и повернул к себе. Он вгляделся в ее глаза, его зрачки последовательно то расширялись, то сужались, меняя форму. Цвет глаз изменился с зеленого через желтый на черный. Сокол хрипло констатировал:

— Ничего. Я совершенно не вижу в ней скверны, — и опустил руки.

Однако очевидно, что в ней не было и чего-то еще. Она почти не смотрела на нас, а когда делала это, то становилось еще хуже — ее широко распахнутые глаза не видели лиц. Марек стоял, тяжело дыша, не сводя с нее глаз:

— Матушка. Это я Марек. Я пришел, чтобы забрать тебя домой.

В ее лице ничего не дрогнуло. Первый нахлынувший на нее ужас прошел. Теперь она просто равнодушно и опустошенно смотрела.

— Как только мы выберемся из Чащи... — начала было я, но мой голос застрял в горле. Было странно и нелепо. Как вообще можно выбраться из Чащи, пробыв там двадцать лет?

Но Марек уцепился за эти слова.

— Куда идти? — деловито спросил он, убирая меч в ножны.

Я стерла рукавом сажу со щеки, и посмотрела на свои обожженные и исцарапанные руки в пятнах засохшей крови. Частица целого. «Loytalal, — шепнула я своей крови. — Верни меня домой».

* * *

Я вела нас из Чащи самым быстрым путем. Не знаю, что бы мы предприняли, если бы нам повстречался еще один ходок, тем более богомол. Как отличался наш караван от того великолепного отряда, который въехал в Чащу всего лишь этим утром! Мысленно я представляла нас охотниками, крадущимися по вечернему лесу, стараясь не вспугнуть даже мелкую пташку. Я очень внимательно выбирала путь среди деревьев. У нас не было никакой надежды запутать следы и избежать погони, поэтому мы держались оленьих троп и зарослей пожиже.

Мы выбрались из Чащи за полчаса до заката. Я шла, спотыкаясь, следуя за свечением моего заклинания, снова и снова мысленно повторяя, как считалочку: «домой, домой, домой». Светящаяся линия, изгибаясь, стремилась на запад и юг — к Двернику. Мои ноги продолжали нести меня через выжженную полосу к заборчику из высокой травы, который оказался настолько плотным, что сумел наконец остановить меня. Когда я подняла голову, то поверх травы я увидела вдали вставшую стеной горную цепь, казавшуюся размытой коричневой полосой под заходящим солнцем.

Северные горы. Мы вышли неподалеку от перевала на границе с Россией. Это имело смысл, раз Василий с королевой бежали в Росию, и были выманены отсюда с дороги в Чащу.

Но это так же означало, что мы были на много миль дальше от Заточек.

За мной из Чащи вышел принц Марек. Он брел повесив голову и поникнув плечами, словно нес на себе тяжелый груз. За ним следом плелись двое выживших солдат. Они скинули свои кольчуги и бросили их где-то по пути в Чаще. Пояса тоже. Только принц оставался в доспехах, но едва он добрел до травы, как рухнул на колени и неподвижно застыл. Солдаты повалились на землю по обе стороны от своего господина с опустошенными лицами, словно все это время он тянул их за собой.

Кася положила на землю Дракона рядом со мной, немного утрамбовав ногами траву, чтобы расчистить место. Волшебник лежал неподвижно, молча, с закрытыми глазами. Вся правая сторона его тела была обожжена и покрыта нарывами, багровыми и жутковато поблескивающими. Его одежда была разодрана и местами сгорела до кожи. Мне еще не приходилось видеть столь страшных ожогов.

Сокол повалился на землю рядом с ним. В его руке был зажат конец цепи, прикованной к ярму вокруг шеи королевы. Цепь натянулась, и королева тоже остановилась как вкопанная посредине выжженной земли у границы Чащи. Ее лицо было почти столь же нечеловечески спокойным как Касино, только хуже, потому что в глазах не было души. Все равно, что за вами по пятам ходит марионетка. Когда цепь тянули, она через силу шла, переваливаясь из стороны в сторону словно полностью забыла, как пользоваться ногами и руками, и они не сгибались больше как следует.

— Нам нужно отойти подальше от Чащи, — сказала Кася. Никто ей не ответил и даже не пошевелился. Даже мне казалось, что она говорит откуда-то издалека. Она аккуратно взяла меня за плечо и встряхнула:

— Нешка, — позвала она. Я не отозвалась. Небо сумеречно потемнело и вокруг нас взвились ранние весенние комары, назойливо пища над ухом. Я была не в состоянии поднять руку, чтобы прихлопнуть даже самого крупного, севшего прямо на мою ладонь.

Моя подруга выпрямилась и неуверенно оглядела нас. Не думаю, что ей хотелось бросать нас здесь одних, в подобном состоянии, но особого выбора не было. Она прикусила губу, присела передо мной и заглянула в мое лицо:

— Я отправляюсь в Камик. Думаю, он ближе, чем Заточек. Буду бежать всю дорогу. Вы тут держитесь, Нешка. Я вернусь сразу же, как только кого-нибудь найду.

Я лишь смотрела в ответ. Она помедлила, пошарила в моем кармане на юбке, нашла книжечку Яги и силой впихнула мне в руки. Я сжала пальцы, но больше не пошевелилась. Кася повернулась и скрылась в траве, пробивая себе дорогу вслед за лучами заходящего солнца.

Я сидела в траве словно мышь-полевка без малейшей мысли в голове. Шелест уходящей сквозь высокие заросли Каси затих. Я бездумно смотрела на книжку, ощупывая стежки на обложке, складки на мягком переплете. Дракон неподвижно лежал рядом. Состояние его ожогов стало хуже, по всей коже налились прозрачные волдыри. Медленно я открыла книгу и начала листать. «Средство от ожогов, лучше всего действует вместе с утренней паутиной и каплей молока», — лаконично гласила страница с одной из заметок на память.

У меня не было под рукой ни паутины, ни молока, но чуть-чуть пошарив рукой вокруг по помятым стеблям травы, я выдавила на палец немного зеленого травяного сока. Смочив им пальцы, я пропела: «Irruch, iruch», — громче и тише, словно колыбельную ребенку, и начала легонько поочередно прикасаться указательным пальцем к худшим волдырям. Один за другим они дергались и начинали постепенно сдуваться. Сильное покраснение спало.

Работа дала пусть и не полное, но прояснение мыслей, словно я полила рану водой, поэтому я продолжила напевать снова и снова.

— Прекрати шуметь, — наконец произнес Сокол, приподняв голову.

Я взяла его за руку:

— Заклинание Грошо от ожогов, — назвала я одно из тех заклинаний, которым пытался научить меня Дракон, когда думал сделать из меня целительницу.

Сокол помолчал, потом хрипло начал:

— *Oyideh viruch*, — начиналось заклинание, а я продолжила напевать свое: «*Iruch, iruch*», — ощущая его работу как хрупкое колесо прялки вместо дерева сделанное из соломы, и я навела свое волшебство на него. Он оборвал заклинание. Я продержала нашу общую работу достаточно долго, чтобы он продолжил.

Это и близко не было похоже на работу с Драконом. Все равно, что пытаться надеть сбрую на старого и упрямого осла, который мне абсолютно не нравится, и который все время норовит больно укусить. Я все время старалась отстраниться от Сокола, даже управляя заклинанием. Но едва он уловил суть, как работа задалась. Ожоги начали быстро исчезать с кожи Дракона, затягиваясь новой кожей, кроме ужасного яркого шрама, огибающего середину его руки и с боку, где были самые сильные волдыри.

Голос Сокола окреп, и моя голова тоже прояснилась. Сквозь нас лилась сила, ее обновляющий поток освежал, и он потряс головой, моргая. Волшебник согнул руку, поймав мое запястье, и потянулся сильнее за моей силой. Я инстинктивно вырвалась, и мы разорвали нить нашего заклинания. Но Дракон уже перевернулся, опираясь на руки, тяжело вдохнул воздух и его стошнило. Он изверг из своих легких темную массу влажной сажи. Когда спазмы спали, он устало опустил на корточки, вытер рот и поднял голову. Королева неподвижно стояла светлой колонной посередине выжженной земли.

Дракон прижал запястья к глазам:

— Это было самое глупое предприятие из всех, — прохрипел он так сильно, что я едва его поняла, и уронил руки вниз. Он протянул мне руку, и я помогла ему подняться на ноги. Мы стояли посередине моря остывающей травы. — Нам нужно в Заточек, — произнес он, потянув за собой. — Там все наши запасы.

Я устало уставилась на него в ответ. С окончанием заклинания меня оставили последние силы. Сокол уже снова лежал на земле. Солдаты начинали дрожать и озираться, словно их глаза видели то, что-то невидимое для нас. Даже Марек впал в оцепенение. Между нами глыбой повисла тишина:

— Кася отправилась за подмогой, — наконец выдавила я.

Он огляделся, переведя взгляд на принца, солдат, королеву, обратно на нас с Соколом и, наконец, вниз на собственные испражнения.

— Ладно, — сказал он. — Помоги мне уложить их на спину. Луна вот-вот взойдет.

Мы заставили принца Марека и солдат улечься на землю. Все трое слепо уставились в небо. К тому времени, когда мы вяло утаптывали вокруг них траву, лунный свет уже высветил их лица. Дракон поставил меня между собой и Соколом. У нас не осталось сил на полное очищение: Дракон с Соколом лишь прочли несколько раз защитное заклинание, использованное утром, а я без слов пропела свое короткое очищающее: «*Puhas, puhas, kai puhas*». Кажется в их лица начали возвращаться краски.

Кася вернулась менее чем через час на телеге дровосека, с каменным выражением лица.

— Прошу прощения за задержку, — коротко сказала она. Я не стала спрашивать, откуда

телега. Знаю, что могли подумать люди, видя, что она пришла со стороны Чащи и еще в подобном виде.

Мы пытались ей помочь, но она справилась практически в одиночку. Она затащила на телегу принца Марека, двоих солдат, а потом затолкала в нее и нас троих. Мы расселись, свесив ноги по сторонам телеги. Потом Кася сходила за королевой, заслонив собой Чащу, тем самым прервав ее созерцание. Но королева смотрела на нее все с тем же равнодушием.

— Ты больше не там, — сказала она ей. — Ты свободна. Мы свободны.

Но и на эти слова королева ничего не ответила.

* * *

Мы провели в Заточке в амбаре на его окраине на неделю, валяясь на матрацах. Я ничего не помню с того момента, как уснула на телеге, и проснулась три дня спустя в теплом и уютно пахнущем сеном пространстве с Касей рядом, которая вытирала мое лицо влажной тряпицей. В моем горле жгло от приторного запаха очищающего эликсира Дракона. Когда чуть позже тем же утром я набралась достаточно сил, чтобы подняться с моего ложа, он провел надо мной еще одно очищение, и потом заставил меня сделать тоже самое с ним.

— Что с королевой? — спросила я у него, когда мы после этого, обессилив, сидели на скамье снаружи.

Он ткнул вперед подбородком, и я ее увидела: она тихо сидела на ивовом пеньке в тенечке на другой стороне поляны. На ней по-прежнему было надето магическое ярмо, но кто-то нарядил ее в белое платье. На нем не было ни пятен, ни разводов: даже подол оставался белоснежным, словно она вообще не сходила с места с тех пор, как ее туда усадили. Ее лицо оставалось пустым, как ненаписанная книга.

— Что ж, теперь она свободна, — произнес Дракон. — Но стоило ли это жизни тридцати людей?

Он произнес это так свирепо, что я обняла себя руками. Мне вовсе не хотелось вспоминать о том кошмаре, об этой бойне.

— А что с выжившими солдатами? — прошептала я.

— Выживут, — ответил он, — как и наш прекрасный принц, хотя и заслуживает иного. Хватка Чащи на нем была не так уж велика. — Он через силу поднялся. — Идем. Я очищаю их последовательно. Пора следующего этапа.

Два дня спустя принц Марек снова стал самим собой — это случилось с такой скоростью, что я почувствовала тоску и черную зависть. Всего утром он поднялся с постели, а уже на ужин слопал целого жаренного цыпленка и принялся разминаться. Я же едва сумела впихнуть в себя пару кусочков хлеба. Наблюдая, как он подтягивается на суку, я ощущала себя простыней, которую сперва хорошенько выстирали, а потом несколько раз отжали. Томаш с Олегом — двое солдат — тоже очнулись. К этому времени я уже знала их по именам, к своему стыду так и не узнав тех, что так и не вернулись.

Марек даже пытался накормить королеву. Но та лишь сидела, уставившись в тарелку, которую он держал перед ней, и не жевала вкладываемые ей в рот ломтики мяса. Потом он пробовал кашу. Она и не отказывалась, но и помощи от нее не было никакой. Ему пришлось запихивать ей в рот ложку как матери, обучающей младенца есть. Принц пытался ее накормить с мрачным упорством, но спустя час, когда ему едва удалось впихнуть в нее

полдюжины ложек, он сдался и разбил миску с ложкой о камень. Осколки вперемешку с брызгами каши разлетелись в разные стороны. Принц как буря унесся прочь. Королева и на это даже глазом не моргнула.

Я стояла в дверях амбара, наблюдая и давясь от тошноты. Мне было не жалко ее вытащить из Чаши. По крайней мере, для нее закончилась эта пытка, быть погребенной живо. Но это... такая мерзкая полу-жизнь, которая ей осталась была хуже смерти. Она не была больна и не бредила, как было с Касей в первые дни после очищения. Просто казалось в ней не осталось ничего, что могло бы чувствовать или мыслить.

На следующее утро Марек подловил меня, когда я несла в амбар воду из колодца и схватил за руку. От неожиданности я подпрыгнула и, пытаясь освободиться, облила нас обоих водой. Принц совершенно не обратил внимания на воду и мои попытки вырваться, наорав на меня:

— Довольно! Они солдаты. С ними все будет хорошо. Уже было бы хорошо, если бы Дракон не пичкал постоянно их своими снадобьями. Почему бы вам не сделать что-нибудь для нее?

— И что по твоему мнению, здесь можно сделать? — спросил Дракон, выходя из амбара.

Марек повернулся к нему:

— Ее нужно лечить! Вы ведь даже не напоили ее ни разу, хотя тратите эликсиры...

— Если бы в ней было что очищать, мы бы очистили, — ответил Дракон. — Но нельзя вылечить отсутствие. Считай, что тебе повезло, что она не сгорела с очаговым деревом. Если только можно назвать это везением, а не сожалением.

— Жаль, что ты сам не сгорел, раз даешь такие советы, — ответил Марек.

Я видела, что в глазах Дракона светится с десятков едких ответов, но он сжал губы и промолчал. Марек скрипнул зубами, и схватившая меня рука дрожала, будто нервная лошадь, хотя на той ужасной лесной поляне в самой гуще опасности он был спокоен как скала.

— В ней не осталось ни следа скверны. Что касается остального, поможет лишь время и лечение. Как только я закончу очищение твоих людей и им будет безопасно появляться среди людей, мы доставим ее в Башню. Я подумаю, что еще можно предпринять. А пока, будь с ней, разговаривай на знакомые темы.

— Разговаривать? — переспросил Марек. Он отпустил мою руку, и ушел, а я снова облила ноги водой.

Дракон забрал у меня ведро, и я пошла за ним в амбар.

— Чем мы можем ей помочь? — спросила я.

— Что можно сделать с чистой доской? — спросил он. — Дай ей время и она сможет на ней написать что-нибудь новое. А что до того, чтобы вернуть того, кем она когда-то была... — он покачал головой.

Весь оставшийся день Марек провел, сидя рядом с королевой. Я несколько раз по пути в амбар замечала выражение его жесткого, недовольного лица. Но по крайней мере кажется теперь он смирился с тем, что чудо внезапно не случится. Вечером он собрался и ушел в Заточек поговорить со старостой. На следующий день Томаш с Олегом уже самостоятельно смогли дойти до колодца и назад, принц крепко обнял их за плечи и сказал:

— Завтра утром на деревенской площади в честь остальных мы разожжем поминальный костер.

Из Заточка явились люди, которые привели для нас лошадей. Крестьяне были настороже, и я не могу их винить. Дракон заранее объявил, что мы вернемся из Чаши, и предупредил, что следует следить за любыми признаками скверны, и все равно, я бы не удивилась, если бы они вместо этого явились с факелами, чтобы сжечь нас вместе с амбаром. Правда, если бы Чаша все-таки добралась до нас, то, скорее всего, мы не стали бы тихо сидеть в амбаре целую неделю.

Марек сам помог Томашу с Олегом взобраться в седла, потом посадил королеву на смирную рыжую кобылу около десяти лет. Королева сидела в седле скованно, не сгибаясь. Принцу пришлось по очереди вдеть ее ноги в стремяна. Потом он задержался, глядя на нее снизу вверх. Поводья остались зажаты в ее руке, как он их вложил.

— Матушка, — вновь попробовал он. Но она не посмотрела на него. Спустя мгновение он заиграл желваками. Взяв веревку, он соорудил удлиненный повод от ее кобылы и привязал его к собственному седлу.

Мы поехали следом за ним на площадь, где обнаружили высокий костер из сухого дерева — уже сложенный, ждущий только нас. На дальнем краю собрались все жители деревни, бросив все дела. В руках они держали факелы. Я не очень хорошо знала жителей Заточек, но мы встречались от случая к случаю во время весенней ярмарки. Я стояла рядом с принцем и волшебниками, а из толпы на другой стороне, будто призраки из прошлого, сквозь легкую сероватую дымку на меня смотрело с десятков смутно знакомых лиц.

Марек лично взял факел. Он встал рядом с костром, высоко поднял факел и назвал поименно каждого, кого мы потеряли, последним назвав имя Яноса. Принц сделал знак Томашу с Олегом, и они втроем вышли вперед и опустили факелы к сложенному костру. Глаза и полу-зажившее горло тут же зашипало от дыма. Жар был невыносимым. Дракон следил за распространением огня с недрогнувшим лицом, а потом повернулся. Я знала, он не очень оценил жест принца, решившего почтить тех, кого сам же отправил на смерть. Но услышав их имена, внутри меня что-то расслабилось.

Костер горел долго. Крестьяне вынесли еду и пиво, все что у них было, и угостили нас. Мы с Касей прокрались к краю, и я выпила слишком много пива, смывая с языка вкус очистительного эликсира, страданий и дыма, пока, наконец, мы не прижались друг к другу и тихонько расплакались. Мне пришлось держаться за нее, поскольку она боялась сильно меня обнимать.

От выпитого мне стало одновременно и легче, и тяжелее, голова раскалывалась. Я хлюпала, закрывшись рукавом. На другой стороне площади принц Марек о чем-то беседовал со старостой и молодым большеглазым возницей. Они стояли у симпатичного свежеокрашенного зеленого фургона, запряженного четверкой лошадей. В их гривы и хвосты неуклюже были вплетены зеленые ленты. Королева уже сидела на полу фургона, засыпанном соломой, закутанная в шерстяной плащ. Поверх ее рубашки в солнечных лучах поблескивали позолоченные звенья волшебного ярма.

Пока я некоторое время следила за солнечными зайчиками, и до меня постепенно доходил смысл того, что я вижу, Дракон уже шел через площадь со словами:

— Что ты задумал?

Я поднялась и направилась к ним.

Принц повернулся как раз, когда я подходила:

— Договариваюсь о проезде, чтобы доставить королеву домой, — вежливо ответил Марек.

— Не говори чепухи. Она нуждается в лечении...

— Которое она в равной степени может получить в столице, — ответил Марек. — Я не собираюсь позволять, Дракон, запереть мою мать в башне, пока ты не решишь, что стоит ее снова выпустить. Не думай, что я забыл, насколько неохотно ты отправился с нами.

— Зато, кажется, с готовностью позабыл о многом другом, — парировал Дракон. — Например, о своей клятве в случае успеха вырубить Чашу до самой Росии.

— Ничего я не забыл, — ответил Марек. — Но сейчас у меня нет с собой людей, чтобы тебе помочь. А как еще мне добыть людей, если не вернуться ко двору и попросить их у отца?

— Единственное, что ты в состоянии сделать при дворе, это показать там пустоголовую куклу и назваться героем, — сказал Дракон. — Вызови людей отсюда! Или ты считаешь, что Чаша не ответит на то, что мы сделали, когда мы уедем и оставим долину беззащитной?

Марек натянуто улыбался, но его губы дрожали, а рука сжимала и разжимала рукоять меча. Сокол аккуратно протиснулся между ними, положил руку на предплечье принца и сказал:

— Ваше высочество, несмотря на возмутительный тон Саркана, нельзя сказать, что он ошибается.

На мгновение мне показалось, что он понял. Что Сокол на себе почувствовал всю глубину злобы Чащи, чтобы осознать угрозу. Застигнутая врасплох, я посмотрела на Дракона с надеждой, но еще до того, как Сокол повернулся к нему с грациозным наклоном головы, его лицо окаменело:

— Думаю, Саркан признает, что несмотря на его таланты, Ива превосходит его в целительском искусстве, и если есть на свете средство, она сумеет помочь королеве. А сдерживать Чашу — его прямой священный долг перед короной. Он не может оставить долину.

— Очень хорошо, — немедленно сказал Марек, хотя и говорил сквозь сжатые зубы. Это был отрететированный ответ. С растущим гневом я поняла, они все тщательно спланировали.

Потом Сокол добавил:

— В свою очередь, Саркан, принц Марек не может позволить тебе просто оставить здесь королеву Анну и твою крестьянку, — он указал на подошедшую ко мне Касю. — Разумеется их обеих немедленно следует отвести в столицу, и предъявить суду за скверну.

* * *

— Какой умный ход, — позднее сказал мне Дракон, — и какой эффективный. Он прав: я не имею права бросать долину без королевского дозволения, и строго говоря, по закону, их обеих следует предъявить суду.

— Но не обязательно же делать это немедленно! — ответила я, метнув взгляд на королеву. Та смиренно и тихо сидела в фургоне, пока крестьяне загружали его, раскладывая вокруг нее чрезмерное количество съестных припасов и одеял, которого хватило бы на три

путешествия в столицу и обратно без остановок. — А что если нам просто забрать их с собой в Башню, и ее и Касю? Король-то уж разберется...

Дракон фыркнул:

— Король разумный человек. Он бы ни секунды не возражал, если бы я по-тихому увез королеву до выздоровления куда-нибудь подальше, пока никто даже не узнал, что ее спасли. Но теперь? — Он обвел рукой крестьян. Все они широким кольцом на безопасном расстоянии обступили фургон, разглядывали королеву и шептались между собой, обмениваясь подробностями истории. — Нет. Он бы резко возражал против моего открытого нарушения королевского указа на глазах у свидетелей.

Потом он посмотрел на меня:

— И я с ними отправиться не могу. Король бы еще позволил, а Чаша нет.

Я опустошенно уставилась на него в ответ:

— Я не могу позволить им забрать Касю, — почти умоляющим тоном сказала я ему, понимая, что здесь моя жизнь, здесь во мне нуждаются. Но дать им увезти Касю на суд в столицу, где ее по закону могут приговорить к смерти... к тому же я совсем не доверяла принцу Мареку, потому что он поступал лишь так, как выгодно только ему.

— Знаю, — ответил волшебник. — Это даже к лучшему. Без солдат, и большого их количества, мы не сможем нанести новый удар по Чаше. Поэтому ты отправишься попросить их у короля. Что бы ни утверждал Марек, он не думает ни о чем, кроме королевы, а Соля хоть и не злой, но ему нравится делать вид, что он радует за общее дело.

— Соля? — наконец спросила я: на языке это слово казалось странным, живым как высокая тень кружащейся птицы. Даже произнеся его, я почувствовала укол пронзительного взгляда.

— На языке заклинаний это означает «сокол», — пояснил Дракон. — Тебе тоже дадут имя, перед тем, как внести тебя в реестр чародеев. Не позволяй им отложить это на после суда. В таком случае у тебя не будет права дать показания. И выслушай совет: то, что ты здесь совершила, движет силы иного рода. Не позволяй Соле присвоить себе все заслуги, и не стесняйся этим воспользоваться.

Я не имела ни малейшего понятия, как выполнить все эти инструкции, которыми он забросал меня. И как же мне потребовать у короля солдат? Но Марек уже позвал Томаша с Олегом в седло, и мне не нужен был Дракон, чтобы понять, что мне придется полагаться только на себя. Вместо этого я проглотила ком в горле и кивнула, и потом сказала:

— Спасибо, Саркан.

В его имени чувствовался вкус огня и крыльев, клубящегося дыма, силы и пронизательности, и шелестящий шорох чешуи. Он посмотрел на меня и натянуто сказал:

— Что ж, не ударь в грязь лицом, и как бы трудно не было, старайся сохранять приличный вид.

Сказать прямо, я не очень хорошо справилась с его советом.

Мы добирались до столицы целую неделю и еще день. Моя лошадь постоянно дергала головой: шаг раз, два, три и внезапный нервный рывок трензеля, швыряющий руки вперед, вырывая поводья, пока шея и плечи у меня вконец не одеревенели. Я все время плелась позади нашего небольшого каравана, наслаждаясь плотными облаками пыли из-под огромных окованных колес фургона. Так что к своей нервной походке моя лошадь добавила еще и регулярные чихания. Еще не миновав Ольшанки я уже приобрела светло-серый цвет, а под моими ногтями образовалась широкие темные полосы.

В наши последние несколько минут наедине Дракон передал со мной письмо для короля. Это было всего пара строчек, накарябанных впопыхах на дешевой бумаге позаимствованными у сельчан чернилами, в которых говорилось о том, что я ведьма, и о просьбе прислать людей. На сложенную записку волшебник капнул каплей собственной крови из специально порезанного ножом пальца, написав поверх пятна свое имя крупными черными буквами, которые чуть дымились по краям. Когда я проводила по ним пальцем, вынув письмо из кармана, я слышала рядом шипение дыма и хлопки крыльев. Это одновременно успокаивало и расстраивало: с каждой новой милей я удалялась все дальше от места, где была нужнее всего, помогая сдерживать Чашу.

— Почему вы настояли на том, чтобы забрать Касю? — в последний раз попыталась я разговорить принца Марека, когда мы остановились на первый ночлег у самого подножия гор рядом с небольшим быстрым ручейком, который стремился воссоединиться с Веретянницей. На юге была хорошо заметна Башня Дракона, залитая оранжевым светом закатного солнца. — Забирайте королеву, раз вам так хочется, и отпустите нас. Вы же были в Чаше, видели, что она собой представляет...

— Мой отец отправил меня сюда решить вопрос с оскверненной девушкой Саркана, — ответил он, умывая лицо и шею в ручье. — Он ожидает, что я доставлю ее или ее голову. Что предпочитаешь, чтобы я забрал?

— Но он все поймет про Касю, как только увидит королеву.

Марек стряхнул воду и поднял голову. В сгущающихся сумерках королева равнодушно и неподвижно сидела в фургоне, глядя прямо перед собой. Кася сидела рядом с ней. Они обе изменились, стали странными, прямыми как палка и неутомимыми, несмотря на целый день путешествия. Обе лоснились словно полированное дерево, но Кася смотрела назад на Ольшанку и покинутую долину. Ее взгляд и губы выдавали волнение и были живыми.

Мы смотрели на них вместе, потом Марек встал:

— Судьба королевы и ее судьба, — равнодушно сказал он мне и ушел. В полном расстройстве я ударила по поверхности ручья рукой, потом набрала в пригоршню воды и умылась. Между моих пальцев потекли черные ручейки грязи.

— Наверное страшно, — раздался голос Сокола, без какого-либо предупреждения, появившегося у меня за спиной, заставив облиться: — отправиться в Кралевию с принцем в качестве ведьмы и героини. Такая напасть!

Я вытерла лицо краем юбки:

— А тебе-то какой прок в том, что я там окажусь? При дворе есть и другие чародеи. Они и сами смогут убедиться, что королева не осквернена...

Соля покачал головой, словно жалел меня, глупую деревенскую девку, которая ничегошеньки не понимает:

— Думаешь все вот так просто? Закон предельно ясен: любой оскверненный обязательно подлежит сожжению.

— Но король же ее пощадит? — вырвался у меня вопрос.

Соля задумчиво оглядел почти незаметную сейчас королеву, ставшую лишь тенью среди других теней, и ничего не ответил. Потом снова посмотрел на меня:

— Спи спокойно, Агнешка. Нам предстоит долгий путь, — сказал он и отправился к костру Марека составить ему компанию.

После такого я вообще не могла уснуть, ни в эту ночь, ни в последующие.

Слухи летели впереди нас. Проезжая через поселки и города, мы видели выстроившихся в ряд собравшихся поглазеть людей. Но они не смели приближаться и старались держать детей подальше от нас. В конце пути на последнем перекрестке перед огромной королевской столицей нас поджидала большая толпа.

К тому времени все дни и часы у меня смешались. Руки ныли, спина болела, ноги отваливались. Хуже всего гудела голова. Какая-то часть меня стремилась обратно в долину, искажая все знакомые формы и переосмысливая свое местоположение вдали от всего, что я знала. Даже горы, неизменная деталь моего мира, исчезли. Разумеется, я знала, что есть часть страны, в которой нет гор, но я представляла себе, что все равно смогу видеть их вдали, словно луну. Но всякий раз оглядываясь, я видела, как они уменьшаются все сильнее, пока наконец они не пропали совсем с последним вздохом в виде холмов. Куда ни глянь, в каждом направлении, простирались обильные поля с пшеницей — плоские и нетронутые. Вся форма мира странно изменилась. Здесь совсем не было леса.

Мы взобрались на последний холм, и перед нами открылся вид на раскинувшуюся Кралевию. нашу столицу: по берегам сверкающей реки Вандалусы словно полевые цветы росли дома с желтыми стенами и терракотовыми крышами, и в самой середине на торчащем высоком утесе — замок Орла, королевская крепость из красного кирпича. Он был больше любого когда-либо виденного мною здания. Башня Дракона могла сравниться разве что с самой маленькой из его башен, а их, пронзающих небо по кругу стен, было самое малое дюжина.

Сокол обернулся ко мне, видимо, чтобы оценить, какое на меня произвел впечатление вид, но для меня все было таким огромным и странным, что я даже не охнула. Это было похоже на картинку из книги, на что-то ненастоящее, кроме того я так устала, что чувствовала себя живым трупом: в ногах пульсировала постоянная боль, руки подрагивали, а кожу покрывала толстая корка пыли.

На перекрестке нас ожидал отряд солдат, выстроившихся шеренгами вокруг стоявшего по центру помоста. На нем рядом с человеком в самом потрясающем наряде священника, что я только видела, стояло еще с полдюжины священников и монахов. Наряд был темно-пурпурным с золотой окантовкой. Было заметно его длинное суровое лицо казавшееся еще длиннее из-за высокой двойной конической шапки.

Марек остановился, посмотреть на собравшихся, и у меня появилась возможность догнать их с Соколом лошадей.

— Так-так, отец выгнал нас навстречу старого зануды, — произнес Марек. — Он собирается возложить на нее реликвии. Стоит из-за этого ожидать неприятностей?

— Не думаю, — ответил Сокол. — Смею вас заверить, наш дорогой архиепископ может

быть слегка утомительным, но его упрямая шея нам только на пользу. Он никогда не допустит подмены реликвии на фальшивку, а настоящие не смогут показать того, чего там нет.

Застигнутая врасплох их нечестивостью — это надо же, назвать архиепископа «старым занудой»! — я упустила возможность переспросить, зачем кому бы то ни было пытаться представлять скверну там, где ее нет? Марек уже направил свою лошадь вперед. Фургон с королевой покатился вниз по склону за ним следом, и толпа зевак, сохраняя на лице страстное любопытство, как волна от берега отхлынула подальше от колес. Я заметила на них небольшие дешевые амулеты от сглаза и многие при нашем прохождении крестились.

Королева сидела, не глядя по сторонам, и даже не ерзая, лишь покачиваясь в такт движению фургона. Кася жалась к ней, лишь бросив в меня взгляд широко-распахнутых глаз, который я ей вернула. Никогда в жизни мы не видели столько людей сразу. Люди напирали со всех сторон, почти касаясь моих ног, не обращая внимания на громадные подкованные копыта моей лошади.

Когда мы подъехали к помосту, солдаты пропустили нас внутрь за свой строй, и сомкнулись за спиной, направив на нас свои пики. Я с тревогой отметила, что посреди помоста стоит столб, под которым сложены дрова и куча сена. Наклонившись вперед, я испуганно поймала Сокола за рукав.

— Перестань казаться испуганным кроликом. Сядь прямо и улыбайся, — прошипел он в ответ. — Сейчас нам меньше всего нужен повод им усомниться в том, что все в порядке.

Марек вел себя так, словно не замечал направленные на него острия пик всего в двух футах от головы. Он спешил, взмахнув накидкой, которую купил в одном из городков, которые мы недавно проезжали, и отправился к фургону, помочь королеве спуститься. Касе пришлось помочь с другой стороны, а следом по нетерпеливому сигналу Марека спустилась сама.

Не догадывалась прежде, но оказывается толпа такого размера создает постоянный гул словно река — он нарастает и стихает без возможности разобрать отдельные голоса. Но сейчас образовалась полная тишина. Марек провел королеву к ступеням, ведущим на помост и поставил ее прямо перед священником в высокой шапке. На королеве по-прежнему оставалось надето волшебное золоченное ярмо.

— Милорд архиепископ, — чистым и звучным голосом обратился Марек к священнику: — несмотря на грозившие опасности, мои товарищи и я освободили королеву Польни из дьявольских лап Чащи. Я поручаю вам тщательнейшим образом изучить и с помощью всех реликвий, а также вашего высокого сана подтвердить, что в ней нет ни малейшего признака скверны, способной распространиться и заразить иные невинные души.

Разумеется именно для этого архиепископ и прибыл сюда, но кажется он не был доволен тем, как Марек представил будто это идея самого принца. Губы священника вытянулись в узкую линию.

— Не сомневайтесь, ваше высочество, так и будет, — холодно ответил он, повернулся и взмахнул рукой. К нему шагнул один из монахов: низенький, нервный человек в простой коричневой рясе. Его каштановые волосы были острижены под горшок, а из-за больших очков в золотой оправе глядели огромные, часто моргающие глаза. В руках у него был длинный деревянный ящичек. Он открыл его, и архиепископ достал из него двумя руками тонкую словно паутина сверкающую сеть из золотых и серебряных нитей. Вся толпа разом одобрительно зашумела словно весенняя листва на ветру.

Архиепископ растянул сеть, долго и громко помолился, потом повернулся и накинул сетку на голову королеве. Сеть мягко опустилась, расправившись до самой земли. Потом к моему удивлению вперед вышел монах, который возложил руки на сеть и произнес: «Yilastus kosmet, yilastus kosmet vestuo palta», — начал он, и с этого места я заметила, как в нити сети хлынула сила заклинания, и они засветились.

Свет наполнил все тело королевы с каждой стороны, озарил ее. Она стояла на помосте над нами, подняв голову, и светилась. Это не было похоже на свечение Призывания. То свечение было чистым холодным светом, резким и болезненным. А этот — все равно, что в середине зимы вернуться домой поздно ночью, и посмотреть в окно на горящую, манящую в дом, лампу. Этот свет был наполнен любовью и теплом. По толпе пробежал вздох. Даже священники обернулись на мгновение, чтобы посмотреть на светящуюся королеву.

Монах не снимал рук с сети, постоянно подпитывая ее силой. Я слегка прищорила свою лошадь, заставив ее приблизиться к лошади Сокола, и, наклонившись из седла, спросила:

— Это кто?

— Ты говоришь о нашем кротком Филине? — спросил он. — Отец Балло. Он, если так выразиться, благодать для архиепископа. Не часто можно встретить кроткого и покладистого волшебника. — В его словах чувствовалось презрение, но мне монах не казался столь уж кротким, скорее обеспокоенным и недовольным.

— А что это за сеть?

— Ты же, разумеется, слышала о вуали святой Ядвиги, — ответил Сокол так буднично, что я уставилась на него, разинув рот. Это была самая почитаемая реликвия Польни. Я слышала, что ее достают только на коронацию королей, чтобы доказать, что они не подвластны влиянию зла.

Толпа начала напирать, тесня солдат, чтобы подобраться ближе. И даже солдаты были поражены — они позволили себя сдвинуть и приподняли вверх наконечники пик. Священники обходили королеву, изучая ее дюйм за дюймом, наклоняясь, чтобы рассмотреть каждый пальчик на ноге, ощупывая и проверяя каждый пальчик на руке, вглядываясь в волосы. Но нам всем было видно ее сияние полное света. В ней не было ни следа тени. Один за другим священники отходили и качали головой архиепископу. Даже его жесткое лицо смягчилось, проявив на архиепископе чудесное влияние света.

Когда изучение королевы закончилось, отец Балло аккуратно снял с нее вуаль. Священники принесли с собой и другие реликвии, которые теперь опознала и я сама: щиток доспехов святого Казимира, пронзенный до сих пор торчащим из него зубом убитого им дракона из Кралевии; лучевая кость святого Фирана в стеклянном и оправленном в золото ларце; золотая чаша, спасенная святым Яцеком из храма. Марек положил руки королевы по очереди на каждую реликвию, а архиепископ произнес свою молитву.

Все тоже самое они повторили с Касей, но она толпе была совершенно неинтересна. Все люди страстно желали видеть королеву, и когда священники изучали Касю, толпа шумела гораздо сильнее всего, что мне приходилось видеть до этого, несмотря на то, что они находились в присутствии такого большого числа святых предметов, а также самого архиепископа лично.

— Чего еще ждать от королевской толпы, — в ответ на мое изумление сказал Соля. Здесь даже ходили продавцы булочек, у которого жители расхватывали с лотка свежие рогалики, а еще с лошади мне было видно, как пара предприимчивых людей прямо у дороги торгует с

прилавка пивом.

Общая атмосфера стала похожа на выходной, праздничный день. Наконец священники наполнили золотую чашу святого Яцека вином, и отец Балло что-то над ней пошептал: от вина поднялся завиток дымка, и оно стало прозрачным. Королева выпила все до дна, едва ей поднесли его к губам, и не забилась на земле в припадке. Даже выражение ее лица ни капли не изменилось, но не это имело значение. Кто-то в толпе поднял в воздух кружку с плещущимся пивом и выкрикнул: «Слава Богу! Королева спасена!» Люди начали восторженно кричать и напирать на нас. Все страхи были забыты. Было так громко, что я едва смогла расслышать, как архиепископ дает Мареку свое неохотное дозволение ввести королеву в город.

Экстаз толпы был еще хуже леса нацеленных на нас пик. Чтобы подвести фургон к помосту и посетить в него королеву с Касей, Мареку приходилось расталкивать людей с дороги. Принц оставил свою лошадь, и сам уселся на козлы, взяв вожжи. Взмахнув над головами людей кнутом, он заставил их расступиться от упряжки, а нам с Солей пришлось приткнуть своих лошадей вплотную к фургону — толпа сразу же сомкнулась за нашими спинами.

Люди шли следом целых пять миль, оставшихся до города, бежали рядом, за нами, а когда одни уставали, им на смену появлялись новые. Когда мы добрались до моста через Вандаусу, все взрослое население забросило работу и шло следом, а к тому времени, как мы добрались до ворот замка, мы едва могли двигаться сквозь громко приветствующую, напирющую со всех сторон толпу — настоящее живое существо с десятью тысячами все как один весело орущих голосов. Новость о спасении королевы и ее чистоте уже разлетелась. Принц Марек наконец-то спас королеву.

Мы все словно очутились в балладе, именно на это было похоже. Я чувствовала это на себе, несмотря на то, что золотистая голова королевы покачивалась вперед-назад в такт движению фургона без малейшей попытки остановиться, и даже зная, насколько незначительна наша победа и сколькими жизнями она была оплачена. Возле моей лошади бежали веселые ребятишки, и они ни капли надо мной не насмехались, хотя я представляла собой один сплошной клубок спутанных, прокопченных волос и рваной одежды. Но мне было все равно. Я смотрела вниз и тоже улыбалась, позабыв об онемевших ногах и затекших руках.

Марек ехал впереди в приподнятом настроении. Должно быть ему тоже показалось, что его жизнь на глазах превратилась в сказку. Прямо сейчас никто не вспоминал о не вернувшихся назад. Обрубок руки Олега по-прежнему был плотно прибинтован к телу, но он воодушевленно размахивал здоровой рукой, и по пути целовал руку каждой симпатичной девушке. Даже когда мы очутились с другой стороны ворот замка, толпа не пропала. Из казарм высыпали все королевские солдаты, стуча по щитам своими мечами и одобрительно крича, а также пришли дворяне из своих особняков, бросая на дорогу цветы.

Только королеве не было до этого никакого дела. С нее были сняты ярмо и кандалы, но она сидела безучастно почти как резная статуя.

Въезжать во внутренний двор замка через последние ворота нам пришлось по одному. Вблизи замок оказался головокруглительно огромным, здание возвышалось ярусами в три этажа. С балконов вниз смотрели и улыбались бесконечные лица. Я ошарашенно смотрела на них в ответ, на развешенные повсюду расшитые знамена самых неопикуемых расцветок, на лес башен и колонн. На самом верху лестницы с другой стороны двора стоял король

собственной персоной. На его плечах была синяя мантия, застегнутая на шею крупной драгоценной брошью с красным камнем и жемчужинами в золотой оправе.

Из-за стен еще доносились приглушенные радостные крики. Внутри все вокруг смолкли как перед началом спектакля. Принц Марек помог королеве сойти с фургона. Он вывел ее вперед и повел по ступеням к королю. Перед ним словно волны расступались придворные. Я поняла, что стою, затаив дыхание.

— Ваше величество, — начал Марек, — я вернул вам вашу королеву. — Солнце светило ослепительно, и в своих сияющих доспехах, в белом табарде с зеленым плащом он был похож на святого воина. Рядом в простом белом платье стояла высокая напряженная фигура королевы с коротким облаком золотистых волос и с глянцевой изменившейся кожей.

Король, нахмурившись, смотрел на них сверху вниз. Похоже он был обеспокоен куда сильнее триумфатора. Мы все молча ждали. Наконец, он вдохнул воздух, чтобы ответить, и только в этот момент королева пошевелилась. Она медленно подняла голову, чтобы посмотреть в его лицо. Он посмотрел в ответ. Она моргнула один раз, потом легонько вздохнула и медленно мешком осела без чувств. Принцу пришлось поднимать ее за руку, которую он не отпускал, и тащить вверх, иначе она бы скатилась по ступеням.

Король выдохнул, его плечи слегка выпрямились, словно ослабив натяжение тетивы. Через весь двор раздался его сильный голос:

— Отведите ее в Серые палаты, и вызовите к ней Иву. — Слуги немедленно бросились исполнять. Они словно волна унесли от нас королеву внутрь замка.

* * *

На этом месте... спектакль закончился. Во дворе замка поднялись почти столь же громкие крики, как у толпы снаружи, все разом заговорили со всеми на всех трех этажах. Светлое возвышенное ощущение вытекло из меня, словно с меня сняли колпачок и опрокинули как бутылочку. Слишком поздно я спохватилась, что я здесь не ради праздника. Кася сидела в фургоне одна, в своем арестантском белом платье, ожидая своей участи. Саркан находился в сотне лиг отсюда, пытаюсь без меня сдерживать напор Чащи на Заточек. А я не имела ни малейшего понятия, как со всем этим справиться.

Я высвободила ноги из стремян, перекинула ногу и весьма неэлегантно соскользнула на землю. Когда я выпрямилась, обрушив свой вес на ноги, колени задрожали. Ко мне подскочил конюх, забрать лошадь. Я с некоторой неохотой позволила ему ее увести — хотя это была не самая лучшая лошадь на свете, она была для меня знакомой скалой в океане неизвестности. Принц Марек с Соколом удалились в замок вместе с королем. И я уже потеряла из виду Томаша с Олегом в толпе людей в такой же форме.

Кася выбралась из фургона с другой стороны. Ее ждала небольшая группа слуг. Я протолкнулась через поток придворных и слуг и встала между ней и ими.

— Куда вы собираетесь ее увести? — потребовала я ответа, почувствовав укол тревоги. Для них в своем запыленном крестьянском наряде я должна была выглядеть абсолютным пугалом — словно воробей набрасывается на стаю бродячих котов. Они не могли знать о силе, бурлящей в моей груди и готовой вырваться на волю.

Однако, как бы безобразно я ни выглядела, я была частью праздника, частью отряда спасшего королеву, и они были настроены гуманно. Старший стражник, мужчина с самыми

длинными усами, которые я видела в жизни, кончики которых были смазаны воском и завиты, довольно любезно мне ответил:

— Вы ее служанка? Не беспокойтесь, мы отведем ее к королеве в Серую башню. Там за ними присмотрит Ива. Все строго по правилам и согласно закону.

Последнее не сильно утешало: по закону и Касю, и королеву должны были сразу придать смерти. Но Кася шепнула мне: «Все хорошо, Нешечка». Ничего не хорошо, но и поделаться ничего было нельзя. Стражники увели ее с собой в замок: четверо шли впереди, четверо сзади.

Секунду я растерянно смотрела, как они уходят, потом вдруг поняла, что ни за что не разыщу ее в этом огромном месте, если не узнаю, куда они ее ведут. Подпрыгнув, я помчалась следом.

— Дальше нельзя, — объявил мне страж у двери, когда я попыталась шмыгнуть следом за конвоем. «Рагап рагап», — пробормотала я, словно жужжание крохотной мошки, которую никто не в силах поймать. Страж моргнул и позволил мне пройти.

Я следовала за стражниками, не прекращая своей присказки, как бы заявляя всем, мимо кого я проходила, что я очень маленькая, во мне нет ничего интересного. Это было нетрудно. Я и в самом деле чувствовала себя настолько маленькой и незначительной, как только можно себе представить. Коридор все не прекращался. Повсюду были двери из окованного железом массивного дерева. Из огромных, увешанных гобеленами и набитых резной мебелью, комнат выходили слуги и придворные, и входили обратно. Там были каминные больше моей входной двери. С потолков свисали волшебные светильники, а в залах стояли целые ряды белоснежных свечей, которые горели и не думали оплавляться.

Наконец коридор завершился у небольшой железной дверцы под охраной. Стражники кивнули Касиному конвою, и разрешили им, и такой мелкой шушере вроде меня, лишь скользнув по мне взглядом, войти внутрь в узкий лестничный колодец с винтовой лестницей. Мы начали подниматься вверх. Мы поднимались и поднимались, моим уставшим ногам с трудом давался каждый шаг, пока наконец мы не оказались на крохотной круглой площадке. Здесь было дымно и темно, не было ни одного окна, а из освещения в стеновой нише только обычная масляная лампа. Она освещала еще одну невзрачную железную дверцу. На ней был большой круглый дверной молоток в виде головы разъяренного демона. Кольцо молотка было продето сквозь его широко раскрытую пасть. От металла исходил странный холод: мою кожу холодила ледяной ветер, несмотря на то, что я была прижата к стене в угол за спиной высокого стражника.

Старший стражник постучал, и дверь отворилась внутрь:

— Мы привели вторую девушку, миледи.

— Хорошо, — отчетливо ответил женский голос. Стражники расступились, дав Касе пройти. В дверном проеме стояла высокая худая женщина с волосами соломенного цвета, завитыми спиралью в косы под золотым головным убором. На женщине было синее шелковое платье тонко украшенное на шее и груди, с длинным шлейфом, подметающим пол позади нее. Хотя рукава платья были сделаны очень практично со шнуровкой от локтя до запястья. Женщина посторонилась и двойным нетерпеливым взмахом длинной руки, пригласила Касю войти. Я мельком заметила за дверью большую комнату и королеву, напряженно сидящую в кресле с прямой спинкой. Она отстраненно смотрела в окно вниз на сверкающую Вандалусу.

— А это еще что? — спросила дама, поворачиваясь ко мне. Стражники повернулись

следом и уставились на меня, заметив. Я замерла.

— Я... — запнулся старший страж, слегка побагровев, и метнул взгляд на двух солдат, шедших в самом хвосте конвоя. Этот взгляд не предвещал им ничего хорошего за то, что они меня проворонили. — Она...

— Я — Агнешка, — ответила я. — Я приехала с Касей и королевой. — Дама окинула меня недоверчивым взглядом, который замечал каждую драную ниточку и каждое пятнышко на моей юбке, даже со стороны спины, не скрывая удивления, что я посмела заговорить. Она снова посмотрела на стражников:

— Эту тоже подозревают в скверне? — поинтересовалась она.

— Нет, миледи. Насколько мне известно, нет, — ответил он.

— Тогда зачем вы привели ее ко мне? У меня и так дел хватает. — Она повернулась к нам спиной, ее шлейф взметнулся следом, и дверь захлопнулась. Меня снова обдало холодной волной, прокатившейся вперед ко мне и назад к алчно оскаленному демону, смывая последние остатки моего скрывающего заклинания. Он впитывает силу, догадалась я. Вот почему они приводят сюда подверженных скверне пленников.

— Как ты сюда попала? — с подозрением спросил старший стражник, и они обступили меня со всех сторон.

Я бы с радостью постаралась снова спрятаться, но в присутствии жадно оскаленной пасти не могла.

— Я ведьма, — ответила я. Их взгляды стали еще подозрительнее. Я вытащила письмо, которое все еще хранила в кармане. Бумага слегка потерлась от ношения, но обуглившиеся буквы печати все еще слегка дымились: — Дракон отправил меня с письмом для короля.

Меня проводили вниз и поместили в крохотную неиспользуемую каморку, за неимением места получше. Пока капитан стражников ходил по делам с моим письмом в руках, чтобы выяснить, что со мной делать, снаружи ко мне приставили охрану. Мои ноги были готовы мне отказать полностью, но внутри не было ничего, на что можно было бы присесть, кроме нескольких вызывающих опасение стульев, расставленных вдоль стены: тонкие и хрупкие на вид конфетки, покрашенные белой краской с позолотой и с красными бархатными подушками. Я бы решила, что это трон, если бы их не было четыре.

Вместо этого я прислонилась к стене и какое-то время постояла так, потом попыталась присесть у камина, но огонь давно уже не зажигали. Зола была давно остывшей, а камень очень холодным, так что я вернулась к стене. Наконец, я решила, что никто в здравом уме не станет оставлять в комнате стулья, если не хочет, чтобы на них сидели. Поэтому я осторожно пристроилась на краешке одного из стульев, тщательно подобрав юбки.

Едва я присела, как дверь открылась и в комнатушку вошла служанка, женщина возраста Данки в абсолютно черном платье с неодобрительно поджатыми губами. Я виновато подпрыгнула, вскочив на ноги. За мной, распуская сидение на стуле, потянулись четыре длинных ярко-красных нити, зацепившись за репы на моей юбке, а рукавом я ухитрилась отколоть длинную острую окрашенную белым щепку. Неодобрение усилилось, но служанка лишь натянуто произнесла:

— Прошу следовать за мной.

Она провела меня мимо стражников, которые ничуть не жалели о моем уходе, и проводила к другому лестничному колодцу. Я их успела повидать уже с полдюжины. Женщина проводила меня в узкую темную комнатку на втором этаже. В ней было узкое окошко, выходящее на стену кафедрального собора, с которой на меня оскалилась водосточная труба, зев которой был выполнен в виде морды страшной горгульи. Служанка оставила меня одну еще до того, как я сообразила спросить ее, что делать дальше.

Я присела на лежанку. Должно быть я заснула, потому что следующее, что помню, уже лежу на лежанке плашмя, но это случилось непреднамеренно — я даже не помню как легла. Все еще сонная и не отдохнувшая я встала, потому что отдавала себе отчет в том, что нельзя тратить время попусту, но при этом совершенно не имея понятия, что делать дальше. Я не знала, как привлечь к себе чье-нибудь внимание, кроме как встать посередине двора замка и начать швыряться в стены огнем. Хотя сомневаюсь, что подобная выходка поможет мне склонить мнение короля дать мне слово во время суда над Касей.

Я уже начала жалеть, что отдала письмо Дракона: оно было моим единственным оружием и талисманом. Откуда мне знать, что его вообще доставили по назначению? Так что я решила все выяснить. Я хорошо запомнила лицо капитана, точнее его усищи. Вряд ли во всей Кралевии найдется еще одна пара похожих. Я поднялась, смело отворила дверь и едва не столкнулась лбами с Соколом. Он как раз занес руку, чтобы постучать в дверь. Волшебник попятился, вырчив нас обоих, и приветливо чуть улыбнулся мне, чему я не поверила ни на йоту.

— Надеюсь, ты чувствуешь себя отдохнувшей, — начал он, протягивая мне руку.

Я не приняла ее.

— Чего тебе надо?

Он превратил свой жест в длинный приглашающий, указав в сторону коридора:

— Проводить тебя в Зал Чаровников. Король отдал распоряжение, чтобы тебя проэкзаменовали, чтобы включить в реестр.

Я так обрадовалась, что не сразу ему поверила, посмотрев на него искоса, ожидая подвоха. Но он все стоял, поджидая меня, вытянув руку и улыбаясь:

— Прямо сейчас. Хотя, — добавил он: — быть может сперва ты решишь переодеться?

Я уже собиралась сказать ему, куда он может деть свои подколки, но оглядела себя: вся в грязи и пыли, в разводах пота, из-под верхней юбки почти до колен вылез подол сорочки, выцветшей некогда коричневой хлопковой рубашки, которую я выпросила у одной девушки в Заточке. Я абсолютно не была похожа на служанку, поскольку все служанки были одеты гораздо опрятнее. Тем временем Соля сменил свой черный верховой костюм на длинную черную шелковую мантию, поверх которой был надет длинный кафтан без рукавов, расшитый серебряной и зеленой нитями. По плечам грациозно рассыпались его белые волосы. Даже за милю было ясно, что перед вами волшебник. А если обо мне решат, что я не выгляжу похожей на волшебницу, то не позволят мне свидетельствовать.

Наказ Саркана был: «Старайся сохранять приличный вид».

Произнесенное заклинание «Vanastalem» изменило мою одежду под стать мерзкому настроению: платье из красного шелка было узким, неудобным, бесконечные воланы на рукавах были украшены огненно-оранжевыми лентами. Я могла бы воспользоваться вновь вежливо предложенной рукой Соли, поскольку за огромной юбкой не видела собственных ног и это было опасно на лестнице, но я мрачно проигнорировала его жест и медленно начала спускаться, нащупывая зажатые в тесных туфлях мысками ног край каждой ступени.

Не дождавшись моей руки, волшебник сцепил руки за спиной и обошел меня, мимоходом заметив:

— Конечно экзаменаторы часто слишком требовательны. Но, полагаю, Саркан тебя к этому подготовил? — И посмотрел он на меня вопросительно. Я ничего не ответила, но не смогла сдержаться, чтобы не прикусить нижнюю губу. — Ну, что ж, — продолжил он, — если ты сочтешь испытания слишком сложными, мы могли бы... провести для экзаменаторов совместный показ. Уверен, это их полностью удовлетворит.

Я лишь бросила на него взгляд, ничего не ответив. Я была уверена, он извлечет выгоду из всего, чего мы достигли. Он не стал настаивать, не переставая улыбаться, словно не заметил моих ледяных взглядов: кружащийся в небе сокол, ждущий, когда ему выпадет шанс напасть. Мы прошли сквозь ведущую в Зал Чаровников арку под охраной двух высоких молодых гвардейцев, которые с любопытством посмотрели на меня.

Входя в похожую на пещеру комнату, я непроизвольно замедлила шаг. Потолок был похож на кусочек Рая: нарисованные облака кружили по голубым небесам, а между ними расположились святые и ангелы. В огромное окно проникал вечерний свет. Я так самозабвенно глазела по сторонам и едва не налетела на стол, на ощупь определив его край и обходной путь. Все стены помещения были заставлены книгами, а вокруг по всей длине проходил небольшой узкий балкончик, на котором тоже были расставлены еще более высокие стеллажи с книгами. С балкончика в разных местах спускались лесенки на колесиках. По комнате были расставлены массивные дубовые столы для работы с мраморными столешницами.

— Это просто попытка отсрочить неизбежное, — произнес невидимый женский голос.

Для женщины он был довольно низким, однако приятно теплым, хотя и на грани гнева: — И не надо снова тыкать в меня своими реликвиями, Балло. Любое заклинание можно обойти... да, даже наложенное на благословенную шаль Ядвиги, и не нужно смотреть на меня с таким возмущением. Видимо Соля слишком перебрал политики, раз вообще ввязался в подобную затею.

— Перестань, Алёша. Кажется, победа стоит риска, — произнес Сокол примирительно, заворачивая за угол, где оказалось трое волшебников, сидящих в укромной комнатке за огромным круглым столом напротив большого окна под лучами вечернего солнца. После полумрака дворцовых коридоров свет показался ярким, и я прищурилась.

Женщина, которую Сокол назвал Алёшей, оказалась даже выше меня. У нее была кожа цвета черного дерева, и размах плеч почти как у моего отца. Ее черные волосы были стянуты вокруг головы в плотные косички. На ней был мужской наряд: кожаный камзол и широкие хлопковые шаровары, заправленные в высокие кожаные сапожки. И камзол и сапожки были великолепны. Они были украшены золотым и серебряным затейливым узором, но все равно выглядевшими поношенными. Чувствуя свое глупое платье, я сильно позавидовала.

— Победа, — произнесла она. — Значит так ты называешь доставленную ко двору пустую оболочку, чтобы немедленно сжечь ее на костре?

Я с силой сжала руки. Но Сокол только улыбнулся и ответил:

— Возможно стоит немного отложить наш спор. Все-таки мы здесь собрались не для того, чтобы судить о королеве, не так ли? Дорогая, разреши мне представить тебе Алёшу, наш Меч.

Она без улыбки с подозрением посмотрела на меня. Остальные двое в комнате были мужчины: одним из них оказался тот самый святой отец Балло, проверявший королеву. У него на лице не было ни единой морщинки и все волосы сохраняли равномерный каштановый цвет, и все же одновременно он казался старым. Он с сомнением разглядывал меня с ног до головы сквозь сползшие по круглому носику на круглом же личике очки.

— Это и есть ученица?

Второй мужчина был его полной противоположностью: он был высок и строен. Одет в темно-красный винного оттенка жилет, богато украшенный золотой вышивкой. На его скучающем лице была узкая заостренная бородка, тщательно завитая колечком на конце. Он развалился в кресле, закинув ноги на стол, на котором была свалены кучкой крохотные золотые слитки, а также небольшой мешочек из черного бархата с крошечными сверкающими красными самоцветами. Он колдовал, держа в руке два слитка, слегка шевеля губами, окружив себя шепотом силы. Волшебник прижал концы слитков вместе, под его пальцами золото истончилось, превратившись в узкую полоску.

— А это Рагосток Великолепный, — представил его Соля.

Рагосток ничего не ответил и даже не поднял головы, лишь бросил на меня единственный взгляд, окинув с ног до головы, и тут же позабыл обо мне, решив, что я не стою его внимания. Однако для меня было предпочтительнее его равнодушие, чем пристальная подозрительность со стороны Алёши, выразившаяся в линии ее губ.

— Где конкретно Саркан тебя нашел? — резко спросила она.

Похоже они уже слышали какие-то варианты спасения, но принц Марек и Сокол не побеспокоились о той части рассказа, которая их не устраивала, или о которой они мало что знали. Запинаясь, я, чувствуя дискомфорт под пристальным взглядом Скола, нескладно начала рассказывать о том, как встретила Саркана. Я намеревалась как можно меньше

рассказать о Двернике, о своей семье. У него и так уже была Кася, которую он мог использовать против меня.

Я позаимствовала Касину тайну и постаралась намекнуть, что моя семья сама выбрала предложить меня в услужение Дракону. Я упомянула, что мой отец лесоруб — факт, который, как я уже знала вызовет у них отвращение, и постаралась не называть имен. Вместо имен Данки и Иржи я упомянула старейшину и одного из пастухов, и рассказывая о спасении Каси, я постаралась выдать ее за старую знакомую, а не самую близкую подругу.

— Полагаю, ты просто любезно попросила, и Чаща сама отдала ее тебе обратно? — спросил Рагосток, не отрываясь от дела: он один за другим впечатывал большим пальцем драгоценные камушки в золото.

— Дракон... Саркан... — я с радостью обнаружила, что, произнося его имя, чувствую легкую поддержку, — он решил, что Чаща отпустила ее ко мне для того, чтобы устроить ловушку.

— Ну хоть он-то еще не совсем потерял мозги, — произнесла Алёша. — И почему же он немедленно ее не уничтожил? Он, как и любой другой отличное знает, что гласит закон.

— Он позволил... позволил мне попытаться, — ответила я. — Попытаться ее очистить. А когда это сработало...

— Или вам так показалось, — сказала она, покачав головой: — Так жалость приводит к несчастьям. Что ж, удивительно услышать подобное о Саркане. Но и лучшие из нас в более раннем возрасте теряли голову из-за девушки.

Я не знала, что на это ответить. Хотела было возразить, сказать: «Что вы! Все это неправда!» — но слова застряли в горле.

— А обо мне ты считаешь, что я также потерял из-за нее голову? — умиленным тоном спросил Сокол. — И принц Марек в придачу?

Она почти презрительно посмотрела на него:

— Когда Мареку было восемь, он почти месяц вымаливал у отца армию и всех до единого волшебников Польни, чтобы отправиться в Чащу и вернуть мать, — ответила она. — Но он давно не ребенок. Ему бы следовало вспомнить о законе, как и тебе. Во сколько жизней вам обошелся этот крестовый поход? Вы забрали три десятка ветеранов, всадников, из которых каждый был великолепным бойцом, и у каждого был клинок моей работы...

— И мы привели назад королеву, — ответил Сокол с внезапным напором в голосе, — или для тебя это ничего не значит?

Рагосток шумно и многозначительно вздохнул, не отрываясь от работы над золотым обручем.

— Какая нам разница? Король хочет, чтобы мы испытали девицу... так давайте уже испытаем и на том покончим. — Судя по его тону он не ожидал, что это займет много времени.

Отец Балло прочистил горло. Он потянулся за пером, макнул его в чернильницу и наклонился ко мне, уставившись сквозь небольшие стеклышки:

— Ты довольно молода для испытания. Скажи, дорогая, сколько времени ты училась у мастера?

— С праздника урожая, — ответила я, и посмотрела в его недоверчивые глаза.

Почему-то Саркан не упомянул, что обычно волшебники учатся семь лет перед тем, как попросить внести их в реестр. Спустя три часа, за время которых я провалила добрую половину предлагаемых ими заклинаний, попутно изнунив себя, даже отец Балло был склонен поверить в то, что Саркан потерял от меня голову либо решил глупо над ними подшутить, раз отправил меня на испытание.

Сокол мне никак не помог: он с интересом наблюдал со стороны, а когда его спросили, какие заклинания в моем исполнении он видел, просто ответил:

— Не думаю, что смогу уверенно сказать. Всегда тяжело отличить работу ученика от работы самого мастера, а Саркан, разумеется, постоянно был рядом. Я бы предпочел, чтобы вы полагались на собственное суждение. — И посмотрел на меня из-под ресниц, напоминая мне о своем предложении.

Скрипнув зубами, я вновь попыталась обратиться к Балло: кажется, в его лице я могла надеяться на большую симпатию, хотя даже он все сильнее раздражался:

— Сэр, я вам уже говорила. Я не использую такие заклинания.

— Никаких других заклинаний нет, — ответил он, раздраженный и смущенный одновременно. — Мы перепробовали все: от исцеления до гравировки. Каждый элемент из каждой четверти предрасположенности. Нет категории, которая бы не охватывала все эти заклинания.

— Вот только это ваше волшебство. Не такое... как у Яги, — ответила я, подобрав пример, который, я была уверена, им знаком.

Отец Балло еще подозрительнее уставился на меня:

— У Яги? Чему, во имя всего на свете, тебя учил Саркан? Яга — это народные сказки, — я посмотрела на него. — Ее похождения позаимствованы у горстки настоящих чародеев, приправлены причудливыми дополнениями и преувеличены за прошедшие века до мифических размеров.

Я беспомощно стояла, глядя на него. Он был единственный из них, кто был со мной вежлив, и вот сейчас он с серьезным лицом заявляет мне, что Яги не существовало.

— Ну что ж, мы потратили достаточно времени, — заявил Рагосток. Хотя ему-то было грех жаловаться: он ни на минуту не прекращал работать и сейчас его драгоценный обруч превратился в высокую композицию с оправой посредине, подготовленной для крупного камня. Украшение чуть гудело от запертой в него силы. — Способность справиться с десятком простеньких заклятий не делает ее достойной внесения в реестр, ни сейчас, никогда. Алёша с самого начала была права на счет Саркана. — Он снова оглядел меня с головы до ног. — И такому отсутствию вкуса, нет оправдания.

Я была полностью убита, страшно разгневана и еще больше напугана: насколько мне было известно, следующим утром мог начаться суд. Я с силой, несмотря на корсет, втянула в себя воздух, поднялась, отодвинув стул и топнула скрытой под юбкой ногой, произнеся: «Fulmia». Мой каблук звякнул по камню, удар резонировал внутри меня и отозвался волной волшебства. Замок вокруг нас вздрогнул как сонный великан. Свисавшие с лампы над нашей головой драгоценные камни зазвенели друг о друга, а с полок попадали книги.

Рогосток вскочил на ноги, опрокинув кресло. Его обруч вывалился из рук и укатился по столу. Отец Балло с удивленным смущением оглядел комнату, потом перевел взгляд на меня в легком смятении, словно подыскивал иное объяснение. Я стояла, глубоко дыша, оперев руки в бока, все еще внутренне резонируя с ног до головы:

— Это на ваш взгляд достаточно волшебно, чтобы внести меня в реестр? Или вам

хочется еще?

Они молча смотрели на меня. Я слышала снаружи во дворе крики, топот множества ног. Внутрь заглянули стражники, схватившись за мечи. Тут я поняла, что только что встряхнула и королевский замок, и всю столицу, а также накричала на самых могущественных волшебников страны.

* * *

В конце концов им пришлось внести меня в список. Король потребовал объяснить, как произошло землетрясение и ему рассказали, что оно было из-за меня. После этого они уже не могли утверждать, что я не совсем ведьма. Хотя это их вовсе не обрадовало. Рагосток кажется принял все близко к сердцу и обиделся, что на мой взгляд было нечестно: это он первый начал меня оскорблять. Алёша стала относиться ко мне с еще большей подозрительностью, словно считала, что я скрывала свою силу ради каких-то хитрых замыслов. А отец Балло не хотел меня признавать, потому что я оказалась совершенно вне поля его понимания. Он не был недобрым, но он, как и Саркан, был одержим страстью попытаться объяснить все на свете, однако без его воли к признанию поражения. Если отец Балло не мог чего-то найти в книгах, значит этого не существует, а если он сумел найти подтверждение в трех книгах, то это непоколебимая истина. Только Сокол мне улыбнулся с раздражающим намеком на скрытое веселье, но я бы справилась и без его ухмылок.

Следующим утром мне предстояло снова встретиться с ними в библиотеке для церемонии выбора имени. Стоя в окружении этих четверых я чувствовала себя в гораздо большем одиночестве, чем в первые дни в Башне Дракона, оторванная от всего, что знала. Чувствовать, что ни один из них не является моим другом, и даже не желает мне ничего хорошего, было хуже одиночества. Если бы меня тут же поразило громом, они бы вздохнули с облегчением, и точно не расстроились бы. Однако я набралась решимости не замечать этого. Все, что меня волновало, что я смогу выступить в защиту Каси. Сейчас я уже знала наверняка, что за нее больше некому было бы заступиться. Она ничего не значила.

Выбор имени оказался скорее еще одним испытанием, чем собственно церемонией. Они усадили меня за рабочий стол, дали мне в руки чашу с водой и поставили еще три чаши с разными порошками: красным, желтым и голубым; свечу и железный колокольчик с гравированными золотыми буквами. Отец Балло положил передо мной пергамент заклинания выбора имени: это был список из девяти длинных запутанных слов с подробными указаниями как произносить каждый слог и где ставить ударение в слове.

Я мысленно их произнесла, пытаюсь почувствовать важность слогов, но они оставили меня равнодушной: ничего не складывалось.

— Итак? — нетерпеливо произнес Рагосток.

Я неуклюже, сломав язык, произнесла все заклинание и начала бросать по очереди щепотки порошка в воду. Волшебство заклинания собиралось вяло и с большой неохотой. Наконец, просыпав на юбку все три вида порошка, у меня получилась коричневая жижа, с которой я отчаялась что-либо еще сделать. Я зажгла порошок, покосилась на образовавшееся облако дыма и нащупала колокольчик.

Наконец, я дала волю силе, и колокольчик звякнул в моей руке. Из такого небольшого колокольчика излилась долгая звучная нота: она была похожа на удар настоящего

церковного колокола, отбивавшего заутрени в городе. Его звук наполнил комнату. Под моими пальцами гудел металл. Я положила колокольчик и выжидательно огляделась по сторонам. Но имя не появилось ни на пергаменте, не загорелось в воздухе, и вообще нигде.

Все волшебники выглядели несколько взволнованными, хотя и не из-за меня. Отец Балло раздраженно обратился к Алёше:

— Что за глупые шутки?

Она нахмурилась, потом взяла колокольчик и перевернула. В нем вовсе не было язычка. Они все уставились внутрь, и я вместе с ними.

— А откуда должно появиться имя? — поинтересовалась я.

— Его должен был прозвенеть колокольчик, — кратко объяснила Алёша. Она опустила его на стол. Он снова тихо звякнул, вновь отбив эхо того звука, и она снова на него посмотрела.

Никто не знал, что со мной делать после всего происшедшего. После того как все некоторое время простояли молча, отец Балло начал возмущаться из-за всех неправильностей, тогда Сокол... его определенно веселило все, что было связано со мной, тихо сказал:

— Быть может наша новая ведьма должна сама выбрать себе имя?

Рагосток ответил:

— Думаю, будет более правильно, если мы сами выберем его для нее.

Ни за что бы не позволила ему принимать в этом участие, а не то до конца жизни станут называть Пятчком или Земляным червяком. И все равно, мне это казалось абсолютно неправильным. Я согласилась на все эти сложные пляски, но внезапно поняла, что вовсе не хочу менять свое имя на какое-то с магической аурой, как не хочу оставаться в этом глупом платье, с длинным шлейфом, собирающим пыль из всех коридоров. Я набрала воздуха в грудь и сказала:

— То имя, что у меня есть ничем не хуже.

Так и вышло, что я была представлена ко двору как Агнешка из Дверника.

Во время представления я почти пожалела о своем решении. Рагосток упомянул, я так думаю из вредности, что вся церемония сущий пустяк, и что у короля попросту нет времени на подобные вещи, когда они случаются не в подходящий момент. Кажется обычно новых волшебников вносили в реестр одновременно с посвящением новых рыцарей весной или осенью. Если он говорил правду, мне оставалось лишь радоваться, стоя на противоположном конце огромного тронного зала на краю красного ковра, который казался высунутым мне навстречу языком какого-то монстра. По обе стороны от него собралась вся местная блистательная знать, все разглядывали меня и шептались между собой, укрывшись за пышными рукавами.

Я чувствовала будто я это вовсе не я. Мне бы пригодились какое-нибудь иное имя, чтобы скрыться за ним, как за моей неуклюжей, широкой юбкой. Я сжала зубы и пошла через бесконечный зал, пока не добралась до подножия трона и поклонилась к ногам короля. Он по-прежнему выглядел усталым, как в тот первый день во дворе замка, когда мы прибыли. На его голове была надета корона из темного золота. Должно быть она была невероятно тяжелой, но не она была виной его усталости. Лицо короля под поседевшей каштановой бородой было покрыто морщинами как у Кристины, как у человека, который не находит себе места, беспокоясь о завтрашнем дне.

Он взял мои руки в свои, и я, запинаясь, пропищала слова клятвы. Он без запинки

ответил длинной заученной в долгой практике фразой, отнял руки и кивнул, отпуская меня.

Из-за трона мне начал делать знаки паж, но я вдруг поняла, что это мой единственный и последний шанс, когда я смогу попросить что-нибудь у короля.

— Если позволите, Ваше величество, — произнесла я, изо всех сил стараясь не замечать огромное негодование со стороны всех стоявших рядом с тронном, кто меня слышал. — Не знаю, прочли ли вы письмо, которое написал вам Саркан...

Один из высоких сильных гвардейцев рядом с тронном схватил меня за руку, поклонился королю с застывшей улыбкой на лице, и попытался оттащить меня прочь. Я встала на ноги, прошептала кусочек заклинания Яги, и перестала обращать на него внимание:

— Сейчас у нас появился настоящий шанс уничтожить Чашу, — продолжила я, — но у него нет солдат, и... да-да, уже иду! — шепнула я солдату, который вцепился в меня обеими руками и пытался сдвинуть меня прочь от возвышения. — Я просто хотела объяснить...

— Все в порядке, Бартош. Не надрывай спину, — сказал король. — Мы можем уделить нашей новой ведьме секундочку. — Сейчас он действительно разглядел меня впервые за все время, и выглядел слегка повеселевшим. — Мы действительно прочли письмо. В нем могло бы быть и побольше строчек, включая о вас. — Я закусила губу:

— Так чего вы хотите от своего короля?

Мои губы дрогнули, пытаюсь было попросить о том, чего мне в самом деле очень хотелось: «отпустите Касю!» — хотела выкрикнуть я, но не смела. Я знала, что не смогу об этом попросить. Это было бы эгоистично. Этого хотелось лично мне, ради моей сердечной боли, а не из-за Польни. Я не смела просить об этом короля, который не мог даже королеву освободить без суда.

Я опустила глаза с его лица на позолоченные кончики его сапог, которые были видны из-под отороченного мехом края его мантии.

— Людей, чтобы бороться с Чашей, — прошептала я. — Столько, сколько сможет выделить Ваше величество.

— Нам не так-то просто это сделать, — ответил он. Когда я втянула в грудь воздух, он поднял руку: — Однако, мы подумаем, что можно сделать. Лорд Спытко, разберитесь. Возможно мы сумеем выделить отряд. — Стоявший у трона человек, свидетельствуя полученный приказ, склонил голову.

Я укувыляла прочь словно на крыльях от облегчения. Когда я проходила в дверцу позади трона мимо гвардейца, он с подозрением на меня покосился. За дверцей оказалась крохотная комнатка, в которой сидел королевский секретарь — строгий пожилой джентльмен с выражением крайнего неодобрения на лице, который чопорно попросил меня произнести мое имя по буквам. Кажется, он слышал часть сцены, случившейся за дверью.

Он записал мое имя в огромной книге с кожаным переплетом наверху страницы. Я внимательно проследила, чтобы все было записано без ошибок, не обращая внимания на его раздражение. Я была настолько рада и благодарна, что мне было все равно. Король показался мне рассудительным. Разумеется на суде он помилует Касю. Было бы здорово вернуться обратно к Саркану в Заточек вместе с отрядом солдат, и выступить на войну с Чашей.

— А когда начнется суд? — спросила я у секретаря, когда он закончил.

Оторвавшись от письма, которым он уже был поглощен, секретарь лишь одарил меня недоверчивым взглядом:

— Определенно не могу ответить на этот вопрос, — сказал он, указывая мне глазами на

дверь. Неприкрытый намек сродни торчащим из сена вилам.

— Но разве... он начнется не совсем скоро? — допытывалась я.

Он уже снова уткнул нос в письмо. На этот раз он поднял голову еще медленнее, словно не верил, что я до сих пор здесь:

— Начнется тогда, — ответил он с презрительной точностью, — когда прикажет король.

Три дня спустя суда не было в помине, и я начала ненавидеть окружающих.

Саркан рассказывал, что находиться при дворе означает обладать некоей властью, и я думаю, для тех, кто разбирался в придворных вопросах, так и было. Я и сама видела, что внесение моего имени в королевский реестр обладало своего рода магическим эффектом. После разговора с королевским секретарем, я вернулась в свою крохотную каморку, озадаченная и неуверенная, что делать дальше, и за полчаса, пока я сидела на своей постели, в дверь успело постучать целых пять горничных, приносящих визитные карточки с приглашениями на ужин и на светские приемы. Получив первое приглашение, я решила, что случилась ошибка. Но даже после того, как я поняла, что столько людей сразу не могут прислать приглашение по ошибке, я все равно не знала ни того, что с ними делать, ни того, почему я их получила.

— Вижу, ты уже стала востребована, — сказал Соля, выходя ко мне из тени коридора следом за очередной горничной с приглашением до того, как я успела закрыть за ней дверь.

— Предполагается, что мы должны это делать? — устало спросила я его. Я уже начала раздумывать, не является ли это обязанностью королевских чародеев. — Может этим людям требуется какое-то волшебство?

— О, когда-нибудь понадобится, — ответил он: — Но прямо сейчас им хочется привилегии похвастать самой юной призванной королевской ведьмой. О твоём назначении уже ходит не меньше десятка слухов, — он взял визитные карточки из моих рук, пролистал их и выдал мне одну: — Из всех этих самая полезная графиня Богуслава. Граф фактически наперсник короля, и он наверняка консультируется с ним по вопросу королевы. Я провожу тебя на ее суаре. [Ш](#)

— Нет уж! Не поведешь, — ответила я. — Ты говоришь, они просто хотят, чтобы я пошла и навестила их? Они же меня даже не знают.

— Они знают достаточно, — терпеливо пояснил он. — Знают, что ты ведьма. Дорогая моя, я правда думаю, что тебе стоит принять мое предложение сопроводить тебя для первого раза. При дворе может быть... трудно ориентироваться человеку, не знакомому с его обычаями. Ты же знаешь, что мы хотим одного и того же: чтобы королева и Кася были оправданы.

— Ты бы не дал и сухаря за жизнь Каси, — ответила я, — и мне совсем не нравится, как ты добиваешься своей цели.

Он не позволил мне пошатнуть его обходительность. Лишь вежливо поклонился и удалился в тень в углу моей комнаты, со словами:

— Надеюсь, ты понемногу станешь думать обо мне лучше, — его голос начал удаляться, доносясь из темноты, даже когда он сам полностью исчез: — Не забывай, если заплутаешь в море, я готов стать твоим другом. — Я бросила ему в след визитную карточку графини Богуславы. Она ударилась о пустой угол комнаты.

Я ему ни капли не доверяла, но не могла перестать думать, что он отчасти сказал правду. Я и сама начала понимать, как мало я знаю о королевском дворе. Если верить Соле, то показавшись на приеме у незнакомой мне женщины, я ее поражаю, и она расскажет об этом мужу, который... скажет королю, что королеву не нужно казнить? А послушает ли король? Для меня это было какой-то несусветной чепухой, как и поведение тех, кто

присылал мне эти горы приглашений, и все благодаря тому, что какой-то человек вписал меня в книгу. Но приглашения были реальностью, так что именно я чего-то недопонимала в том, как это работает.

Как бы мне хотелось поговорить с Сарканом — наполовину ради его советов, наполовину ради того, чтобы пожаловаться ему на жизнь. Я даже открыла книжечку Яги и поискала заклинание, чтобы связаться с ним на расстоянии, но не нашла ничего похожего на то, что мне хотелось. Самое близкое к этому было заклинание «kialmas» с припиской, что оно нужно для того, чтобы быть услышанной в соседней деревне, но не думаю, что окружающие обрадуются моему столь громкому крику, что его будет слышно на расстоянии недели пути по всей стране, к тому же я сомневалась, что горы позволят звуку пройти, если только я не оглушу всех в Кралевии.

Наконец я выбрала самое первое приглашение на ужин и отправилась. В конце концов, я проголодалась. Весь хлеб, который я сумела сохранить в кармане юбки настолько зачерствел, что размягчить его не помогло бы даже волшебство, не говоря уж о том, чтобы наполнить мой живот. В замке наверняка где-то должны были быть кухни, но стоило мне зайти по коридору куда-то не туда, как на меня начинали дико поглядывать слуги. Даже не представляю, какими станут их лица, забредя я действительно на кухню. С другой стороны, я не могла себе позволить остановить какую-нибудь служанку, девушку вроде меня самой, и попросить меня обслужить — словно я возомнила себя придворной дамой, а не нарядившаяся как одна из них крестьянка.

Я бродила вверх-вниз по лестницам и коридорам, пока, наконец, не нашла выход во двор, где я набралась смелости и направилась к одному из стражей у дверей, чтобы спросить у него дорогу, показав ему приглашение. Он посмотрел на меня так же странно, как слуги, но потом разглядел адрес и сказал:

— Это желтый дом, третий по счету сразу за воротами. Двигайтесь по дороге и увидите его сразу за собором. Вам нужно кресло? Миледи? — последнее слово он добавил с сомнением.

— Нет, — ответила я, смущенная вопросом и отправилась.

Идти было не далеко. Вся знать жила в домах, возведенных внутри внутренних стен цитадели — самые богатые, разумеется. Лакеи у желтого дома, когда я вошла на порог, тоже уставились на меня как на диковину, но все равно открыли двери. Я застыла на пороге, поскольку пришел мой черед удивляться. По дороге мимо меня прошла не одна пара людей, волочащих вокруг замка странные высокие ящики. Я не понимала, для чего они. Сейчас же один этих ящиков подтащили как раз к порогу этого дома прямо следом за мной. Слуга открыл дверцу, расположенную сбоку ящика, и внутри оказалось кресло. Оттуда выбралась юная дама.

Лакей предложил ей руку, чтобы помочь взойти на ступени дома, а потом вернулся на место. Девушка задержалась внизу, разглядывая меня. Я с сомнением поинтересовалась:

— Вам чем-то помочь?

По ней не было похоже, что у нее больная нога, но кто его знает, что у нее там под юбкой — я не могла придумать иной причины, чтобы заставить себя залезть внутрь этой чудовищной штуки.

Но она лишь смотрела на меня. Потом прибыли еще два подобных ящика с креслами внутри, откуда выбрались новые гости. Именно так они и передвигались с места на место.

— У вас своими ногами совсем никто не ходит? — пораженно спросила я.

— А как вы справляетесь с грязью? — спросила девушка.

Мы обе посмотрели вниз. Вся моя надетая только сегодня юбка, в объёме шире тележного колеса из пурпурного бархата с серебряными кружевами, была на два добрых дюйма заляпана грязью.

— Никак, — мрачно ответила я.

Так я познакомилась с леди Алисой из Лидсвара. Мы вошли внутрь и немедленно оказались в руках нашей хозяйки, которая появилась в холе между нами, сперва сердечно поприветствовала леди Алису, а потом взяла меня за руки и расцеловала меня в обе щеки:

— Любезная леди Агнешка, — сказала она, — как прекрасно, что вы сумели к нам прийти, а какое чудесное на вас платье. Уверена, вы станете законодательницей новой моды, — я в смятении уставилась в ее сияющее лицо. Имя хозяйки совершенно вылетело из моей головы. Но, кажется, это совсем не имело значения. Пока я бляяла какие-то вежливые благодарности в ответ, она обвила мою рукой своей надушенной ручкой и увлекла меня в гостиную, в которой уже собрались гости.

Она провела меня мимо каждого из них, а я мысленно еще сильнее возненавидела Солю за то, что он снова оказался прав. Каждый был рад знакомству и предельно вежлив, по крайней мере поначалу. Никто не просил меня показать волшебство. Всех занимали разговоры о спасении королевы. Их воспитание не позволяло спрашивать напрямую, но каждый сказал что-нибудь вроде: «Как я слышал, ее стерегла настоящая химера...», — сделав ожидаемую паузу, предлагая мне их поправить.

Я могла бы все рассказать. Могла бы отделаться каким-нибудь хитрым способом или наврать о любых чудесах: они были готовы восхищаться любому мной сказанному слову, позволить мне объявить себя героиней. Но я вспомнила об ужасной бойне, о настолько пропитавшей землю крови, что та превратилась в болото. Так что я вздрагивала, отмахивалась и отвечала просто «нет» или вообще ничего, обрывая разговор неловким молчанием. Наконец, наша расстроенная хозяйка оставила меня в углу рядом с деревом: это оказалось апельсиновое деревце, растущее в кадке прямо в доме, и ушла заглаживать растрепанные перья гостей.

Мне стало совершенно очевидно, если я и могла чем-то помочь Касе, только что я сделала прямо противоположное. Так что я размышляла в мрачном настроении, не стоит ли мне наплевать на свое упрямство и отправиться поискать Солю, когда рядом со мной появилась леди Алиса:

— А я сразу и не догадалась, что вы новая ведьма, — взяв меня под руку и наклонившись ко мне заговорщицки сказала она: — Ну, конечно, вам не нужен портшез. Скажите, вы правда путешествуете, превращаясь в огромную летучую мышь? Как Баба Яга?

Я была рада поговорить о Яге, о всем, что касается Чащи, а еще больше была рада найти хоть кого-то, кроме Соли, кто мог подсказать мне, как себя вести. К окончанию ужина я уже приняла приглашение леди Алисы разделить завтрак, сыграть в карты, а также поужинать завтра. Следующие два дня я провела почти исключительно в ее компании.

На самом деле я не думала, что мы стали друзьями. Лично я не была в настроении заводить друзей. Всякий раз покидая замок и возвращаясь обратно я вынуждена была проходить мимо казарм королевской гвардии, а посередине двора королевского замка стояла выщербленная железная колода, обугленная до черна, на которой обезглавливали оскверненных прежде, чем предать их тела огню. Неподалеку находилась кузница Алёши, в которой очень часто ревело пламя, и я видела ее силуэт в сверкании оранжевых искр,

выбиваемых сотканным из теней молотом.

— Единственная милость, которую можно предложить оскверненному — это острый меч, — как-то сказала она, когда я попыталась уговорить ее посетить Касю. Я не могла перестать думать, что пока я рassiживаю в пышных палатах, уплетая икру с хлебом, с которого срезана корочка, запивая ее чаем с сахаром, и пытаюсь вести светские беседы с незнакомыми людьми, волшебница кует топор палача.

И все же, я правда считала, что леди Алиса добра, раз пригрела под своим крылом неуклюжую деревенскую девицу. Она была всего на год или два старше меня, но была уже замужем за старым богатым бароном, проводившим большую часть времени за карточным столом. Кажется, она знала всех вокруг. Я была ей благодарна, настраивалась оставаться таковой, и почти чувствовала себя виноватой за то, что не могла составить ей достойную компанию или как следует усвоить придворные манеры. Я не знала, что ответить, когда леди Алиса громко и пылко расхваливала кружева на моем платье или мои успехи в танцах, когда она под довольные взгляды окружающих уговорила какого-то юного бедолагу с выпученными глазами составить мне пару к большому ущербу для его ног.

До третьего дня я и не догадывалась, что она надо мной смеется. Мы собирались встретиться на вечернем музыкальном приеме в особняке баронессы. На всех приемах звучала музыка, поэтому мне было невдомек, почему именно этот прием назван музыкальным. Когда я спросила, Алиса лишь рассмеялась в ответ. Но я покорно пришла после обеда, изо всех сил стараясь не испачкать мой длинный серебристый шлейф и не уронить соответствующий по цвету головной убор: длинный закругленный тяжеленный кокошник, который постоянно съезжал с моей головы то вперед, то назад, но не хотел держаться на месте. Наконец, при входе в зал мой шлейф застрял в дверях, а кокошник опустился и повис на ушах.

Алиса меня заметила и, драматично заломив руки, пересекла комнату в моем направлении:

— Дорогая, — затаив дыхание, горячо произнесла она: — какой замечательно оригинальный наклон. Никогда не видела ничего подобного.

Я, не подумав, выпалила:

— Ты что, пытаешься... меня оскорбить? — едва меня посетила эта мысль, как все странности сказанных ею слов и совершенных дел сложились в цельную картину и обрели странно темный смысл. Сперва я даже не поверила своим мыслям. Я не могла понять, зачем ей это нужно. Никто не заставлял ее заговаривать со мной или составить мне компанию. Я не могла понять, зачем ей влипать в беду, чтобы просто оказаться в неприглядном свете.

Но потом все мои сомнения оказались уничтожены: она сделала изумленное лицо с невинно большими глазами, которые откровенно подтверждали: «да, я пытаюсь тебя оскорбить».

— С чего ты взяла, Нешка? — начала говорить она, словно считая меня еще и законченной идиоткой.

Я резко освободила свои руки из ее хватки:

— Лучше Агнешка, — ответила я резко, пораженная сделанным открытием. — И раз тебе так нравится мой стиль: *katboru!* — Ее собственный изогнутый головной убор съехал на затылок, прихватив попутно тщательно уложенные кудри по обе стороны, обнаружив, что они ненастоящие. Она тонко вскрикнула и, схватившись за них, выбежала из комнаты.

Однако, не это оказалось самым худшим. Хуже был шепоток, который прошелся по всей

комнате от мужчин, с которыми она танцевала, до женщин, которых она называла близкими подругами. Я поправила собственный кокошник и поспешила к столу с закусками, спрятав лицо за блюдом с виноградом. Даже тут меня разыскал юный субъект в кафтане, вышивкой которого должно быть занимались целый год несколько швей, который пристроился рядом и с довольным видом прошептал, как будто новость должна была меня обрадовать, что после подобного Алиса вряд ли осмелится показаться при дворе в течение года.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я ухитрилась спрятаться от него в коридоре для слуг, где с нетерпением вытащила из кармана книжечку Яги. Там я нашла заклинание для быстрого бегства, которое позволяло проходить сквозь стены, чтобы избежать необходимости идти обратно через зал чтобы выйти через главный вход. Я бы не выдержала новых подобных поздравлений.

Пройдя сквозь стену, сложенную из желтого кирпича, я запыхалась, словно сбежала из тюрьмы. По центру площади стоял небольшой фонтанчик с львиной мордой, из которой била журчащая струйка воды. В чаше фонтана искрились пойманные лучи вечернего солнца. Сидевшая сверху резная стайка птичек что-то тихо чирикала. С первого взгляда можно было определить, что это работа Рагостока. Облокотившись на край, у фонтана стоял Соля, опустив руку в воду.

— Я рад, что ты сумела спастись, — сказал он. — Хотя ты с достойным восхищения упорством сама влезла в это дело. — Его в особняке не было, но я несколько не сомневалась, что он был полностью в курсе унижения, которому подверглись Алиса и я, и, судя по его сочувствующему выражению лица, он был доволен тому, как я выставила себя душой.

В то время как я радовалась, что Алисе не нужно от меня волшебства, я даже не подозревала, что ей может быть нужно что-то иное. И даже если бы я о чем-нибудь догадывалась, то мне и в голову не могло прийти, что она ищет мишень для оскорбления. Мы в Двернике не обращаемся друг с другом со столь глупой жестокостью. Разумеется, бывают и ссоры, и те, кто тебе нравится меньше остальных, а иногда доходит даже до драки, если кого-то сильно разозлить. Но когда приходит время сбора урожая, все соседи являются помочь собрать и сохранить плоды — зная, что над нами нависла мрачная тень Чащи, никто не хочет делать жизнь еще мрачнее. И никто из нас, не взирая на причину, не стал бы оскорблять ведьму.

— Я думала, что даже у дворянки должно быть побольше мозгов.

Соля пожал плечами:

— Возможно, она не верила в твои силы.

Я открыла было рот, чтобы возразить, что она видела, как я колдовала, но кажется это было не так. Я не вела себя как Рагосток, который не мог появиться в помещении без водопадов искр и стаи поющих и разлетающихся в разные стороны птичек. И не уподоблялась Соле, появляющемуся в своей элегантной мантии и исчезающему в тенях, который замечал своими зоркими глазами все, что происходило в замке. Я создавала свои бальные наряды в своей комнате и упрямо ходила на приемы, задыхаясь в корсетах, в которых было место лишь чтобы перевести дух, но не для всяких фокусов.

— Как же, по ее мнению, я попала в реестр?

— Полагаю, она решила, что это сделали остальные волшебники.

— Что? Типа того, что вы приняли меня потому, что в меня якобы влюбился Саркан? — с сарказмом поинтересовалась я.

— Скорее, Марек, — ответил он на полном серьезе, и я в недоумении уставилась на

него в ответ. — Серьезно, Агнешка. Я думал, что к настоящему моменту ты уже должна была это понять.

— Не хочу ничего понимать! Те люди там радовались насмешкам Алисы надо мной, а потом точно так же веселились из-за ее унижения.

— Ну, разумеется, — ответил он. — Им очень понравилось, как ты разыгрывала дурочку, чтобы подстроить коварную ловушку первому, кто клюнет на твою приманку. Это делает тебя частью игры.

— Я ничего никому не подстраивала! — ответила я. И хотела добавить, что никто не станет думать ничего подобного, по крайней мере из тех, кто в своем уме, однако у меня возникло неприятное ощущение, что некоторые из этих людей на подобное способны.

— Конечно нет. Я и не думаю, что ты делала что-то подобное, — рассудительно произнес Соля. — Но ты могла бы заставить людей поверить, что сделала. Все равно они так и сделают, не взирая на твои слова, — он выпрямился от фонтана. — Но ситуация не столь плоха. Думаю, уже к ужину ты обнаружишь, что люди стали куда дружелюбнее. Ну как, после всего случившегося, ты позволишь мне тебя сопровождать?

В качестве ответа я развернулась на своих тонких каблучках и пошла прочь, волоча дурацкий шлейф по земле, под звуки веселого смеха волшебника.

В мрачном расположении духа я оставила ухоженный дворик королевского замка и направилась на лужайку за его стенами. Вдоль главной дороги между внешними и внутренними городскими воротами валялись ждавшие погрузки или чего-то еще бочки и кучи сена. Я уселась на одну из кип, чтобы подумать. У меня было мерзкое предчувствие, что Соля снова прав. И это значит, что любой придворный, заговоривший теперь со мною, поступает так лишь потому, что ему нравятся подобные грязные игры: никто честный не стал бы иметь со мной дела.

Но никого иного, с кем бы я могла поговорить, и даже просто спросить совета не было. Слуги и солдаты так же не желали иметь со мной ничего общего, как и чиновники, сновавшие по своим чиновным делам. Сейчас, когда те проходили мимо меня, я заметила, что они косятся на меня с подозрением: шикарная дама в сатине и кружевах сидит на придорожной куче соломы, шлейф испачкан травой и песком — словно сорняк в ухоженном саду. Я не соответствовала месту.

И даже хуже — от меня не было никакой пользы: ни для Каси, ни для Саркана, ни для кого дома. Я была готова выступить свидетелем на суде, но суда все не было. Я просила солдат, их тоже не дали. За три дня я посетила больше приемов, чем за всю прошлую жизнь, и не сумела никак себя проявить, кроме как испортить репутацию одной глупой девушке, у которой, наверное, за всю жизнь не было настоящих подруг.

В приступе гнева и отчаяния между проездами двух фургонов я произнесла «vanastalem», но слегка смазала произношение, оказавшись в наряде дочери лесоруба: добротное простое домотканое платье, юбка нормальной длины, из-под которой видны крепкие ботинки, передник с двумя большими карманами. Наконец-то можно было нормально вздохнуть, и я внезапно обнаружила, что стала почти невидимкой: я больше не привлекала ничьего внимания. Всем было наплевать, кто я такая и чем занимаюсь.

Но у такого положения была и опасная сторона: пока я стояла на краю дороги, наслаждаясь возможностью дышать полной грудью, мимо пронеслась огромная карета с громадными колесами, с которой свисали четверо лакеев, и едва меня не сбила с ног. Мне пришлось отпрыгнуть с ее пути в лужу, где я поскользнулась и забрызгала юбку. Но мне

было все равно. Впервые за неделю, оказавшись на простой земле, а не на полированном мраморе, я почувствовала себя собой.

По следам экипажа я пошла обратно на холм, свободно шагая под легкими юбками, и без каких-либо затруднений оказалась во внутреннем дворе. Огромная карета стояла открытой, и из нее выходил посол в белой одежде с красной лентой официального посла через грудь. Его вышел встречать наследник престола с толпой придворных и почетным караулом под королевским знаменем Польни и с желто-красным флагом с головой быка, который я ни разу не видела прежде. Должно быть он прибыл на официальный ужин. Предполагалось, что я тоже приду вместе с Алисой. Вся стража по крайней мере вполглаза следила за церемонией, поэтому, когда я шепнула им, что на меня не стоит обращать внимания, их взгляд скользил мимо меня, как они и хотели.

Была одна несомненная польза в хождениях туда-обратно с приемов в мою крохотную комнату по три раза на дню: я изучила замок. По коридорам сновало множество слуг, но все они гнулись под тяжестью льняных скатертей и столового серебра, спешащих все подготовить к званому ужину. Никому из них не было дела до заляпанной грязью посудомойки. Я проскользнула мимо них и направилась к Серой башне.

У входа в башню постоянно дежурило четверо стражей, скучающих и зевающих к концу смены:

— Ты перепутала лестницы, дорогуша. Кухня в другую сторону, — благодушно обратился один из них ко мне.

Я запомнила это на будущее, а потом постаралась изобразить выражение лица, которым последние три дня все глядели на меня, будто я до глубины души поражена их невежеством:

— Как, вы не знаете кто я? Я ведьма Агнешка. Я пришла повидаться с Касей. — И заодно взглянуть на королеву. Я не могла понять причину, почему суд так долго откладывается, если только король не решил дать ей на поправку побольше времени.

Стражники неуверенно переглянулись между собой. Не дожидаясь, пока они на что-то решатся, я прошептала: «Alamak, alamak», и прошла между ними прямо сквозь запертую дверь.

Стражники не были дворянами, так что не думаю, что они бы стали злить ведьму. По крайней мере, они не стали за мной гнаться. Я взобралась по узкой винтовой лестнице вверх до той самой площадки с дверным молотком в виде злобного демона на двери. Взявшись за кольцо, я почувствовала, что мою руку словно лизнул лев, решающий, вкусная я или нет. Я держала его как можно осторожнее и стукнула им в дверь.

Для Ивы у меня был запасен целый список доводов, а за ними — полная уверенность в себе. Если бы потребовалось, я была готова проложить себе путь силой. Я решила, что она выглядит слишком воспитанной дамой, чтобы со мной связываться. Но она не открыла дверь, и когда я прислонилась ухом, я слышала еле слышную перебранку внутри. Встревожившись, я отстранилась и решила обдумать ситуацию: сумеют ли стражи выломать дверь, если их позвать? Не думаю. Дверь железная, и с железными заклепками. Никакой замочной скважины не было видно.

Я посмотрела на демона — тот смотрел в ответ. Из его открытой пасти веяло голодом. А что, если его покормить? Я произнесла простенькое заклинание, вызвав огонёк: демон тут же стал поглощать силу, но я продолжила подпитывать заклинание, пока в моей руке не вспыхнул дрожащий язычок пламени. Голод демона был очень сильным, он вытягивал из меня почти всю силу, которую я была способна дать, но я сумела выделить небольшой

ручеек, который собрался внутри меня в небольшое озерцо. Потом я выдавила: «Аламак», и одним отчаянным броском прошмыгнула сквозь дверь. Это отняло у меня все оставшиеся силы. Оказавшись внутри, я покатила и, обессилив, повалилась на спину.

Прозвучали, приближаясь, шаги, и рядом со мной оказалась Кася:

— Нешка, как ты?

Перебранка раздавалась из соседней комнаты. Это стоявший посреди комнаты со сжатыми кулаками Марек кричал на неестественно выпрямившуюся и белую от гнева Иву. Никто из них не обратил на мое появление сквозь дверь никакого внимания — они были слишком заняты злостью на друг друга.

— Взгляни на нее! — Марек указал на королеву. Та сидела точно на том же месте у окна, неподвижная и глухая ко всему. Если она и слышала их перебранку, то даже бровью не повела: — За три дня она не произнесла ни слова. И ты еще называешь себя целительницей? Какой от тебя прок?

— Очевидно, никакого, — ледяным тоном ответила Ива. — Я сделала все, что могла и все возможное. — Наконец она заметила меня. Она повернулась и наклонила свой нос ко мне, лежащей на полу: — Как я понимаю, это и есть чудотворец нашего королевства. Возможно ты сумеешь освободить часть ее времени от постельных утех, чтобы добиться большего. А до тех пор, ухаживай за ней сам. Я не собираюсь выслушивать упреки за свой труд.

Она прошла мимо меня, поддернув юбку на одну сторону, чтобы не коснуться меня, словно боялась заразиться. Повинуясь движению ее руки, засов поднялся. Она вышла, и тяжелая железная дверь захлопнулась за ее спиной, лязгнув при этом словно опустившийся на камень топор.

Все еще разгоряченный Марек повернулся ко мне.

— А ты! Предполагалось, что ты станешь главным свидетелем, а сама шатаешься по замку, похожая на грязную посудомойку. Думаешь кто-нибудь поверит хоть слову из твоих уст? Три дня прошло как я внес тебя в реестр...

— Вы внесли меня? — возмущенно ответила я, с помощью Каси поднимаясь на ноги, держась за ее руку.

— И все, что ты сумела сделать, это убедить весь двор, что бесполезна как тыква! Еще и это. Где этот Соля? Он должен был научить тебя, как себя вести.

— Я не желаю, чтобы меня учили, как себя вести, — ответила я. — И мне плевать, что все эти люди обо мне подумают. Что они думают не важно.

— Разумеется важно! — Он схватил меня за руку и оттащил от Каси. Я споткнулась, и попыталась собраться с силами и вызвать заклинание, чтобы его оттолкнуть, но он подтащил меня к узкому окну-бойнице и указал на двор замка. Остановившись, я в недоумении посмотрела вниз. Кажется, не происходило ничего, что могло вызвать тревогу. Посол с красной лентой через плечо только что зашел в замок в сопровождении наследного принца Сигизмунда.

— Тот человек с моим братом — это посланник из Мондрии, — тихо и угрожающе произнес Марек. — Их принц-консорт прошлой зимой умер. Через полгода у принцессы заканчивается траур. Понимаешь теперь?

— Нет, — в полном недоумении ответила я.

— Она хочет стать королевой Польни! — выкрикнул Марек.

— Но королева не умерла, — сказала Кася, и тут мы поняли.

Оцепенев от ужаса, я уставилась на Марека:

— Но ведь король... — буркнула я: — он ведь любит... — я смолкла.

— Он откладывает суд, чтобы выиграть время, понимаешь? Как только волнения о спасении поутихнут, он чем-нибудь займет дворян, а потом тихо приговорит ее к смерти. Ну так как, ты хочешь мне помочь или будешь продолжать бродить по замку, пока не выпадет снег, и ее сожгут, когда станет слишком холодно, чтобы кто-то вышел посмотреть... а вместе с ней и твою любимую подругу?

Я сжала пальцы вокруг Касиной руки, словно таким способом могла ее спасти. Было слишком невероятно и жестоко вообразить, что мы спасли королеву Анну, вызволили ее из Чащи, лишь ради того, чтобы король мог отрубить ей голову и жениться на ком-то другом. И все лишь для того, чтобы добавить к карте Польни еще одно княжество, а к короне — новую жемчужину.

— Но он же ее любит, — снова возразила я, глупо и абсолютно бесполезно. И все же сказка, история о потерянной любимой имела для меня куда больше смысла, чем та, которую рассказывал мне Марек.

— И ты полагаешь, это заставит его забыть, как из него сделали посмешище? — спросил Марек. — Его красавица жена сбежала от него с росинским мальчишкой, исполнявшим для нее в саду чудесные серенады. Так все говорили, пока я не повзрослел настолько, что мог убивать за подобные слова. Когда я был маленьким, мне говорили, чтобы я даже не упоминал при нем ее имя.

Он стоял, уставившись на сидящую в кресле королеву Анну, невозмутимую будто чистый лист бумаги. Я могла увидеть по лицу принца, каким он был в детстве: ребенок, прячущийся в покинутом саду матери от толпы злоязычных придворных, ухмыляющихся, перешептывающихся о ней, качающих головами в притворной скорби, а за спиной распускающих сплети о том, что будто бы знали.

— Значит вы считаете, что можете спасти их с Касей, танцуя под их дудку?

Он перевел взгляд с королевы на меня. Кажется, впервые за все время он услышал мои слова. Его грудь три раза поднялась и опала.

— Нет, — наконец, соглашаясь, ответил он. — Они не более чем стервятники, а он — лев. Они будут кивать головами, соглашаясь, что это позор, но схватят брошенную им кость. Ты можешь заставить моего отца ее оправдать? — спросил он просто, словно не просил меня околдовать кого-то, дьявольски лишив воли, как поступала Чаща.

— Нет! — ужаснувшись, ответила я, посмотрев на Касю. Она стояла, положив руку на спинку кресла королевы — прямая, золотистая, стойкая. Она кивнула. Она не стала бы просить у меня ничего подобного. Она даже не стала бы просить меня сбежать вместе, бросить народ наедине с Чащей... даже если это означало, что король приговорит ее к смерти заодно с королевой. Я проглотила ком в горле.

— Нет, — повторила я. — Я не стану.

— А что тогда станешь? — рыкнул Марек, снова рассвирепев, и, не дожидаясь ответа, выскочил из комнаты. Оно и к лучшему. Я все равно не знала ответа.

Несмотря на мой наряд, стражи, стоявшие на посту у зала Чаровников меня узнали. Они отворили тяжелые створки деревянных дверей и закрыли следом за мной. Я остановилась, прижавшись к ним спиной, разглядывая позолоту, летящих ангелов и бесконечные ряды книг, идущие от одной стены, ныряя по пути в ниши, и возвращающиеся с другой стороны. За рабочими столами тут и там находилось с десятков юношей и девушек в мантиях, склонившихся над свитками или книгами. Занятые своими делами, они не обратили на меня никакого внимания.

Зал Чаровников был неприветлив, встретив меня куда прохладнее библиотеки Дракона, и не имел индивидуальности, однако это было понятное мне место. Я до сих пор не знала, как мне спасти Касю, но совершенно точно верный способ можно найти не на балах, а тут.

Я взяла ближайшую ко мне лестницу и, под скрип колес, потащила ее к самому началу первого стеллажа. Потом, подоткнув юбки за пояс, я взобралась на самый верх и начала копать. Это был знакомый мне вид поисков. Обычно, уходя в лес, я не искала что-то определенное. Я просто шла поискать то, что можно найти, и была открыта для любых идей: если я набредала на грибную поляну, то на завтра у нас будет грибной суп, а если находила плоский камень, значит можно будет поправить мостовую у дома. Я решила, здесь должно найтись хотя бы парочка книг, которые заговорят со мной как книжечка Яги. Возможно даже здесь, спрятавшись среди этих красивых томов с золотыми переплетами, есть еще одна ее книжка.

Я делала это так быстро, как могла — оглядывала пыльные книги, в основном те, которыми меньше всего пользовались. Проводила над ними руками, и пробегала глазами заголовки на корешках. И все равно, работа шла медленно, и результат разочаровывал. После того, как я прошла подряд двенадцать широких стеллажей от пола до потолка по тридцать полок на каждом, я начала сомневаться, удастся ли мне вообще что-то найти. Все книги под моими руками вызывали сухой и холодный отклик, не приглашая заглянуть внутрь.

За работой время пробежало допоздна. Те студенты, что здесь были, ушли, и магический свет вдоль всей библиотеки потускнел до едва мерцающего свечения горячих углей, словно лампы уснули. Лишь над моим стеллажом до сих пор горела единственная лампа ярким светлячком, хотя мои спина и лодыжки уже протестовали. Я сидела, скрючившись на лестнице, обвив ногами поручень, чтобы дотягиваться до самых дальних книг. За все время я едва проверила четверть одной стены, хотя старалась действовать быстро и не слишком старательно, задерживаясь едва ли на каждой десятой книге. Саркан бы обязательно пробурчал бы по этому поводу что-нибудь нелюбезное.

— Что ты ищешь?

Я едва не свалилась с лестницы прямо на голову отцу Балло, но успела ухватиться за поручень, попутно сильно ударившись лодыжкой о стык. Одна из секций стеллажей оказалась отодвинутой, приоткрывая вход внутрь потайной комнаты. Оттуда-то он как раз и вышел. В руках он держал четыре толстенных тома, как я полагаю, намереваясь вернуть их на свои полки, и с подозрением смотрел на меня снизу-вверх.

Внутренне я еще трепетала от неожиданности, поэтому выпалила без задней мысли:

— Ищу Саркана.

Балло в недоумении уставился на стеллажи, которые я шерстила: неужели я в самом

деле ищу спрятанного между страницами книг Дракона? Но сказав это ему, я и сама поняла, чего же именно я ищу. Мне был нужен Саркан. Мне было нужно, чтобы он поднял голову от стопки своих книг и рывкнул на меня за произведенный мною беспорядок. Я хотела узнать, чем он занят, и напала ли Чаща. И чтобы он подсказал, как мне добиться от короля освобождения Каси.

— Мне нужно с ним поговорить, — пояснила я. — И увидеться. — Я уже знала, что ничего подобного в книжечки Яги нет, а сам Саркан никогда не показывал мне такого заклинания. — Отец, каким заклинанием вы пользуетесь, если хотите поговорить с кем-либо в другом конце королевства? — Но отец Балло уже качал головой.

— Дальние разговоры — это сказки, что бы там не утверждали разные барды, — сказал он назидательным тоном. — В Венезии изучили искусство накладывать заклинание общения на пару зеркал, изготовленных из одной лужицы ртути. У короля имеется подобное зеркало, второе находится у главнокомандующего на фронте. Но и тут разговор возможен лишь между ними. Дед короля приобрел их в обмен на пять пузырьков пекла, — добавил он, заставив непроизвольно вскрикнуть, услышав непомерную цену. В равной степени можно было купить королевство. — Волшебство способно усилить чувства человека, его зрение и слух. Можно даже усилить голос или спрятать его в орех, чтобы выпустить позже. Но нельзя заставить ваш образ пролететь все расстояние через полкоролевства или донести обратно голос собеседника.

Я выслушала его с разочарованием, хотя в его словах был смысл, иначе зачем Саркану было писать письма и посылать курьера, если бы он мог просто воспользоваться заклинанием? Кроме того, это было вполне разумно — точно так же он мог воспользоваться своим заклинанием перемещения только в пределах своей долины, не в состоянии перепрыгнуть сразу в столицу или обратно.

— А нет ли здесь других книг Яги, которые я могла бы посмотреть? — спросила я, даже зная, что Балло ни в грош ее не ставит.

— Дитя, эта библиотека самое сердце изучения волшебства Польни, — ответил он. — Книжки не прыгают на полки по прихоти какого-то составителя, или вопреки придиркам книготорговца. Они оказались здесь не потому, что они дорогие или богато украшены, чтобы порадовать взгляд какого-то дворянина. Каждый добавленный сюда том был тщательно проверен как минимум двумя королевскими волшебниками. Их мнение было подтверждено и проверено как минимум тремя рабочими заклинаниями, и даже при этом, они должны обладать достаточной силой, чтобы оказаться в этом месте. Я сам потратил почти всю мою жизнь на службе, вычищая малозначительные работы, курьезы и забавы прошлых лет. Можно сказать с уверенностью, ничего подобного ты здесь не найдешь.

Я смотрела на него — потратить на это всю жизнь! И наверняка ему подалось то, что могла бы использовать я. Взявшись за края лестницы, я съехала вниз под его пронзительным неодобрительным взглядом. Полагаю, так бы он смотрел на каждого, кто влез на дерево.

— И вы их сожгли? — без всякой надежды поинтересовалась я.

Он вздрогнул так, словно я предложила сжечь его самого.

— Книжке совсем не обязательно быть волшебной, чтобы ее ценили, — сказал он. — Разумеется я бы предпочел, чтобы их передали университетской библиотеке для более тщательного изучения, но Алёша настояла, чтобы они хранились здесь под замком... не могу отрицать, что это разумная предосторожность, поскольку подобные книги часто привлекают худшие элементы низшего общества. Даже случайно проявившейся крохи таланта может

быть достаточно, чтобы уличный аптекарь стал опасен, если в его руки попадет неправильная книга. Однако я всецело доверяю архивариусам университетской библиотеки: они люди отлично подготовленные, и при правильном обучении и соответствующей системе контроля им можно было бы доверить хранение малозначимых...

— Где они? — прервала я его.

* * *

Крохотная комнатка, в которую он меня провел, была забита старыми, потрепанными книгами, и в ней не было даже одного узкого оконца для вентиляции. Пришлось оставить дверь приоткрытой. Я была счастлива, что мне не придется расставлять книги по порядку после моих поисков, однако большая часть книг оказалась столь же бесполезна для меня, как и те, что стояли на полках. Я сдвинула в сторону все, что относилось к истории волшебства, и другие томики с простейшими заклятьями... по крайней мере половина из них занимала вдвое больше времени и требовала в пять раз больше усилий, чем бы того хотелось... а так же другие, которые на мой взгляд выглядели совершенно обычными книгами заклинаний, но очевидно не угодили более жестким стандартам отца Болло.

В этой кипе были и странные штуки. Один специфический том выглядел совсем как книга заклинаний, полная загадочных слов и картинок, а так же диаграмм, каких было полным-полно в книгах Дракона, но текст совершенно не имел смысла. Потратив десять минут, ломая над этим голову, я медленно поняла, что это сумасшествие. В смысле — ее написал сумасшедший человек, вообразивший себя волшебником или желающий им стать. Ни одно из этих заклинаний не было настоящим — все выдуманы. В этом была какая-то обреченность. Я забросила ее в темный угол.

Наконец мои руки наткнулись на одну тоненькую черную книжечку. Снаружи она была похожа на книжку моей матери с рецептами для праздничного стола, и от нее одновременно исходило тепло и дружелюбие. Бумага оказалась дешевой — пожелтевшей и шероховатой, но в ней записанные аккуратным почерком содержались небольшие, но очень удобные заклинания. Непроизвольно улыбаясь, я пролистала страницы, а потом посмотрела на форзац книги. Тем же аккуратным почерком там было написано: «Мария Ольшанкина, 1267».

Я сидела, разглядывая надпись — удивленная и не удивленная одновременно. Эта ведьма жила в нашей долине более трехсот лет назад. Через некоторое время после того, как долина была заселена. На огромном закладном камне каменной Ольшанской церкви — старейшего здания в долине — был выгравирован год: 1214. «Когда родилась Яга?» — внезапно заинтересовалась я. Она была из России. Может она жила в долине на противоположной стороне Чащи еще до того, как Польша стала заселять ее со своей стороны?

Я знала, книга ничем мне не поможет. От нее в моих руках исходило тепло, но это была дружеская доброта, с которой вы сидите с другом у огня, не в силах ничего изменить. В большинстве крупных городов жили ведьмы, способные исцелять незначительные болезни или бороться с болезнями пшеницы. Думаю, Мария была одной из них. На мгновение я ее даже увидела: крупная, добродушная женщина в красном переднике подметает свой двор, где под ногами крутятся куры и детишки, входит внутрь дома, чтобы изготовить сироп от

кашля для нервничающего молодого папаши с больным малышом, и наливает его в кружку, попутно выговаривая ему за то, что бегают по городу без шляпы. В ней была какая-то мягкость, озерцо силы, а не бьющий родник, который смыл все обыденное в ее жизни. Я вздохнула, но все равно положила книжечку в свой карман. Мне не хотелось оставлять ее тут — лежать заброшенной и позабытой.

Среди тысяч сваленных в кучу книг я нашла еще две похожих книги и пролистала их: в них оказалось несколько полезных заклинаний и немного отличных советов. В них не было написано, где они были написаны, но каким-то образом я знала — они родом из моей долины. Одна из книг была написана крестьянином, который нашел способ вызывать дождевые облака. На странице он изобразил поле под облачным небом, и в дали знакомая зубастая линия серых гор.

Под этим заклинанием была предупреждающая приписка: «Будьте осторожны, когда небо уже затянуто тучами. Если перестараетесь, без грозы не обойтись». Я провела по короткому и простому заклинанию «kalmoz» пальцем и поняла: я могу вызвать гром и бьющие с неба молнии. Я поежилась и отложила эту книгу в сторону. Воображаю, как бы Соле хотелось помочь мне с подобным заклинанием.

Но нигде не было того, что мне было нужно. Я расчистила вокруг себя пространство и продолжила поиски, склонившись над одной книгой, и нашаривая свободной рукой следующую. Мои пальцы нащупали зазубренный край выдавленной кожи, я отдернула руку и села, неуверенно ее тряся.

Однажды в детстве, когда мне еще не было и двенадцати лет, охотясь зимой, я набрела на странный большой белый мешок, висящий на дереве между корней, засыпанный влажной опавшей листвой. Я потыкала несколько раз в него палкой, а потом сбегала за отцом, который трудился неподалеку и привела его посмотреть на находку. Он срубил несколько соседних деревьев на дрова и сжег и само дерево, и мешок вместе с ним. В золе, которую мы ворошили палками, мы обнаружили скорченный скелет какого-то уродливого растущего существа, который не принадлежал ни одной известной нам твари.

— Держись-ка подальше от этой поляны, Нешка! Ясно? — сказал мне тогда отец.

— Но теперь все в порядке, — я внезапно вспомнила, как заверяла его. Каким-то образом я это знала.

— И все равно, — сказал он, и мы больше не беседовали на эту тему. Матушке мы не рассказали. Нам не хотелось думать о том, что это могло означать, и что я могу находить среди деревьев злое колдовство.

Сейчас память вернулась ко мне во всех красках: легкий влажный запах гниющей листвы, застывающий белый пар от моего дыхания, иней на ветвях и коре, давящая тишина леса. Я искала что-то еще. Я забралась на эту поляну тем утром, ведомая каким-то зудящим чувством. Сейчас я чувствовала тоже самое. Но я ведь находилась в Зале Чаровников, в самом сердце королевского дворца. Откуда бы здесь оказаться Чаше?

Я вытерла пальцы о юбку, взяла себя в руки, и вытянула книгу и кучи. Обложка была раскрашена и выделана в ручную: поднявшаяся на дыбы амфисбена ^[2] из кожи, каждая чешуйка которой была выкрашена переливающейся голубой краской, а сделаны из красных драгоценных камушков. Вокруг нее раскинулся лес зеленых листьев со свисающим с ветки словом «Бестиарий», золоченные буквы которого были присоединены к ней ножками словно фрукты.

Двумя пальцами я перевернула страницы, удерживая их за самый нижний кончик. Это

действительно был бестиарий, странный, полный одних химер и чудовищ. Ни одно из них не было настоящим. Я медленно перевернула еще несколько страниц, бросая только взгляд на слова и картинки. Вдруг со странным, пугающим чувством я начала понимать, что пока я читаю, чудовища ощущаются все реальнее. Я начинала в них верить, и если буду верить в них еще чуть дольше... внезапно я с силой захлопнула книгу, отбросила ее на пол и отскочила от нее подальше. Душная крохотная комнатка вдруг показалась еще меньше, а духота словно в самый жаркий день, воздух под плотной массой листьев, не дававших ветерку пробиться, был горячим и влажным.

Я лихорадочно вытерла руки о юбку, пытаюсь избавиться от маслянистого ощущения, оставшегося от страниц, и настороженно следила за книгой. У меня было такое ощущение, что отведи я взгляд, она превратится в какое-нибудь извращенное создание, которое, шипя и царапаясь, тут же набросится на меня. Инстинктивно я начала произносить заклинание вызова огня, чтобы ее сжечь, но уже открыв рот, остановилась, поняв, насколько это глупо: я стою посреди комнаты, битком набитой старыми сухими книгами, а воздух был сух и пропитан пылью настолько, что тяжело дышать. Кроме того, за стеной находилась огромнейшая библиотека. Но в одном я была уверена, оставлять эту книгу здесь было небезопасно ни на секунду, а я даже не могла себе вообразить, что смогу до нее снова дотронуться...

Дверь открылась:

— Я понимаю твою осмотрительность, Алёша, — послышался голос отца Болло, — но не могу представить, какой может быть вред от...

— Стойте! — выкрикнула я, и они с Алёшей застыли в узком дверном проеме, уставившись на меня. Должно быть я выглядела дико, застыв в позе укротителя перед особо опасным зверем, с одной-единственной лежащей у ног книгой.

Отец Болло изумленно уставился на меня, затем перевел взгляд на книгу.

— Что во имя всего на земле...

Но Алёша уже действовала: она осторожно отстранила его и вытащила из ножен длинный кинжал. Она присела на корточки и вытянула во всю длину руку, ткнув ее самым кончиком кинжала. Все лезвие загорелось серебристым светом, а там, где она прикоснулась к обложке, свет шел сквозь зеленоватое облачко скверны. Она убрала кинжал.

— Где ты ее нашла?

— Она была здесь, в этой самой куче, — ответила я. — Она пыталась поймать меня. От нее ощущение как... как от Чащи.

— Но как это возможно... — начал говорить отец Болло, но Алёша исчезла за дверью. Спустя мгновение она вернулась с тяжелой металлической перчаткой. Она подняла книгу двумя пальцами и покачала головой. Мы последовали за ней в основную часть библиотеки. Там, где мы проходили, над нашими головами начали загораться лампы. С одного из столов она смахнула большую кучу книг и положила книгу посередине.

— Как же этот конкретный отвратительный экземпляр проскользнул мимо тебя? — спросила она встревоженного и хмурого отца Болло, который заглядывал через ее плечо.

— Не думаю, что даже заглядывал в нее, — ответил отец Болло чуть оправдываясь. — Да и не нужно было. Я с первого взгляда увидел, что ничего серьезно волшебного в этом тексте нет, и ему нет места в нашей библиотеке. Припоминаю, что даже поспорил об этом с бедолагой Георгом. Он настаивал на том, чтобы оставить ее на полке даже несмотря на то, что ничего волшебного в ней нет.

— Георг? — мрачно переспросила Алёша. — Это случилось как раз накануне его исчезновения?

Отец Балло остановился и кивнул.

— Если бы я продолжила, — сказала я, — то могла она превратиться... в одну из этих штук?

— Думаю, превратила бы тебя, — пугающе ответила Алёша. — У нас был ученик, который пропал пять лет назад. В тот же день из канализации дворца выбралась гидра, которая напала на замок. Мы думали, она его сожрала. Думаю, будет лучше снять голову бедного Георга со стены парадного зала.

— Да, но как она сюда вообще попала? — спросила я, снова глядя на книгу: на пятнистые листья бледного и темно-зеленого цвета, двуглавый змей подмигивающий своими красными глазами.

— О... — Балло помедлил, а потом пошел к стеллажу с томами учетных книг, каждая из которых была почти в половину его роста. Он прошептал над ними какое-то небольшое замшелое заклинание, проводя по ним пальцем, и одна из страниц засветилась на дальней нижней полке. Он с кряхтением поднял тяжеленую книгу, положил ее на стол, поддерживая ее снизу от недостатка практики, и открыл на подсвеченной странице, где светилась одна строка: — Бестиарий, красиво-оформленный, неизвестного автора, — прочел он. — Подарок, преподнесенный... преподнесенный... росинским посольством. — Его голос оборвался. Он посмотрел на дату, над которой застыл его испачканный в чернилах палец: — Двадцать лет назад, и вместе с этим подарено еще с полдюжины томов, — наконец произнес он. — Должно быть принц Василий привез их со своим посольством.

Злокозненная книга лежала посредине стола. Мы молча стояли вокруг. Двадцать лет назад принц Василий Росинский въехал в Кралевию, а три недели спустя темной ночью он уехал в Россию, забрав с собой королеву Анну. Пытаясь скрыться от погони, они слишком сильно приблизились к границам Чащи. Такова была история. Но возможно, они были пойманы ею задолго до того. Возможно какой-то нерадивый переписчик или переплетчик оказался слишком близко к Чаще и опавшая листва попала на бумагу или сделал чернила из желудей и воды, побывавших в Чаще, и этим вписал скверну в каждое слово, что создало ловушку, которая сумела проникнуть даже в стены королевского дворца.

— Нельзя ли сжечь ее прямо здесь? — спросила я.

— Что-что? — подпрыгнул от негодования отец Балло, словно его дернули за ниточку. Думаю, он был противник сжигания любых книг, что я полностью одобряю, если дело не доходит до подобных экземпляров.

— Балло, — сказала Алёша, и судя по ее выражению лица, я поняла, что она разделяет мои чувства.

— Я попробую очищение, чтобы ее можно было безопасно изучить, — ответил Балло. — Если ничего не получится, тогда мы, разумеется, перейдем к более варварским методам обезвреживания.

— Лучше бы не хранить подобную штуку, вне зависимости от того, будет она очищена или нет, — мрачно произнесла она. — Нам следует перенести ее в кузню. Я раздую пламя до бела, и мы оставим ее в нем, пока от книги не останется один пепел.

— Нельзя ее сжигать вот так запросто, — возразил отец Балло. — Она является доказательством по делу королевы, и король должен быть поставлен в известность.

Доказательство осквернения, слишком поздно поняла я. Если королева прикасалась к

книге, то она могла заманить ее в Чашу, следовательно королева была осквернена задолго до того, как оказалась под ее ветвями. Если ее предъявят на суде... я с тревогой посмотрела на Алёшу с отцом Балло. Они пришли сюда не для того, чтобы мне помогать. Они хотели остановить меня, пока я не нашла что-то полезное.

Алёша в ответ посмотрела на меня:

— Я не враг тебе, хотя ты и думаешь обратное.

— Ты желаешь им смерти! — ответила я. — Королеве и Касе...

— Я желаю, — возразила Алёша, — безопасности королевству. Вы же с Марексом беспокоитесь лишь о собственных печалях. Ты слишком молода, чтобы быть настолько сильной и в этом проблема. Ты не теряла людей. Когда за столетие все твои родные тебя покинут, тогда ты обрешь иной смысл.

Я хотела было возразить ей на подобное предположение, но это меня остановило. Я с ужасом уставилась на нее. Может это было и глупо с моей стороны, но до сих пор до меня не доходило, что я буду жить долго, как и Саркан, как и она — сотню лет, две сотни... во сколько примерно умирают ведьмы? Я никогда не состарюсь. Просто буду жить, оставаясь прежней, тогда как все окружающие будут стареть и уходить, как боковые побеги какой-нибудь лозы, ползущей прочь от них все время вверх.

— Не хочу я обретать подобный смысл! — вслух произнесла я, нарушая повисшую в зале тишину. — Не хочу подобного смысла, если это означает перестать кого-то любить. Что в нем такого, кроме людей, ради которых и стоит жить? — Возможно существует способ поделиться частью этой жизни, лихорадочно думала я. Быть может я смогу поделиться со своей семьей, с Касей... если только они захотят принять этот дар. Кто согласится на подобную цену — выпасть из знакомого мира, вырвать себя из жизни.

— Дорогое дитя, ты слишком встревожена, — слабо произнес отец Балло, делая движение, чтобы меня успокоить. Я уставилась на него, и заметила легкие морщинки в уголках глаз, все дни проведенные над пыльными книгами, без любви к иному занятию. И на Алёшу, которая с одинаковой легкостью рассуждала о сожжении книг и людей. Я вспомнила Саркана, сидящего в своей башне, и крадущего девушек нашей долины. Его холодность во время моего первого появления, словно он не мог вспомнить, что думает и чувствует обычный человек.

— Страна это и ее люди, — сказала Алёша. — Больше людей, чем те несколько, кого ты сильнее всех любишь. И Чаша угрожает им всем.

— Я всю свою жизнь прожила в семи милях от Чащи, — ответила я. — Мне не нужно объяснять, что это такое. Если бы я не беспокоилась о том, как остановить Чашу, я бы уже забрала Касю и сбежала вместе с ней, а не оставила бы ее тут, чтобы ее двигали туда-сюда как какую-нибудь пешку, словно она совсем не имеет значения!

Отец Балло издал удивленный возглас, но Алёша лишь нахмурилась:

— И все же, даже отлично все понимая, ты настаиваешь на помиловании кого-то из оскверненных, — сказала она. — Чаша не просто зло, ждущее тех, кто по собственной глупости забредет внутрь, а будучи вытасканным наружу останется невредим. Мы не первый народ, кто столкнулся с ее силой.

— Ты имеешь в виду людей Башни, — медленно произнесла я, размышляя о похороненном короле.

— Значит, ты видела гробницу? — сказала Алёша. — И волшебство, с помощью которого она была сделана, и теперь утрачено навсегда? Это хорошее предупреждение. Те

люди не были слабыми и неподготовленными. Но Чаша разрушила их башню, волки и ходоки вели на них охоту, а лес поглотил всю долину. Один или два волшебника послабее из их числа сумели удрать на север, прихватив с собой несколько книг и рассказав свою историю. А что случилось с остальными? — Она обвела рукой книги. — Превратились в кошмары, чудовищ, охотящихся на собственных сородичей. Ничего другого от этого народа Чаша не оставила. В том месте обитает нечто похуже чудовищ: то, что способно создавать их.

— Мне это известно получше вашего! — ответила я. У меня до сих пор чесались руки, а злобная книга по-прежнему лежала посередине стола. Я не могла перестать думать о том мощном, чудовищном создании, которое проглядывало в Касиных глазах, в глазах Иржи, то ощущение преследования под нависшими кронами.

— Правда? — спросила Алёша. — Тогда скажи, если бы я предложила выкорчевать с насиженных мест всех жителей вашей долины и расселить по королевству, чтобы спасти и освободить от Чаши, — вы бы уехали? — Я с открытым ртом уставилась на нее. — И кстати, почему вы еще не переехали? — добавила она. — Почему цепляетесь за жизнь в этом месте, полном тени? В Польне есть места, в которых зло отсутствует.

Я ломала голову, что ответить, и не знала, что сказать. Подобная мысль была мне абсолютно чужда. Кася мечтала уехать, но она была вынуждена. Я же никогда об этом не задумывалась. Я любила Дверник, мягкие густые рощи у дома, длинный искрящийся на солнце поток Веретянницы. Мне нравились окружающие нас укромной стеной горные вершины. В нашей деревне, в долине было покойно. И дело было даже не столько в легком правлении Дракона. Это был дом.

— Дом, в котором какая-нибудь уродливая тварь может ночью выбраться из леса и украсть детей, — сказала Алёша. — Еще до того, как Чаша снова принялась расти, вся долина уже была поражена скверной. В Желтых болотах есть древние легенды, в которых говорится, что задолго до того, как мы пересекли горы и начали вырубать лес, ходоков видели на другой стороне горных перевалов. Но тем не менее людям понадобилась эта долина, они остались в ней и пытаются жить.

— Ты считаешь, что все мы осквернены? — с ужасом спросила я. Может быть ее воля, она бы сожгла всю долину, с нами вместе?

— Не осквернены, — ответила она. — Соблазнены. Ответь, куда течет река?

— Веретянница?

— Да. Все реки впадают в моря, в озера или болота, но никогда не исчезают посреди леса. Так куда она впадает? Ежедневно ее подпитывают тающие снега тысяч гор. Она не просто впитывается в землю. Подумай, — добавила она язвительно, — вместо того, чтобы слепо хотеть. В глубине вашей долины притаилась некая сила, странность за гранью смертного волшебства, которая притягивает людей, пускает в них свои корни... и не только в людях. Чтобы за тварь не обитала в Чаше и не отравляла все своей скверной, оно явилось чтобы жить там и пить эту силу словно из чаши. Она уничтожила людей Башни, и потом дремала тысячи лет, потому что не было ни одного дурака, чтобы ее потревожить. Но потом явились мы, с армиями, с топорами и волшебством, и считаем, что на этот раз победим.

Она покачала головой:

— Плохо уже то, что мы туда явились. И еще хуже было напирать, вырубая деревья, пока мы не пробудили Чашу снова. А теперь, кто знает, чем все закончится? Я была рада, когда Саркан отправился туда, чтобы сдерживать Чашу, но сейчас он ведет себя как дурак.

— Саркан не дурак, — огрызнулась я ответ, — и я тоже. — Я была зла, и сверх того напугана. То, что она рассказала было похоже на правду. Я тосковала по дому так, словно ощущала голод, незаполненную пустоту. Мне ежедневно не хватало долины с тех пор, как мы ее покинули и пересекли горы. Про корни верно. В моем сердце оставались корни, настолько же глубокие, как любая скверна. Я размышляла о Марии Ольшанкиной, о Яге — моих сестрах по странному волшебству, которое, кажется, никто больше не понимал. И внезапно я поняла, почему Дракон выбирал девушек долины. Почему он выбирал оду из нас и отпускал спустя десять лет.

Мы были частью долины. Порождением самой долины, чьи семьи настолько сильно укоренились в ней, что не могли уйти, даже зная, что их дочь могут отнять. Мы росли в долине, пили ту же силу, которой питалась Чаша. Вдруг я вспомнила ту странную картину из моей комнаты, изображавшую течение Веретяницы и всех ее мелких притоков серебристыми линиями, и то неожиданное ощущение, что инстинктивно побудило меня ее спрятать. Мы — канал. Он использовал нас, чтобы получить доступ к силам долины, и держал каждую из нас до тех пор, пока не отмирали корни, и канал пропадал. А потом... она переставала ощущать связь с долиной. Она могла уехать, и именно так и поступала, сбегая от Чащи, как поступил бы любой здравомыслящий человек.

Сейчас я еще сильнее захотела поговорить с Сарканом, накричать на него. Чтобы он оказался передо мною, и я могла трясти его за худые плечи. Вместо этого я накричала на Алёшу:

— Может нам и не следовало туда соваться. Но сейчас уже поздно об этом думать. Даже если бы мы могли уйти, Чаша нас не отпустит. Она не хочет нас выжить из долины, она хочет нас поглотить. Она хочет поглотить все, так что никто не вернется. Нам нужно ее остановить, а не бежать.

— С Чащей нельзя справиться лишь одним желанием, — ответила она.

— Но нет смысла отказываться от попытки, если есть шанс! Мы уже уничтожили три очаговых дерева с помощью Призывания и заклинания очищения. И можем уничтожить еще больше. Если бы король дал нам достаточно солдат, мы с Сарканом начали бы выжигать...

— О чем ты, дитя? — ужаснувшись, спросил отец Балло, прерывая нас. — Ты имеешь в виду Призывание Люта? За последние пятьдесят лет никто не произносил это заклинание...

— Ладно, — сказала Алёша, окидывая меня оценивающим взглядом из-под нахмуренных бровей. — Расскажи мне, как именно вы уничтожили те деревья, и подробно с самого начала. Нам не следовало полагаться на то, что Соля сумел все верно рассказать.

Я сбивчиво рассказала о первом разе, когда мы произнесли Призывание. О длинных лучах того яркого света, который добрался до Каси. О том, как Чаша опутывала ее, и пыталась удержать. О том ужасном завершающем моменте, когда Кася по одному разжимала пальцы с моего горла, зная, что я убью ее, чтобы спасти. Я рассказала и про Иржи тоже. В том числе об увиденной нами странной изнанке Чащи, в которой они оба блуждали.

Отец Балло выглядел полностью потрясенным моим рассказом, разрываясь между сопротивлением и желанием поверить. Порой у него вырывалось едва слышное: «Но я никогда не слышал о...» и «про Призывание никогда не сообщалось ничего о...», — которое прерывалось нетерпеливым взмахом руки Алёши, призывающим его замолчать.

— Что ж, — сказала она, когда я замолчала. — Признаю, вам с Сарканом удалось кое-чего достичь. Вы не полные болваны. — Она не выпускала кинжал из рук, постукивая его кончиком по краю каменной столешницы: «динь, динь, динь». Звонко, словно

колокольчик. — Но это не значит, что стоило спасать королеву. Спусти двадцать лет блуждания в том темном месте, о котором ты рассказала, что вы ожидали увидеть?

— А мы ничего и не ожидали, — ответила я. — Конкретно Саркан. Но я была вынуждена...

— Потому что Марек пригрозил, что иначе он казнит твою подругу, — закончила за меня Алёша. — Что б ему пусто было.

Я не чувствовала себя ничем обязанной Мареку, но честно ответила:

— Если бы это была моя мать... я бы тоже попыталась что-то сделать.

— Принялась бы поступать не как принц, а как ребенок. Вместе с Солей. — Она повернулась к отцу Болло. — Нам нужно было хорошенько подумать, когда они сами предложили отправиться за девушкой, которую выручил Саркан. — Она с хмурым видом повернулась ко мне. — Я была слишком занята беспокойством о том, что Чаще наконец удалось запустить свои когти в Саркана. Все, что мы хотели, это быстро покончить с ней, а Саркана притащить сюда под надзор остальных. И я все еще не уверена, не лучше ли так и поступить.

— Кася не осквернена! — сказала я. — И королева тоже.

— Это не значит, что они не могут служить Чаще.

— Вы не можете казнить кого-то лишь потому, что может случиться что-то ужасное, учитывая, что это может быть и не их вина.

— Тут я не могу с ней не согласиться, Алёша, — сказал отец Болло. — Учитывая, что реликвии уже доказали их непорочность...

— Нет можем, если это необходимо для спасения королевства от поглощения Чащей, — строго возразила Алёша, победив нас обоих. — Но это не значит, что мне этого хочется, и менее всего, — добавила она, обращаясь ко мне: — вынудить тебя совершить какую-нибудь глупость. Я начинаю понимать, почему Саркан столько тебе позволяет.

Она снова постучала кончиком кинжала по столешнице, и приняла решение:

— Гидна, — произнесла она.

Я захлопала глазами. Разумеется, я что-то смутно слышала о Гидне: это был крупный океанский порт далеко на севере, откуда привозили китовый жир и зеленое шерстяное сукно. Оттуда была родом супруга наследника.

— Это достаточно далеко от Чащи, а океан невосприимчив ко скверне, — объяснила Алёша. — Если король отправит их обоих туда... это может сработать. У графа есть ведьма Белая ласточка. Приставим ее к ним, а спустя десять лет... или раньше, если сумеем полностью выжечь гнилую Чащу, вот тогда я стану беспокоиться не так сильно.

Отец Болло кивнул. И все же — десять лет! Мне хотелось кричать, возражать. Словно Касю снова забирают. Только тот, кто прожил больше сотни лет может с такой легкостью раскидываться десятью годами. Однако я медлила. Алёша отнюдь не была глупа, и я понимала, что в ее беспокойстве есть смысл. Я снова посмотрела на лежащий на столе оскверненный bestiary. Чаща снова и снова расставляет одну ловушку за другой. Пытаясь поймать Дракона, она наслала химеру на Желтые болота и белых волков на Дверник. Она захватила Касю, чтобы заманить меня. А когда я обнаружила способ ее спасти, Чаща попыталась воспользоваться Касей, чтобы осквернить нас с Драконом обоих. И когда это не вышло, она позволила ей жить, чтобы снова заманить нас к себе. Мы сумели вырваться и из этой западни, но не может ли где-то быть еще одной, чтобы Чаща все равно каким-то образом сумела обратить все наши победы в поражение?

Я не знала, что предпринять. Согласиться, и объединиться с Алёшей — а станет ли король ее слушать? Написать Саркану, чтобы он ответил, согласен ли он? Она вскинула одну невозмутимую бровь, ожидая ответа, пока я кусала губы в размышлении. Потом она обернулась: двери в зал Чаровников распахнулись. Там стоял Сокол, притягивая свет своей белоснежной мантией: белая фигура в темном проеме. Увидев нас вместе, он прищурил глаза, потом изобразил одну из своих улыбок:

— Вижу, вы заняты, — беспечно сказал он. — А у нас, кстати, прогресс. Вы не против сходить на суд?

Пустые коридоры за пределами пристанища в зале Чаровников были наполнены гулом собрания. Музыка прекратилась, но издали гул голосов казался вздымающимися и опускающимися морскими волнами, звучащими все громче по мере того, как Сокол все ближе подводил нас к королевскому бальному залу. Лакеи поспешно распахнули перед нами двери, ведущие на лестницу, которая спускалась прямо на танцевальный пол огромного помещения. Посол в белом камзоле восседал в кресле рядом со стоящим на высоком возвышении королевским тронном. По другую сторону от короля расположился принц Сигизмунд с супругой. Король сидел вцепившись в подлокотники в виде львиных лап с перекошенным от гнева лицом.

Перед ним принц Марек расчистил посередине зала пространство, разогнав все шесть рядов танцующих, которые удивленно и ошарашенно пятились от него к стенам. Дамы в пышных юбках были похожи на разбросанные по кругу цветы. По центру с пустым выражением лица стояла королева в белом простом платье узницы. Рядом с ней, держа ее за руку, стояла Кася. Она обернулась, заметила меня, и я увидела на ее лице облегчение. Но подобраться к ним ближе не было никакой возможности. Толпа полностью заполнила лестницу и с любопытством свешивалась с балкона мезонина.

Королевский секретарь, держа перед собой тяжелый свод законов на вроде щита, почти съезжился перед принцем, что-то объясняя дрожащим голосом. Я не могу винить его за попытку защититься. Всего в двух шагах от него словно сказочный герой стоял принц Марек в ярко начищенных стальных доспехах, держа шлем подмышкой и с мечом в руке, которым можно перерубить быка. Он стоял, излучая угрозу словно неотвратимость наказания.

— По делам... по делам, связанным со скверной, — твердил секретарь, — согласно уложения Богуслава право судебного поединка не приме... запрещено категорически... — ойкнув, он отступил, Марек взмахнул мечом всего в дюйме от его лица.

Принц продолжил напирать, вращая мечом, поворачиваясь вокруг себя. Толпа, затаив дыхание, шарахалась от него в стороны.

— Королева Польни имеет право на защитника! — выкрикнул он. — Пусть любой волшебник выйдет и покажет, есть ли в ней малейший признак скверны! Эй там, Сокол, — сказал он, поворачиваясь к лестнице. Взгляды всех придворных устремились на нас: — наложи на нее заклинание! Пусть двор посмотрит, есть ли в ней скверна... — Все придворные от герцогов до служанок разом ахнули.

Думаю, именно поэтому король еще не прекратил это безобразие. Толпа на лестнице раздалась в стороны, освобождая для нас проход, и Сокол, подметя длинными рукавами лестницу, вышел вперед перед королем и элегантно поклонился. Совершенно очевидно он был готов к подобному повороту: у него при себе имелся большой кошель с чем-то тяжелым. Согнув палец, он заставил четыре волшебных светильника спуститься вниз из-под потолка, окружив ими королеву. Потом волшебник открыл кошель и, что-то тихо произнося, бросил над ее головой горсть голубого песка.

Я не слышала заклинание, но из его пальцев, потрескивая, вырвался горячий белый свет, который устремился сквозь опадающий песок. Появился запах спекшегося стекла и струйки рассеивающегося дыма. Песок полностью испарился и вместо него образовалась чуть голубоватое искривление, сквозь которое, как сквозь толстое стекло, я видела королеву с

Касей в окружении зеркал. Волшебные лампы по прежнему ярко светили сквозь искажающую штуку, становясь даже ярче. Я видела кости Касиной руки сквозь плоть там, где она касалась плеча королевы и легкие очертания черепа и зубов.

Марек взял королеву за руку и вывел ее в центр. Придворные не видели суда архиепископа с вуалью святой Ядвиги. Они пораженно смотрели на королеву в белом платье, разглядывали ее кровеносные сосуды, разбежавшиеся внутри тела легкими светящимися линиями. Все светилось. Ее глаза казались лампами, из ее приоткрытых губ вырывалось светящееся дыхание. Ни каких следов тени или темного пятнышка. Еще не успел свет медленно погаснуть, как придворные уже зашептались.

Стекло расколосось и осыпалось сверкающим дождем, исчезающим, едва касаясь земли, голубыми струйками дыма.

— Обследуйте еще! — выкрикнул почти тлеющий от праведного негодования Марек, перекрывая нарастающий гул разговоров. — Вызовите свидетелей. Пусть придет Ива, архиепископ...

Зал был на стороне принца. Даже я понимала, если король откажет сейчас и приговорит ее к смерти, расплзутся тысячи сплетен об убийстве. Король тоже это понимал. Он оглядел своих придворных и коротко опустил подбородок на грудь и откинулся на троне. Так Мареку удалось вынудить отца зайти настолько далеко без всякого колдовства. Хотел король проводить суд или не хотел, он начался сам собой.

В настоящий момент я видела короля уже три раза. Я бы не назвала его «приятным», и уж точно не мягким или добрым, потому что слишком много морщин изрезали его хмурый лоб. Но если бы меня попросили описать его одним словом, я бы сказала: «озабоченный». А прямо сейчас: «злой» и холодный, как снежный буран — и именно ему предстояло вынести окончательный приговор.

Мне хотелось выбежать вперед и отменить суд, упросить Марека отступить, но было слишком поздно. Ива прямая как колонна в серебристом платье уже вышла вперед, чтобы дать показания.

— Я не обнаружила скверны, но не могу поклясться, что ее нет, — произнесла она холодно, обращаясь непосредственно к королю и не обращая внимания на то, как Марек скрежещет зубами и скрипит рыцарской перчаткой о рукоять меча. — Королева не в себе. Она не произнесла ни слова, и не проявляет малейших признаков узнавания. Ее плоть полностью изменилась. В ней не сохранилось ее изначальных тканей и костей. И хотя плоть может быть трансформирована в камень и металл без признаков скверны, подобные изменения безусловно произведены под действием скверны.

— Но если бы ее измененная плоть несла в себе признаки скверны, — вмешался Сокол, — то можно ли было ожидать это обнаружить с помощью моего заклинания?

Ива даже не повернула голову, чтобы его приветствовать. Очевидно, что он заговорил без очереди. Она лишь слегка наклонила голову к королю, который коротко кивнул в ответ и слегка шевельнул пальцами, отпуская волшебницу.

Показания архиепископа были идентичны. Он сказал, что он испытал королеву всеми церковными святынями, но не может утверждать, что она не осквернена. Думаю, они просто не желали в последствии оказаться неправыми.

Лишь несколько свидетелей высказались в пользу королевы — врачи, которых привел принц Марек, чтобы ее обследовать. Но никто ни словом не обмолвился о Касе. О ней даже не вспомнили, но она будет жить или умрет по их слову. А сама королева стояла рядом с ней

молчаливая и безвольная. Свечение потухло и покинуло ее пустое, невозмутимое лицо на обозрение придворным.

Я повернула голову к стоящим рядом Алёше и отцу Балло, зная, когда настанет их черед, они расскажут королю о зловещем бестиарии, который был оставлен на хранение в зале Чаровников в круге соли и железа под защитным заклинанием и надзором стражника. Алёша скажет, что нельзя допускать и шанса, что опасность для королевства слишком велика. И тогда король если пожелает встанет, состроит на лице выражение сожаления, и объявит, что закон о скверне превыше всего, после чего приговорит королеву и Касю вместе с ней к смерти. И видя его, я знала, так и будет. Он именно так и поступит.

Он уселся поглубже в огромном резном кресле, словно ему потребовалась опора и прикрыл рукой неулыбчивый рот. Решение зрело в нем как снежная лавина, копясь и копясь по крохотной крупице. Следующие свидетели могут говорить все, что угодно — он уже не станет их слушать. Он уже все решил. Я уже видела Касину смерть в его тяжелом, мрачном взгляде, и в отчаянии принялась оглядываться по комнате, разыскивая взглядом Солю. Рядом с ним, вцепившись в рукоять меча, стоял натянувшийся в струну принц Марек.

Соля встретился со мной взглядом и лишь развел руками, как бы говоря, я сделал все, что мог. Он наклонился и что-то прошептал принцу, и когда закончил последний доктор. Марек произнес:

— Пусть вызовут свидетелем освобождения королевы Агнешку из Дверника.

В конце концов, именно этого я и добивалась. В этом была причина моего приезда и моего сражения за внесение моего имени в реестр. Все посмотрели в мою сторону, даже нахмурившийся король. Но я до сих пор не знала, что я им скажу. Какие мои слова о том, что королева не осквернена, могли что-то значить для короля и для всех этих придворных? Им совершенно нет дела до того, что я могла бы рассказать о Касе.

Может быть, если я попрошу, Соля согласится попробовать произнести со мной заклинание Призывания. Я решила так и поступить, представив, как яркий белый свет покажет всему двору правду. Но... королеву уже проверяли вуалью святой Ядвиги. И все видели заклинание Сокола. Король увидел бы, что она не осквернена. Дело было вовсе не в правде. Придворным вовсе не нужна была правда, и король не хотел правды. И какую бы правду они не услышали от меня, они могут ее проигнорировать так же просто, как все остальное. Она не изменит их отношение.

Но я могу показать им что-то абсолютно иное. То, что они действительно хотят. Наконец-то я поняла, что им нужно. Они хотели узнать. Они хотели понять, как это было. Хотели почувствовать себя частью этого, частью освобождения королевы. Хотели стать частью легенды. Это не правда, не нечто похожее, но это возможно убедит их сохранить Касе жизнь.

Я закрыла глаза и вспомнила заклинание иллюзии: «Проще, чем настоящая армия», — говорил Саркан. Когда я начала произносить заклинание, я поняла, что он был прав. Вырастить иллюзорное то самое пугающее очаговое дерево оказалось не сложнее, чем цветок, и вот оно уже с легкостью поднимается от мраморного пола. Кася судорожно затаила дыхание, какая-то женщина закричала, где-то в зале с грохотом попадали стулья. Я отстранилась от посторонних шумов, и позволила заклинанию плыть под мою мелодию, подпитывая его силой и слабостью, этот плотный сгусток страха так и не рассосался в моем животе. Очаговое дерево продолжало расти, раскидывая свои мощные серебристые ветви по залу, потолок пропал в тени шелестящей серебристой листвы и разлился ужасная вонь

фруктов. Мой живот перевернулся, и по траве перед моими ногами покатила отрубленная голова Яноса и остановилась у разросшихся корней.

Все придворные с криками отпрянули и вжались в стены, и все равно они исчезали, пропадали. Да и окружающие стены тоже пропали, растворились в обступившем лесу и в лязге стали. Встрепенувшийся Марек встревоженно обернулся и поднял меч: на него надвигался серебристый богомол. Клешня чудовища опустилась на его плечо, лязгнув по яркому стальному доспеху. Из травы под ногами в небо смотрели трупы.

Внезапное потрескивание огня, и мой взгляд заслонило потянувшееся облако дыма. Я развернулась к стволу и увидела пойманного деревом Саркана, которого затягивала кора. «Давай, Агнешка», — а в руке у него красным отблеском светилось пекло. Я инстинктивно потянула к нему руку, вспомнив все ужас и боль, и на мгновение... всего лишь на миг, он не был иллюзией, не просто иллюзией. Он удивленно нахмурился в ответ. Его взгляд как бы говорил: «Что ты творишь, идиотка?» — и каким-то образом это был он собственной персоной. На самом деле. А потом между нами пронесся очищающий огонь заклинания, и он исчез. Остались лишь иллюзия его присутствия, и пламя.

Я положила руки на ствол дерева, с которого словно с перезревшего помидора сползала, трескаясь и скручиваясь кора. Кася, настоящая, оказалась рядом со мной. Ствол начал открываться, треснув, под ее руками. Она отрывала куски дерева, и изнутри, пошатываясь, шагнула королева, протягивая нам навстречу руки и умоляя о помощи. Ее лицо внезапно ожило и было наполнено ужасом. Мы подхватили ее и вытащили наружу. Я слышала, как Сокол выкрикивает заклинание огня и вдруг поняла, что это настоящее заклинание, хоть мы и не были в настоящей Чаще. Мы были в королевском замке.

Как только я это вспомнила, заклинание иллюзии начало ускользать из-под моего контроля. Дерево обратилось в пепел, а занявшийся у его корней огонь охватил пламенем всю окружающую Чашу. Тела павших поглотила почва, мелькнув напоследок лицами, всеми до единого, прежде, чем над ними сомкнулись мраморные плиты. Я проводила их взглядом залитых слезами глаз. Я даже не подозревала, как хорошо запомнила солдат, чтобы их воспроизвести. И когда пропала последняя тень от листьев мы вновь очутились в королевском дворце перед тронном. Ошарашенный увиденным король стоял на возвышении.

Сокол, тяжело дыша, обернулся вокруг, оглядываясь с язычками пламени, пляшущими над его ладонями и капающими на мраморный стол. Принц Марек тоже обернулся, выискивая пропавшего вдруг врага. Его меч вновь очистился, доспехи засверкали чистой и ровной поверхностью. Королева с широко раскрытыми глазами, содрогаясь всем телом, стояла посередине зала. Весь двор впечатался спинами в стены и жался друг к другу, насколько можно расчистив вокруг нас пространство. А я... я опустилась на колени, сжав руками живот, чувствуя приступ тошноты. Ни за что на свете я бы не захотела снова вернуться обратно в Чашу.

Марек пришел в себя первым. Тяжело дыша, он шагнул вперед к трону:

— Вот от чего мы ее избавили! — крикнул он, обращаясь к отцу. — Вот то зло, с которым мы сражались, чтобы ее спасти, и цена, которую мы за это заплатили! Это зло, которому ты служишь, раз не... Я не хочу чтобы так было! Я хочу...

— Довольно! — прикрикнул на него король. Он был бледнее мела.

Лицо Марека стало пунцовым от гнева и жажды крови. Меч до сих пор был сжат в его руке. Принц шагнул к трону. Глаза короля расширились. Его щеки залила краска гнева, и он махнул рукой шестерым стражникам, окружавшим возвышение.

Внезапно королева Анна выкрикнула: — Нет!

Марек обернулся к ней. Она неловко шагнула вперед, ее ноги почти не слушались, словно ей требовалось делать усилие, чтобы их сдвинуть с места. Марек смотрел на нее. Она сделала еще один шаг и взяла его за руку:

— Нет, — повторила она. Она потянула его готовую подняться руку вниз. Он сопротивлялся, но она подняла на него глаза, и его обращенной вниз к ней лицо внезапно стало детским: — Маречек. Ты уже спас меня.

Его рука опустилась вниз, вцепившись в нее, королева медленно повернулась к королю. Он смотрел на нее сверху вниз. Ее лицо было бледным в обрамлении облака коротких волос.

— Я хотела умереть, — произнесла она. — Так хотела. — Она сделала еще один шаркающий шаг и опустилась на колени перед помостом, потянув принца за собой. Он склонил голову, уставившись в пол, но королева смотрела вверх:

— Прости его, — сказала она королю. — Я знаю закон. Я готова. — Марек дернулся, но она крепко держала его руку. — Я королева Польни! — громко произнесла она. — Я готова умереть за свою страну. Но не как предательница.

— Я не предательница, Казимир, — повторила она, вытянув руку в сторону: — Он украл меня. Украл меня!

По залу пронесся ропот, быстро набирая скорость словно разлив реки. Я устало подняла голову и огляделась, ничего не понимая. Лицо замеченной мною Алёши было хмурым. Голос королевы дрожал, но был достаточно громким, чтобы перекрыть поднявшийся гул.

— Пусть я буду приговорена к смерти из-за скверны, но — Бог свидетель! — я не бросала мужа и детей. Василий со своими солдатами предательски выкрал меня со двора и отвез в Чашу, где привязал меня к дереву.

— Я же тебя предупреждала, — сказала Алёша между звонкими ритмичными ударами молота. Я молча сидела, обняв колени, в углу ее кузницы как раз за выжженным кругом до куда долетали искры. А что тут скажешь? Она предупреждала.

Никому не было дела до того, что принц Василий мог быть осквернен, что заставило его совершить безумный поступок. Никому не было дела до того, что он погиб в Чаше, напивав корни очагового дерева и оставив после себя одинокий скелет. Никому не было дела до того, что во всем виноват бестиарий. Принц Василий выкрал королеву и отдал ее Чаше. Все разозлились так, будто он сделал это вчера, но вместо того, чтобы начать бороться с Чашей, все решили выступить в поход на Россию.

Я уже пыталась объяснить с принцем Марекком. Бесплезная трата времени. Не прошло и пары часов после прощения королевы, а он уже был в казарме, объезжая лошадей, выбирая, какую именно ему взять на войну.

— Ты отправляешься с нами, — безоговорочным тоном заявил мне принц, держа одной рукой повод, а в другой — длинный хлыст, не отрывая взгляда от мелькающих копыт жеребца, которого он гонял по манежу. — Соля утверждает, что ты можешь удвоить силу его заклинаний, а может и больше.

— Нет уж! — ответила я. — Не собираюсь я убивать росиянов! Нужно бороться не с ними, а с Чашей.

— Успеем еще, — легкомысленно сказал Марек. — После того, как захватим восточный берег Ридвы, мы направимся на юг вдоль Яральских гор и окружим Чашу с двух сторон. Хорошо, — обратился он к конюху, передав повод. — Возьмем этого. — Он уверенным движением запястья поймал свисавший кончик хлыста и повернулся ко мне: — Послушай, Нешка... — я стояла не в силах ответить. Как он посмел назвать меня уменьшительным именем? Но он лишь обнял меня за плечи и продолжил как ни в чем не бывало: — Если мы отправим половину армии в твою долину, они сами за нашей спиной переправятся через Ридву и разграбят саму Кралевию. Наверное именно для этого они и объединились с Чашей. Именно этого они и ждут. У Чаши нет армии. Она останется там, где есть, пока мы не разделаемся с Россией.

— Да никто в жизни не объединится с Чашей!

Он пожал плечами:

— Даже если и так, они преднамеренно использовали ее против нас. Думаешь моей матери легче оттого, что этот пёс Василий сдох после того, как обрек ее на этот бесконечный ад? И даже если он был сам до того осквернен, ты должна понять, что это ничего не меняет. Россия не упустит шанс воспользоваться тем, что мы повернули на юг. Мы не можем выступить против Чаши, не позаботившись о флангах. Ты слишком узко мыслишь.

Я вывернулась из его объятий и от его снисходительности.

— И вообще я не узко мыслю, — возмущенно говорила я Касе, когда мы вместе спешили через двор в кузницу повидаться с Алёшей.

Но та лишь сказала:

— Я же тебя предупреждала. Мрачно, но без упрёка. — Сила Чаши не в слепой звериной ненависти. Она умеет мыслить и планировать, преследует собственные цели. Она умеет читать в сердцах людей, чтобы лучше их отравить. — Она сняла с наковальни меч и

сунула его в холодную воду. Поднялось облако пара как от дыхания какого-нибудь чудища. — Если не было скверны, значит было задействовано что-то еще.

Сидящая рядом со мной Кася подняла голову:

— Значит... значит во мне что-то есть? — невесело спросила она.

Алёша помолчала и посмотрела на мою подругу. Я поняла, что затихла, затаив дыхание. Потом Алёша пожала плечами:

— А разве того, что случилось мало? Тебя освободили, потом освободили королеву, а теперь вся Польша с Россией готовы запылять. Мы не можем щадить тех, кого они посылают на войну, — добавила она. — Если станем, они скоро окажутся здесь. Король оголяет страну, и Россия, чтобы нам соответствовать, сделает то же самое. Для все этот год будет скверным — и для победителей, и для проигравших.

— Именно этого, с самого начала, и добивалась Чаша, — сказала Кася.

— Одно из многих. Не сомневаюсь, если бы ей представилась возможность, она бы с удовольствием слопала Агнешку и Саркана, и проглотила бы всю долину за одну ночь, — сказала Алёша. — Но дерево не женщина, у нее не единственное семя. Оно разбрасывает столько, сколько сможет, и надеется, что часть из них взойдет. Эта книга была одним из них. Королева еще одним. Нужно было сразу же выслать ее подальше и тебя вместе с ней. — Она повернулась обратно к горну. — Но теперь уже слишком поздно что-то исправлять.

— Наверное, нам следует сегодня же отправиться домой, — сказала я Касе, стараясь не обращать внимания на тут же вспыхнувшую во мне при этой мысли тоску, эту невольную тягу вернуться. Уговаривая саму себя, я сказала: — Здесь ничего больше сделать нельзя. Поедем домой и поможем выжечь Чашу. Там, по крайней мере, мы сможем собрать по долине сотню человек...

— Сотня человек, — фыркнув, сказала Алёша, обращаясь к собственной наковальне. — Вы с Сарканом, и с сотней человек, я не сомневаюсь, сумеете нанести кое-какой ущерб, но заплатите за каждый дюйм отвоеванной земли. А тем временем Чаша завлекла на берега Ридвы двадцать тысяч человек, чтобы те резали друг друга.

— Чаша так и так их получит! — произнесла я. — Может ты что-то сделаешь?

— А я и делаю, — ответила Алёша, снова опуская меч в огонь. Пока мы тут сидели она повторила это действие уже четвертый раз, что на мой взгляд не имело смысла. Я не видела раньше, как куют мечи, но зато часто видела кузнеца за работой. Мы все любили наблюдать, как он кует косы и воображали, что это мечи. Мы находили палки и сражались ими в притворных битвах вокруг дымящей кузницы. Так что я знала, что не нужно повторно закалять клинок, но Алёша достала меч из пламени на наковальню, и тут я поняла, что она вколачивает в сталь заклинания. Ее губы постоянно шевелились, пока она работала. Это было странное волшебство, потому что оно не было закончено. Она подхватывала подвешенное заклинание, и снова оставляла его висеть незаконченным, когда опускала клинок в холодную воду.

Темная сталь появлялась из воды, отполированная водой, капающей на пол. От нее исходило странное ощущение голода. Когда я присмотрелась хорошенько, я увидела длинную расщелину в земле с острыми камнями на дне. Этот меч не был похож на другие волшебные клинки, с которыми приехали солдаты Марека. Он хотел выпивать жизни.

— Я кую его уже сто лет, — пояснила Алёша, держа его в руках. Я посмотрела на нее, с благодарностью отводя взгляд с этой вещи. — Я начала его, когда погибла Ворона, и Саркан перебрался в Башню. Сейчас в нем куда больше заклинаний, чем железа. Меч лишь помнит

когда-то заданную ему форму, и не продержится дольше пары ударов, но это все, что нужно.

Она снова вернула его в горн, и мы сидели, наблюдая за ним — длинный язык тени, лежащий в языках пламени.

— Та сила, скрытая в сердце Чащи, — медленно произнесла Кася, не сводя глаз с огня, — он может ее убить?

— Этот меч может убить все, что угодно, — ответила Алёша, и я ей поверила. — Если только мы сумеем поднести его к ее шее. А для этого, — добавила она, — нам потребуется куда больше ста человек.

— Можно попросить королеву, — внезапно предложила Кася, и я захлопала глазами. — Я знаю, есть лорды, которые присягали лично ей. Пока мы были заперты вместе, десяток из них пытался прорваться, чтобы обновить оммаж, [\[3\]](#) однако Ива не позволила им войти. У нее должны быть солдаты, которых она может дать нам, вместо того, чтобы посылать их на Росию.

И она наверняка захочет вырубить Чащу. Пусть Марек, и король, и весь двор меня не слышат — возможно услышит она.

* * *

Так мы с Касей оказались у дверей большого зала заседаний: королева снова была там, но теперь принимая участие в военном совете. Стражники могли меня пропустить, они уже знали, кто я. Скосив глаза, они наблюдали за нами одновременно нервно и с любопытством, словно я ни с того, ни с сего могу взорваться от волшебства, словно перезревший чумной фурункул. Но я не хотела входить. Мне не хотелось влезать в спор между магнатами (крупные землевладельцы — прим. переводчика) и генералами о том, как получше погубить десять тысяч душ и стяжать славу, пока посеы гниют на корню. Мне не хотелось снова оказаться оружием в чужих руках.

Поэтому мы ждали снаружи и прижались к стене, когда совет закончился, и изнутри хлынул поток лордов и военных. Я думала королева выйдет следом вместе со слугами, которые помогали ей ходить. Но вышло иначе: она оказалась в середине толпы. На ней была надета диадема — тот самый золотой обруч, над которым работал Рагосток. Свет отразился от золота и рубины засияли в ее золотистых волосах. На ней был красный шелковый наряд, и все придворные суетились вокруг нее словно воробьи вокруг птицы-кардинала. Позади всех вышел король, тихим голосом переговариваясь с отцом Балло и еще двумя советниками.

Кася оглянулась на меня. Нам бы пришлось пробиваться сквозь толпу придворных, чтобы добраться до нее — наглость с нашей стороны, но мы могли бы это устроить. Кася проложила бы нам дорогу. Но королева выглядела абсолютно иначе. Скванность, как и ее молчание почти пропали. Она кивала окружающим ее лордам, улыбалась. Она снова стала одной из них, актером, исполняющим на сцене пьесу, не уступая любому из них в изящности. Я не шевелилась. Она мельком скользнула глазами почти прямо по нам. Я не пыталась встретиться с ней взглядом. Вместо этого я схватила Касю за руку и оттащила обратно к стене. Что-то удержало меня, как инстинкт заставляет мышь прятаться в норке, чувствуя дуновение от взмахов крыльев совы над головой.

Бросив на нас последний взгляд, стражники последовали за придворными. Коридор опустел. Я стояла, трясясь от страха.

— Нешка, — позвала Кася. — Что с тобой?

— Я совершила ошибку, — ответила я, не зная точно, какую, но уверенная, что что-то сделала не так. Я чувствовала пугающую уверенность, которая прокатилась по мне сверху вниз словно падающая в глубокий колодец монетка. — Я совершила ошибку.

* * *

Возвращаясь в мою комнатку, Кася шла за мной по коридорам, узким лестницам, под конец почти бежала бегом. Она смотрела на меня беспокойными глазами, пока я запирала дверь, прислонившись к ней спиной словно прячущийся ребенок.

— Это все из-за королевы? — спросила Кася.

Я посмотрела на стоящую посередине комнаты подругу, освещенную пламенем очага, позолотившим ее кожу и волосы. На какое-то мгновение мне она показалась незнакомкой с Касиным лицом. На мгновение я пустила внутрь себя темноту. Я отвернулась от нее к столу. У меня здесь было несколько сосновых веток, которые я решила держать под рукой. Сорвав пригоршню сосновых иголок, я подожгла их от камина и вдохнула дым, острый горьковатый запах и прошептала свое очищающее заклинание. Странное чувство исчезло. Кася с несчастным видом сидела на кровати. Я виновато посмотрела на нее — она заметила мелькнувшее подозрение в моем взгляде.

— Я подумала тоже самое, — произнесла она. — Нешка, меня следует... может быть и королеву, нас обеих, следует... — ее голос дрогнул.

— Нет! — отрезала я. — Нет. — Но я не знала, как поступить. Я сидела у камина, тяжело дыша от страха. С внезапным порывом я повернулась к огню, сложила чашечкой ладони и произнесла мое прежнее учебное заклинание иллюзии. Маленький и не желавший расставаться с большим числом колючек розовый кустик начал отращивать неуклюже карабкающиеся ветки по краям каминной решетки. Медленно напевая, я придала ей аромат и призвала кучку гудящих пчелок. Краешки листиков чуть загнулись, пряча божьих коровок. Тут я вызвала рядом с розой образ Саркана. Я вспомнила его ладони под моими: длинные тонкие осторожные пальцы, гладкие мозоли от пера, тепло, исходящее от его кожи — и он обрел плоть сидя рядом со мной у камина и одновременно в его библиотеке.

Я напевала свое заклинание иллюзии снова и снова, наполняя его устойчивым серебристым ручейком силы. Но это не было похоже на вчерашнее очаговое дерево. Я смотрела в его лицо, в его темные хмурые сердито смотрящие на меня глаза, но это не был по-настоящему он. Я поняла, мне нужна не просто иллюзия: не его образ, не его запах или голос. Не потому ожило очаговое дерево в тронном зале. Оно выросло из моего сердца, из моего страха и памяти, из опаляющего ужаса в моем животе.

Роза в моих руках расцвела. Я посмотрела поверх лепестков на Саркана, и позволила себе почувствовать его руки на моих руках, те места, которых едва коснулись его кончики пальцев, соприкосновение наших ладоней. Я позволила себе вспомнить его тревожащее дыхание, шорох его шелкового наряда и кружев между нашими телами, его фигуру напротив во весь рост. Я позволила себе вспомнить свой гнев, все, что я узнала, о его секретах и тайнах. Я отпустила розу и схватилась за лацканы его кафтана, чтобы встряхнуть его как следует, чтобы накричать на него, чтобы поцеловать...

И вдруг он моргнул и посмотрел на меня, и где-то за его спиной вспыхнул огонь. Его

щеки были густо испачканы сажей, в волосах запутались крупинки пепла, а глаза покраснели. В камине потрескивал огонь, и эхом с ним потрескивало отдаленное пламя в лесу.

— Ну что? — спросил он хриплым, недовольным голосом. Это был он. — Что бы ты ни делала, мы не сможем делать это долго. Я не могу отвлекаться.

Мои пальцы вцепились в ткань. Я чувствовала грубоватые стежки под руками, крупинки пепла на руках, гарь в носу и вкус пепла во рту:

— Что происходит?

— Чаща пытается овладеть Заточком, — ответил он. — Каждый день мы выжигаем ее, но уже уступили ей целую милю. Владимир выслал на подмогу из Желтых болот всех солдат, которых смог, но этого недостаточно. Что король, отправит людей?

— Нет, — ответила я. — Он... они затевают новую войну с Россией. Королева сказала, что Василий отдал ее Чаще.

— Королева заговорила? — резко переспросил он, и я снова почувствовала тот же неприятный перестук подступающего к горлу страха.

— Но Сокол накладывал на нее заклинание, — сказала я, споря скорее с собой, чем с ним. — Они испытывали ее шалью святой Ядвиги. В ней ничего не было. Ни следа, никто из них не видел никакой тени...

— Скверна не единственное орудие на службе Чащи, — ответил Саркан. — Простой пыткой точно так же можно сломить человека. Она могла отпустить ее нарочно, заставив себе служить, но не запятнав, чтобы этого не было заметно с помощью волшебства. Или Чаща могла в нее что-то поместить или где-то рядом. Плод, семя...

Он остановился и повернул голову, высматривая что-то невидимое для меня. Потом резко произнес:

— Отпускай! — и высвободил свою силу. Я отшатнулась от камина и больно ударилась об пол. Розовый куст осыпался прахом и исчез вместе с волшебником.

Кася метнулась, чтобы подхватить меня, но я уже поднималась на ноги. Плод, семя. Его слова зажгли во мне страх.

— Бестиарий, — сказала я. — Балло собирался попытаться его очистить... — Меня еще слегка шатало, но я все равно повернулась и бегом бросилась прочь из комнаты, подстегиваемая тревогой. Балло собирался рассказать королю о книге. Кася бежала рядом, поддерживая мои первые неловкие шаги.

Едва мы миновали первую из служебных лестниц, до нас донеслись крики. «Поздно! Слишком поздно!» — твердил мне топот моих ног по камню. Я не могла понять, откуда доносится крик. Он исходил откуда-то издалека и странным образом преображался эхом в коридорах замка. Я бежала по направлению к залу Чаровников, миновав двух вжавшихся в стены горничных, мявших в руках сложенные простыни. Мы с Касей как раз завернули к следующей ведущей вниз до самого первого этажа лестнице, когда внизу полыхнуло белое пламя, отбросив на стены остро очерченные тени.

Ослепительное пламя погасло, и я увидела Солю, пролетающего мимо выхода с лестницы. Он впечатался в стену со звуком, с каким падает влажный мешок. Мы спустились вниз и увидели, как он сползает вниз и лежит неподвижно. Его глаза были открыты, но зрачки закатились. Из носа и рта текли струйки крови, по груди расплывались кровавые полосы.

Из коридора, ведущего к залу Чаровников, выползла тварь, которая почти заполнила

своим телом все пространство от пола до потолка. Это было скорее не животное, а какая-то мешанина из их пугающих частей: голова как у страшной собаки с одним-единственным огромным глазом на самом лбу, ее пасть была наполнена зазубренными острыми лезвиями, которые выглядели скорее как кинжалы, чем клыки. Из распухшего тела торчали шесть мощных мускулистых ног с львиными лапами. Все тело было покрыто чешуей, словно у змеи. Чудовище зарычало и так быстро понеслось в нашу сторону, что я даже не успела пошевелиться. Кася схватила меня и потащила вверх по лестнице. Тварь приналегла, и просунула в лестничный пролет морду, клацая зубами, подвывая и разбрасывая вокруг из пасти зеленую пену. Я выкрикнула: «Polzhyt!» — отшвыривая от нас эту рожу, опалив ее и всю лестницу потоком пламени. Обожженная тварь, взвизгнув, отдернулась назад в коридор.

В бок чудовища с глухим, мясистым звуком вонзились две тяжелые стрелы. Тварь, оскалившись, развернулась. Оказавшийся позади нее принц Марек отбросил в сторону арбалет. Стоявший рядом с ним испуганный мальчишка-конюх снял для него со стены копьё, но так вцепился в него, глядя на монстра, что Марек едва смог вырвать его из рук.

— Ступай, подними тревогу! — прикрикнул принц на мальчишку, который захлопал глазами и убежал. Марек вонзил копьё в голову чудовища.

Двери в зал были широко распахнуты настежь, белые и черные плиты были забрызганы кровью. На полу лежало раскинувшись три трупа придворных в растерзанных одеждах. Из-под стола выглядывало бледное испуганное лицо старика королевского секретаря. Чуть дальше по коридору лежали трупы двух стражников. Видимо чудовище появилось из глубины замка и ворвалось в зал, выбив двери, чтобы напасть на людей.

Или, возможно, чтобы напасть на одного конкретного человека. Чудовище оскалилось на вонзившееся копьё, но потом развернулось прочь от Марека, повернув тяжелую голову с оскаленной пастью к Соле. Тот все еще лежал, уставившись в потолок невидящими глазами, его пальцы царапали каменные плиты, словно пытаясь обрести опору в мире.

Опережая бросок твари Кася одним длинным прыжком сиганула мимо меня вниз с лестницы, споткнувшись внизу и ударившись о противоположную стену, но сумела выпрямиться. Она схватила со стены другое копьё и ткнула им прямо в морду твари. Собачья пасть сомкнулась на древке, но вдруг взвыла. Принц Марек ткнул ее своим копьём в бок. Послышался топот сапог, приближающиеся крики. Приближались стражники, и внезапно тревожно зазвонили колокола собора. Паж поднял тревогу.

Я замечала все происходящее, и потом могла бы рассказать, что именно происходило, но в то самое время не чувствовала, что это происходит. Для меня существовало только поднимающееся вверх по лестнице горячее дыхание чудовища, кровь и стук собственного сердца. Я знала, что должна что-то предпринять. Тварь завывала и снова повернулась к Соле и Касе, а я все стояла на лестнице. Колокола звонили и звонили. Я слышала их перезвон из окна высоко над головой, смотрящего на узкий кусочек светлого жемчужно-серого облачного летнего неба.

Я вытянула руку вверх и выкрикнула: «Kalmoz!» Облака снаружи собрались в темную точку, вобравшую их словно губка. Из образовавшейся тучи на меня пролился дождь, и сквозь окно сверкнула молния и нырнула в мои руки словно яркая шипящая змея. Я вцепилась в нее, ослепленная ее сверкающим белым светом и оглушенная тонким пронзительным свистом. Я едва могла дышать. Я метнула молнию вниз в сторону чудовища. Вокруг меня прогрехотал гром, и я отлетела назад, болезненно растянувшись по лестничной площадке среди дыма с едким горьким запахом.

Я лежала, подергиваясь, обливаясь слезами. Мои руки жгло от боли, и от них словно утренний туман поднимался дым. Я ничего не слышала. Когда мое зрение прояснилось, я увидела, что надо мной склонились две служанки с испуганными лицами. Их губы что-то беззвучно говорили. Зато их руки сказали все за них — они осторожно помогали мне подняться. Я, пошатываясь, встала на ноги. У подножия лестницы стоял принц Марек с тремя стражниками, осторожно тыча голову монстра. Чудище лежало неподвижно, курясь дымом. На обугленной стене отпечатался его контур.

— Для верности пронзи его глаз копьем, — предложил принц Марек, и один из стражников глубоко вонзил свое копье в уже подернувшийся пеленой круглый глаз. Тело чудовища даже не дернулось.

Прохрамав вниз по лестнице, держась одной рукой за стену, я, пошатываясь, осела на ступеньку над головой монстра. Кася помогала Соле подняться на ноги. Тяжело дыша, он стер тыльной стороной ладони кровь с лица, и уставился на чудовище.

— Что, ко всем чертям, это за штука? — спросил Марек. Мертвым чудовище выглядело еще более неестественным. Совершенно непарные конечности криво торчали из тела, словно их пришивал безумный кукольник, взяв части от разных марионеток.

Я смотрела на него сверху-вниз: собачья голова, кривые раскинутые в стороны лапы, толстое змеевидное тело, и в памяти медленно всплыла вчерашняя картинка, на которую я старалась не смотреть.

— Псоглав, — сказала я, поднявшись на ноги. Слишком быстро. Пришлось ухватиться за стену. — Это псоглав.

— Что? — спросил Соля, глядя на меня. — Что еще за...

— Она из бестиария! — продолжила я. — Нужно разыскать отца Болло... — я умолкла и посмотрела на тварь внизу, на последний блестящий глаз и поняла, что его искать не придется. — Нужно разыскать книгу, — прошептала я.

Меня качало и подташнивало. Входя в зал я споткнулась о труп и едва не упала. Марек поймал меня за руку и удержал. Заходящие в зал Чаровников стражи держали копья наготове. Огромные деревянные двери висели криво, разбитые в щепки и залитые кровью. Марек прислонил меня к стене как покосившуюся лестницу и дернул головой одному из стражников. Вместе они подняли одну из сломанных дверей, убрав с дороги.

Библиотека представляла собой руины: светильники разбиты, столы перевернуты и расколочены. Еще светились лишь несколько ламп. Книжные стеллажи лежали поверх куч ранее на них стоявших книг, массивные каменные столешницы были расколоты посередине в обоих направлениях и обрушились. Бестиарий лежал в открытом виде по центру поверх каменной крошки и пыли. Единственная лампа освещала непримятые страницы. Вокруг книги лежало три тела — истерзанные и изломанные, почти потерявшись в тенях, но стоявший рядом со мной Марек остановился и неподвижно застыл.

Вдруг он прыгнул вперед, заорав на ходу:

— Позовите Иву! Позовите... — опустившись на колени у дальнего тела. Он замолчал, перевернув его на спину. Свет упал на лицо покойника.

Король был мертв.

По всюду оказались кричащие люди: стражники, слуги, королевские министры, врачи — все очень плотно столпились вокруг тела короля. Марек поставил возле него троих часовых и куда-то исчез. Меня словно ряску течением отодвинуло в сторону, едва я прислонилась к книжному стеллажу, как мои глаза закрылись. Ко мне пробилась Кася:

— Нешка, чем тебе помочь? — спросила она, усаживая меня на табурет.

— Сходи за Алёшей, — инстинктивно мне захотелось найти того, кто бы знал, что делать.

Это оказалось счастливым наитием. Один из помощников отца Балло выжил. Он спасся, забравшись в дымоход одного из огромных библиотечных каминов. Стражники заметили следы когтей на каменной кладке камина и разбросанный по полу пепел. Это позволило отыскать его внутри, дрожащего от ужаса. Его вытащили, напоили. После чего он встал и указал на меня:

— Это все она виновата! Именно она нашла эту штуку!

Я находилась в полуобморочном состоянии, с кружащейся головой и оглушенная громом. Я пыталась объяснить им про книгу, как она все это время была спрятана в библиотеке, но козел отпущения им был нужен куда сильнее моих объяснений. Я почувствовала запах сосновой хвои. Двое стражей подхватили меня под руки и уже готовились оттащить меня в темницу, или куда похуже, под чьи-то выкрики:

— Она ведьма! Не стоит дожидаться, пока она отдохнет...

Тут появилась Алёша и их остановила. Она вошла и трижды хлопнула в ладоши: каждый хлопок был сродни топоту целого отряда солдат. Все надолго затихли и прислушались к ней:

— Посадите ее на стул и перестаньте изображать из себя идиотов. Лучше держите Якуба. Он все это время был в самом эпицентре. Неужели ни у кого из вас не хватило ума предположить, что и он может оказаться осквернен?

Ее слушались: ее хорошо знали, особенно стражники, которые держали себя в ее присутствии официально и натянуто, словно она была генералом. Меня отпустили, и вместо этого схватили и потащили к Алёше бедного возмущающегося Якуба:

— Это она виновата! Отец Балло говорил, это она нашла книгу...

— Замолкни, — сказала ему Алёша, вытаскивая кинжал. — Держи его за запястье, — сказала она одному из стражников, и они прижали руку студента к столу ладонью вверх. Она пробормотала над ним заклинание, порезала его локоть, а затем поднесла клинок к кровоточащему порезу. Якуб со стонами извивался и вырывался из хватки стражников, но затем с кровью просочились и начали подниматься вверх тонкие черные струйки дыма, пойманные засветившимся клинком. Алёша медленно повернула кинжал, наматывая струйки дыма словно нить на катушку, пока дым не прекратился. Алёша подняла кинжал вверх и посмотрела на него, прищурив глаза:

— Hulvad elolveta, — произнесла она и трижды дунула на лезвие. С каждым дуновением клинок становился светлее, раскаляясь и дым испарился с запахом серы.

К тому моменту как она закончила, помещение значительно опустело, а те, кто еще остался, попятился к стенам, за исключением побледневших стражников, с несчастным видом державших студента.

— Ладно. Перевяжите его, — сказала она. — Перестань вопить, Якуб. Я тоже была там

когда она нашла ее, идиот ты эдакий. Книга была здесь все эти годы, затерявшаяся как гнилое яблоко. Балло собирался ее очистить. Что случилось?

Якуб этого не знал. Его послали принести кое-какие вещи. Когда он уходил, короля здесь не было. Когда вернулся с солью и травами, король с телохранителями стояли вокруг подиума с равнодушными лицами, а Балло читал вслух книгу, уже начиная меняться. Из-под его рясы показались когтистые лапы, и из его боков, разрывая ткань, начали вырастать еще две. Его лицо вытянулось в виде собачьей морды, но тем не менее слова все равно раздавались, несмотря на то, что они путались и застревали в его глотке...

Голос Якуба становился все выше, пока не оборвался совсем и смолк. Его руки тряслись.

Алёша налила в стакан немного наливки и дала ему:

— Она сильнее, чем мы думали, — произнесла она. — Нужно было сразу же сжечь ее.

Я попыталась подняться со своего табурета, но Алёша покачала головой:

— Ты растратила силы. Пересядь к камину и следи за мной. Не вмешивайся, только если увидишь, что она овладевает мной.

Книга все это время преспокойно лежала на полу между разбитыми кусками каменной столешницы. Алёша взяла у стражника пару рыцарских перчаток и подняла книгу. Переложив ее в камин, она вызвала огонь: «Polzhyt, polzhyt mollin, polzhyt talo», и с этого места еще долго произносила заклинание, и холодный пепел в камине вдруг взревел пламенем словно в ее кузнечном горне. Пламя лизало и кусало страницы книги, но она оставалась лежать открытой в огне, шелестя страницами и шелкая, словно флаг на ветру. Мелькающие картинки с чудовищами, подсвеченные сзади огнем стремились попасться на глаза.

— Назад! — резко приказала Алёша стражникам. Двое из них, клюнув на приманку, уже собирались подойти поближе, с начавшими стекленеть глазами. Плоской стороной кинжала она отразила огонь в их глаза, они заморгали и, побледнев от испуга, отшатнулись назад.

Алёша внимательно проследила, чтобы они отошли подальше, потом повернулась и принялась повторять заклинание огня снова и снова, раскинув руки, чтобы удержать огонь внутри. Но книга, отказываясь загораться, по-прежнему только шипела и потрескивала в камине словно влажные дрова. В помещение проник запах весенней листвы. Я заметила выступившие на шее Алёши вены и напряжение на ее лице. Она старалась сфокусировать взгляд на каминной полке, но глаза постоянно пытались коситься на подсвеченные страницы. Всякий раз она прикасалась большим пальцем к лезвию своего кинжала. Выступала кровь, но она отводила взгляд.

В ее голосе появилась хрипотца. Из камина на ковер вылетело с десятков искр и задымилились. Сидя устало на табурете я смотрела на них и вдруг медленно начала напевать без слов старую песенку про искорку в очаге, рассказывающую разные истории: «Жила-была принцесса, золотые косы, влюбилась та принцесса в обычного актёра, её отец король их отправил под венец, и на этом — сказочке конец. Жила-была старушка древняя Бабушка Яга, жила она в избушке целиком из хрусталя, и было в этом домике полным-полно чудес, и на этом сказочке конец...»

Пс-с! — искра потухла. Потухла, забрав с собой сказку. Я тихо спела песенку снова, произнесла: «Kikra, kikra», — и пропела снова. Разлетающиеся искры начали дождем сыпаться на страницы, каждая прежде чем потухнуть оставляла после себя крохотное черное пятно. Они продолжали сыпаться вниз ярким дождем, и когда они падали кучно,

поднималось легкое облачко дыма.

Алёша замедлилась и остановилась. Пламя наконец-то занялось. Страницы сами начали сворачиваться по краям, словно живые, убегая от гибели. От огня пошел запах подгоревшего сладкого сока. Кася аккуратно взяла мою руку, и мы отвернулись от огня, который медленно, словно заставляя себя есть черствый хлеб, пожирал книгу.

* * *

— Как этот бестиарий попал к вам в руки? — бушевал королевский министр, поддерживаемый десятком других. — Почему там оказался король? — Королевский зал заседаний был набит дворянами, орущими на меня, на Алёшу, друг на друга, требуя ответов, которые не хотели слышать. Половина из них все еще подозревали меня в кознях против короля и предлагали бросить меня в темницу, другая половина решила, совершенно бездоказательно, обвинить Якуба в том, что он росийский агент, который специально заманил короля в библиотеку и подначил отца Балло прочесть книгу. Секретарь начал плакать и оправдываться, а у меня на защиту не оставалось сил. Вместо этого я непроизвольно зевала, чем злила их еще сильнее.

Просто ничего не могла с собой поделаться, совершенно не желая их как-то оскорбить. Мне не хватало воздуха. Я не могла здраво думать. Мои руки все еще зудели от ожога молнией, а в носу щипало от дыма и запаха горелой бумаги. Все это для меня еще казалось ненастоящим. Король мертв, отец Балло мертв. Я ведь видела их всего час назад выходящими с военного совета — целыми и невредимыми. Я помнила этот момент совершенно отчетливо: маленькие беспокойные морщинки на лбу отца Балло. Синие королевские туфли.

Алёша в библиотеке произнесла заклинание очищение над телом короля, потом священники забрали его в собор на отпевание, поспешно завернув в кусок материи. Туфли торчали с одного конца свертка.

Магнаты, не унимаясь, кричали на меня. Это не помогало понять, в чем конкретно я виновата. Я знала, что что-то не так. Если бы только я поторопилась, если бы только сразу сама сожгла книгу, как только ее нашла. Я закрыла лицо зудящими руками.

Тут рядом со мной встал принц Марек и прикрикнул на дворян, поддерживаемый силой окровавленного копья, которое все еще было при нем. Он грохнул его о стол совета перед их носами.

— Она убила чудовище, которое могло убить Солю и еще заодно с десятком людей, — заявил принц. — У нас нет времени на всю эту ерунду. Через три дня мы отправляемся к Ридве!

— Никуда мы не отправимся без приказа короля! — посмел выкрикнуть один из министров. К его счастью он сидел на другом конце стола и до него было не дотянуться, и даже при этом он отшатнулся от вытянутого кулака в латной перчатке пылающего от праведного гнева Марека.

— Он прав, — резко сказала Алёша, положив перед Мареком руку, заставив его выпрямиться и посмотреть на нее. — Не подходящее время затевать войну.

Половина магнатов за столом ругалась и цапалась друг с другом, обвиняя Россию, меня, даже бедного отца Балло. Трон во главе стола пустовал. Наследный принц Сигизмунд, плотно сцепив пальцы, сидел справа от него и под всеобщий гомон молча смотрел на

пустующее место. Королева сидела с левой стороны. На ней по-прежнему был золотой обруч Рагостока сияющий над атласной черной тканью траурного платья. Я равнодушно отметила, что она читает письмо. Рядом с ней стоял гонец с растерянным лицом и с пустой сумой. Полагаю, он только что вошел.

Королева поднялась:

— Милорды, — все головы повернулись к ней. Она подняла письмо — небольшой сложенный клочок бумаги и сломала красную печать: — Армия России была замечена на подходе к Ридве. Они будут там завтра к утру.

Все молчали.

— Мы должны отложить и печаль и гнев, — сказала она. Я смотрела на нее: портрет настоящей королевы, гордой, дерзкой, с вздернутым подбородком. Ее голос звонко прозвучал в притихшем каменном зале. — Не время Польне показывать слабость. — Она повернулась к наследнику. Он как и я повернулся к ней лицом — удивленно и растерянно, словно ребенок. Его рот беззвучно открывался, но слов не было. — Сигизмунд, они отправили четыре отряда. Если выступить немедленно с теми войсками, которые уже собрались под городом, у тебя будет преимущество в численности.

— Но ведь это я должен... — начал возражать принц Марек, но королева Анна подняла руку, останавливая его. Он замолчал.

— Принц Марек останется здесь с королевской гвардией на защите столицы, и будет собирать прибывающие подкрепления, — продолжила она, поворачиваясь к придворным. — Его будут наставлять советники, надеюсь, включая и меня тоже. О чем еще спорить?

Наследник престола встал:

— Поступим так, как предлагает королева, — сказал он. Щеки Марека пошли пурпурными пятнами от разочарования, но он только вздохнул и ответил:

— Хорошо.

Вот так вот просто все решилось. Министры тут же начали деловито расходиться по делам, довольные тем, что порядок восстановлен. Не было ни попытки возразить или предложить иное решение. Ни единого шанса помешать этому.

Я поднялась со словами:

— Нет, подождите, — но никто меня не слушал. Я потянулась к последним сохранившимся у меня крупичкам волшебства, чтобы усилить голос, заставить их вернуться.

— Подождите, — попыталась я сказать, но помещение померкло у меня перед глазами и вокруг сомкнулась тьма.

* * *

Я очнулась в своей кровати и резко села. Волосы на руках стояли дыбом, а во рту першило. Кася сидела в ногах кровати. Ива, держа пузырек со снадобьем в руке, выпрямилась с кислым, неодобрительным выражением на лице. Я не помнила, как я здесь оказалась. Посмотрев, сконфуженно, в окно я увидела, что солнце сместилось.

— Ты упала в обморок в королевском зале заседаний, — сказала Кася. — Я не могла тебя привести в чувство.

— У тебя перенапряжение, — пояснила Ива. — Нет, не пытайся встать. Лучше оставайся там, где находишься, и не пытайся пользоваться волшебством как минимум

неделю. Это как чашка, которую нужно наполнить, а вовсе не бездонный колодец.

— Но королева! — пробормотала я. — Чаша...

— Можешь меня не слушать, потратить без остатка последние крохи и умереть — мне нечего будет возразить, — презрительно сказала Ива. Не знаю, как Касе удалось заставить ее прийти и осмотреть меня, но судя по холодным взглядам, которыми они обменялись, пока Ива шла на выход, это было не очень вежливо.

Я протерла глаза и улеглась на подушки. От лекарства Ивы в животе было теплое жгущее ощущение, словно я наелась чего-то с большим количеством жгучего перца.

— Алёша посоветовала мне позвать к тебе Иву, — с тревогой на лице наклонилась ко мне Ива. — Сама она собиралась помешать отъезду наследника.

Я собралась с силами и поднялась, ухватившись за Касины руки. Мышцы живота болели и ослабли, но было не время валяться в постели, даже если я не могу пользоваться волшебством. Атмосфера замка стала тяжелой, давящей. Каким-то образом Чаша все еще не была изгнана. Она с нами еще не закончила.

— Нужно найти Алёшу.

* * *

Стражники у покоев наследного принца были на стороже. Они хотели уже было преградить нам путь, но я позвала: «Алёша!», и когда она высунулась, то сказала, чтобы нас пропустили. Они позволили нам войти и оказаться посреди суматохи спешных сборов. Наследник еще не успел облачиться в доспехи, но на нем уже были надеты поножи и кольчуга. Он стоял, положив руку на плечо сына. Его жена, принцесса Малгожата, стояла рядом, держа на руках маленькую дочку. У мальчика в руке был собственный меч — с настоящим лезвием, только маленький, чтобы он мог его поднять. Мальчику едва ли исполнилось семь лет. Я бы поспорила на деньги, что ребенок его возраста скорее отрубит палец себе... или кому-то другому — но он держал его уверенно как любой солдат. Мальчик подавал его отцу на открытых ладонях со встревоженным выражением лица:

— Я не буду пугаться под ногами.

— Тебе придется остаться, чтобы присматривать за Маришей, — ответил принц, потрепав сына по голове. Он посмотрел на принцессу. У нее было заплаканное лицо. Принц поцеловал ее руку, а не в щеку. — Я вернусь, как только смогу.

— Я подумываю, не увести ли детей сразу после похорон в Гидню, — ответила принцесса. Кажется так назывался город, откуда она была родом — порт на берегу океана, открыты для Польни в результате их брака в качестве приданного. — Им будет полезен морской воздух, а мои родители с крестин не видели Маришу. — Судя по ее словам можно было бы предположить, что это пришло ей в голову только что, но то, как она произнесла их подсказывало, что они были отрететированы заранее.

— Не хочу в Гидню! Папа! — сказал мальчик.

— Довольно, Сташек, — сказал принц. — Поступай, как считаешь нужным, — сказал он принцессе и повернулся к Алёше. — Благословишь мой меч?

— Предпочла бы этого не делать, — мрачно ответила она. — Почему ты позволил себя впутать во все это? Мы же вчера обсуждали...

— Вчера мой отец был жив, — сказал принц Сигизмунд. — Сегодня он мертв. Как ты

думаешь, за кого из наследников проголосуют магнаты, если я позволю Мареку отправиться вместо себя и разбить армию России?

— Так отправь генерала, — ответила Алёша, но ее тон не был похож на спор. Кажется, она все еще подыскивала настоящие аргументы против.

— Не могу, — сказал принц. — Если во главе армии не поеду я, то отправится Марек. Думаешь хоть один генерал, которого я назначу, сейчас посмеет возразить герою Польни? Вся страна гремит песнями о нем.

— Только дурак посадил бы на трон не тебя, а Марека.

— В основном люди дураки, — сказал Сигизмунд. — Благослови меч и пригляди ради меня за детьми.

Мы стояли, провожая его взглядом. Детей поставили на табуретки у узкого окна. Мать стояла рядом с ними, положив руки на их головки — золотистую и темную. Принц уезжал с небольшим эскортом — своей дружиной под собственным флагом в виде красного орла на белом поле. Алёша молча смотрела рядом со мной в другое окошко, пока всадники не выехали со двора. Потом она повернулась ко мне и кисло произнесла:

— Всегда есть цена.

— Да, — тихо и устало ответила я. Но я была уверена, что мы еще не расплатились сполна.

Мне ничего не оставалось делать, как отсыпаться. Несмотря на сомнение в глазах принцессы, Алёша приказала мне лечь прямо в комнате, и я уснула на мягком шерстяном ковре рядом с камином. Ковер был соткан со странным перемежающимся узором в виде огромных искривленных дождевых капель или, возможно, слез. Каменный пол под ним был жестким, но я слишком устала, и мне было все равно.

Я проспала весь вечер, ночь напролет и проснулась рано утром не отдохнувшей, но тяжесть в голове прошла и обожженные молнией ладони перестало жечь. Глубоко во мне медленно, что-то шепча, перекатываясь через гальку, текла сила. Кася спала на ковре у подножия кровати. Сквозь занавески над кроватью были видны принцесса с детишками. По обе стороны от двери дремала пара часовых.

Алёша сидела в кресле у огня, положив тот голодный меч на колени, и затачивая его пальцами. Когда она проводила подушечкой большого пальца рядом с краем лезвия, я чувствовала шёпот ее силы. Несмотря на то, что волшебница даже не касалась стали, на ее темной коже виднелась выступившая тонкая полосочка крови, которая поднималась легким красным туманом и исчезала в клинке. Кресло было развернуто так, чтобы был полный обзор окон и дверей, словно она продежурила так всю ночь.

— Чего ты боишься? — тихо спросила её я.

— Всего, — ответила она. — Любой вещи. Скверна во дворце — король мертв, Баллс мертв, наследного принца выманили на войну, где может случиться все, что угодно. Поздно осторожничать. Я в состоянии провести несколько бессонных ночей. Тебе лучше? — Я кивнула. — Хорошо. Послушай: нам следует вырвать во дворце скверну с корнем и быстро. Не думаю, что мы с ней покончили, уничтожив книгу.

Я села, обняв колени.

— Саркан все равно считает, что дело может быть в королеве. Что ее могли не осквернить, а... заставить помогать. — Я задумалась, мог ли он оказаться прав: вдруг королева сумела каким-то образом утаить крохотный золотой плод, подобрав его с земли в Чаще, а теперь в каком-нибудь темном углу дворца, распространяя вокруг себя скверну, из-под земли тянется крохотный серебристый росток. Мне было трудно себе представить королеву, которая настолько потеряла бы голову, что принесла бы с собой Чащу, что обратилась бы против собственной семьи и королевства.

Но Алёша сказала:

— Возможно, её и не пришлось сильно заставлять, чтобы она захотела смерти мужа, учитывая, что он на двадцать лет бросил ее в Чаще. И её старшего сына тоже, — добавила она, когда я возмущенно стала таращить глаза. — Я заметила, что она уберегла Марека от отправки на войну. Думаю, можно осторожно сказать, что она находится в самом центре событий. Ты можешь наложить на нее ваше Призывание?

Я промолчала. Я вспомнила тронный зал, где размышляла, не стоит ли наложить Призывание на королеву. Вместо этого, чтобы заслужить прощение для Каси, я выбрала иллюзию, театральное представление для придворных. Возможно, все-таки это была ошибка.

— Не думаю, что сумею сделать это в одиночку, — ответила я. У меня было ощущение, что Призывание и не подразумевало одиночной работы: поскольку истина не имеет смысла,

если ею не с кем поделиться. Если никто не появится и не выслушает, можно до скончания веков вопить об истине в пустоту, потратив на это всю жизнь.

Алёша покачала головой:

— Тут я не помощник. Я не оставлю принцессу и королевских детей без охраны, пока не прослежу, что они безопасно добрались до Гидны.

— Соля мог бы мне помочь, — неохотно заметила я. Меньше всего мне хотелось бы произносить заклинание вместе с ним и дать ему дополнительный повод касаться моей силы, но вероятно его взгляд мог бы усилить действие заклинания.

— Соля, — Алёша произнесла его имя неодобрительно. — Что ж, знаю, он делал глупости, но не он идиот. Можешь попробовать с ним. Либо ступай к Рагостоку. Он не настолько силен, как Соля, но возможно справиться.

— А он мне поможет? — с сомнением уточнила я, вспомнив диадему на голове королевы. Я ему не очень нравилась.

— Если я скажу, поможет, — сказала Алёша. — Он мой праправнук. Станет артачиться, скажи, чтобы зашел ко мне побеседовать. Да, я знаю, он еще та задница, — добавила она, не правильно расценив мой взгляд, и вздохнула. — Он единственный ребенок из моих наследников, проявивший способности. По крайней мере в Польне, — она покачала головой. — Сила проявилась у детей моей любимой праправнучки, но она вышла замуж за венецианца и уехала с ним на юг. На то, чтобы вызвать кого-то из них уйдет целый месяц.

— А кроме них, сколько еще у тебя родственников? — замороженно спросила я.

— О, у меня... полагаю, шестьдесят семь праправнуков? — ответила она, подумав несколько мгновений. — Возможно сейчас больше. Они мало-помалу разъезжаются. Только часть из них послушно пишут мне на каждый новый год. А большинство даже не вспоминают, что происходят от меня, если вообще знают об этом. Сейчас в их молочной коже лишь немного чая, но это лишь не дает обгореть на солнце, а мой муж уже сто сорок лет как умер. — Она сказала это просто, словно это больше не имеет никакого значения. И думаю, так и было.

— И это все? — Я чувствовала почти отчаяние. Пра-правнуки, половина из которых затерялась, а остальная часть настолько отделилась, что осталось только вздохнуть по Рагостоку и чувствовать лишь легкое раздражение. Этого казалось недостаточно, чтобы поддерживать в ней привязанность к миру.

— Начать с того, что у меня нет других родственников. Моя мать была рабыней из Намиба, но она умерла, рожая меня, так что это все, что мне о ней известно. Один южный барон купил ее у купца-мондрианца, чтобы придать значимости своей жене. Они проявили ко мне доброту еще до того, как выявился мой дар, но это была доброта хозяев. Они не стали мне семьей. — Она пожала плечами. — У меня были любовники, время от времени. В основном солдаты. Но когда вырастешь, они становятся сродни цветам — ты знаешь, что бутон завянет, даже если поставишь букет в вазу.

Я не сдержалась от взрыва возмущения:

— Так зачем... оставаться здесь? Зачем беспокоиться о Польне или... о чем-то еще?

— Я ведь еще не умерла, — едко ответила Алёша. — И мне не наплевать на хорошую работу. У Польни хорошая королевская династия. Они служат народу, строят библиотеки, дороги, создали университет и удачно воевали, не позволяя врагам себя разбить и все разрушить. Они оказались полезными инструментами. Если бы они стали злыми и испортились, я могла бы уйти. Я бы не стала делать мечи для солдат, которых повел бы кто-

то вроде этого сумасбродного Марека, лишь бы ему выиграть дюжину войн ради собственной славы. Но Сигизмунд разумный человек и хороший муж. Я с радостью помогу ему удержать стены.

Она увидела мучение на моем лице и с грубоватой теплотой добавила:

— Ты научись принимать это не так близко к сердцу или любить другие вещи. Как бедняга Балло, — с оттенком суховатой печали, но недостаточно сильной, чтобы назвать это скорбью. — Он сорок лет прожил в монастыре, иллюстрируя рукописи, прежде, чем кто-то заметил, что он не стареет. Думаю, он всегда был немного удивлен тем, что стал волшебником.

Она продолжила заточку, и я вышла из комнаты недовольная и огорченная сильнее, чем до того, как спросила. Я думала о взрослеющих братьях, о маленьком племяннике Данюшике, подарившем мне с серьезным лицом свой мячик, о том, как его маленькое личико с годами становится стариковским, усталым, покрывается морщинами. Все, кого я знаю, умрут и для моей любви останутся только дети их детей.

Но так лучше, чем никого совсем. Лучше, чтобы эти дети могли без опаски бегать в лес. Если я буду сильной, если мне дана эта сила, я смогу их защитить. Ради моей семьи, ради Каси, ради тех двух малюток, спящих в кровати и всех тех, кому приходится спать в тени Чащи.

Я сказала это себе, и постаралась поверить, что этого будет достаточно, и все равно было холодно и горько думать об этом, находясь в одиночестве посреди коридоров. Несколько младших горничных только-только приступили к своим дневным обязанностям, тихо заходя и выходя из покоев знати, помешать угли, как ни в чем не бывало, словно король не умер вчера. Жизнь продолжалась.

* * *

— Нам не нужно следить за огнем, Эльжбета, — сказал Соля, когда я открыла дверь: — Просто принеси нам горячего чая и завтрак. Умничка. — Огонь в его большом каменном камине уже горел, облизывая пару свежих поленьев.

Ему не приходилось ютиться в каморке, населенной горгульями. У него была пара комнат и каждая в три раза больше той, в которую по его распоряжению запихнули меня. Каменный пол был покрыт слоями белых ковров, мягких и пушистых. Должно быть он пользовался заклиниванием, чтобы держать их чистыми. Через пару открытых дверей во второй комнате была видна большая кровать с навесом, помятая и неопрятная. В её изножии вдоль широкой деревянной панели летел резной сокол. Его глаз был сделан из одного большого гладкого полированного золотистого камня с тарачившимся с него узким черным зрачком.

По центру комнаты стоял круглый стол, за которым рядом с Солей, угрюмо растянувшись в кресле, задрав на стол ноги в сапогах, сидел Марек в ночной рубашке и в накинутом поверх халате с меховой оторочкой. На столе на серебряной подставке стояло высокое, длиной в мою руку, овальное зеркало. Спустя мгновение я поняла, что не вижу в нем занавески кровати, но не потому что смотрю под каким-то странным углом. В зеркале вообще ничего не отражалось. Оно словно невероятное окно показывало внутренности какого-то шатра, покосившийся шест посередине, поддерживающий тканые боковины, а

узкий треугольный вход перед нами открывался на зеленеющее поле.

Темные колодцы глаз Соли внимательно вглядывались в зеркало, примечая малейшие детали. Марек следил за его лицом. Они не замечали моего появления до тех пор, пока я не оказалась бок о бок с ними, и даже тогда Марек едва удостоил меня взглядом:

— Где тебя носило? — спросил он, но, не дожидаясь ответа, добавил: — Перестань постоянно пропадать, иначе повешу тебе на шею колокольчик. У России здесь в замке должно быть есть шпион или даже полдюжины — они проведали о том, что мы направляемся к Ридве. Я хочу, чтобы ты всегда была под рукой.

— Я отсыпалась, — сварливо ответила я, только потом вспомнив, что вчера он потерял отца, и почувствовала себя виноватой. Но по его виду нельзя было сказать, что он сильно горюет. Должно быть короли и принцы сильно отличаются от обычных отцов и детей, и он не простил отца за то, что тот бросил королеву в Чаше. И все же я ожидала увидеть у него покрасневшие глаза, если не от потери родного человека, то хотя бы от растерянности.

— Ну конечно! Чем же еще остается заняться, как не выспаться? — едко произнес принц, и снова уставился в зеркало. — Да куда они все до одного, ко всем чертям, запропастились?

— Выстроились на поле, — не отводя взгляда, отстраненно ответил Соля.

— Где должен быть я, если бы Сигизмунд не был таким скользким политиканом.

— В смысле — если бы Сигизмунд был полным идиотом, а он им не является, — ответил Соля. — Сейчас он не отдал бы тебе победу, если бы не хотел заодно отдать корону. Уверяю тебя, ему хорошо известно, что у нас есть пятьдесят голосов магнатов.

— И что с того? Раз он не может держать в руках дворян, значит не заслуживает трон, — рявкнул Марек, складывая руки на груди. — Если бы я мог оказаться там...

Он снова с тоской посмотрел на бесполезное зеркало. Я с растущим негодованием смотрела на эту парочку. Значит не только Сигизмунд переживал из-за того, что магнаты отдадут трон Мареку. Тот и сам пытался его отобрать. Внезапно я поняла беспокойство принцессы и почему она смотрела на меня косо. На сколько она знала, я была союзницей Марека. Но я проглотила первые десять замечаний, которые были готовы сорваться с моего языка, и коротко обратилась к Соле:

— Мне нужна твоя помощь.

Я заслужила взгляд одного из темных зрачков с удивленно изогнутой бровью над ним.

— Я в равной степени рад помочь, дорогая, как и услышать подобные слова.

— Мне нужно, чтобы ты произнес со мной заклинание. Нужно наложить на королеву Призывание.

Его воодушевление поубавилось, и он промолчал. Марек повернулся ко мне с мрачным видом:

— Что это еще взбрело тебе в голову?

— Что-то не так! — ответила я ему. — Не стоит делать вид, что вы ничего не заметили. С тех пор, как мы вернулись, происходят одно несчастье за другим. Король, отец Балло, война с Россией... все это происки Чащи. Призывание покажет нам...

— Что? — рявкнул Марек, поднимаясь. — Что оно, по-твоему, нам покажет?

Принц навис надо мной. Я собрала волю в кулак и, откинув голову, ответила:

— Правду! Не прошло и трех дней, как мы выпустили ее из башни, а король уже мертв, по дворцу бродят чудовища, а Польша воюет. Мы чего-то не заметили. — Я повернулась к Соле: — Так ты мне поможешь?

Соля перевел взгляд с Марека на меня, и в его взгляде мелькнуло расчетливое выражение. Наконец он кротко ответил:

— Королева прощена, Агнешка. Мы не можем без причины подвергать ее действию силы лишь потому, что ты встревожена.

— Но ты же видишь, что что-то не в порядке! — гневно возразила я.

— Было не в порядке, — снисходительно и самодовольно ответил Соля. Я бы с удовольствием его хорошенько встряхнула. Но поздно. К большому сожалению, раньше нужно было пытаться с ним подружиться. Я не могла его соблазнить. Он уже прекрасно знал, что я не собираюсь постоянно делиться с ним своей силой, даже если мне будет очень нужно. — По-настоящему не в порядке. Но та оскверненная книга, что ты обнаружила, теперь уничтожена. Не нужно придумывать иные темные причины там, где одна известна наверняка.

— Польне не нужны новые мрачные сплетни, — добавил Марек уже спокойнее. Его плечи под действием слов Соли расслабились, проглотив его ядовито-удовлетворительное объяснение. Принц плюхнулся в кресло и снова взгромоздил ноги на стол. — Ни о моей матери, ни о тебе, если на то пошло. Магнатов созывают на похороны, и как только они явятся, я объявлю о нашей помолвке.

— Чего? — Такое впечатление, что он поделился со мной малоинтересной и второстепенной для меня новостью.

— Ты это заслужила, убив чудовище. Подобные штучки очень любят простолюдины. Не поднимай хай, — добавил он, не глядя в мою сторону. — Польня в опасности, и ты нужна мне рядом.

Я стояла слишком разозленная, чтобы что-то ответить, а они просто перестали обращать на меня внимание. В зеркале кто-то появился, наклонившись войдя в шатер. Это оказался старик в богато расшитой форме. Он тяжело уселся на стул. Под тяжестью лет его черты лица оплыли: челюсть отвисла, усы поникли, повисли мешки под глазами, и уголки рта провисли вниз. По его покрытому коркой пыли лицу текли струйки пота.

— Савьенна! — с напористой озабоченностью обратился к нему Марек, наклоняясь к зеркалу. — Что происходит? Росианцы успели укрепиться?

— Нет, — ответил генерал, устало вытирая лоб. — Они не стали укрепляться на перекрестке. Вместо этого они устроили засаду на Длинном мосту.

— Как глупо с их стороны, — решительно ответил Марек. — Без укреплений они не смогут продержаться на перекрестке и пары дней. К ночи придет еще две тысячи подкрепления, и если я сразу выступлю с ними...

— Мы разбили их на рассвете, — сказал Савьенна. — Они все мертвы. Все шесть тысяч.

Марек умолк, очевидно пораженный услышанным. Он не ожидал услышать подобное. Они обменялись с Солей взглядами со слегка кислым видом, словно новость им не понравилась. — Каковы ваши потери? — спросил принц.

— Четыре тысячи. Много лошадей. Мы их разбили, — повторил Савьенна охрипшим голосом, обмякая на стуле. Не все следы на его лице были только от пота. — Марек, прости меня. Марек... твой брат погиб. Они убили его в первой засаде, когда мы отправились осмотреть подходы к реке.

Я отшатнулась от стола, словно могла избежать услышанных слов. Маленький мальчик наверху, сжимавший меч со словами «Я не буду мешаться». Его запрокинутое вверх круглое личико. Память резанула острым ножом.

Марек потрясенно молчал. Соля еще немного о чем-то поговорил с генералом. Я едва слышала их разговор. Наконец Соля протянул руку, опустил плотный чехол на зеркало, и повернулся к принцу.

Потрясение прошло.

— Боже мой, — произнес принц спустя мгновение. — Я бы предпочел, чтобы этого не случилось, чем случилось так. — Соля только кивнул в ответ, глядя на него с блеском в глазах. — Но теперь нет иного выбора.

— Нет, — тихо согласился Соля. — Хорошо, что магнаты уже в пути. Мы сразу же можем устроить голосование.

В моем рту стало солоно. Незаметно для самой себя я плакала. Я попятилась. В мок протянутую руку попала дверная ручка: вдадинки и выпуклости на резной соколиной голове впечатались в мою ладонь. Я повернула рукоять, скользнула за дверь и бесшумно прикрыла ее за собой. Оказавшись в коридоре, я замерла, содрогаясь. Алёша оказалась права. Одна ловушка за другой, давно притаившиеся под толстым ковром опавшей листвы, наконец заработали. Из земли, протягивая раскидистые ветви, начали пробиваться тонкие ростки.

Одна ловушка за другой.

Внезапно я бросилась бежать. Я бежала, грохоча башмаками по каменным плитам мимо озадаченных слуг и заглянувших в окна утренних лучей солнца. Заворачивая за угол к покоям наследного принца, я тяжело дышала от бега. Дверь была закрыта, но часовых не было. Из-под дверей струился легкий серый дымок. Дверная ручка под моей рукой, когда я рванула ее на себя, оказалась горячей.

Занавески над кроватью были объаты пламенем, ковер тлел. Мертвые часовые лежали бесформенными кучами на полу. Алёшу молча обступили с десятков человек. Она была сильно обожжена: часть доспехов оплавилось прямо на ее коже, но она каким-то образом умудрялась продолжать сражаться. За ее спиной лежало мертвое тело принцессы, загораживая собой двери гардероба. Рядом с трупом стояла Кася. Ее одежда в дюжине мест была рассечена, но на коже не было ни царапины. Она сжимала в руке сломанный меч и отчаянно отмахивалась им от двух солдат, пытающихся пройти мимо нее.

Алёша сдерживала остальных нападавших двумя длинными кинжалами, которые дико свистели в воздухе, оставляя за собой потрескивающее пламя. Она уже изрубила нападавших в куски, их кровь густо заливала пол, но они отказывались падать. На нападавших была росийская форма, но их глаза светились зеленым светом и были пустыми. В комнате пахло свежесрезанными ветками ивы.

Я хотела закричать, заплакать. Хотела протянуть руку через весь мир и стереть все это. «Hulvad», — произнесла я, выталкивая, выталкивая руками силу: — «Hulvad», — повторила я, вспоминая, как Алёша вытягивала то тонкое облачко скверны из ученика Балло. И из солдат, из каждой раны, начали вытекать струйки черного дыма. Дым уходил сквозь распахнутое окно к солнцу. Они постепенно превращались в обычных людей, слишком израненных, чтобы продолжать жить. Один за другим они пали замертво.

Когда нападавшие упокоились, Алёша обернулась и метнула свои кинжалы в солдат, пытавшихся убить Касю. Лезвия глубоко вонзились в их спины и из ран снова появился черный дым, обвиваясь вокруг клинка. Сперва один, потом второй тоже упали на пол.

Когда они умерли, в комнате внезапно стало странно тихо. Петли гардероба скрипнули. Я вздрогнула. Дверь приоткрылась, и Кася обернулась. Изнутри, сжимая в ручке маленький меч, пытался выглянуть Сташек с испуганным лицом.

— Не смотрите, — сказала Кася, вынув из гардероба длинный плащ из ярко-красного бархата. Она накрыла им головы детей и обняла руками. — Не смотрите, — повторила она, прижимая их к себе.

— Мама, — позвала девочка.

— Тихо, — сказал ей брат дрожащим голосом. Я прикрыла рот обеими руками и разрыдалась.

Алёша с трудом втянула в себя воздух. На ее губах вздулись кровавые пузыри. Она прислонилась к кровати. Я шагнула и потянулась к ней, но она отмахнулась. Она сделала манящий взмах рукой, произнесла: «Natol!», — и из воздуха появился ее волшебный меч. Она вложила его рукоять в мою руку.

— Что бы не таилось в Чаше, — хриплым шепотом произнесла она, словно ее голос сожрало пламя: — найди это и убей. Пока еще не поздно.

Я взяла оружие, неловко держа его в руках. Едва отпустив рукоять меча, Алёша сползла на пол. Я присела рядом.

— Нужно позвать Иву, — предложила я.

Она едва заметно отрицательно качнула головой:

— Ступай. Уведи детей, — сказала она. — В замке небезопасно. Ступай. — Она откинула голову на кровать, закрыв глаза. Ее грудь вздымалась и опадала в быстрых вдохах.

Вся сотрясаясь, я выпрямилась. Я знала, что она права. Я это чувствовала. Король, наследник, а теперь и принцесса. Чаша намеревалась перебить их всех до одного. Всех добрых Алёшиных королей, а заодно перебить всех волшебников Польни. Я оглядела мертвых солдат в росиянской форме. Марек снова может во всем обвинить Росию. Он наденет корону и двинется на восток, и как только он истратит нашу армию, истребив столько росиянцев, сколько сумеет, Чаша поглотит и его, оставив страну без наследника и разодранной на части.

Я снова очутилась под кронами деревьев в Чаше, и ощутила чье-то следящее холодное ненавистное присутствие. Момент тишины в комнате был лишь передышкой. Каменные стены и солнце над головой ничего не значили. Взгляд Чаши был сфокусирован на нас. Чаша была рядом.

Мы завернулись в изодранные плащи, снятые с погибших часовых, и бросились наутек. Намокшие полы плащей оставляли позади на полу кровавые разводы. Я убрала Алёшин меч в то же странное место, в котором он прятался. Слово «hatol» открывало для меня карман, в который его можно было положить. Кася несла девочку, а я вела за руку Сташека. Мы спустились по винтовой лестнице в башне мимо площадки, на которой находилось двое мужчин, которые посмотрели на нас озадаченно и хмуро. Мы поспешили скрыться за следующим поворотом лестницы, и быстро оказались в узких коридорах возле дворцовых кухонь, по которым туда-сюда сновали слуги. Сташек пытался вырваться:

— Я хочу к отцу! — говорил он дрожащим голосом. — Хочу к дяде Мареку! Куда мы идем?

Я не знала ответ. Я действовала по наитию. Все, что я знала, нам нужно бежать. Чаща посеяла вокруг нас слишком много семян. Они таились в земле под паром, но теперь все начали приносить плоды. Раз скверна поселилась в королевском дворце, не было больше безопасных мест. Принцесса собиралась отвезти детей к своим родителям в Гидну, на северное море. Алёша говорила, океан не подвержен скверне. Но в Гидне все равно растут деревья, и Чаща станет преследовать детей до самого берега.

— В Башню, — ответила я, хотя не собиралась этого говорить. Слова вырвались у меня словно крик Сташека. Я хотела оказаться в тишине библиотеки Саркана, чувствовать легкий остро-сернистый запах лаборатории, чистые простыни и пустоту. Высокая Башня стояла в одиночестве у гор. У Чащи не было там опоры. — Мы отправляемся в Башню Дракона.

Некоторые слуги останавливались, оглядываясь на нас. За спиной на лестнице слышались шаги, и кто-то властно крикнул: «Эй, вы, там!»

— Держись за меня, — сказала я Касе. Я коснулась рукой стены замка и прошептала заклинание прохода сквозь стены, проведя нас прямо в кухонный огород под изумленным взглядом одного из садовников, который даже поднялся с колен от удивления. Я бежала мимо грядок с бобами держа за руку пораженного Сташека. Кася бежала следом. Мы добрались до мощной внешней стены. Я провела нас и сквозь нее тоже. Пока мы пробирались сквозь кучи грязи вниз по склону к текущей впереди Вандалусе, позади тревожно зазвонили колокола замка.

Здесь течение огибающей замок, покидая город и направляясь на восток, реки было быстрым и глубоким. Высоко в небе раздался крик хищной птицы: вокруг замка широкими кругами летал сокол. Может это Соля высматривает нас? Я сорвала на берегу охапку камыша без помощи каких-либо заклинаний и колдовства — все вылетело из головы. Вместо этого я вытащила из своего плаща нитку и связала камыш с двух сторон. Я бросила связку на берег наполовину погруженной в воду и вдохнула в нее силу. Она выросла в длинную легкую лодку. Мы вскарабкались внутрь как только течение вытащило ее с берега в воду и быстро потащило, ударяясь попутно с каждой стороны о камни. Позади раздался крики. На внешней стене высоко над нами появились стражники.

— Вниз! — крикнула Кася, и уложила детей ничком, накрыв их своим телом. Стражники дали по нам залп стрел. Одна из них попала ей в спину, пробив плащ. Другая впиалась рядом со мной и застряла, подрагивая, в борте лодки. Я выдернула из стрелы оперение и подбросила перья вверх над нами. Они вспомнили то, чем были когда-то и

превратились в стайку пташек, которые принялись со свистом виться над нами, на несколько мгновений укрыв нас за собой. Я взялась за борта лодки и произнесла ускоряющее заклинание Яги.

Мы стрелой помчались вперед. В одно мгновение вид исчезающего позади замка и города смазался, постепенно превращаясь в подобие детских игрушек. Второе — они исчезли за изгибом русла реки. Третье — мы уперлись в пустующий берег реки. Моя камышовая лодка развалилась, и мы оказались в воде.

Я едва не утонула. Вес моей одежды потащил меня вниз, в мутную воду. Свет над моей головой померк. Рядом со мной трепыхался ворох Касиных юбок. Я слепо начала барахтаться, стараясь выбраться на поверхность и наткнулась на протянутую маленькую ручку. Сташек поймал мою руку и подвел ее к корню дерева. Откашливаясь, я вытянула себя наверх, и заставила себя встать на ноги в воде. «Нешка!» — выкрикнула Кася. У нее на руках сидела Маришка.

Мы выбрались на податливый глинистый берег. С каждым шагом Кася глубоко проваливалась в почву, оставляя в ней отверстия, медленно заполнявшиеся водой. Я опустилась на сырую траву. Меня потряхивало от наполнявшей меня силы, которая стремилась бесконтрольно выплеснуться из меня во все стороны. Мы очутились здесь слишком быстро. Мое сердце все еще несло вскачь под ливнем стрел, отчаянно летело, не понимая, что я сижу в вымазанной глиной юбке на спокойном пустынном берегу, где водомерки перепрыгивают созданные нами круги на воде. Слишком много времени я провела в замке, в окружении каменных стен и людей. Этот речной берег казался мне не настоящим.

Сташек обессиленно сел рядом со мной. На его маленьком серьезном лице читалось удивление. Мариша пробралась к нему и свернулась в комочек рядом с ним. Брат обнял ее рукой. Кася села рядом с ними с другой стороны. Я с удовольствием растянулась бы прямо здесь и проспала целый день или неделю. Но Мареку было известно, куда мы направились. Соля отправит по нашим следам вдоль реки своих шпионов. Времени на отдых не было.

Из собранной на берегу глины я слепила пару грубых быков и вдохнула в них жизнь, а из топляка соорудила повозку. Не пробыв в пути и часа, я услышала, что меня зовет Кася. Она смотрела назад, и я быстро направила упряжку в рощицу, растущую в стороне от дороги. Позади было видно приближающееся по дороге пылевое облако. Я натянула вожжи, и быки покорно остановились. Мы затаили дыхание. Облако росло невероятно быстро. Оно приближалось все быстрее, и вдруг мимо нас промчалась группа всадников в красных плащах с арбалетами и обнаженными мечами. От лошадиных копыт, обутих в стальные башмаки, разлетались колдовские искры, и копыта стучали по накатанной дороге как колокола. Одно из изобретений Алёши оказалось обращено Чащей против нас. Я дождалась, пока облако исчезнет из виду, прежде чем вернуть повозку на дорогу.

Когда мы попали в первый городок, то обнаружили уже развешенные объявления. Они были нарисованы грубо и поспешно. На длинном пергаменте, приколотом к дереву у церкви, были изображены наши с Касей лица. Я не задумывалась о том, что это значит, быть преследуемой. Я планировала осмотреться в городе, задержаться и купить еды. Наши желудки уже сжались от голода. Вместо этого, укутавшись с головой в плащи, мы проехали мимо, ни с кем не заговаривая. Весь путь по улицам мои руки с вожжами тряслись от страха, но нам повезло. Это был базарный день. Городок, находившийся рядом со столицей, был довольно большим. Вокруг было полно приезжих и на нас не обратили никакого внимания и

не потребовал открыть лица. Едва мы проехали здания, я принялась дергать поводья, подгоняя быков, пока городок полностью не скрылся позади.

Нам пришлось сворачивать с дороги еще дважды, пропуская спешащих всадников. И еще раз поздно вечером, когда мимо нас в сторону Кралевии промчался королевский гонец в красном плаще. В надвигающихся сумерках ярко сверкали искры из-под копыт его коня. Он нас не заметил, полностью сосредоточившись на скачке. Мы для него были всего лишь смутной тенью за изгородью. Пока мы прятались, я заметила какой-то темный прямоугольник за нашими спинами. Это оказался открытый дверной проем заброшенного дома, затерявшегося среди деревьев. Пока Кася следила за быками, я обшарила заросший сад, обнаружив горсть поздней земляники, несколько старых реп, луковиц и несколько стручков бобов. Большую часть еды мы отдали детям. Они уснули в повозке, а мы вернулись на дорогу. По крайней мере нашим глиняным быкам не требовалось отдыхать и есть. Они могли двигаться всю ночь напролет.

Кася села на козлы рядом со мной. Звезды поспешно загорелись в широком и темном небе, таком далеком от всех живущих. Было прохладно и безветренно, слишком тихо. Повозка не скрипела, а быки не мычали и не фыркали.

— Ты не попыталась предупредить их отца, — тихо сказала Кася.

Я сидела, уставившись вперед на темную дорогу:

— Он тоже мертв. Росиянцы устроили засаду.

Кася осторожно взяла меня за руку, и мы держались так под громыхание катящейся повозки. Спусти какое-то время она сказала:

— Принцесса умерла на моих руках. Она спрятала детей в шкаф и заслонила его собственным телом. Они пронзали ее раз за разом, но она все равно пыталась держаться, загораживая дверь. — Ее голос дрогнул: — Нешка, ты можешь сделать для меня меч?

Мне не хотелось. Конечно, разумно было бы дать ей оружие на случай если нас поймают. За нее я не боялась. Кася даже в бою будет в относительной безопасности — мечи просто затупятся о ее кожу, а стрелы просто отскочат, даже не оцарапав. Но с мечом в руке она станет опасной и устрашающей. Ей не нужны ни щит, ни доспехи, и даже не нужно думать. Она может пройти сквозь строй солдат как спокойный и ритмичный косарь. Я вспомнила Алёшин меч. Эту странную жаждущую убивать вещь. Несмотря на то, что он был спрятан в волшебный карман, я чувствовала его тяжесть за спиной. Кася может стать таким непримиримым мечом, но ей не обязательно иметь одно-единственное применение. Мне не хотелось для нее такой участи. Не хотелось, чтобы ей был нужен меч.

Это было бесполезное желание. Я взяла поясной нож, а она отдала мне свой. Я сняла пряжки с поясов, с башмаков и заколки с плащей. Сломала с дерева, которое проезжали мимо, сук, и все это разложила на моей юбке. Пока Кася управляла повозкой, я попросила вещи распрямиться, и стать острыми и прочными. Я пропела им без слов песенку о семи рыцарях. Предметы выслушали ее, лежа на моих коленях и соединились в длинное изогнутое одностороннее лезвие, похожее больше на кухонный нож, чем на меч, с небольшими стальными выступами, чтобы удержат деревянную рукоять. Кася подняла его, взвесив в руке, потом кивнула и спрятала под сидение.

На третий день пути за ночь начали неуклонно расти горы, успокаивая даже на расстоянии. Быки двигались хорошим шагом, и все равно нам приходилось прятаться за изгородями и пригорками или в заброшенных домах каждый раз, когда на дороге показывались всадники, а они ездили регулярно. По началу я была только рада всякий раз, как нам удавалось от них спрятаться, слишком озабоченная захлестывающими меня испугом и облегчением, чтобы как-то это обдумать. Но пока мы сидели за изгородью, наблюдая за исчезающим впереди пылевым облаком, Кася заметила: «Они продолжают съезжаться», и как только я поняла, что для простой доставки сообщения о поимке нас, всадников слишком много, я почувствовала, как в животе сжался холодный комок. Они затевают что-то еще.

Если Марек приказал перекрыть перевалы, а его люди окружат Башню и схватят Саркана, застав его врасплох, пока он сдерживает Чашу в Заточках...

Нам не оставалось ничего иного, как продолжать путь, но вид гор уже не успокаивал как раньше. Мы не знали наверняка, что обнаружим, когда окажемся по ту сторону. Весь день, когда дорога начала взбираться на предгорья, Кася провела в повозке с детьми, пряча под плащом меч. Солнце стояло высоко, ярко освещая теплым золотистым светом ее лицо. Она выглядела отстраненной и странной, не по-человечески спокойной.

Мы въехали на вершину холма и увидели последний перекресток к Желтым болотам, где находился небольшой колодец с поилкой для лошадей. Дорога была пустой, хотя трава по обеим сторонам от нее была полностью вытоптана ногами и лошадиными копытами. Я не знала, произошло ли это в результате обычного движения тут или быть может нет. Кася достала воды, чтобы мы смогли напиться и смыть с лиц дорожную пыль, а я замесила немного свежей глины, чтобы починить наших волов. За день пути они начали трескаться тут и там. Сташек молча принес мне несколько пригоршней пыльной травы.

Мы как могли аккуратно рассказали детям, что случилось с их отцом. Мариша ничего не поняла, но напугалась. Она уже несколько раз спрашивала нас о маме. Сейчас она почти все время, как маленький ребенок, цеплялась за Касину юбку и никуда далеко от нее не отходила. Мальчик понял все слишком хорошо. Он выслушал это известие в полном молчании, а потом сказал мне:

— Это дядя Марек хотел нас убить? Я уже не ребенок, — добавил он, глядя мне в лицо, словно мне требовалось это услышать, раз он спрашивает меня о подобных вещах.

— Нет, — с трудом выдавила я, несмотря на спазм в горле. — Но он позволяет Чаше собой управлять.

Не уверена, что Сташек мне поверил. С тех пор он стал очень молчалив. Он был очень терпелив с Маришей, которая вцепилась и в него тоже, и везде, где мог помогал в работе. Но почти постоянно молчал.

— Агнешка, — сказал он, когда я закончила чинить поврежденную ногу второго вола, и выпрямилась, чтобы вымыть от глины руки. Я повернулась и проследила за его взглядом. Отсюда была на многие мили виден пройденный нами путь. На западе вся дорога скрылась за плотным пылевым облаком. Пока мы наблюдали, оно двигалось, приближаясь к нам. Кася подхватила Маришу. Я прикрыла рукой глаза от солнца и прищурилась.

Это был идущий отряд из нескольких тысяч человек. Впереди между всадниками и огромным бело-красным знаменем блестела стена копий. Я заметила во главе фигуру в серебристых доспехах верхом на гнедом коне. Рядом на серой лошади ехал всадник в белом плаще...

Мир накренился, сузился и обрушился на меня. Лицо Соли резко скакнуло вперед,

приблизившись: он смотрел прямо на меня. Я так резко отстранилась, что даже упала на землю.

— Нешка? — сказала Кася.

— Скорее, — выдохнула я, поднимаясь на ноги, и подталкивая мальчика к повозке. —

Он меня заметил.

Мы направились в горы. Я пыталась сообразить, как далеко от нас находится армия. Если бы в этом был какой-то прок, я бы подстегнула волов, но они двигались так быстро, как могли. Дорога была узкой и извилистой, полна камней, а их ноги начали быстро крошиться и ломаться. И даже, если бы я могла заставить себя остановиться, нигде не было глины для их починки. Я не посмела воспользоваться ускоряющим заклинанием, поскольку не знала, что нас ждет за следующим поворотом. Что если там засада, и я отдам нас прямо в ее руки, или еще хуже — сброшу нас в пропасть?

Левый вол внезапно упал вперед. Его нога отломилась и разбилась о камни в глиняную пыль. Второй вол провез нас немного дальше, и между парой шагов просто развалился на части. Потеряв равновесие, повозка опрокинулась, и мы вывалились наружу, оказавшись на куче хвороста и сухой травы.

К тому времени мы уже были глубоко в горах. По обе стороны от петляющей дороги возвышались высокие вершины с сухими, корявыми деревьями. Видно было недалеко, так что мы не могли понять, далеко ли находится преследовавшая нас армия. Обычно чтобы пересечь перевал требовался день. Кася подняла Маришу со Сташеком на ноги. Он упрямо шагал рядом со мной, не жалуясь на спешку, сбитые ноги и нехватку воздуха в воспаленном горле.

Мы остановились перевести дыхание у выступа с крошечным летним ручейком. Его хватало лишь на то, чтобы набрать пару горстей воды для наших пересохших ртов, и когда я выпрямилась, то вздрогнула от хриплого крика, раздавшегося над моей головой. На меня с ветки торчащего между камней кривого дерева смотрела черная ворона с глянцевыми перьями. Она снова громко каркнула.

Мы бросились бежать, но ворона последовала за нами, перескакивая с камня на камень. Я бросила в нее камень, пытаюсь заставить ее отстать, но она лишь отпрыгнула и снова каркнула с едким триумфом в голосе. Чуть погодя к ней присоединились еще две товарки. Тропа петляла вдоль гребня хребта, трава осторожно спускалась по обе стороны крутого склона.

Мы продолжали бежать. Когда одна из гор отступила, тропа нырнула вниз, оставив по правую руку головокружительную пропасть. Должно быть к тому времени мы уже миновали перевал. Я еще долго не могла остановиться, чтобы как следует об этом задуматься, и почти тащила за собой Сташека. Где-то позади я слышала ржание лошади. Может она оступилась, слишком быстро двигаясь по узкой тропе. Вороны, кроме нашей неизменной спутницы, взмыли в воздух, кружа над нами и наблюдая. Последняя прыгала рядом, не спуская с нас ярких глаз.

Воздух был разряжен. Мы задыхались, хватая ртом на бегу воздух. Солнце катилось к закату.

— Стойте! — кто-то выкрикнул далеко позади, и над нашими головами, лязгнув о камни, ударилась упавшая стрела. Кася остановилась, впихнула Маришу в мои объятия, и когда я ее схватила, заняла место позади нас. Сташек испуганно оглянулся на меня.

— Беги! — сказала я. — Не останавливайся, пока не увидишь башню! — мальчик

побежал и исчез, обогнув стену камня. Я поплотнее прижала к себе Маришу, которая обвила руки вокруг моей шеи и обхватила меня ногами, и бросилась за ним следом. Лошади преследователей были так близко, что мы уже слышали как из-под их копыт осыпаются камни.

— Я ее вижу! — прокричал Сташек откуда-то спереди.

— Держись крепче, — сказала я Марише, и побежала что есть сил. Ее тело билось с мое. Она впечаталась щекой в мое плечо и молчала. Мальчик нервно оглянулся, когда я запыхавшись выбежала за поворот. Он стоял на выдающемся из склона горы выступе достаточно широком, чтобы считаться лугом. Мои ноги отказывались идти дальше. Я повалилась на землю, едва ненадолго удержавшись на коленях, чтобы опустить Маришу и не упасть на нее. Мы вышли на южный склон. Тропа под нами продолжала спускаться по склону, извиваясь из стороны в сторону, вплоть до самой Ольшанки.

А с другой стороны города перед западными горами в солнечном свете светилась белая Башня Дракона — по прежнему маленькая и далекая. Ее окружала небольшая армия в желтых сюрко. Я в отчаянии смотрела на Башню. Неужели они проникли внутрь? Огромные двери по-прежнему были закрыты. Не было дыма, идущего из окон. Не хотелось верить, что Башня пала. Мне хотелось выкрикнуть имя Саркана, хотелось самой броситься через разверзшуюся пропасть. Пришлось подняться на ноги.

Кася остановилась на узкой тропинке позади нас. Она обнажила меч, который я сделала для нее, навстречу показавшимся из-за поворота всадникам. Во главе них был сам Марек. Его шпоры были влажными от крови. Он, оскалившись, вытащил меч из ножен. Его гнедой пошел в атаку, но Кася не сдвинулась с места. Ее волосы распустились и заструились по ветру. Она пошире расставила ноги и выставила острие меча вперед. Мареку пришлось либо натягивать повод, либо лезть прямо на меч.

Он остановился, но ухитрился повернуть коня на узкой тропе, и ударил своим мечом по Касиному клинку. Та выдержала удар и отвела его в сторону силовым приемом. Ей удалось выбить меч из руки Марек. Тот упал на край тропы и свалился вниз, исчезнув на склоне в потоке щебня и пыли.

— Копье! — выкрикнул Марек, и один из солдат подкинул ему свое. Принц легко поймал его, разворачивая коня на тропе. Он взмахнул копьем по широкой длинной дуге, едва не задев Касин бок. Ей пришлось отскочить назад. Если бы ему удалось сбросить ее с тропы, то уже не имело бы значения, что она сильнее. Она попыталась перехватить острие копья, но Марек слишком быстро его отдернул. Потом он немедленно двинул лошадь вперед, а затем поднял на дыбы, нацелив кованные подковы в Касину голову. Он теснил ее назад. Как только он сумеет добраться до расширения дороги, солдаты просочатся мимо Каси и окружают её. Затем, миновав её, они смогут напасть на нас, на детей.

Я на ощупь начала вспоминать заклинание Дракона — его перемещающее заклятие. «Valisu» и «zokinezh»... но еще до того, как я попыталась сложить слова вместе, я уже знала, что из этого ничего не выйдет. Мы еще не были внутри долины, так что этот путь был для нас закрыт.

Из-за разряженного воздуха и отчаяния в моей голове было пусто. Сташек подобрал Маришу и крепко ее обнял. Закрыв глаза, я произнесла заклинание иллюзии. Я представила библиотеку Саркана, поднимающиеся прямо с голых скал вокруг нас стеллажи, корешки книг с золотыми буквами, запах кожи, заводная птица в клетке, окно из которого была видна вся зеленая долина и извилистая река. Я даже увидела в иллюзии нас: крохотные, похожие

на муравьев, копошащиеся на горном склоне фигурки. За спиной Марека выстроилось два десятка человек. Как только он проложит себе путь к расширению дороги, они тут же бросятся на нас.

Я знала, что Дракона там нет. Он был на востоке в Заточке, где с границы Чащи в небо поднимался тонкий столб дыма. Но я все равно поместила его в библиотеку, за стол. Жесткие черты его лица освещают зажженные никогда не оплывающие свечи. Он смотрит на меня с раздраженным, сбитым с толку выражением на лице: «Что ты себе позволяешь?»

— Помоги мне! — ответила я ему, подтолкнув к нему Сташека. Дракон непроизвольно вытянул вперед руки, и дети вместе оказались у него. Сташек закричал, и я увидела, что как он смотрит снизу-вверх на Дракона выпученными глазами. Саркан смотрел на него.

Я повернулась. Место рядом со мной было наполовину библиотекой, наполовину склоном горы.

— Кася! — закричала я.

— Уходи! — выкрикнула она в ответ. Один из солдат за спиной Марека хорошо видел меня и библиотеку. Он опустил лук, наложил стрелу и прицелился.

Кася присела под копьё, бросилась вперед к лошади Марека и обеими руками с силой толкнула животное в грудь. Лошадь взвизгнула и попятилась, присев на задние ноги и набросилась на нее. Марек ударил Касю ногой, попав в подбородок, и вонзил между ними копьё как раз за ее лодыжкой. Он бросил поводья, обеими руками схватившись за древко, но каким-то образом ему все равно удавалось заставлять делать лошадь то, что ему было нужно. Животное повернулось, когда это произошло, он изогнулся телом, сжимая копьё и оттолкнул Касю. Лошадь ударила ее задними ногами, заставив попятиться на край тропы. Марек нанес быстрый и сильный удар. Она упала. У нее не было времени даже на то, чтобы закричать. Она просто охнула и упала, утащив за собой клок травы, за который цеплялась.

Я закричала: «Кася!» Марек повернулся ко мне. Лучник пустил стрелу, тренькнула тетива.

Мои плечи с неожиданной силой обхватили чьи-то знакомые руки. Они тянули меня назад. Стены библиотеки бросились мне на встречу и сомкнулись вокруг как раз перед тем, как успела пролететь стрела. Свист ветра, пощипывание холодного воздуха пропало с кожи. Я обернулась и уставилась на Саркана. Он стоял прямо за моей спиной. Это он втащил меня.

Его руки еще сжимали мои плечи. Я была прижата к его груди. Во мне боролись тревога и тысяча вопросов, но он опустил руки и сделал шаг назад, и я поняла, что мы не одни. На столе была расстелена карта долины. С дальнего конца стола стоял, изумленно глядя на нас, огромный широкоплечий мужчина с бородой до пояса в торчащей из-под желтого сюрко кольчуге. За его спиной стояли четверо вооруженных солдат, сжимавших рукояти мечей.

— Кася! — заплакала Маришка и забилась в объятьях брата. — Хочу к Касе!

Я тоже хотела к Касе. Меня до сих пор трясло от воспоминания ее падения со склона. С какой высоты она может упасть без ущерба для себя? Я подбежала к окну. Мы находились далеко, но я видела легкий след пыли там, где она упала, словно по склону горы прочертили полосу. Она казалась крохотной темной кучкой, состоящей из темно-коричневого плаща и золотистых волос, в конце следа, обрывающегося в сотне футов у подножия горы. Я постаралась собраться воедино с мыслями и с силой. Мои колени дрожали от усталости.

— Нет, — сказал Саркан, становясь рядом. — Остановись. Не знаю, как ты это проделала, и, полагаю, что буду потрясен, когда это выясню, но за истекший час ты слишком потратилась. — Он направил указательный палец в окно на крохотную кучу, в превратилось

Касино тело, и прищурил глаз: — Tualidetal, — произнес он, сжал руку в кулак, резко дернул руку на себя и указал пальцем на пустое место на полу.

Кася появилась из воздуха в том месте, куда он указал, оставив на полу коричневый пыльный след. Она перекатилась и, слегка пошатываясь, быстро вскочила на ноги. На ее руках были видны несколько кровоточащих порезов, но меч она сберегла. Моя подруга посмотрела на вооруженных людей за столом и взяла Сташека за плечо. Она спрятала его себе за спину и выставила меч как преграду.

— Тише, Маришенька, — сказала она, быстро коснувшись щеки девочки, чтобы ее успокоить. Девчушка потянулась к ней.

Здоровяк все это время молча наблюдал. Внезапно он произнес:

— Боже небесный, Саркан, это же младший принц.

— Да уж, я так и подумал, — ответил Саркан. Он выглядел смирившимся с ситуацией. Я посмотрела на него, до сих пор не веря, что он здесь. Он похудел с тех пор, как я видела его в прошлый раз и был почти таким же растрепанным, как и я. Его щеки и шею покрывала сажа, и вся кожа была покрыта тонким слоем серого налета настолько, что под расстегнутым воротником образовалась полоса, отделяющая чистую кожу от грязной. На волшебнике был надет длинный не застегнутый кафтан из грубой кожи. Края рукавов и полы кафтана были опалены до черна, и по всей его длине были видны подпалины. Он выглядел так, словно только что вернулся после сжигания Чащи. Интересно, может это я его призвала с помощью своего заклинания?

Выглянув из-за Касиной спины Сташек сказал: — Барон Владимир? — Он покрепче, для защиты, обнял Маришу, и посмотрел на Саркана. — А вы — Дракон? — спросил он высоким, дрожащим и недоверчивым тоном, словно думал, что выглядит не совсем подобающе. — Агнешка вела нас сюда, чтобы защитить, — добавил он с еще большим сомнением.

— Разумеется, она права, — произнес Саркан. Он выглянул в окно. Марек с его отрядом уже спускался вниз со склона, и они были не одни. Через горный перевал шла колонна армии. Их ноги подняли сиявшее золотым цветом в закатном солнце пыльное облако, которое словно туман тянулось вниз в сторону Ольшанки.

Дракон повернулся обратно ко мне:

— Ну, что же, — сказал он едко, — ты все же привела людей.

— Должно быть он выгреб на юге всех солдат до последнего, — сказал барон Желтых болот, изучая армию Марека. Барон был крупным мужчиной с уютным пузиком, носивший доспехи словно обычную рубашку, и даже в нашей деревенской таверне чувствовал бы себя как дома.

Он едва успел получить приглашение прибыть в столицу на похороны короля, как прибыл новый ускоренный волшебством гонец от Марека, сказавший, что наследный принц тоже погиб, и передавший приказ перейти горы, арестовать Саркана по обвинению в скверне и предательстве, а также устроить мне и детям засаду. Барон согласился, отдал приказ своим людям собираться и дождался отъезда гонца. Потом он перевел своих людей через перевал и направился прямо к Саркану, рассказав, что в столице творится какое-то непотребство с участием скверны.

Они вместе вернулись в Башню, и его солдаты разбили лагерь под ее стенами и поспешно принялись возводить защитные укрепления.

— Но против такого мы не продержимся дольше одного дня, — сказал барон, ткнув большим пальцем за спину в сторону спускавшейся по склону армии. — Так что лучше тебе иметь туз в рукаве. Я сказал жене написать Мареку, что я должно быть совсем спятил или осквернен, так что надеюсь он не обезглавит ее с детьми, но я бы и сам не прочь остаться при своей голове.

— Они смогут сломать двери? — спросила я.

— Если будут долго стараться, — ответил Саркан. — И если уж зашла речь, то и стены. — Он указал на пару деревянных телег, на которых по склону горы везли длинные железные стволы. — Даже заклинания не выстоят долго против пушек.

Он отвернулся от окна.

— Ты знаешь, что мы уже проиграли, — без обиняков заявил он. — Каждый, кого мы убьем, каждое заклинание и снадобье, которое мы потратим, все это послужит Чаще. Мы могли бы отвезти детей к родителям ее матери и организовать свежую линию защиты на севере, вокруг Гидны...

Он не сказал ничего нового, даже не догадываясь, что я летела домой как птица к пылающему гнезду.

— Нет, — ответила я.

— Выслушай, — сказал он. — Я знаю, что твое сердце принадлежит этой долине. И знаю, что тебе не легко от нее отказаться...

— Потому что я к ней привязана? — резким тоном спросила я. — А со мной и все остальные девушки, которых ты забирал? — Я ворвалась в его библиотеку с армией на плечах, отбиваясь от десятка окруживших нас солдат, и времени поговорить не было, но я еще не простила его. Мне хотелось остаться с ним наедине и трясти его как грушу, пока не добьюсь от него ответов, а потом для профилактики еще немного. Он замолчал, и я заставила себя сбавить накал гнева. Время было не подходящее.

— Нет не поэтому, — вместо этого сказала я. — Чаща сумела добраться до королевского замка в Кралии, который находится в недели пути отсюда. Думаешь, есть такое место, куда бы мы могли увезти детей и Чаща их не достанет? Здесь, по крайней мере, у нас есть шанс на победу. А вот если мы сбежим, если позволим Чаще захватить всю долину, мы

нигде не сможем найти такую армию, чтобы пробиться в ее сердце.

— К сожалению, та, что у нас имеется, — едко заметил он, — в настоящее время направляется в другую сторону.

— Значит, нужно убедить Марека развернуть ее куда следует.

* * *

Мы с Касей отвели детей в подвал, где было самое безопасное место, и соорудили для них постель из соломы и запасных одеял, найденных на полке. Кухонные кладовые были неподвластны времени, и мы настолько проголодались за целый день бегства от погони, что даже нервные потрясения не могли отбить нам аппетит. Я принесла из дальней кладовой кролика и сунула в горшок вместе с морковкой, горстью сухой крупы и залила все водой. Потом произнесла над этим «lirintalem», чтобы сделать из этого что-то съедобное. Мы сообща прикончили получившееся блюдо даже без использования тарелок, после чего обессиленные дети завалились спать, прижавшись друг к другу.

— Я сними останусь, — сказала Кася, присев рядом с лежанкой. Она положила рядом свой обнаженный меч, и погладила рукой голову спящей Мариши. Я замесила в чаше простое тесто, просто муку с солью и понесла наверх в библиотеку.

Снаружи солдаты Марека устанавливали для него белый шатер с двумя высокими столбами перед входом, на которых горели волшебные фонари. Их голубоватый свет придавал белой ткани неземной оттенок, словно шатер прилетел прямиком из рая. Видимо в этом и был смысл. На самой высокой точке развевался королевский стяг, изображавший красного коронованного орла с раскрытыми клювом и растопыренными когтями. Солнце садилось. По долине медленно ползла тень от западных гор.

Между фонарями вышел и встал герольд в официальной белой форме с тяжелой золотой цепью его должности на груди. Еще один образец труда Рагостока: с ее помощью его голос было слышно у стен Башни безо всякого рупора словно трубный рев. Он перечислил все наши преступления: скверна, предательство, убийство короля, убийство принцессы Малгоржаты, убийство отца Балло, сговор с предательницей Алёшей, похищение принца Казимира Станислава Алгирдона и принцессы Регелинды Марии Алгирдон... мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что он имеет в виду Сташека с Маришей... а так же сговор с врагами Польни и так далее.

Перечисление закончилось требованием вернуть детей и немедленно сдать. После этого герольд сделал паузу — передохнуть и глотнуть воды — потом начал перечислять наши злодеяния снова. Люди барона нервно суетились в лагере у подножия Башни и искоса поглядывали на окна.

— Мда, кажется Марек весьма расположен к уговорам, — саркастично сказал Саркан, входя в комнату. На его шее, тыльной стороне ладоней и на лбу поблескивали небольшие мазки масла. Он создавал в лаборатории эликсиры сна и забывчивости. — Что ты собралась с этим делать? Сомневаюсь, что Марек съест отравленный хлеб, если это и есть твой замысел.

Я вывернула тесто на гладкую мраморную столешницу длинного стола. У меня в голове мелькали смутные образы волов и способ, которым я их создала. Верно, они потом развалились — но ведь они были сделаны из обычной глины.

— У тебя есть песок? И еще немного железных опилок? — спросила я его.

Пока герольд надрывался снаружи, я добавила в тесто песок и железо. Саркан уселся напротив меня с пером, делая выписки из своих книг заклинаний иллюзии и смятения. Между нами стояли песочные часы, отмеряющие время, необходимое для приготовления его зельям. Пара недовольных солдат барона стояла в углу комнаты, неловко переминаясь с ноги на ногу, ожидая, пока он закончит. Волшебник отложил перо одновременно с осыпавшимися последними крупинками песка в часах, великолепно выверив время. — Ладно, ступайте за мной, — сказал он солдатам, проводившим его до лаборатории, где он отдал им флаконы, которые они должны были отнести вниз.

Тем временем я работала, в равномерном ритме замешивая и замешивая тесто, и мурлыкала под нос мамину песенку для выпекания. Я размышляла об Алёше, которая снова и снова выковывывала один меч, с каждым разом добавляя в него новую крупницу волшебства. Когда мое тесто стало пластичным и гладким, я отделила от него кусочек и скатала из него в руках башню. Ее я поместила в центр, сложив тесто с одной стороны, изображая стену гор у нас за спиной.

Саркан вернулся в комнату и хмуро уставился на мое творение:

— Очаровательная модель, — сказал он. — Уверен, дети будут в восторге.

— Давай-ка помоги мне, — позвала я его. Прищипнув мягкое тесто, я возвела вокруг башни стену и начала ритмично напевать над ней повторяющееся заклинание земли: «fulmedesh, fulmishta». Чуть дальше я изобразила вторую стену, потом третью. Я продолжала едва слышно им напевать. Из-за окна раздался протяжный стон, словно скрип дерева во время сильного ветра, и пол под ногами чуть задрожал: камень и земля проснулись.

Саркан наблюдал сильнее нахмурившись. Я затылком ощущала его взгляд. В моей памяти шевельнулось воспоминание о нашей последней совместной работе в этой самой комнате — растущие между нами во все стороны розы и шипы. Мне хотелось и одновременно не хотелось от него помощи. Мне хотелось еще немного позлиться на него, но сильнее хотелось душевной связи. Хотелось прикоснуться к нему, хотелось почувствовать руками укус его бриллиантово-чистой волшебной силы. Но я продолжала трудиться одна, склонив голову.

Он повернулся и подошел к одному из шкафов. Вернулся он с ящичком, полоненным разнокалиберными осколками серого камня, похожего на тот же гранит, из которого была сложена Башня. Своими длинными пальцами волшебник начал выбирать из ящичка камешки и впечатывать их в выстроенные мною стены, произнося заклинание починки, которое обычно применялось к заделыванию трещин и сколов на камне. Его сила проникла в получившуюся глину, ярко вспыхивая там, где она соприкасалась с моей. Он привнес в заклинание камень, подложив под него глубокою основу, приподнимая вверх меня и мою работу, словно подставив под меня ступени лестницы, чтобы я могла возвести стены еще выше.

Я включила его силу в мою работу, снова и снова проводя руками вдоль стен, мой напев все еще следовал под мелодию его заклинания. Я метнула в него быстрый взгляд. Он сидел, уставившись на тесто, стараясь сохранять хмурый вид. В то же время он был озарен ярким сверхъестественным светом, который он всегда привносил в свою работу: обрадованный и одновременно раздраженный тем, что не может не радоваться.

Солнце снаружи зашло. Над поверхностью моего теста появилось легкое мерцающее голубовато-фиолетовое свечение словно пламя над горящим крепким ликером. Я едва могла

разглядеть его в сумраке комнаты. И вдруг волшебство вспыхнуло как хворост. Получился взрыв, прорыв волшебства, но на сей раз Саркан был готов к прорыву дамбы. Даже подхватив заклинание, он резко отстранился от меня. Инстинктивно я сперва потянулась к нему, но потом тоже отпрянула. Мы вернулись в наши собственные тела вместо того, чтобы расплескать нашу силу друг на друга.

Сквозь окно донесся шум как во время ледохода. Раздались крики. Я бросилась мимо Саркана с пунцовым лицом — чтобы отойти от него, а также взглянуть. Волшебные фонари рядом с шатром Марке раскачивались вверх вниз, словно на плывущей по волнам лодке. Поверхность земли колебалась словно вода.

Люди барона быстро пятились к стенам Башни. Собранные ими рогатки, напоминавшие скорее кучи палок, развалились на части. В свете волшебных фонарей я заметила, как из шатра, нагнувшись и сжав кулаки, вышел сам Марек в сияющих доспехах и с золотой цепью, той самой, в которой выходил герольд. Суестьящая толпа солдат и слуг перед ним брызнула в стороны, разбегаясь с дороги: огромный шатер целиком рушился.

— Зажгите факелы и костры! — неестественно громко крикнул Марек. Повсюду под испуганные голоса земля стонала и грохотала.

Из шатра выбрался Соля с другими людьми. Он выдернул из земли один из волшебных фонарей и поднял, произнеся какое-то отрывистое слово, от которого он вспыхнул ярче. Земля между Башней и лагерем осаждающих поднялась и пошатывалась как какое-нибудь ленивое животное, жалующееся, что приходится вставать на ноги. Камни и земля начали сами-собой формировать три высокие стены вокруг Башни, будто бы сложенные из свежесрубленных в карьере блоков с белыми прожилками и острыми краями. Мареку пришлось отдать приказ солдатам срочно оттащить пушку, но поднимающиеся стены выбили землю из-под их ног.

Земля, вздохнув, успокоилась. От Башни, словно волны, прошли несколько последних судорог и стихли. Со стен дождем осыпались земля и щебень. Высвеченное лицо Марека выглядело ошарашенным и гневным. В какой-то момент он посмотрел прямо на меня, задержав взгляд. Я посмотрела в ответ. Саркан оттащил меня от окна.

— Разозлив его сильнее, ты не заставишь Марека себя выслушать, — сказал волшебник, когда я повернулась к нему лицом, забыв укрыться под защиту гнева.

Мы стояли очень близко друг к другу. Он это заметил одновременно со мной и поспешно меня отпустил, шагнув назад. Волшебник отвернулся, стерев каплю пота со лба со словами:

— Лучше нам спуститься и успокоить Владимира, что мы не собираемся низвергнуть его солдат вместе с ним в центр земли.

* * *

— Могли бы заранее предупредить, — сухо заявил нам барон, когда мы вышли за ворота, — но я не жалею. На таких стенах мы сможем дать ему отпор посильнее, чем он рассчитывал... если только сами сможем между ними перемещаться. Наши веревки рвутся на этих камнях. Нужен сквозной проход.

Он попросил нас сделать в стенах два туннеля с противоположных сторон друг от друга, чтобы Мареку пришлось пробивать себе дорогу под стенами к каждому из них. Мы с

Сарканом для начала направились к северной части. Солдаты уже выставляли вдоль стены свои копья, блестящие наконечниками при свете факелов, с натянутыми поверх плащами, превращая их в импровизированные палатки. Несколько человек сидело у походных костров, размачивая сушеное мясо в кипятке, помешивая похлебку и засыпая в нее крупу. Заметив нас, они даже без просьб с нашей стороны, в испуге разбежались в разные стороны. Саркан кажется на это не обратил никакого внимания, но я помимо воли чувствовала, что это неправильно, странно и в этом есть моя вина.

Одним из солдат оказался парень приблизительно моего возраста, который виртуозно один за другим точильным камнем затачивал наконечники копий: шесть движений на каждый и готово — с такой скоростью, что двое человек, которые расставляли копья вдоль стены едва успевали вернуться за новыми. Должно быть он долго практиковался, раз наострился делать это настолько хорошо. Он не выглядел недовольным или угрюмым. Сам решил податься в солдаты. Возможно с ним приключилась история, которая начиналась примерно так: бедный дом, мать-вдова и три сестры, которых нужно кормить, девушка, живущая через пару домов от него, которая улыбалась ему через забор, когда он каждое утро выгонял скотину ее отца пастись на луг. Так что он отдал матери запивную деньгу и отправился зарабатывать состояние. Он упорно трудится, и собирается в скорости стать капралом, а потом и сержантом. Потом он отправится домой в форме, отдаст матери накопленное серебро и попросит руки улыбчивой девушки.

А может быть он потеряет ногу, и вернувшись домой горьким и скорбным калекой обнаружит, что она вышла замуж за того, кто может пахать. Или станет пьяницей, чтобы забыть тех, кого ему пришлось убивать, чтобы заработать свое богатство. Были и такие истории. У всех свои. У всех были отцы и матери, сестры или возлюбленные. Они были не одиноки в этом мире, предоставленные сами себе. Было очень плохо обращаться с ними словно с медяками в кошеле. Мне захотелось подойти и побеседовать с этим пареньком, узнать его имя и какова его история. Но потакать своим чувствам было бы нечестно. Я чувствовала, что солдаты прекрасно понимают, что мы специально их не выделяем из массы: таким-то количеством пожертвовать можно, а эдаким — слишком дорого — словно по отдельности они не самостоятельные люди.

Саркан фыркнул:

— Какая польза в расспросах солдат? Чтобы узнать, что кто-то из них родом из Дебны, у того отец портной, а у этого дома трое детей? Пусть лучше защищают возведенные тобой стены от Марека, чтобы он не перебил их утром.

— Уж лучше пусть Марек совсем не начинает, — ответила я раздраженно из-за того, что он не захотел понять. Единственный способ вынудить Марека начать переговоры, это заставить его отказаться платить слишком дорогую цену за приступ или создание бреши в этих стенах. И все равно я злилась за это на него, на барона, на Саркана и на саму себя. — У тебя остались родные? — внезапно спросила я у него.

— Не могу сказать, — ответил волшебник. — Трехлетним оборванцем я едва не сжег Варшу, пытаясь согреться на зимних улицах. Они даже не пытались отыскать мою семью, когда отправили меня в столицу. — Он говорил равнодушно, словно не возражал оборвать связь с остальным миром. — Не стоит строить ради меня печальные рожи, — добавил он. — Это случилось сто пятьдесят лет назад. С тех пор испустили дух пять королей... уже шесть, — поправился он. — Иди сюда и помоги мне найти трещину, чтобы ее расширить.

К этому времени совсем стемнело, и трещины можно было искать только наощупь. Я

положила руку на стену и почти сразу же отдернула ее назад. Камень странно шептал под моими пальцами хором глубоких голосов. Я присмотрелась повнимательнее. Мы выдернули из земли не только голые камни и землю: здесь же из почвы торчали сломанные куски резных блоков — основа старой разрушенной башни. На них в разных местах были вырезаны древние письмена, стершиеся и едва заметные, но даже полностью исчезнувшие, их можно было почувствовать. Я отняла руки и потеряла ладони. Пальцы казались пыльными и сухими.

— Они давно исчезли, — сказал Саркан, но отголоски не смолкли. Чаша разрушила эту последнюю башню, она поглотила и уничтожила весь этот народ. Быть может с ними случилось нечто подобное. Быть может они были извращены и обращены в орудие друг против друга, пока все не погибли, а корни Чаши могли потихоньку прорасти сквозь их кости.

Я снова положила руки на камень. Саркан нашел в стене узкую трещинку, едва достаточную, чтобы нащупать пальцами. Мы взялись с двух сторон и потянули. «Fulmedesh», — произнесла я, одновременно с его заклинанием для открывания. Щель между нами расширилась со звуком падения тарелок на каменный пол. Изнутри посыпался дождь каменной крошки.

Мы продолжали расширять трещину, а солдаты принялись вычерпывать осыпающиеся обломки шлемами и просто руками в латных рукавицах. Когда мы закончили в получившийся туннель едва мог протиснуться человек в доспехах, и то, пригнувшись. Внутри в темноте тут и там едва заметно горели серебристо-голубые буквы. Я как могла быстрее пробралась сквозь эту мышиную нору, пытаясь не обращать на них внимания. Солдаты начали рыть ров, а мы направились вокруг к южному концу стены, чтобы проделать второй проход.

Когда мы его закончили, солдаты Марека попытались пробить внешнюю стену, но пока не всерьез. Они начали бросать горящее тряпье, вымоченное в лампадном масле и небольшие кусочки металла, с шипами, торчащими в разных направлениях. Но их действия только осчастливили подчиненных барона. Те перестали следить за нами с Сарканом словно за ядовитыми гадами, а начали деловито выкрикивать приказы и занялись осадными приготовлениями, к которым они были привычны.

Нам не нашлось среди них места. Мы только мешались. Все таки я не стала пытаться ни с кем из них заговорить и молча вернулась за Драконом в Башню.

* * *

Он запер за нами огромные двери Башни, засов с грохотом, отразившимся от мраморного пола, опустился на железные скобы. Вход и большой зал не изменились. Вдоль стен все так же стояли узкие неудобные деревянные скамьи, сверху свисали светильники. Все выглядело так же натянуто и официально как в первый день, когда я испуганная и одинокая вошла сюда с подносом для еды. Даже барон предпочел спать снаружи со своими солдатами, благо погода была теплой. Я слышала их голоса сквозь стрельчатые окна, но лишь едва-едва, словно они находились очень далеко. Несколько солдат хором пели песню, скорее всего непристойную, но с задорным ритмом. Я не смогла разобрать ни слова.

— Наконец-то тишина, — произнес Саркан, поворачиваясь ко мне от дверей. Он вытер рукой лоб, оставив чистую полосу поверх толстого слоя серой каменной пыли, покрывавшей

его лицо. Его руки были покрыты пятнами зеленого порошка и переливающимися потеками масла, позволявшего светиться лампам. Он с отвращением посмотрел на них и на опустившиеся закатанные ранее рукава рабочей рубашки.

На мгновение мы должно быть остались в Башне одни: никаких армий снаружи, прячущихся в подвале королевских детей, и грозящей за дверью Чащи. Я позабыла про свою злость на него. Мне хотелось упасть в его объятия и прижаться лицом к груди, вдохнуть его запах, дым, пепел и смешавшийся с ними пот. Мне хотелось закрыть глаза и заставить его сжать меня в объятиях. Хотелось стереть пальцами с него пыль.

— Саркан, — произнесла я.

— Скорее всего они нападут с первыми лучами солнца, — поспешно сказал он, прерывая меня прежде, чем я успела сказать что-то еще. Его лицо стало похоже на закрытые двери. Он отступил от меня указывая в сторону лестницы: — Самое лучшее из того, что ты можешь сделать, немного поспать.

Какой разумный совет. Он осел у меня в животе неудобным комком. Я спустилась в подвал и свернулась калачиком рядом с Касей и детьми. За спиной было слышно их ровное дыхание. Это должно было успокаивать, вместо этого выглядело насмешкой: они спят, а ты — нет! Даже прохладный пол не мог охладить мою разгоряченную кожу.

Мое тело помнило этот бесконечный день. Этим утром я проснулась по другую сторону гор, и до сих пор слышала эхо приближающегося стука копыт погони. Я испуганно бегу с Маришей на руках, ребра раздирает от напряженного дыхания. Мои бедра — в сплошных синяках от ударов ее пяток. Я должна была потратить всю силу, но она при мне и шевелится в животе. Она переполняет меня и ищет выхода, словно я перезревший помидор, который, хочет лопнуть, чтобы получить облегчение.

А под окнами ждет армия.

Сомнительно, чтобы Соля сегодня готовил оборонительные и сонные заклинания. Скорее он бы залил наши укрепления жарким огнем и указал бы Мареку, куда направить его пушки, чтобы перебить побольше народа. Он был боевым волшебником, участником десятков битв, а за спиной Марека собралась вся армия Польни — шесть тысяч против шести сотен. Если мы не сумеем их остановить... если Марек пробьет построенные нами стены, сломает двери, перебьет нас и доберется до детей...

Я отбросила одеяло и поднялась. Кася приоткрыла глаза, увидела, что это я и тут же закрыла. Поеживаясь, я прошмыгнула к тлеющему очагу. Меня не покидала мысль о том, как просто можно все потерять, о наступающей на долину все затопляющей зеленой волной тьмы и ужаса Чаще. Я старалась не обращать на нее внимания, но в моем воображении на площади Дверника выросло очаговое дерево — раскидистое и устрашающее как то, что я видела в Поросне во владениях Чащи — и все, кого я любила, погребены под его жадными корнями.

Я поднялась и удрала от своего воображения наверх. В зале за стрельчатыми окнами было темно. Не было слышно даже отзвуков песен снаружи. Все солдаты уснули. Я направилась выше, миновала лабораторию с библиотекой из-под дверей которых были заметны зеленые, фиолетовые и голубые отблески. Но они пустовали. Внутри не было никого, на кого я могла бы накричать; никого, кто мог бы мне ответить или назвать дурой. Миновав еще один пролет, я остановилась на краю следующей площадки, где начиналась бахрама длинного ковра. Из-под дальней двери было едва заметно мерцающее свечение. Еще ни разу я сюда не заходила. Здесь находилась спальня Саркана. Раньше для меня она была сродни пещере людоеда.

Ковер был толстым и темным. На нем желто-золотой нитью был выткан узор — всего одна линия. Она извивалась спиралью словно хвост ящерицы. Постепенно поворачиваясь, золотая линия становилась толще, потом по всей длине она, напоминая тропинку, ведущую в затененный коридор, начинала извиваться из стороны в сторону. Мои ноги утопали в мягкой шерсти. Я шла, следуя за золотой нитью, пока она не стала под моими ногами шире, превратившись в узор похожий на слегка переливающиеся чешуйки. Позади остались

смотревшие друг на друга двери, ведущие в гостевые комнаты. Сразу за ними вокруг меня сгустилась темнота коридора.

Я начала ощущать противодействие. Навстречу подул ветер. Узор на ковре стал обретать различимые очертания. Я прошла по одной из заканчивающихся огромными костяными когтями конечностей, по сложенному светло-золотистому крылу с темно-коричневыми кровеносными сосудами.

Ветер стал холоднее. Стены исчезли, став частью тьмы. Ковер расширился во всю ширину коридора насколько хватало взгляда и даже дальше. Он больше не казался шерстяным. Я стояла на гладкой как кожа перекрывающей друг друга чешуе, которая вздымалась и опускалась под ногами в такт дыханию. Отзвук дыхания слышался от теряющихся за гранью видимости стен пещеры. Мое сердце от инстинктивного страха стремилось биться сильнее, ноги повернуться и сбежать.

Вместо этого я закрыла глаза. Теперь я уже хорошо знала Башню, и какой длины должны быть коридоры. Сделав еще три шага по чешуйчатой спине, я повернулась и вытянула руку в сторону двери, которая по моей глубокой уверенности должна была быть здесь. Мои пальцы нащупали теплый металл дверной ручки. Снова открыв глаза, я оказалась в коридоре лицом к двери. В двух шагах от меня заканчивались коридор и ковер. Золотой узор сам собой перевернулся, и с исключительно зубастой головы на меня глянул блестящий зеленый глаз, поджидающий того, кто свернет не туда.

Я открыла дверь, та тихо распахнулась. Комната была небольшой. Кровать была маленькой и узкой с красным бархатным пологом. У камина стояло единственное одинокое, но очень красивое резное кресло. Рядом стоял небольшой столик с единственной книгой и одним недопитым бокалом вина. Огонь в камине погас, оставив мерцающие угли, лампы не горели. Я подошла к кровати и отвела занавес в сторону. Саркан спал, растянувшись на постели, не снимая штанов в незавязанной рубашке. Я замерла с занавеской в руке. Он заморгал, просыпаясь, оставаясь на мгновение беззащитным и слишком удивленным, чтобы возмущаться, словно он никогда и не думал, что кто-то сможет вторгнуться в его покой. Он выглядел настолько ошарашенным, что мне расхотелось на него кричать.

— Как ты... — начал он, приподнимаясь на локте, дав наконец волю своему негодованию, но я толкнула его на спину и поцеловала.

Он издал удивленный звук, приглушенный моими губами и, сжав меня руками, отодвинул от себя:

— Послушай-ка, немислимое создание, — произнес он: — я старше тебя на сто с лишним лет...

— Ой, да замолкни наконец, — нетерпеливо оборвала его я. Надо же, из всех отговорок на свете, выбрать именно эту. Я забралась на кровать со стороны высокой спинки, уселась на него сверху, проминая перину, и посмотрела сверху вниз: — Ты действительно хочешь, чтобы я ушла?

Его хватка на моих руках усилилась. Он не смотрел мне в глаза. Какое-то время он молчал, но наконец хрипло ответил:

— Нет.

И вдруг он притянул меня к себе. Его губы оказались сладкими, лихорадочно-обжигающими, прекрасными, отнимающими память. Мне больше не хотелось о чем-то задумываться. Очаговое дерево вспыхнуло с трескучим ревом и исчезло. Все что осталось — это жар его ладоней, скользящих по моим замерзшим обнаженным рукам, заставлявший

меня дрожать еще сильнее. Одной рукой он обхватил меня и сжал в объятьях. Другой он провел по моей талии, приподнимая мою свободно висящую блузу. Я вынула руки из рукавов и пригнула голову, освобождаясь от нее. Мои волосы рассыпались по плечам. Он издал стон и зарылся в них лицом, целуя меня сквозь спутавшуюся гриву — в шею, плечи, грудь.

Затаив дыхание, счастливая и переполненная невинным страхом я вцепилась в него. Я не догадывалась, что он так сделает, но он облизал языком мой сосок и обхватил его губами. Слегка вздрогнув, я вцепилась в его волосы. Наверное, вышло больно. Он отстранился, остудив мою кожу внезапным приливом прохлады, и тихо произнес низким голосом с оттенком почти отчаяния, словно хотел обругать меня, но не может: «Агнешка».

Он повалил меня на кровать, перекатившись наверх и вжав меня в подушки под собой. Я схватилась за его рубашку и резко рванула. Он выпрямился и стащил ее через голову. Пока он задирает невероятно бесконечную вереницу моих юбок, я откинулась, запрокинув голову, разглядывая балдахин. Я почувствовала отчаянное желание, ждущее его прикосновений. До сих пор я пыталась не вспоминать тот ошеломительный, великолепный миг, когда его палец скользнул между моих ног... но, ох, я помнила. Он провел по мне костяшками пальцев и то же сладкое ощущение посетило меня вновь. Я задрожала всем телом, сильно, и инстинктивно сжала его руку бедрами. Мне хотелось сказать ему поспешить, остановиться, и то и другое одновременно.

Занавески упали и закрылись. Он нагнулся. Блеск его глаз был единственным светлым пятном внутри темного пространства под балдахином, и он настойчиво смотрел на мое лицо. Он ещё мог двигать пальцем, чуть-чуть. Он коснулся меня всего раз. По моей гортани взобрался звук, то ли вздох, то ли стон, Саркан наклонился и поцеловал меня так, словно хотел проглотить его целиком, поймать этот звук своим ртом.

Он снова пошевелил пальцем, и я расслабилась. Он взял мои бедра и раздвинул их и закинул мою ногу себе на талию. Все это время он не переставал наблюдать за мной голодными глазами.

— Да, — произнесла я нетерпеливо, пытаюсь двигаться вместе с ним, но он продолжал ласкать меня пальцами. — Саркан.

— Думаю, будет уместно попросить немножко потерпеть, — сказал он, блеснув темными глазами. Я в ответ посмотрела на него, но тут он коснулся меня снова, нежно, погрузив в меня пальцы. Он провел длинную черту между моими бедрами, снова и снова описывая ее, делая оборот в верхней точке. Он задавал мне вопрос, смысл которого я не понимала, пока не узнала ответ. Я, выгнувшись, напряглась и взмокла в его объятьях.

Сотрясаясь, я рухнула на подушки. Прижав к лицу, к влажному лбу взъерошенные волосы, я выдохнула: — О! О!

— Ну вот, — произнес он, чрезвычайно довольный собой. Я села и толкнула его на спину на другой конец постели.

Взявшись за пояс на его штанах — он до сих пор был в них! — Я произнесла: «Hulvad». Они рывком растаяли в воздухе, и я зашвырнула следом за ними свои юбки. Он лежал подо мною совершенно обнаженный, длинный и худой, с внезапно прищуренным взглядом. Он обнял мои бедра руками, и ухмылка слетела с его лица. Я взобралась на него сверху.

— Саркан, — произнесла я, задержав на языке дым и грохот его имени как приз, и скользнула на него сверху. Он закрыл глаза, напрягшись, словно от боли. Все мое тело по ощущениям обрело прекрасную тяжесть. Удовольствие все еще расходилось внутри меня широкими волнами, сродни тугой боли. Мне нравилось ощущать его глубоко внутри себя. Он

несколько раз длинно и неровно вздохнул. Его пальцы крепко впились в мои бедра.

Я оперлась о его плечи и, покачиваясь, двигалась на нем.

— Саркан, — повторила я, прокатывая на языке, исследуя все потаенные уголки, прячущиеся в глубине частички, и он беспомощно застонал и выгибаясь подо мной. Я обняла его, обвив ногами, и он, крепко прижав меня к себе, опрокинул меня и вжал в постель.

* * *

Я лежала, переводя дыхание, тесно прижавшись к его боку, чтобы не свалиться с узкой кровати. Погрузив руку в мои волосы, Саркан лежал, уставившись на балдахин с таким странным видом, словно не помнил, как все вышло. Мои ноги и руки отяжелели, стали вялыми, и чтобы двинуть ими нужно было бы пользоваться краном. Я положила на него голову и наконец спросила:

— Почему все-таки ты забирал нас?

Он бессмысленно перебирал мои волосы, распутывая колтуны. Рука замерла. Спустя миг он вздохнул, обдав дыханием мою щеку:

— Вы привязаны к долине. Все вы, кто родился здесь и вырос, — ответил он. — Она вцепилась в вас. Но это же в свою очередь создает собственный канал, и я мог бы выдавить через него часть силы Чащи.

Он поднял руку и провел над нашими головами. За его ладонью появился тонкий серебристый узор: схематичная версия рисунка в моей комнате, карта с пролегающими через долину каналами волшебной силы. Они следовали вдоль длинной яркой линии Веретяницы, все ее малые притоки шли с гор. На месте наших деревень и Ольшанки горели звездочки.

Каким-то образом эти линии меня не удивили. Такое чувство будто подспудно я об этом знала всегда. Всплеск воды в Двернике на деревенской площади вслед за ведром, опущенным в глубокий колодец, летнее журчание быстрого течения Веретяницы. Они полны волшебства, силы, готовой для использования. Поэтому он перерезал подпитывающие каналы, чтобы отобрать побольше до того, как Чаща могла бы прибрать к своим рукам.

— Но зачем тебе одна из нас? — спросила я, все еще озадаченная. — Ты бы мог просто... — Я сделала хватаящий жест рукой.

— Не привязавшись сам к долине не могу, — ответил волшебник так, словно это объясняло все на свете. Я замерла. Во мне росло недоумение. — Не стоит тревожиться, — сухо добавил он, полностью неверно меня поняв. — Если мы сумеем пережить следующий день, то найдем способ избавить тебя от этого.

Он убрал руку от серебристых линий, попутно стерев их. Мы больше не говорили. Я не знала, что сказать. Спустя некоторое время его дыхание у моей щеки выровнялось. Плотный бархатный занавес скрывали нас ото всего мира, словно мы лежали внутри его зашторенного сердца. Я больше не чувствовала крепкой хватки страха. Вместо этого я ощущала боль. В глазах пощипывали слезинки, горячие и жгучие, словно хотели смыть соринку, но их усилий было недостаточно. Было почти жаль, что я поднялась сюда.

Я почти не задумывалась о том, что будет потом — когда мы остановим Чащу и выживем. Казалось абсурдным размышлять об этом после чего-то столь невероятного. И тем не менее я поняла, что подспудно представляю свое положение в Башне. Свою крохотную

комнату наверху, веселое обшаривание лаборатории и библиотеки, надоедание Саркану в виде неопрытного приведения, которое оставляет его книги где попало и держит огромные двери открытыми нараспашку, и которое вынуждает его прийти на весенний праздник и задержаться до танцев, чтобы станцевать с ним разок другой.

Я уже знала, хотя еще не облекла это знание в слова, что в родном доме мне больше нет места. И еще я знала, что не желаю провести все оставшиеся дни, летая по свету в избушке на курьих ножках, как в сказках о бабе Яге, как не желаю жить в королевском замке. Кася хотела свободы, мечтала о распахнутом перед нею настезь целом мире. Я — нет.

Но и остаться с ним здесь я не могла. Саркан сам заперся в этой Башне. Он забирал нас одну за другой, использовал нашу связь, чтобы самому не привязываться к долине. В этом и есть причина, почему он никогда не спускался в долину. Мне не нужно было выслушивать его, чтобы понять, что он не придет в Ольшанку на танцы, не пустив при этом собственные корни, а этого он не желал. Он бы просидел за этими полными древнего волшебства стенами еще век. Быть может он бы впустил меня внутрь, но потом запер бы двери. В конце концов, он уже поступал так раньше. Мне пришлось сплести веревку из шелковых платьев и волшебства чтобы выбраться наружу, но мне не заставить его вылезти из окна, если он не желает этого делать.

Я села в стороне от него. Его рука соскользнула с моих волос. Я раздвинула душный занавески и соскользнула с кровати, завернувшись в одно из покрывал. Подойдя к окну, я распахнула ставни и высунулась по плечи в ночной воздух, желая остудить лицо на ветру. Но ветра не было. Воздух у Башни был неподвижен. Очень.

Я замерла, вцепившись в каменный подоконник. Была глухая ночь, абсолютная темень. Все костры погасли или были потушены на ночь. На земле не было видно ни зги. Я прислушалась к голосам древних камней, которые мы встроили в стены. Потревоженные, они бормотали.

Я поспешила к постели и принялась трясти Саркана:

— Что-то не так.

Мы поспешно натянули одежду. Заклинание *vanastalem*, и вокруг моих лодыжек обвились чистые юбки, а на груди появилась свежая сорочка. У волшебника в руках была уменьшенная версия одного из его стражей, которому он передавал послание: «Влад, поднимай людей. Быстро. Они что-то затевают под прикрытием ночи». Он выдул стража в открытое окно, и мы помчались. Когда мы добрались до библиотеки внизу во рве уже загорелись факелы и фонари.

В лагере Марека было почти темно, за исключением факелов у дюжины часовых и одной лампы, горевшей внутри его шатра.

— Да, — сказал Саркан. — Он чем-то занят.

Волшебник повернулся к столу, на котором было разложено с полдюжины томов, посвященных защите от волшебства. Я осталась стоять у окна, нахмурившись глядя вниз. Я чувствовала, как собирается сила, имевшая отношение к Соли, но было что-то еще: нечто медленное и глубинное. Я по-прежнему ничего не видела, только несколько часовых на постах.

Внутри шатра Марека перед лампой кто-то промелькнул, отбросив на стенку тень женского лица в профиль с высокой прической и диадемой с острыми гранями. Я отшатнулась, охнув, словно она меня заметила. Саркан с удивлением обернулся.

— Она здесь. Королева здесь, — сказала я.

Не было времени размышлять, что это может означать. Пушки Марека с ужасающим ревом выдохнули оранжевое пламя, и первые ядра взметнули вверх столбы земли, ударившись о наружную стену. Я слышала громкий выкрик Соли и по всему лагерю Марека вспыхнул огонь: солдаты высыпали угли в выложенные в линию охапки соломы и хвороста.

Мою стену лизнула стена пламени, позади которой стоял Соля. Его белый наряд был заляпан оранжевыми и красными всполохами света, вырывавшимися из его широко раскинутых рук. На его лице было заметно напряжение, словно он поднимал что-то тяжелое. За ревом пламени я не слышала слов, но он очевидно произносил заклинание.

— Постарайся сделать что-нибудь с этим пламенем, — быстро взглянув вниз, сказал мне Саркан. Он быстро метнулся обратно к столу и схватил один из дюжины свитков, приготовленных им накануне: мешающее стрелять из пушек заклинание.

— Но что... — начала было я, но он уже произносил заклинание: длинные, запутанные слова текли словно музыка, и задавать вопросы стало поздно. За окном Соля присел и поднял руки, словно собирался метнуть огромный шар. Вся огненная стена приподнялась в воздух и перевалила за стену в ров, где укрылись люди барона.

Под треск пламени раздались крики и вопли, и на мгновение я остолбенела. Небо было ясным и безоблачным, покрытым от края до края звездами. Ни одного облачка, из которого я могла бы вызвать дождь. В отчаянии я бросилась к стоявшему в углу кувшину с водой. Я решила, если я сумела превратить одно облачко в грозу, то возможно смогу из нескольких капель создать облако.

Я капнула воды в горсточку и зашептала заклинание вызова дождя, убеждая капли, что они могут стать дождем, могут стать грозой, смывающим потоком, пока крохотный прудик в моей руке не засиял словно ртуть. Я выплеснула его за окно, и он превратился в дождь: раздался гром и прямо надо рвом пролился короткий ливень, полностью погасивший в одном месте огонь.

Пушки продолжали реветь все это время. Саркан очутился рядом со мной у окна, прикрывая стену от них щитом, но каждый их залп был сродни ударом по нему самому. Оранжевые всполохи снизу подсвечивали лицо стиснувшего зубы волшебника. Он лишь постанывал при ударе. Между выстрелами мне бы хотелось с ним поговорить, спросить, все ли у нас в порядке. Я уже не могла точно ответить, кто побеждает — мы или они.

Но во рве еще полыхал огонь. Я поддерживала дождь, но создавать дождь из нескольких капель воды было трудно, и чем дольше, тем сложнее. Воздух ощущаясь на коже и вокруг волос стал сухим и колючим, словно я вытягивала всю влагу, и ливень мог погасить лишь одну часть огня за раз. Люди барона старались изо всех сил помочь, сбивая намоченными под дождем плащами пламя.

Потом две пушки взрели вместе. Но на этот раз ядра переливались голубовато-зеленым пламенем, которое также светилось позади словно хвост кометы. Саркана отбросило назад прямо на стол. Край столешницы ударил его в бок. Он скорчился, закашлявшись, и заклинание разрушилось. Ядра пробили его щит и вонзились в стену, медленно погружившись в нее словно нож в неспелый плод. Мерцая красным светом по краям вокруг места попадания камень начал оплывать. Ядра исчезли в стене, а потом они приглушенно взорвались. В воздух взметнулось огромное облако земли, во все стороны разлетелись осколки камня — с такой силой, что я слышала, как они разбивались о стены самой Башни. Посреди стены образовалась брешь.

Марек поднял вверх копьё и проревел: «Вперёд!»

Я не понимала, с какой стати кому-то ему подчиняться. Несмотря на все мои труды за этой брешью все еще металось и шипело пламя, и кричали обожженные люди. Но солдаты ему подчинились: река людей с выставленными на уровне груди копьями полилась в горящий хаос рва.

Саркан с усилием оттолкнулся от стола и вернулся к окну, вытирая струйку крови с носа и губ.

— Он решил не мелочиться, — мрачно произнес он. — Каждое из таких ядер требует на отливку десять месяцев. У Польни их меньше десятка.

— Мне нужно больше воды! — сказала я, и схватив его за руку я вовлекла его в заклинание. Я чувствовала, что он хочет возмутиться: у него не было готового заклинания, чтобы мне помочь. Но он что-то раздраженно пробормотал вполголоса, а затем произнес простейшее заклинание, одно из тех, которому он пытался обучить меня в начале — как наполнить стакан водой из колодца, находящегося в подвале под нами. Он так переживал, когда я или разливала воду по столу или мне едва удавалось вызвать пару капель. Едва он произнес заклинание, вода наполнила кувшин до самых краев. Я пропела мою дождевую песенку и кувшину, и колодцу внизу, всей спящей в нем в глубине холодной воде, и выплеснула кувшин за окно.

На какое-то мгновение я утратила зрение: порыв ветра залил мне хлынувшим дождем лицо и глаза. Я вытерла лицо руками. Поток воды, обрушившийся в ров, полностью погасил пламя, оставив только несколько уцелевших кармашков. Вооруженные люди с обеих сторон скользили и падали во внезапно образовавшиеся ручьи глубиной по голень. Брешь в стене оказалась забита раскисшей глиной, и после того как погас огонь, солдаты барона загородили её остриями пик, отбросив наступавших прочь. Я с облегчением облокотилась на подоконник. Мы потушили колдовской огонь Соли и остановили атаку Марека. Он уже потратил столько сил, куда больше, чем он мог себе позволить, и все равно мы его остановили. Теперь ему придется хорошенько призадуматься о...

— Приготовься, — сказал Саркан.

Соля начал новое заклинание. Растопырив пальцы, он поднял под углом руки вверх, пристально глядя вдоль них. Из каждого пальца появился серебристый луч, который разделился на три. Дугообразные лучи опустились по другую сторону стены, каждый выбрав свою цель: чей-то глаз, щель в доспехах в районе шеи, в локоть держащей меч руки, у сердца.

Кажется, насколько мне было заметно, лучи не делали ничего особенного. Они просто едва заметно в ночи пронзали воздух. Потом одновременно тренькнули десятки луков. Марек выстроил позади своих пехотинцев три шеренги лучников. Стрелы были подхвачены серебристыми лучами и привели их прямо к цели.

Я вытянула руку в бесполезном возмущении. Стрелы летели. Одновременно на землю будто подкошенные пали три десятка человек — все были защитниками брешки. Солдаты Марека бросились к пролому, заполнили ров, и остальная часть армии бросилась следом. Они стали стараться оттеснить людей барона к первому проходу.

Каждый дюйм давался страшной ценой. Люди барона оцетинились копьями и мечами, заняв узкое место, и солдаты Марека не могли, не попав под удар, их преодолеть. Но Соля направил через стены на защитников новый дождь стрел. Саркан отвернулся и принялся обшаривать бумаги на столе в поисках ответного заклинания, но очевидно, что он не успеет отыскать его вовремя.

Я снова вытянула руку, но на сей раз я попыталась использовать заклинание Дракона,

которым он вытащил Касю со склона горы: «Tual, tual, tual», — я позвала лучи, потянулась к ним, и они, подрагивая, отозвались под моими пальцами. Я наклонилась и отбросила их прочь на верхушки стен. Стрелы последовали за ними и, угодив в камень, осыпались кучей.

На мгновение я решила, что серебристое свечение просто задержалось на моих руках, отсвечивая на мое лицо. Тут встревоженно вскрикнул Саркан. В окно ворвался десяток новых серебристых лучиков, и все показывали на меня: на шею, грудь, глаза. Мне оставалось всего лишь мгновение, чтобы стрести их в кучу и слепо отбросить их, чтобы увести от себя. За ними сквозь окно с жужжанием влетели стрелы, попав туда, где оказались отброшенные лучи: в книжную полку, в пол, войдя глубоко в кресло — подрагивая оперенным концом.

Не успев испугаться, я удивленно оглядела их, еще не понимая, что едва смогла избежать десятка попаданий. Снаружи рявкнула пушка. Я уже начинала привыкать к этому шуму. Я инстинктивно моргнула, не оглядываясь, все еще находясь под впечатлением от того, насколько близко пролетели стрелы. Но Саркан внезапно перевернул стол, разбросав бумаги, разлетевшиеся в стороны, когда он грохнулся об пол так, что содрогнулись кресла. Волшебник втащил меня за него. Высокий свистящий звук летящего ядра приближался.

Нам хватило времени на то, чтобы понять, что происходит, но недостаточно, чтобы что-то предпринять. Я скрючилась под рукой Саркана, уставившись на тыльную сторону стола. Сквозь щели между массивными деревянными плашками просвечивал свет. Потом ядро врезалось в ставни, открытая оконная рама упала и рассыпалась осколками. Ядро покатило по полу, пока с силой не ударило о стену, расколовшись на куски, выпростав расплывающийся серый дым.

Саркан закрыл мой рот и нос ладонью. Я задержала дыхание, узнав заклинание окаменения. Пока серый туман медленно полз в нашу сторону, Саркан сделал манящие движение по направлению к потолку, и к нам спустился один из его сферических стражей. Он проделал в его поверхности отверстие и с помощью еще одного беззвучного властного жеста, заключил дым внутрь сферы, пока весь он не собрался внутри, окрасив ее в темный, как у грозового облака, цвет.

Еще до того, как он закончил, мои легкие были готовы разорваться. Сквозь пролом в стене Башни громко свистел ветер, книги рассыпались, шумно шелестели порванные страницы. Чтобы не вывалиться наружу, мы придвинули стол вплотную к пролому. Саркан подобрал раскаленный осколок ядра клочком тряпки и поднес к стражу, словно науськивая собаку: «Menya kaizha, stonnan olit», — произнес он над стражем и выпустил его в ночное небо. Тот уплыл серым пятном, словно клочок тумана, слившись с небом.

Все это произошло в считанные минуты, на больше я бы не смогла задержать дыхание. Но в ров уже ворвалось еще больше солдат Марека, и теснили людей барона к первому туннелю. Соля направил очередной залп стрел, освободив для нападающих больше пространства, и кроме того Марек со своими рыцарями, подгоняя их в брешь, ездил прямо за стеной. Я видела, как они использовали для этого плетки и обухи копий на собственных солдатах.

Передние ряды были буквально насажены на оружие обороняющихся. Остальные солдаты напирали сзади, и, мало-помалу, сторонникам барона пришлось уступить: пробку вытаскивали из бутылки. Ров уже был наполнен телами — их было очень много, наваленных друг на друга. Солдаты Марека даже воспользовались грудой тел, чтобы стрелять сверху в людей барона, словно им было все равно, что они стояли на телах своих павших товарищей.

Из второго рва солдаты барона начали перекидывать через стену сферы с зельями

Саркана. Они разбивались с голубыми вспышками, среди нападавших расплзались облака дыма, и застигнутые им солдаты падали на колени или валялись как подкошенные с отрешенными лицами и погружались в сон. Но их место тут же занимали новые солдаты, которые словно муравьи перебирались через упавших.

Видя все это, я чувствовала дикий ужас.

— Мы недооценили ситуацию, — сказал Саркан.

— Как он может так поступать? — спросила я дрожащим голосом. Казалось Марек был так настроен добиться победы, что ему было безразлична цена за дыру в стене. Он отдаст все, все что угодно, и солдаты последуют за ним на смерть, до самого конца. — Должно быть он поддался порче... — я не могла представить ничего иного, что могло бы заставить его проливать кровь собственных людей подобным образом, словно это вода.

— Нет, — возразил Саркан, — Марек сражается не ради взятия Башни. Он сражается за трон. Если он здесь уступит нам сейчас, то будет выглядеть в глазах магнатов слабым. Он загнан в угол.

Я поняла, не желая того. Марек действительно отдаст за это все, что угодно. Никакая цена не будет слишком высокой. И уже потраченное им волшебство и люди только усугубляли ситуацию, словно он швырялся огромными деньгами, чтобы покрыть плохую ставку, поскольку не желал терять то, что уже проиграл. Мы бы не смогли его сдержать. Нам придется сражаться до последнего человека, при том, что у него остается еще несколько тысяч в резерве, готовых ринуться в бой.

Пушка взревела еще раз, словно подчеркивая это страшное осознание, и вдруг они внезапно смолкли, и наступила благословенная тишина. Парящий страж Саркана опустился на них сверху и лопнул на раскаленном металле. Десяток обслуживавших пушки солдат застыли статуями. Один из них стоял у левой пушки с засунутым в ствол банником. Другие были впряжены в лямки, которыми подтаскивали правую пушку на место после выстрела. Остальные: кто держал в руках ядро, кто мешок — застыли монументами незаконченного боя.

Марек тут же велел прислать других людей и расчистить от статуй место у пушек. Они принялись оттаскивать их прочь, опрокидывая их в грязь. Я поморщилась, увидев, как освобождая веревки у одной из них отбили пальцы. Я хотела крикнуть им, что окаменевшие солдаты еще живы, но вряд ли это образумило бы Марека.

Статуи были тяжелыми, и работа продвигалась медленно, так что у нас была небольшая передышка от пушечного обстрела. Я перевела дух и повернулась к Саркану:

— Если мы предложим сдаться, они нас выслушают?

— Безусловно, — ответил он. — И тут же прикончит нас. Если собираешься отдать ему детей, то проще самим перерезать им горло, но он не откажет себе в удовольствии нас послушать. — Он в свою очередь, указав пальцем, произнес слова нарушающего прицел заклинания, и новый залп стрел устремился в стену. Посмотрев вниз, волшебник встряхнул рукой и запястьем:

— Утром, — сказал он, наконец, — даже если Марек пожелает израсходовать всю армию, людям понадобится отдых, поскольку они не могут сражаться бесконечно без еды и питья. Если мы сумеем продержаться до утра, ему придется их ненадолго отозвать. После этого он может начать переговоры. Если только мы сумеем продержаться до утра.

До утра было очень далеко.

На некоторое время темп боя снизился. Солдаты барона к этому моменту полностью отступили во второй ров, заполнив туннель трупами, так что люди принца не могли пройти. Марек разъезжал на лошади за стенами взад-вперед, кипя от гнева, злости и нетерпения, надзирая за тем, как снова готовят к стрельбе пушку. Рядом Соля приноровился и ритмично направлял залпы стрел за вторую стену.

Ему это заклинание давалось легче, чем противодействие ему для нас. Наконечники стрел были Алёшиной работы. Они желали впитаться в плоть, и ему лишь нужно было указать им направление. Мы же пытались нарушить их предназначение, сражаясь не только с его заклинанием, но и с её, с её силой воли, с ударами молота, вбивавшими волшебство и уверенность в железо, и даже с естественной природой полета стрел. Сбивать их было постоянным, зубодробительным трудом, в то время как Соля, словно сеятель, направлял свои серебристые лучи легким движением рук. Нам с Сарканом приходилось постоянно меняться — каждый из нас сбивал по одному залпу, и всякий раз с большим трудом. У нас не было ни времени, ни сил на другие занятия.

У этой работы был собственный природный ритм: сбивать стрелы с цели было словно тянуть тяжелые рыболовные сети, потом сделать передышку на поток воды, пока действует Саркан. Потом снова мой черед вставать к окну. Но Соля снова и снова нарушал этот ритм. Он поддерживал паузы между залпами ровно настолько, чтобы мы не успевали присесть, как снова приходилось вскакивать, а потом делал довольно долгую паузу или вместо этого направлял залп в нашу сторону, либо старался делать два один за другим.

— Ну не бесконечный же у него запас стрел, — сказала я, устало и болезненно опираясь на стену. При лучниках были парнишки-помощники, которые собирали упавшие стрелы, выдергивая застрявшие из тел и стен, и принося обратно для залпа.

— Нет, не бесконечный, — согласился Саркан, немного отстраненным голосом, слегка погрузившись в себя из-за постоянного оттока силы: — Но он расходует их небольшими залпами. Весьма вероятно, что ему хватит до утра.

После своей очереди Саркан быстро выскочил из комнаты и вернулся из лаборатории с закупоренной банкой с вишней в сиропе. В дальнем углу библиотеки у него стоял большой самовар, в котором никогда не иссякал чай. Ему удалось счастливо пережить взрыв ядра, хотя хрупкие стеклянные чашки попадали и разбились. Вместо них он налил чай в две мензурки, и пододвинул ко мне банку с вишней.

Это были темно-красные кисленькие вишни из садов за Вёсной с полпути к другому концу долины, законсервированные в сахаре со спиртом. Я забросила в рот две полные ложки и с удовольствием ее облизала. От них пахло домом, и в них таилась неспешная волшебная сила долины. Волшебник взял на ложечку только три штучки, аккуратно и взвешенно, и пристроил ложку на краю банки, словно и сейчас он осторожничал, как бы не хватить лишку. Я отвернулась и, обхватив посудину обеими руками, с благодарностью выпила чай до дна. Ночь была теплой, но я чувствовала, что продрогла до костей.

— Приляг и поспи, — предложил Саркан. — Скорее всего он предпримет последний штурм перед рассветом. — Наконец пушка снова выстрелила, но без особого ущерба. Думаю, все, кто в самом деле умел с ней управляться оказались под действием окаменения. Несколько выстрелов оказались с недолетом, попав в гущу солдат Марека, или с перелетом

— вовсе не попав ни в стену, ни в Башню. Стены выдержали. Люди барона прикрыли второй ров сверху одеялами и палатками, растянув их на пиках и древках копий, и прятались под ними от стрел.

Даже попив чая я чувствовала слабость, усталость и притупленность, словно я нож, которым пытались срубить дерево. Я свернулась на ковре, заменившим мне перину, и он сразу показался мне очень удобным для сна. Но сон не шел. Серебристые лучи через длинные, рваные интервалы освещали верхнюю половину окна. Отводившее их прочь бормотание Саркана доносилось словно откуда-то издалека. Он оставался в тени, но его профиль четко был виден на фоне стены. Пол под моими ухом и щекой чуть подрагивал от вибраций сражения словно в такт шагам приближающегося великана.

Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем кроме своего дыхания. Возможно я даже уснула на какое-то мгновение. В следующий миг я сидела, насильно выдернутая из дремы. Саркан выглядывал сквозь разбитое окно. Перестрелка была прекращена. Я сделала над собой усилие и присоединилась к волшебнику.

Вокруг шатра принца словно пчелы роились рыцари и слуги. Из входа появилась королева. На ней поверх простого белого платья была надета кольчуга, а в руке она несла меч. Марек натянул возле нее поводья, наклонился и что-то произнёс. Она подняла к нему голову — её лицо было отчетливо видно, оно было непоколебимо как сталь.

— Они отдадут детей Чаще, как поступил со мной Василий! — громко выкрикнула она, так что ее было хорошо слышно. — Но сперва пусть изрубят на куски меня!

Марек замешкался, но потом спешился и потребовал себе щит. Принц вытащил меч. Следом за ним спешили и остальные рыцари, Соля снова оказался рядом. Я беспомощно посмотрела на Саркана. Я почти чувствовала, что Марек заслуживает смерть, раз привел столько людей на гибель, но если это то, во что он действительно верит, если он считает, что мы собираемся сделать с детьми что-то дурное...

— Как он может в подобное верить?

— А как он убедил себя в том, что все остальное всего лишь случайное совпадение? — ответил Саркан вопросом, уже находясь у полок с книгами. — Это ложь, которая отвечает его чаяниям. — Он двумя руками снял с полки один из томов — крупную книгу почти три фута в длину. Я потянулась на помощь, но непроизвольно отдернула руки: книга была обтянута какой-то почерневшей кожей, до которой было страшно дотрагиваться. Она казалась липкой в том смысле, что ее прикосновение невозможно было бы смыть с пальцев.

— Да, я знаю, — произнес он, водружая книгу на свое кресло для чтения. — Это текст некромантии. Он отвратителен. Но лучше я второй раз воспользуюсь уже умершими, чем пожертвую еще больше жизней живых.

Текст был написан удлиненными старомодными буквами. Я пыталась помогать в его прочтении, но не могла с собой справиться, и отпрянула уже после первых слов. Источником этого заклинания была сама смерть. Смерть от начала до конца. Я не могла себя даже заставить взглянуть на него. Увидев моё состояние Саркан раздраженно нахмурился:

— Это брезгливость в тебе говорит? — цыкнул он на меня. — Нет, не похоже. Что за чёрт? Не важно. Ступай и постарайся их задержать.

Я отпрыгнула, стараясь убраться как можно дальше от этой книги, и метнулась к окну. Подняв с пола куски отбитого камня и каменную крошку, я снова попыталась воспроизвести заклинание дождя как до того над кувшином. На солдат Марека посыпалась пыль и битый камень. Им пришлось искать укрытие, укрывать голову руками, но королеву это нисколько

не задержало. Она прошагала сквозь брешь в стене прямо по трупам, испачкав подол платья в крови.

Принц с рыцарями, прикрывая головы щитами, хлынули в проем впереди нее. Я принялась бросать им на головы камни потяжелее. Осколки побольше превращались в валуны, даже сбив несколько из их спутников с ног на колени, но остальные остались под щитами невредимы. Они вошли в проход и принялись пробираться по телам, оттаскивая их с дороги. Люди барона пытались колоть их копьями. Рыцари принца приняли удар в щиты и доспехи. Но не все удачно: почти полдюжины из их числа пало, оставшись неподвижно лежать мертвой обмякшей грудой в полных сияющих доспехах. Но остальные нажимали, стараясь освободить проход, и королева вошла, наконец, внутрь.

Я не видела схватку в самом туннеле, но она очень быстро закончилась. Из проема потекла кровь — в свете факелов она казалась черной, и с другого конца шагнула королева. Другой рукой она швырнула человеческую голову: шея была начисто отрублена. В страхе защитники начали от нее пятиться. Принц с рыцарями, рубя и убивая, тут же снова ее окружили. Идущие по пятам пехотинцы заполнили ров. Соля потрескивающим ручьем извергал свою силу.

Люди барона начали быстро отступать, спотыкаясь на ходу, удирая от королевы. Я представила себе Касю с мечом в руке — она бы внушала такой же ужас. Королева снова и снова взмахивала мечом, колола и рубила с суровой практичностью и ни один из мечей соперников не смог ее поразить. Марек выкрикивал новые приказы. Защитники внутри последнего обвода стали вылезать на стену, откуда сверху пытались застрелить королеву. Но стрелы не могли пробить ее кожу.

Я повернулась и выдернула одну из стрел с черным оперением, засевшую в книжной полке. Это была одна из Алёшиных, из тех, которые Соля нацеливал в меня. Я поднесла ее к окну и остановилась. Руки дрожали. Я не знала, что еще мне делать. Никто из них не в силах ее остановить. Но... если я убью королеву, Марек ни за что к нам не прислушается, и никогда. Заодно теперь придется убивать и его. Если я ее убью... при этой мысли я почувствовала странную тошноту. Она внизу казалась маленькой и далекой, словно не человек, а кукла, поднимавшая и опускавшая руку.

— Секундочку, — сказал Саркан. Я отступила и с радостью посторонилась, хотя мне пришлось закрыть уши, пока он читал длинные, заставляющие содрогаться слова заклинания. В окно дунул ветер, погладив мою кожу влажной, маслянистой рукой, пропахшей гнилью и железом. Он продолжал дуть, настойчиво и мерзко, а внизу во рвах зашевелились бесконечные мертвые тела и медленно начали подниматься.

Свое оружие они оставили лежать на земле. Оно им было не нужно. Они даже не пытались ранить солдат. Просто протянули пустые руки и постарались их задержать в объятьях по двое, трое на одного. Во рвах теперь было куда больше мертвецов, чем живых, и для заклинания Дракона годились любые. Солдаты Марека иступленно рубили их и кололи, но мертвецы не истекают кровью. Их лица оставались безразличны, вытянуты и пусты.

Некоторые ковыляли через ров, чтобы схватить рыцарей и королеву за руки и ноги. Но она умудрялась от них уворачиваться, а рыцари в доспехах рубили длинными мечами. Люди барона были напуганы заклинанием Дракона не меньше сторонников принца. Они разбежались от мертвецов не хуже, чем от королевы. А она шла следом. Мертвецам удалось задержать остальную часть армии, люди барона сражались с защищавшими ее рыцарями, но она не остановилась.

На ее платье не осталось ни единого белого пятнышка. Она была вся от щиколоток до колен испачкана красным, ее кольчуга пропиталась кровью. Ее ладони и руки были красными, лицо было в брызгах крови. Я посмотрела на стрелу и коснулась Алёшиного волшебства. Я ощутила желание стрелы снова лететь и отыскать теплую живую плоть. В наконечнике стрелы была выщербина. Я загладила ее пальцами, прижимая сталь так же, как делала Алёша с мечом, и вдохнула в нее немного своей силы, чувствуя, как она тяжелеет в моих руках, наполняясь смертью. — В бедро, — приказала я стреле, струсив. Наверное, будет достаточно королеву всего лишь остановить. Я прицелилась в нее, и бросила стрелу.

Стрела нырнула вниз и полетела по прямой, посвистывая от удовольствия. Пробив насквозь кольчугу, она вонзилась королеве в бедро довольно высоко, и там застряла. Крови не было. Королева вытащила стрелу и отбросила в сторону. Она подняла голову, едва взглянув на окно. Я отшатнулась. Королева вернулась к убийству.

Мое лицо горело, словно она меня ударила. Над моей переносицей пощипывало острое едва ощутимое, но знакомое чувство:

— Чаща, — вслух сказала я.

— Что? — не понял Саркан.

— Чаща, — повторила я: — В ней — Чаща. — Все заклинания, что мы произнесли над королевой, все очищения, все святыни и любые пробы: все в пустую. Я была абсолютно уверена — на меня глянула Чаща. Она нашла способ спрятаться.

— Призывание, — я повернулась лицом к Саркану. — Саркан, мы должны им показать. Соле, Мареку, всем их сторонникам. Если они увидят, что ею овладела Чаща...

— Ты считаешь, они этому поверят? — Он выглянул в окно, и спустя мгновение добавил: — Ладно. В любом случае, стены мы потеряли. Пустим выживших в Башню, и будем надеяться, что двери продержатся достаточно долго, чтобы успеть произнести заклинание.

Мы добежали до зала и распахнули двери. Внутри ворвались люди барона, те немногие, что остались в живых. Их осталось ужасно мало — около сотни. Они сгрудились в зале и на лестнице в подвал. Люди были чумазыми и вымотанными, их лица были перекошены от вида стольких ужасов. Они были очень рады оказаться внутри, но с тревогой переводили взгляд с Саркана на меня. Даже сам барон смотрел на нас косо:

— Это не они, — произнес он, подойдя к Саркану. Его сторонники, окружив нас, расступились в стороны. — Мертвецы.

— Нет, и, если ты предпочитаешь потерять остальных людей, скажи, и я учту твои трепетные чувства на будущее. — Саркан был вымотан, и себя я чувствовала выжатой не меньше. Было интересно, когда настанет утро, но мне не хотелось спрашивать. — Пусть отдохнут, сколько смогут, и берите в кладовках все, что найдете.

Вскоре сквозь толпу солдат наверх пробралась Кася. Барон распорядился отправить раненных и самых уставших в подвал. С ним остались только лучшие бойцы.

— Они разбили бочки с вином и пивом, — вполголоса поведала мне подруга. — Не думаю, что для детей это безопасно. Нешка, что происходит?

Саркан взобрался на помост. Он положил том Призывания на подлокотники своего трона и выругался шепотом.

— Очень вовремя. Ступай вниз и преврати все в сидр, — попросил он меня. Я помчалась вниз с Касей. Солдаты пили, набрав вино в руки и шлемы, или просто подставляя рот под струю из пробитых в бочках дыр, опрокидывали бутылки. Некоторые уже пошатывались. Должно быть кричать от вина лучше, чем вопить от ужаса при виде ходячих мертвецов и бойни.

Кася растолкала выпивох с моего пути, а они, увидев меня, даже не сопротивлялись. Я подошла к самой большой бочке и положила на нее руки:

«Lirintalem», — произнесла я и устало потянулась к силе. Когда она хлынула из меня и сотрясла все бутылки и бочки, я пошатнулась. Солдаты продолжали толкаться, чтобы добраться до выпивки. Пройдет еще некоторое время прежде, чем они поймут, что пьянее, чем сейчас они уже не станут.

Кася осторожно коснулась моего плеча. Я обернулась и крепко ее обняла, радуясь ее силе:

— Мне нужно вернуться. Береги детей.

— Может мне следует пойти с тобой сражаться? — тихо уточнила она.

— Береги детей, — повторила я. — Если что... — я поймала ее руку и увлекла к дальней стене подвала. Там сидели проснувшиеся Сташек с Маришей, с тревогой следя за солдатами. Мариша терла глазки. Я прижала руки к стене и нащупала края хода. Поместив Касину руку на трещину, я показала ей, где он спрятан, а потом вытянула для нее тонкую волшебную нить в качестве ручки.

— Открой дверцу, спрячь их внутри, а потом закрой за собой, — сказала я, потом вытянула руку и произнесла: «Natol», и из воздуха появился Алёшин меч, который я протянула ей: — И это возьми.

Она кивнула, и повесила меч через плечо. Поцеловав ее на прощание, я побежала наверх.

Все люди барона собрались внутри. Стены сослужили нам еще одну службу: пушки Марека не могли выстрелить по дверям. Несколько человек взобрались к узким бойницам, располагавшимся по обеим сторонам от входа, и пускали стрелы в солдат принца. Двери начали сотрясать глухие удары и даже яркая вспышка колдовского огня. Шум и крики снаружи нарастали.

— Собираются поджечь двери, — выкрикнул один из стрелявших, как раз когда я появилась в зале.

— Пусть пробуют, — ответил Саркан, не поднимая головы. Я присоединилась к нему на помосте. Он превратил трон из кресла в простую скамью на двоих с плоским столиком на общем подлокотнике посередине. На нем, ожидая, покоился тяжеленный том Призывания — знакомый и по-прежнему странный. Я разрешила себе медленно опуститься на скамью и растопырила пальцы над обложкой: золоченые витые буквы гудели словно далекие пчелы. Я так устала, что даже пальцы онемели.

Открыв обложку, мы принялись читать. Голос Саркана звучал ровно и ясно, четко выдерживая ритм, и мало-помалу туман из моей головы выветрился. Я тихо вторила и подпевала вслед за волшебником. Солдаты притихли. Они расселись по углам и вдоль стен, прислушиваясь как в тавернах глухой ночью слушают хорошего певца, поющего грустную песню. Их лица казались слегка задумчивыми, словно они пытались следить за сюжетом, запомнить его, даже увлекаемые произносимым заклинанием.

Оно и меня влекло следом за ними, и я была рада в нем затеряться. Ужасы дня не исчезли, но Призывание превратило их в частичку сюжета, и не в самую важную его часть. Сила нарастала, текла светло и чисто. Я чувствовала будто заклинание вырастает второй башней. Когда мы будем готовы, мы распахнем двери и прольем нестерпимый свет на двор у порога. Небо за окном стало светлеть. Вставало солнце.

Двери затрещали. Что-то проникло под них, над ними, сквозь едва заметную щель между створками. Находившиеся рядом люди всполошились. Сквозь каждую щель проникли тонкие извивающиеся тени, быстрые и узкие как змеи. Это были расползающиеся ростки лиан и корней, попутно крошащие доски и камень. Они расползлись по полотну дверей как мороз по стеклу, цепляясь и хватаясь за все на пути, распространяя такой знакомый приторный запах.

Это была Чаща, открыто нанесшая удар, словно понимая, что мы делаем. Что мы вот-вот раскроем ее сущность. Солдаты Желтых болот в страхе принялись рубить ростки мечами и кинжалами. Они слишком хорошо знали, что такое Чаща, и моментально ее узнали. Но сквозь щели и трещины, вслед проложившим дорогу первым росткам, проникало все больше и больше других. Снаружи вновь ударил таран Марека, и двери сотряслись сверху донизу. Лианы обвили железные полосы петель и засова, и потянули. Словно разлившаяся кровь по железу начала расползаться оранжево-красная ржавчина, проделывая столетний путь за пару мгновений. Ростки впивались в нее, обвивались вокруг болтов и яростно раскачивали их из стороны в сторону. Железо громко заскрипело.

Мы с Сарканом не могли останавливаться. Мы быстро читали заплетающимися от скорости языками, как можно быстрее переворачивая страницы. Но Призывание требовало собственного темпа. Историю нельзя торопить. Под заданной нами скоростью выстроенное

нами здание из уже влитой волшебной силы начало шататься, словно рассказчица, теряющая сюжетную нить. Призывание нас поглотило.

Нижний угол правой двери с громким треском отломился. В пролом хлынуло еще больше ростков, толще прежних, длиннее. Некоторые из них принялись обвивать руки солдат, вырывать мечи, отпихивать в сторону. Другие нащупали тяжелый засов, и, обвившись вокруг, медленно, дюйм за дюймом, начали открывать, пока он полностью не выскользнул из первой проушины. Таран снова ударил в двери, и они распахнулись настежь, попутно сбив с ног людей.

В проеме был виден Марек все еще верхом на лошади. Он встал в стременах и протрубил в рог. Его лицо светилось от кровожадной ярости и такого нетерпения, что он даже не задумался, почему так внезапно открылись двери. Едва заметные в свете раннего утра лианы укоренились у лестницы, образовав плотное темное гнездо одревесневших корней, спрятавшихся в углах и щелях разломанных ступеней. Даже не взглянув в их сторону Марек бросил своего коня через них, стремясь проскочить за сломанные двери, и следом все его выжившие рыцари. Их мечи вздымались и падали, проливая кровавый дождь. Солдатам барона пришлось броситься на них с копьями. С визгом падали раненные лошади, брыкаясь в смертельных судорогах, и рядом умирали люди.

Мои слезы текли по лицу и капали на страницы книги, но я не могла не читать. Вдруг меня что-то ударило. Удар был такой силы, что у меня перехватило дыхание. Заклинание слетело с языка. Сперва в моих ушах воцарилась полная тишина, потом вокруг нас с Сарканом послышался глухой рев, поглощая все остальные звуки, но не касаясь нас. Это было словно оказаться в сужающемся сердце урагана посреди открытого поля и видеть окружившую со всех сторон серую стену дождя, которая пока не достает тебя, но в любой момент...

От нас во все стороны начали расползаться трещины: они покрыли книгу, кресло, помост, все этажи и стены. Эти трещины не имели ничего общего с трещинами в камне и дереве. Это были трещины мироздания. Внутри них было только абсолютно черное ничто. Прекрасный золотистый том Призывания сам-собой закрылся и пропал, словно камень ушедший на дно. Саркан схватил меня за руку, сдернул с места и потащил прочь с помоста. Кресло тоже пропало, следом и сам помост — все провалилось в пустоту.

Саркан все еще продолжал произносить заклинание, точнее его поддерживать, раз за разом повторяя последнюю строчку. Я постаралась снова к нему присоединиться, но дыхание все еще не восстановилось. Я чувствовала себя странно. Плечо болело, но, когда я взглянула на него, я не заметила ничего плохого. Потом я медленно перевела взгляд ниже. Из меня торчала стрела, угодившая прямо под грудь. Я недоуменно уставилась на нее — ведь я совершенно ничего не чувствовала.

Когда трещины добрались до прекрасных витражей, стекла с тихими хлопками осыпались наружу разноцветным дождем. Трещины распространялись. Люди падали в них с криком, который тут же замолкал, поглощаемый пустотой. Там же исчезали обломки каменных стен и пола. Стены Башни застонали.

Саркан едва-едва, на самой грани, удерживал остатки заклинания, словно всадник, пытающийся унять взбесившуюся лошадь. Я попыталась отдать ему свою силу. Он буквально тащил меня на себе, обняв железной рукой. Мои ноги заплетались, можно сказать тащились по земле. Только сейчас грудь пронзительно остро заныла, словно тело только сейчас очнулось и поняло, что что-то сильно не в порядке. Я не могла вдохнуть без крика, но на

крик мне не хватало воздуха. Кое-где солдаты продолжали сражаться, другие просто убежали из Башни, пытаясь скрыться от разрушающегося мира. Я мельком увидела Марека, который выбрался из-под мертвой лошади и перемахнул через устремившийся в его сторону разлом в полу.

Между обломками дверей появилась королева. За ее спиной светилось утреннее небо, и на какое-то мгновение мне показалось, что в проеме стоит не женщина, а дерево с серебристой корой, заполнившее собой все пространство от пола до потолка. Потом Саркан утащил меня за собой по лестнице. Башня сотрясалась, позади посыпались камни. С каждым шагом он повторял последнюю строчку заклинания, удерживая остальную часть от распада. Я ничем не могла ему помочь.

* * *

Когда я открыла глаза в следующий раз, надо мной с тревогой склонилась Кася. В воздухе висела пыль, но по крайней мере тряска стен прекратилась. Меня прислонили к подвальной стене. Мы были под землей. Я не помнила, как прошла оставшуюся часть пути вниз. Неподалеку барон выкрикивал приказы выжившим солдатам. Они передвигали винные стеллажи, бочки и железные котлы, перегораживая спуск с лестницы, и укрепляя полученное сооружение битым камнем. Я заметила, что наверху за лестничным пролетом виден солнечный свет. Саркан находился рядом, по-прежнему снова и снова повторяя последнюю строчку заклинания осипшим голосом.

Он поместил меня за металлическим запертым шкафом. На ручках были следы подпален. Он направил Касю к замку. Та взялась за ручку. Вокруг замка вспыхнуло пламя, охватившее ее руки, но она стиснула зубы и выломала дверцу. Внутри оказалась полка с небольшими пузырьками с едва заметно мерцающей жидкостью. Саркан взял один и указал на меня. Кася уставилась на него, потом на стрелу.

— Мне следует ее вытащить? — спросила она. Он сделал толкающий жест вперед... она проглотила ком в горле и кивнула. Присев рядом, она сказала:

— Нешка, держись.

Кася взялась за стрелу и сломала торчащий из моей груди оперенный конец. Наконечник шевельнулся внутри. Мой рот открылся и закрылся в безмолвной агонии. Я не могла дышать. Подруга торопливо убрала самые мерзкие щепки, стараясь сгладить древко. Потом она повернула меня боком к стене и одним чудовищным тычком протолкнула стрелу на оставшуюся часть пути сквозь мое тело. Она поймала наконечник на выходе и вытащила остальную часть.

Я застонала, и с обеих сторон раны хлынула кровь. Саркан открыл пузырек. Он капнул его содержимое в пригоршню и стал втирать его в мою кожу, вдавливая в рану. Зелье чудовищно щипало. Я вяло попыталась оттолкнуть его обмякшей рукой, но он проигнорировал мои попытки и сдвинул платье, чтобы втереть сильнее. Потом Кася передвинула меня вперед, и они занялись раной на спине. Тут я закричала. Оказалось, что я могу кричать. Кася подала мне клочок тряпки — прикусить. Я впиалась в него зубами и вздрогнула.

Боль не стихала, а становилась сильнее. Я попыталась уползти от них и прислониться к стене, к холодному жесткому камню, стараясь слиться с ним и перестать чувствовать. Рыдая,

я впиалась ногтями в раствор. Кася положила руку на мое плечо и... внезапно худшее осталось позади. Кровотечение замедлилось и остановилось. Я вновь начала различать предметы и слышать: бой на лестнице, глухое звяканье мечей друг о друга, каменные стены, скрип металла и случайный звон. Сквозь баррикаду протекла кровь.

Саркан осел по стене рядом со мной, все еще шевеля губами, но почти беззвучно. Он через силу зажмурился. Призывание было сродни замку из песка половина которого была размыта волной. Оставшаяся часть была готова обрушиться — он сдерживал ее чистой силой. Если рухнет остальное, то пустота может проглотить всю Башню и нас вместе с ней, оставив в мироздании дыру, которая потом закроется. На место сожранного фрагмента, словно нас никогда не существовало, надвинутся горы.

Он открыл глаза и посмотрел на меня. Жестом он указал на Касю и детей, прятавшихся за ее спиной и испуганно выглядывающих поверх бочки. Саркан взмахнул снова: уходи. Он хотел, чтобы я забирала их и бежала, куда-нибудь увела. Я медлила, и он рассерженно блеснул глазами. Он сделал жест, сметающий все с пустого пола. Книга пропала. Призывание пропало. Мы не сможем закончить заклинание, и когда у него иссякнут силы...

Я втянула в себя воздух, взяла его за руку и вернулась в работу над заклинанием. Он сопротивлялся. Начав сперва тихо напевать с короткими выдохами, я нащупывала свою тропу. У нас больше не было карты, и я не помнила слов, но мы уже делали это раньше. Я запомнила, куда нужно идти и что мы пытались построить. Я подпирала стены новым песочком, прорыла под ними ров, чтобы не позволить набегающим волнам их размыть, сделав его широким и длинным. Я продолжала без слов напевать кусочки историй и песен. Волшебник отстранился, оторопев, не понимая, как мне помочь. Я спела ему что-то чуть более длинное, вплетая кусочки мелодий словно складывая в его ладони мокрые камешки. Я колдовала медленно, аккуратно и размеренно, укладывая один за другим камни вокруг основания стен из влажного песка, укрепляя нашу башню.

Результат снова становился крепче и монолитнее. Мы остановили оползень. Я продолжала свое дело, укрепляя тут и там, отыскивая тропу и показывая путь Саркану. Подсыпав песка, я дала ему сгладить стену, сделать ее устойчивее. Вместе мы воткнули в верхушку в качестве флюгера ветку с листочками. У меня до сих пор перехватывало дыхание. Я ощущала странный перекрученный узел в груди и глубокую тянущую боль, где до сих пор действовало зелье, но сквозь меня, переполняя, обильно и свободно текла чистая и быстрая сила.

Закричали люди. Остатки сторонников барона перебирались на эту сторону баррикады, большинство уже безоружными, пытаясь лишь спастись. Ступени озарило приближающимся светом, но перед ним неслись крики. Солдаты протянули спасающимся товарищам руки, помогая им перебраться на эту сторону. Выживших было совсем немного. Поток иссяк, и защитники, перегорев проход как могли, накидали наверх последние доски и водрузили огромный железный котел. Откуда-то позади было слышно эхо голоса Марека, и я заметила золотистые волосы королевы. Солдаты барона выставили ей навстречу копья, которые лишь скользнули по ее коже. Баррикада начала разваливаться.

Мы до сих пор не могли отпустить заклинание. Кася поднялась и отворила проход в гробницу.

— Быстро вниз, — сказала она детям, и они спустились в лестничный проем. Подруга поймала мою руку и помогла подняться. Саркан встал сам. Кася подвинула нас в сторону, подобрала с пола меч и забрала из ящика еще один запечатанный флакон. — Сюда! —

крикнула она солдатам, и они поспешили за нами.

Призывание осталось с нами. Я спускалась по винтовой лестнице перед Сарканом, и сила звучала, перетекая между нами. Наверху послышался скрежет, и стало темно: кто-то из солдат закрыл дверь. В темноте загорелась стайка древних светильников по обе стороны от лестницы и чуть слышно зашептала. Я поняла, что чуть-чуть изменила стиль нашей работы, чтобы аккуратно обойти их волшебную силу. Мое ощущение нашей внутренней башни слегка изменилось. Она стала крупнее и шире, в ней сформировались террасы и окна, сверху ее покрывал золоченный купол; стены, сложенные из светло-белого камня были покрыты такими же светящимися письменами, как и у этого лестничного колодца. Голос Саркана замедлился. Он тоже увидел: это была давным-давно потерянная древняя башня. Вокруг нас все ярче разгорался свет.

Мы набились в круглую комнату в конце лестницы. Воздух был тяжелым, его было недостаточно на всех, пока Кася не взяла один из древних железных подсвечников и не использовала его основание, чтобы пробить дыру в стене гробницы. На нас подуло прохладным воздухом, и она завела детей внутрь, приказав им спрятаться за гробом древнего короля.

Сверху донесся звук крушащегося камня. Королева вела Марека и его людей за нами. Пара десятков солдат барона с испугом на лицах распластались вдоль стен комнаты. На них были желтые сюрко, точнее то, что от них осталось, значит они были за нас. Но я никого не узнала. Барона среди них не было. Снова отдаленно послышался звон мечей: последние защитники Желтых болот сражались, прикрывая лестницу. Свет Призывания быстро нарастал.

Марек пронзил последнего врага на лестнице и пинком сбросил тело на пол. Солдаты едва ли не с радостью бросились ему навстречу. Он, по крайней мере, был понятным для них противником, с кем можно справиться. Но принц принял один удар на щит, поднырнул под второй и пронзил мечом атаковавшего солдата. Потом повернулся и срубил голову второму, обратным движением рукоятки меча он ударил еще одного, и ткнул острием в глаз следующего. Кася, поднимая меч с протестующим вскриком, сделала шаг навстречу принцу, но не успел еще смолкнуть ее крик, как солдаты были мертвы.

Но мы все же успели закончить Призывание. Я пропела последние три слова, Саркан их повторил следом, и потом мы вместе пропели их еще раз. Комнату озарил ослепительный свет, исходящий от самих мраморных стен. Марек бросился вперед на расчищенное им пространство, и следом за ним вошла королева.

В опущенной руке был меч, с которого капала кровь. Ее лицо было спокойно, неподвижно и безмятежно. Свет озарил ее, густой и устойчивый и прошел сквозь нее — в ней не было ни следа скверны. Равно как оказался чист Марек и шедший следом Соля. Свет омывал ее, задевая краем ее спутников, и в них не было теней. Только жестко поблескивающий эгоизм и гордость сродни усеянной шипами стене. Но в королеве не было ничего подобного. Я поражено смотрела на нее, тяжело дыша. В ней не было порчи.

В ней вообще ничего не было. Свет Призывания прошел прямо насквозь. Она сгнила изнутри. Ее тело было лишь оболочкой из коры вокруг пустого места. В ней попросту нечему было испортиться. Слишком поздно я это поняла. Мы хотели спасти королеву Анну, так что Чаща дала нам то, что мы искали. Но то, что мы нашли были лишь бренными останками, фрагментом сердцевины очагового дерева. Марионетка, пустая и ждущая, когда мы закончим свои испытания, и убедим себя в том, что ничего плохого нет, а Чаща в любой

момент могла до нее дотянуться и перехватить управление.

Свет все еще озарял ее, и наконец я медленно сумела увидеть Чашу, словно посмотрела еще раз на облако и разглядела в нем дерево вместо женского лица. Чаша была там... и она была единственной сущностью. Золотые локоны были светлыми прожилками листьев, ее руки и ноги были ветвями, а пальцы длинными корнями, цепляющимися за пол и глубоко проникшими в почву.

Она смотрела на стену за нашими спинами, в пробитое отверстие, ведущее в гробницу с голубым пламенем, и впервые за все время ее лицо изменилось. Перемена была сродни согнувшейся иве под порывом ветра, пронесшейся буре в верхушках деревьев. Эта оживившая Чашу сила, чем бы она ни была, она была здесь прежде.

Под сиянием Призывания лицо королевы Анны постепенно сползло с нее как смывается краска под льющей водой. Под ней оказалась другая королева, коричневая с зеленым и золотым. Ее кожа была испещрена подобно древнему дереву, а волосы были настолько темно-зеленого оттенка, что казались черными с красными, золотыми и осенне-коричневыми прожилками. Кто-то собрал ее золотые локоны и сплел из них кольцо вокруг ее головы, перемежая их с белыми лентами. На ней было белое платье, которое плохо на ней сидело. Она его носила, хотя оно ничего для нее не значило.

Я увидела, как между нами и ею обретает очертание тело похороненного короля. Его несли шестеро людей на белом льняном полотнище. Его лицо было спокойно и неподвижно, глаза склеены молоком. Его внесли в эту гробницу, аккуратно опустили в огромный каменный гроб и сложили полотно поверх тела.

В сиянии Призывания за процессией шла другая королева. Она склонилась над гробом. В ее лице не было скорби, только отчаянное смятение, словно она не могла понять. Она коснулась лица короля, прикоснулась к его ресницам странными длинными сучковатыми пальцами. Король не пошевелился. Она удивилась и отдернула руку, освобождая место людям. Они накрыли гроб крышкой и поверх него загорелось голубое пламя. Она наблюдала за их действием с тем же недоумением.

Один из присутствующих призраков заговорил с ней, по-видимому разрешая ей остаться столько, сколько она пожелает. Он поклонился, пятась и вышел из гробницы, оставив ее одну. Когда он уходил, в его лице промелькнуло нечто, что Призывание сумело выявить даже спустя столько лет — холод и решимость.

Королева Чащи этого не заметила. Она стояла у каменного гроба, обняв его руками, ничего не понимая, как было с Маришей. Она не понимала суть смерти. Она смотрела на голубое пламя, на его пляску. Королева обернулась в пустой каменной комнате, и оглянулась с уязвленным и обиженным выражением лица. Потом она замерла и снова огляделась. Небольшой проем в стене закладывали кирпичами. Ее замуровывали в гробнице.

Мгновение она смотрела, потом бросилась вперед и присела у оставшегося крохотного отверстия. Люди работали быстро, и уже задвигали блоки, почти полностью закрыв проем. Пока каменщики делали свое дело, человек с холодным лицом произносил заклинание. С его рук срывалось потрескивающее голубое свечение, омывающее каменные блоки, соединяя их вместе. Она возмущенно протянула в отверстие руку. Никто на нее не обратил внимания. Они закрыли проем последним блоком, задвинув ее руку внутрь.

Оказавшись в одиночестве, она выпрямилась. Она была поражена, рассержена, сбита с толку, но еще не была напугана. Она подняла руку, собираясь что-то предпринять. Но за ее спиной на могиле плясало голубое пламя. Опясывающие стены буквы ловили свет и

отражали его, заканчивая длинное предложение, которое начиналось на лестнице, гласящее:

«ОСТАНЬСЯ НАВЕЧНО, ВЕЧНО ПОКОЙСЯ, БЕЗ ДВИЖЕНИЯ, ВЫХОДА»,

и это была не просто дань уважения королю о его вечном покое. Это была не просто гробница. Это была темница. Её темница. Темница, чтобы ее удержать. Она повернулась и ударила стену, изо всех сил попыталась ее сдвинуть, просунуть пальцы в щели. Нарастал страх. Холодные и неподвижные камни ее заперли. Они вырезали эти камни из самой сердцевины гор. Она не могла выбраться. Не могла...

Внезапно королева Чащи отбросила свои воспоминания. Сияние Призывания мигнуло и словно вода отхлынуло на каменные стены гробницы. Саркан отшатнулся, я едва не грохнулась у стены. Мы находились с дальней стороны круглого помещения, но страх королевы прогремел внутри моих ребер словно бьющаяся о стену птица. Отрезанная от солнца, отрезанная от воды, от воздуха. И все же она не могла умереть. И она не умерла.

Она стояла среди нас, полускрытая за маской с лицом королевы Анны, но также не была больше королевой из видения. Каким-то образом она нашла способ выбраться. Она отвоевала свободу, а затем... перебила их? Она перебила их, и не только их, но и их возлюбленных и их детей, и весь их народ. Она их поглотила, превратившись в такое же чудовище, какими были они. Она стала Чащей.

Она тихо прошипела в темноте, не так как шипят змеи, а похоже на шорох листвы, скрип ветвей на ветру, и шагнув вперед, следом по ступеням хлынули лианы, обвивая останки павших за лодыжки, запястья и шеи, отодвигая их к стенам и потолку, чтобы освободить ей дорогу.

Мы с Сарканом только пытались подняться на ноги. Кася очутилась перед нами словно щит и рубила ползущие к нам лианы, чтобы мы оставались свободными, но другие сумели проползти вокруг нее и проникнуть в гробницу. Они обвили вокруг детей и потащили их наружу. Сташек безо всякой пользы принялся рубить лианы, пока они не обвили его руки, Мариша закричала. С мукой на лице, не в состоянии спасти нас всех, Кася шагнула навстречу детям.

И тут вперед метнулся Марек. Сверкнув мечом, он разрубил лианы. Он встал между королевой и детьми, и отодвинул их щитом обратно в безопасную гробницу. Он встал перед королевой. Она замерла.

— Матушка, — пронзительно произнес принц, и, бросив меч, взял ее за руки. Он всматривался в ее лицо, пока она медленно поворачивалась к нему: — Матушка, — повторил он. — Сражайся с ней. Это Марек... Маричек. Вернись ко мне.

Я оттолкнулась от стены. Он пылал уверенностью, тоской. Его доспехи были опалены и омыты кровью, на лице засохла ярко-красная корка, но на мгновение он показался ребенком или святым — чистым в своем стремлении. Королева посмотрела на него, положила руку на его грудь и убила. Ее пальцы превратились в сплошные шипы, ветки и лианы. Она запустила их в его доспехи и сжала руку в кулак.

Если бы в ней оставалось что-то от королевы Анны, хоть малейшая толика ее воли, то она всю истратила ее сейчас, в одном-единственном миге милосердия: он умер, не узнав, что проиграл. Лицо принца не изменилось. Тело легко стекло с ее руки, целое, за исключением дыры в панцире в том месте, где его пробила ее рука. Он упал на спину, загрохотав

доспехами по камням, ясноглазый и убежденный в своей правоте, в том, что будет услышан, что победит. Он выглядел как король.

Он и нас всех увлек своей убежденностью. На мгновение мы все неподвижно застыли. Пораженный Соля замер. Потом, взмахнув мечом, вперед прыгнула Кася. Королева встретила ее своим. Они застыли неподвижно, давя каждый со своей стороны. Со скрещенных лезвий осыпалось несколько искр. Королева наклонилась вперед и медленно начала прижимать противницу.

Саркан начал читать заклинание, и с его языка слетели слова жара и пламени, прямо из земли вокруг ног королевы взметнулось желто-красное иссушающее пламя. Огонь опалил и Касину кожу, сожрал оба меча. Касе пришлось откатиться назад. Серебристая кольчуга королевы расплавилась и стекла с нее ручейками, которые собрались на полу в сверкающие жидкие лужицы, покрывшиеся почерневшей коркой. Платье объяло горячее чадящее пламя. Но огонь не коснулся ее тела. Бледные ноги королевы стояли прямо и невредимо. Соля бросил в нее свой белый пояс. Там, где встречались пламя порожденное им и Драконом, оно вспыхивало голубым цветом. Это соединенное голубое пламя обернулось вокруг ее тела в поисках слабины, в поисках пути внутрь.

Я взяла Саркана за руку, подпитывала его своей силой, чтобы он мог продолжать сражаться с ней огнем. Его пламя охватило лианы. Те солдаты, которых не задушили, сумели отползти обратно наверх... по крайней мере им удалось убежать. Я перебирала в уме одно заклинание за другим, но, даже не приступая, я знала, что они не помогут. Огнем ее не сжечь. Клинком не взять, сколько ни рубить. В ужасе я уже начала думать, не стоило ли нам позволить Призыванию развалиться. Может то огромное ничто сумело бы ее поглотить. Но вряд ли даже это могло помочь. Ее было слишком много. Она могла заполнить любую дыру, которую мы сделали бы в мироздании и еще много осталось бы. Она была Чашей, или Чаша была ею. Ее корни уходили слишком глубоко.

Саркан задышал тяжело, втягивая в себя как можно больше воздуха. Соля устало осел на ступени, и его белое пламя угасло. Я отдавала Саркану все больше сил, но скоро он тоже упадет. Королева повернулась в нашу сторону. Она не улыбалась. На ее лице не было триумфа, только беспредельная ярость и жажда победы.

За ее спиной поднялась Кася, вытаскивая из-за плеча Алёшин меч. Она нанесла удар.

Лезвие впилось в горло королевы и застряло на полпути. Послышался приглушенный рокот, мои ушные перепонки заболели и вся комната погрузилась во тьму. Лицо королевы застыло. Меч принялся пить, пить, пить в бесконечной жажде, желая все больше. Тон звука стал выше.

Это было похоже на бой между двумя бесконечными вещами, между бездонной пропастью и текущей рекой. Мы застыли, с надеждой наблюдая. Выражение королевы не менялось. Там, где в ее горле застрял меч, глянцевая чернота пыталась заполнить ее плоть, распространяясь от раны словно чернильное пятно в стакане с чистой водой. Она медленно подняла руку и прикоснулась к ране пальцами. Немного черноты перешло на кончики ее пальцев. Она перевела на них взгляд.

Потом она снова посмотрела на нас с внезапной досадой, почти покачав головой, словно говоря нам, насколько мы глупы.

Внезапно она опустилась на колени, подергиваясь всем телом, как марионетка, которую бросил кукловод. И тут же пламя Дракона охватило тело королевы Анны. Ее короткие золотистые волосы вспыхнули чадящим облаком, ее кожа почернела и потрескалась. Из-под

трещин показались светлые потеки. На мгновение мне показалось, что у нас получилось, что меч сумел побороть бессмертие королевы Чащи.

Но из трещин показался бледный пар, вырывающийся целыми потоками, который с шумом промчался мимо нас... сбегая, как однажды королева уже сбежала из своей темницы. Меч Алёши все еще пытался ее выпить, поймать потоки пара, но они слишком быстро выкипали, успевая избежать голодной хватки меча. Когда часть пара пронеслось мимо Соли вверх по лестнице, тот закрылся от него руками, другая направилась в воздуховод, а большая часть — нырнула в гробницу и ушла сквозь едва приметную трещинку в потолке, которую я даже не заметила, настолько она была крохотной. Кася прикрыла собой детей. Мы с Сарканом распластались по стене, прикрыв рты. Субстанция королевы Чащи обдала нас маслянистым ужасом скверны, теплой вонью гнилых листьев и мха.

И внезапно все прошло... она сбежала.

Брошенное тело королевы Анны мгновенно распалось как прогоревшая головешка рассыпается пеплом. Алёшин меч, звякнув, упал на пол. Мы остались одни. Единственным звуком было наше напряженное дыхание. Все выжившие солдаты разбежались. Мертвецов поглотили лианы и пламя, не оставив ничего, кроме опаленных призрачных силуэтов на мраморных стенах. Кася медленно села. Дети прижались к ней. Я опустилась на колени, трясясь всем телом от ужаса и отчаяния. Рядом лежала раскрытая ладонь Марека. Его глаза уставились невидящим взглядом с середины комнаты, в окружении опаленного камня и луж расплавленной стали.

Темный клинок растаял в воздухе. В одно мгновение от него ничего не осталось, кроме рукояти. Алёшин меч был потрачен. Королева Чащи спаслась.

Мы вынесли детей из Башни под утренний яркий и незамутненный свет, освещавший безмолвные останки шести тысяч человек. Сюда уже слетались тучи жужжащих мух и стаи ворон. Когда мы появились, они поднялись в небо и расселись на стенах, дожидаясь, когда мы перестанем им мешать.

По пути в подвале мы встретили барона. Он сидел, прислонившись к очагу в луже крови, уставившись невидящими глазами. У лежавшего неподалеку солдата Кася нашла в руке целый флакон с сонным зельем. Еще внизу мы дали детям выпить по глоточку. Они итак видели больше, чем им следует.

Сташек безвольно свешивался с Касиного плеча, а Саркан нес свернувшуюся клубочком Маришу. Я ковыляла следом, слишком опустошенная, чтобы бояться тошноты, и высохшая, чтобы плакать. Дыхание по-прежнему давалось мне болезненно и через силу. Соля шел рядом со мной, периодически предлагая руку, чтобы перебраться через особо крупные завалы тел в доспехах. Мы не стали брать его в плен. Он просто плелся за нами следом с озадаченным взглядом, словно человек, который осознает, что он не спит, но хотел бы, чтобы то, что он видит ему приснилось. Еще в подвале он отдал остатки своего плаща Саркану, чтобы укутать принцессу.

Башня еще стояла, но едва-едва. Пол большого зала представлял собой лабиринт раскрошившихся плит, по которому были разбросаны мертвые корни и лианы, обугленные, как и оставшееся внизу тело королевы. Несколько колонн обрушились полностью. В потолке зияла дыра, из которого свисало кресло и в которую была видна библиотека наверху. Пробираясь через завалы обломков, Саркан бросил взгляд вверх.

Нам пришлось пробраться через все стены, которыми мы пытались сдержать Марека. Когда мы проходили под арками, древние камни что-то тихо печально бормотали. Пока мы не добрались до брошенного лагеря, мы не встретили ни единой живой души. Там по крайней мере мы обнаружили несколько выживших солдат, которые шарили в поисках провизии, а пара их низ бросились от нас наутек, выскочив из главного шатра с серебряными кубками в руках. Я бы не пожалела отдать еще с десятков серебряных кубков, лишь бы услышать живой голос, просто чтобы удостовериться, что остался еще кто-то в живых. Но все они либо сбежали, либо попрятались среди палаток и куч барахла. Мы стояли посреди безмолвного поля, и тут я вспомнила:

— Канониры.

Каменный отряд никуда не делся, валяясь брошенными в сторонке, взирая на башню каменными глазами. Большинство из них не сильно пострадало. Мы молча постояли над ними. Ни у кого из нас не осталось достаточно сил, чтобы разрушить заклинание. Наконец, я потянулась к Саркану. Он переложил Маришу на другую руку и позволил взять себя за вторую.

Нам удалось накопить достаточно силы, чтобы снять заклинание. Сбрасывая оцепенение, солдаты корчились и дрожали, сотрясаясь от внезапного возвращения к жизни и дыханию. Некоторые из них лишились пальцев, или получили новые шрамы там, где от их тела откололись кусочки, но все они были закаленными солдатами, стрелявшими заколдованными, редевшими при каждом выстреле ядрами. Сперва они от нас попятнулись, но потом, наконец, они узнали Солю.

— Какие будут приказы, господин? — неуверенно спросил один из них.

Он мгновение недоуменно смотрел на него в ответ, потом с тем же видом перевел взгляд на нас.

Мы вместе пошли к Ольшанке по все еще пыльной после вчерашней нагрузки дороге. Вчера. Я пыталась не думать об этом. Всего лишь вчера по этой дороге прошли шесть тысяч человек, а сегодня их нет. Они лежат мертвыми во рву, в зале Башни, в подвале, на ведущей в гробницу длинной лестнице. Поднимаясь, я видела их покрытые пылью лица. Кто-то в Ольшанке увидел наше приближение, и навстречу выехал Борис. Остальную часть пути мы проехали в его фургоне, перекатываясь на кочках как мешки с зерном. Скрип колес стал аккомпанементом к каждой песне про сражения и войну, цокот копыт — барабанным боем. Каждый сюжет следовало бы заканчивать одинаково: кто-то уставший возвращается с поля, покрытого трупами, домой. Но что-то никто не поет ни о чем подобном.

Супруга Бориса Наталья уложила меня спать в старой комнате Марты. Это была крохотная светелка, полная света с сидящей на полке потрепанной тряпичной куклой и маленькой кроватью. Марта уже перебралась в собственный дом, но комната до сих пор напоминала о ней — теплое, приветливое место, готовое меня приютить, и рука Натальи, лежащая на моей голове, была материнской, уговаривающей уснуть и отгоняющей от моего сна чудовищ. Я закрыла глаза и притворилась, что поверила.

Я не просыпалась до вечера — теплого летнего с мягкими отливающими синевой тенями. В доме усиливалась знакомая и такая уютная суматоха — кто-то готовил ужин для идущих с дневной работы, кто-то возвращается с поля. Я села неподвижно у окна и просидела довольно долго. Они были куда зажиточнее моей семьи — верхнюю часть дома они оборудовали под спальни. Мариша играла в большом саду с собакой и четырьмя детишками в основном старше нее. На ней было новое хлопковое платье со свежими следами травы, волосы выбились из тугих косичек. Но несмотря на то, что один из игравших был мальчиком одного возраста со Сташеком, он сидел у двери, наблюдая. Даже в простой одежде он не был похож на обычного мальчишку — слишком гордо были расправлены плечи и лицо своей сосредоточенностью напоминало храм.

— Нам придется отвести их обратно в Кралевию, — сказал Соля. За отведенное на отдых время он собрал остатки своей самоуверенности и уселся с нами, словно с самого начала был на нашей стороне.

Было темно. Детей уже уложили спать. Мы сидели в саду, потягивая холодную сливовую наливку из стаканов, и я чувствовала будто притворяюсь взрослой. Слишком это было похоже на посиделки, которые устраивали мои родители с гостями на стульях и тенистой расшатанной лавочке на краю леса, обсуждая урожай и семьи других соседей, пока мы — дети весело носимся неподалеку, собирая ягоды или каштаны, или просто играем в салки.

Помню, когда мой старший брат женился на Малгосе, они оба внезапно перестали носиться с нами и стали сидеть с родителями. Это была какая-то алхимия, напускающая серьезность, чего, я чувствовала, не должно со мной случиться. Мне казалось невозможным даже сесть с ними рядом, не то что со всей серьезностью рассуждать о тронах и убийствах, словно это не сказочные сюжеты, а реальные вещи.

Еще более странно было слышать их спор:

— Принца Сташека нужно немедленно короновать, и назначить регента, — продолжал Соля. — Эрцгерцога Гиды и, по крайней мере, эрцгерцога Варши...

— Эти дети не поедут никуда, кроме своих деда с бабкой, — сказала Кася: — даже, если мне придется взвалить их себе на спину и тащить всю дорогу на себе.

— Деточка, ты просто не понимаешь... — ответил Соля.

— Никакая я вам не деточка, — отрезала Кася таким резким тоном, что он смолк. — Раз Сташек теперь король, тогда вот что. Король попросил меня доставить его с Маришей к семье их матери. Именно туда они и направятся.

— В любом случае, столица находится слишком близко, — Саркан нетерпеливо дернул пальцами, закрывая тему. — Понимаю, эрцгерцогу Варши не понравится, что король окажется в руках Гидны, — ворчливо добавил он, когда Соля набрал в грудь воздух, чтобы возразить, — но мне плевать. Кралевия и раньше не была особо безопасна. Теперь и подавно.

— Нигде не безопасно, — озадаченно ответила я, вмешиваясь в разговор, — и еще долго не будет. — На мой взгляд они походили на спорщиков, которые рассуждали, на каком берегу реки строить дом, не замечая, следы наводнения на ближайшем дереве, которые явно выше будущего порога.

Спустя мгновение Саркан произнес:

— Гидна на берегу океана. В северных замках можно подготовить хорошую оборону...

— Чаща все равно явится! — Я это точно знала. Я заглянула в лицо королеве, почувствовала опалявший мою кожу темный гнев. Все эти годы Саркан сдерживал Чащу словно наводнение каменной дамбой. Он разрушал ее поток на тысячи ручейков и колодцев силы, расплескав их по долине. Но дамба не могла стоять вечно. Сегодня, на следующей неделе, в следующем году — Чаща ее прорвет. Она отберет назад свои колодцы, ручейки и хлынет до самых подножий гор. Затем, подкрепленная всей этой новоприобретенной мощью, она перехлестнет за перевалы.

И не будет такой силы, что будет возможно ей противопоставить. Армия Польни разбита, армии Росии нанесено поражение... и все равно Чаща может себе позволить проиграть сражение-другое, даже десяток. Она сперва закрепится, затем рассеет семена, и даже если ее отбросят за один перевал или за другой, в конце это не будет играть роли. Она будет наступать. Будет. Мы можем сдерживать ее до совершеннолетия Сташека и Мариши, или до их старости и даже смерти, но что станет с игравшими с ними в саду внуками Бориса и Натальи? Или с их детьми, вынужденными жить в растущей тени?

— Мы не сможем сдерживать Чащу, когда в тылу полыхает Польша, — сказал Саркан. — Едва росиянцы узнают о гибели Марека, они явятся к Ридве, чтобы отомстить...

— Мы вообще никак не можем сдерживать Чащу! — сказала я. — Это то, что пытались сделать они... и что пытался делать ты. Нам следует ее полностью остановить. Мы должны ее остановить.

Он посмотрел на меня:

— Какая замечательная идея. Раз ее не сумел убить Алёшин меч, то ничто не сможет. И что ты предлагаешь предпринять?

Я устала в ответ и обнаружила отразившийся в его глазах страх, сковавший мой живот. Его лицо стало спокойным, и он перестал буравить меня взглядом. Саркан откинулся на стуле, не сводя с меня глаз. Соля обвел нас ничего не понимающим взглядом, а Кася смотрела на меня с беспокойством. Но ничего нельзя было поделать.

— Не знаю, — ответила я Саркану дрожащим голосом. — Но что-нибудь придумаю. А ты пойдешь со мной в Чащу?

Кася с неуверенным видом стояла рядом со мной на перекрестке за Ольшанкой. Небо еще только окрасилось нежно-розовыми утренними тонами.

— Нешка, если ты считаешь, что я сумею помочь... — тихо произнесла она, но я покачала головой, и поцеловала ее в ответ. Она аккуратно обняла меня руками и потихоньку начала сводить руки, пока не получились объятья. Я прикрыла глаза и крепко прижала ее к себе. На мгновение мы снова стали детьми, девчонками, хоть и растущими в тени далекой угрозы, но тем не менее счастливыми. Потом солнце выглянуло на дорогу и осветило нас. Мы опустили руки и отстранились. Она снова стала золотистой и твердой, невероятно красивой для живой, а в моих руках была сила.

Сташек с Маришей нервно наблюдали за Касей из фургона, Соля сидел рядом с ними. На козлах был один из солдат. В город вернулось еще больше людей, сбжавших из боя и из Башни ближе к его концу, так что эта мешанина из солдат Марека и барона Желтых болот превратилась теперь в эскорт. Они перестали быть врагами. Да и не были по настоящему. Даже сторонники Марека считали, что спасают королевских детей. Их просто поместила по разные стороны шахматной доски королева Чащи, чтобы она могла наблюдать со стороны, как они друг друга убивают.

Фургон загрузили припасами со всего города. Эти продукты шли в зачет ежегодного подношения Саркану. И он оплатил Борису стоимость фургона и лошадей.

— Они заплатят тебе за дорогу, — сказал волшебник, отдавая Борису кошелек. — И ты даже можешь забрать с собой семью. Вы сможете начать заново.

Борис посмотрел на Наталью. Та едва заметно покачала головой.

— Мы остаемся, — повернувшись, ответил он.

Отворачиваясь, Саркан что-то недовольно пробурчал, считая это очевидной глупостью. Но я встретилась с Борисом взглядами. Под моими ногами долина неслышно пела: дом. Я намеренно вышла без обуви, чтобы можно было запустить пальцы ног в травку или в почву, и вобрать в себя их силу. Так что я знала, что Борис не согласится. И почему откажутся мои мать с отцом, если я приду в Дверник и предложу им уехать. Так что я сказала ему: «Спасибо».

Фургон поскрипел прочь. Солдаты двинулись следом. Обнимая детей, Кася смотрела на меня из конца фургона, пока поднятое двигавшимися пылевое облако не заслонило их, и я перестала видеть их лица. Я повернулась обратно к Саркану. Он смерил меня тяжелым, мрачным взглядом:

— Ну?

От большого дома Бориса мы спустились по дороге до хлюпающей деревянной водяной мельницы, без устали приводимой в движения речной водой. Под нашими ногами дорога постепенно превратилась в отдельные камни, затем исчезла под чистой водой. К берегу было привязано несколько лодок. Отвязав самую маленькую, мы столкнули ее в реку. Я подоткнула юбки, а волшебник забросил внутрь свои сапоги. Может у нас вышло не слишком изящно забраться внутрь, но мы справились, умудрившись не искупаться. Он подобрал весла.

Сев спиной к Чаще волшебник сказал:

— Задавай ритм, — он взялся за весла, а я тихо запела ускоряющее заклинания Яги.

Берега реки понеслись мимо размытой полосой.

* * *

Веретянница текла спокойно и прямо под горячим солнцем. На воде сверкали солнечные зайчики. Мы быстро скользили вдоль берега, проплывая по полмили за один удар весел. В Понитсе я заметила на берегу женщину, стирающую целую кучу белья. Она заметила, как мы словно колибри пролетели мимо. В Вёсне мы на какое-то мгновение оказались под кронами только что сбросивших цветы вишень, чьи крохотные ягоды еще только образовывались, и плыли по спокойной воде среди опавших лепестков. Как мы проплыли Дверник я не заметила, но точно знала, когда это было. Я узнала изгиб берега, находившийся в полумиле к востоку от нашей деревни, и, оглянувшись, увидела яркий медный купол церковной колокольни. Ветер дул нам в спину.

Я продолжала напевать, пока впереди не поднялась темная стена деревьев. Саркан сложил весла в лодку. Он обернулся и оглядел берег перед деревьями. Его лицо помрачнело. Спустя мгновение я поняла, что полосы выжженной земли больше нет. Только широкий зеленый луг.

— Мы выжгли все шириной в милю по всей границе, — сказал волшебник. Он посмотрел на юг в сторону гор, словно пытаясь оценить расстояние, которое успела захватить Чаща. Мне это уже казалось не важным. Сколько бы это ни было, это было слишком много, и все же — еще не настолько много, как могло бы быть. Мы либо найдем способ это прекратить либо нет.

Течение Веретянницы само-собой несло нас вперед. Впереди стройные темные деревья протягивали в стороны свои длинные руки и ласкали берег своими пальцами. С каждого берега нас встречала стена. Саркан повернулся ко мне, и мы взяли за руки. Он произнес заклинание рассеивания внимания, невидимости, а я подхватила его и объяснила нашей лодочке, чтобы она притворилась пустой, плывущий по течению с оторвавшейся распушенной веревкой и мягко постукивая по прибрежным камням. Солнце взобралось в зенит, и на реке между тенями от деревьев пролегла яркая дорожка света. Я взяла одно из весел и начала править им, придерживаясь границ светлой дороги.

Берега стали выше и гуще заросли шиповником, у которого шипы были похожи на светло белые и смертельно острые драконьи зубы. Стволы деревьев стали толще, искривились и разрослись до невероятных размеров, склонившись к воде. Они выпростали в воздух тонкие прутики, которыми цеплялись за клочки неба. Глядя на них казалось, что они вот-вот зарычат. Наш светлый путь становился все меньше и уже, и течение реки под нами замедлилось, словно оно тоже притаилось. Мы скрючились посредине лодочки.

Нас выдала бабочка, крохотный трепещущий клочок черно-желтого цвета, заблудившийся, пролетая над Чащей. Она устало присела отдохнуть на носу лодки, и из чащи деревьев словно черный клинок вынырнула птица и склевала ее. Она села на носу лодки с торчащими из клюва смятыми крылышками бабочки, проглотила их за три быстрых щелчка, и уставилась на нас крохотными глазками похожими на черные бусинки. Саркан попытался ее поймать, но она скрылась в деревьях, и нам в спину подул холодный ветер.

С берегов послышался стон. Одно из старых массивных деревьев сильно наклонилось к воде, сильно обнажив корни, и рухнуло в реку сразу за кормой. Вода позади нас вздыбилась.

Весло вырвало у меня из рук. Мы ухватились за борта лодки, и держались, пока нас несло, вращая, по поверхности. Лодка раскачивалась, и внутрь начала заливаться ледяная вода прямо на мои ноги. Нас продолжало беспомощно вращать. Я заметила, как мы проплыли мимо ходока, который трещал, стоя на упавшем на берегу дереве. Он повернул следом свою деревянную голову.

«Rendkan selkhoz!» — выкрикнул Саркан, и лодочка выправилась. Я указала рукой на ходока, но знала, что уже поздно.

«Polzhyt», — сказала я, и его сучковатую спину внезапно охватило ярко-оранжевое пламя. Но он развернулся и на своих деревянных четырех лапах сбежал в лес, сопровождаемый дымом и оранжевым заревом. Нас заметили.

На нас словно удар молота обрушилось внимание Чащи. Я отпрянула, упав на дно лодки, и моя одежда пропиталась ледяной водой. Деревья попытались нас достать, протягивая над водой свои колючие ветки, листья посыпались дождем, собираясь на пути лодки. Мы заплыли за поворот и впереди нас поджидали полдюжины ходоков во главе с темно-зеленым богомолем, перекрывших реку словно живая дамба.

Течение ускорило, словно Веретянница сама решила пронести нас мимо них, но их было слишком много и дальше в реку спускалось еще больше. Саркан встал в лодке, набрал в грудь воздух, чтобы обрушить на них заклинание огня и молнии. Я приподнялась, схватила его за руку и повалила его за борт лодки, чувствуя сквозь руку взрыв его возмущения. Мы погрузились на глубину в самой стремнине и вынырнули уже светло-зеленым листом, цепляющимся за веточку, движущимся вместе с соседями. Это была иллюзия, и вместе с тем не была ею. Я желала стать листом от всего сердца, крохотным маленьким листиком. Река увлекла нас в узкий быстрый рукав и быстро понесла, словно только этого шанса и дожидалась.

Ходоки выловили нашу лодочку, а богомол разломал ее на части передними клешнями в щепки, сунув в нее голову, словно пытаясь нас отыскать. Потом он снова поднял свои поблескивающие фасеточные глаза и начал оглядываться по сторонам. Но к тому времени мы уже прошмыгнули мимо них. Река быстро пронесла нас сквозь извилистый ручей в темно-зеленой глуши мимо взгляда Чащи и выплюнула снова далеко позади на квадратный клочок света вместе с дюжиной других листьев. Далеко вверх по течению ходоки с богомолем обшаривали воду. Мы в тишине плыли по течению. Вода несла нас дальше.

* * *

На долгое время в сумраке мы оставались листочком на веточке. Вокруг нас журчала речная вода, а деревья выросли настолько чудовищными и высокими, что их ветви переплелись наверху в сплошной навес, сквозь который не мог проникнуть солнечный свет, только зеленоватая дымка. Без солнечного света весь подлесок вымер. На берегу с притопленными серыми водорослями появлялись лишь тонкие перья папоротника и семейки мухоморов в красных шляпках, да гнезда обнаженных бледных корней в черной почве, пьющих речную воду. Между темными стволами было больше простора. На берег выбирались ищущие нас ходоки и богомолы, а так же прочие твари. Одной из них был огромный клыкастый кабан размером с деревенскую лошадь с очень лохматой спиной и похожими на горящие угли глазками. Над его верхней челюстью торчали загнутые острые

кльки. Он подобрался к нам ближе всех остальных, обнюхивая речной берег, разрывая почву и слой опавшей листвы совсем рядом от того места, где мы осторожно-осторожно проплывали. «Мы листочек и веточка, — беззвучно пела я: — листочек и веточка, и больше ничего». И когда мы проплывали мимо, я заметила, как кабан тряхнул головой и разочарованно фыркнул, убираясь обратно в лес.

Он оказался последним чудовищем, которое мы видели. Когда мы пропали из виду, ужасный гнев Чащи стал ослабевать. Она искала нас, но больше не знала, куда смотреть. И чем дальше нас уносило, тем больше спадало давление. Все птичьи крики и свист, звуки насекомых стихли позади. Осталось только громкое журчание одной Веретяницы. Она снова слегка разлилась, ее течение по неглубокому руслу, наполненному полированной гальки ускорилось. Внезапно Саркан шевельнулся, вздохнул воздух человеческими легкими и вытащил трепыхающуюся меня на воздух. Не далее чем в ста футах от нас река с ревом срывалась вниз с обрыва. Мы не были настоящими листьями, даже если я тщательно об этом забыла.

Река настойчиво пыталась нас увлечь за собой. Камни были скользкими как мокрый лед. Они ободрали мне лодыжки, локти и колени. Мы падали три раза. Промокшим и дрожащим от холода, нам удалось выбраться на берег едва ли не в футах от обрыва водопада. Окружавшие нас деревья были тихи и темны. Они не обращали на нас внимания. Они были настолько высокими, что отсюда с земли казались высокими гладкими башнями. Они выросли много столетий назад. Для них мы были кем-то вроде белок, снующих среди корней. От подножия водопада поднималось огромное облако тумана, скрывая края обрыва и все, что находилось внизу. Саркан посмотрел на меня: «Что дальше?»

Я осторожно, ощупывая каждый шаг, вошла в туман. Почва под моими ногами дышала влагой и плодородием, речная дымка оседала на моей коже. Саркан придерживал меня за плечо. Я нащупала опору для ног и рук, и мы начали спускаться по неровному кочковатому обрыву, пока моя нога внезапно не соскользнула и я сорвалась, сев на задницу. Он сорвался со мной, и мы скользили по холму, едва в состоянии удержаться в одном положении и не полететь кубарем вниз, пока склон не привел нас к подножию дерева, об которое мы сильно приложились. Оно осторожно склонилось над кипящим основанием водопада. Его корни обнимали огромный камень, который не давал дереву опрокинуться.

Некоторое время мы лежали на спине, уставившись вверх, не в силах вздохнуть от удара. Серый камень хмуро смотрел на нас сверху, словно старик с громадным носом и лохматыми бровями. Даже избитая и исцарапанная я инстинктивно почувствовала огромное облегчение, словно на мгновение я очутилась в безопасности. Гнев Чащи сюда не проникал. Туман подпитывался постоянным потоком воды и сновал туда-обратно, и сквозь него я, невероятно обрадованная выпавшим отдыхом, наблюдала, как мягко вверх-вниз колышется светло-желтая листва на серебристых ветвях. Внезапно Саркан вполголоса выругался и встал, потянув меня за собой. Он почти тащил меня почти против моей воли куда-то вверх и прочь по колена в воде. Он остановился там под самыми ветками и оглянулся на туман. Мы лежали под растущем на самом берегу очень древним сучковатым очаговым деревом.

Мы бросились наутек от него вдоль узкой тропинке, образованной рекой. Веретяница превратилась здесь в узкий ручей, ширины которого едва хватало, чтобы нам в всплесках бежать рядом по серо-янтарному песку. Туман истончился, последняя завеса рассеялась порывом ветра, а с новым дуновением совсем пропала. Мы встали как вкопанные. Мы очутились на широкой поляне, густо заросшей очаговыми деревьями, окружившими нас со

всех сторон.

Мы стояли, сцепив руки и едва дыша, словно надеясь, что, не шевелясь, мы сумеем избежать внимания деревьев. Тихо журча, Веретянница утекала от нас к деревьям и дальше мимо них. Вода была настолько прозрачной, что я отчетливо видела на дне песчинки: черного, серебристо-серого и коричневого цветов, перемежающиеся сверкающими вкраплениями янтаря и кварца. Снова светило солнце.

Здесь очаговые деревья были не такими молчаливыми колоннами, как выше на холме. Они были широкими, но не выше обычных дубов. Вместо этого они разрастались вширь, множась переплетающимися ветками и бледно-белыми цветками. Под ними раскинулся ковер из опавших прошлой осенью золотистых листьев, и из-под них доносился винный запах старых павших плодов. Не такой уж неприятный. Я пыталась расправить плечи.

Тут должны были собираться многочисленные стаи птиц, чтобы пить на этих ветвях, и мелкая живность, чтобы подбирать фрукты. Вместо этого все было погружено в странное молчание. Река тихо напевала, но более ничто не шевелилось, ничего живого. Даже очаговые деревья казались недвижимы. Ветер чуть-чуть шевелил ветви, но листья лишь едва-едва сонно шевелились и тут же стихали. Вода омывала мои ноги, и сквозь листву просвечивало солнце.

Наконец я сделала шаг. Из-за деревьев никто не выпрыгнул. И даже ни одна птица не подняла тревогу. Я сделала еще один, потом другой. Вода была теплой. Солнце светило настолько сильно, что моя одежда на спине начала просыхать. Мы шли в тишине. Веретянница вела нас плавно изгибающейся тропой между деревьев, пока не довела до небольшого тихой заводи, в которой она заканчивалась.

На ее дальнем берегу стояло последнее очаговое дерево: широкое и возвышающееся над всеми соседями. Перед ним находился зеленый холм, засыпанный белыми цветами. На холме лежала королева Чаши. Я узнала белое траурное платье, которое было на ней в Башне и осталось до сих пор, его остатки. Длинный прямой подол был истрепан и порван по бокам, рукава фактически сгнили. На вышитых жемчугом манжетах запеклись старые потеки крови. Ее длинные темно-зеленые волосы разметались по сторонам холма и перепутались с корнями дерева. Те же корни взобрались по склону и нежно оплели своими длинными коричневыми пальцами ее тело, лодыжки и бедра, шею и плечи, запутались в волосах. Закрыв глаза, она спала.

Если бы у нас был Алёшин меч, можно было бы покончить с нею, пронзить ее сердце, приколов к земле. Может быть здесь, в центре ее могущества, где она во плоти, это смогло бы ее убить. Но меча больше не было.

Вместо этого Саркан вытащил свой последний флакон пекла с нетерпеливо подрагивающим голодным красно-золотым огоньком внутри. Я посмотрела на него и промолчала. Мы пришли положить всему конец. Мы пришли сжечь Чашу. Здесь было ее сердце. Она была ее сердцем. Но стоило мне представить, как я выливаю пекло на ее тело, смотрю, как начинают метаться ее конечности...

Саркан заметил мое состояние и, желая избавить меня от этого, сказал:

— Ступай обратно к водопаду.

Но я покачала головой. Я не испытывала острой щепетильности по поводу ее убийства. Королева Чаши заслужила смерть и страх: она сеяла, возвращала и собирала их возами, и

никак не желала униматься. Безмолвный Касин крик из-под коры очагового дерева, сияющее лицо Марека, павшего от материнской руки, ужас моей матери, когда ее малютка принесла в дом полный подол черники, потому что Чаша никого не щадит, даже детей. Призрачные стены Поросни, поглотившее деревню очаговое дерево, ужасное кровожадное чудовище, выросшее из тела преподобного Балло. Тонкий Маришин голосок, повторяющий над исколотым материнским трупом: «Мама».

Я ее ненавидела, я хотела ее сжечь так, как сгорали многие, пораженные ее порчей. Но подобное зверское желание ощущалось мною как еще один неверный ответ в бесконечной цепи. Люди Башни заперли ее темнице, она уничтожила их в ответ. Она вырастила Чашу, чтобы поглотить нас, теперь мы принесли к ней пекло и собираемся испортить эту прекрасную чистую воду пеплом. Все это казалось неправильным, но я не знала, как еще поступить.

Мы с Сарканом пересекли пруд вброд. Воде не поднималась выше колен. Под ногами была маленькая кругленькая галька. Вблизи Королева Чащи казалась еще более странной не совсем живой. Ее губы были приоткрыты, но грудь не поднималась. Можно было подумать, что она вырезана из дерева. На ее коже был слабый рисунок структуры расколотой в длину и отполированной древесины с перемежающимися темными и светлыми волнами. Саркан открыл флакон и одним быстрым движением влил содержимое между ее губ, а потом вытряхнул оставшиеся капли на ее тело.

Она открыла глаза. Саркан оттащил меня в сторону, и ее платье, ее волосы, корни очагового дерева — все огромным ревущим облаком объяло пламя. Она хрипло и яростно закричала. Из ее рта вырывалось пламя и дым. Под ее кожей — сперва с одной стороны, потом с другой — словно вспыхнувшие оранжевые звезды засияли вспышки пламени. Она бросилась по склону к корням. Зеленая трава быстро выгорела. Вокруг королевы и над ней вздымались клубы дыма. Я видела ее внутренности: легкие, сердце, печень казавшиеся тенями в горевшем доме. Длинные корни сжимались, отползали. Она отбежала от холма.

Она повернулась к нам, пылая как долгое время пробывшая в костре головешка: ее кожа обуглилась до черноты, из трещин вырывалось оранжевое пламя, посылая серым пеплом. Волосы королевы напоминали потоки огня, стекающие с ее головы. Она снова закричала, показав жаркое пламя в глотке, а ее язык напоминал кусок угля. Пламя не стихало. Оно вырывалось из многих мест, но кожа словно нарастающая кора опять смыкалась сверху. Несмотря на то, что жар снова обугливал свежую кожу, она снова и снова исцелялась. Королева, пошатываясь, двинулась к пруду. Глядя на этот кошмар, я вспомнила свое видение во время Призывания и ее отчаяние, ее страх, когда она поняла, что заперта в каменной ловушке. Дело было не в том, что до смертельного удара она была бессмертна. Она вообще не знала, как умереть.

Саркан схватил со дна пригоршню гальки с песком и бросил в нее, пробормотав заклинание увеличения. В полете камешки выросли до размеров бульжников. Они врезались в королеву, взметнув от ее тела в воздух миллион искр, словно разворошенный кочергой костер, но даже от этого она не развалилась кучей углей. Она горела, но не сгорала. И продолжала идти. В пруду она опустилась на четвереньки, окруженная облаком шипящего пара.

Внезапно узкий ручей стал течь быстрее через камни, словно зная, что пруду требуется восполнение. Даже под слоем воды она продолжала мерцать — где-то внутри нее, отказываясь затухать, пылало пекло. Королева обеими руками вливала в себя воду, но

большая ее часть вскипала от раскаленной кожи. Потом она подняла один из камней, что бросил в нее Дракон, и каким-то странным волшебным приемом вынула из него сердцевину, сделав для себя подобие чаши для питья.

— Давай вместе, — крикнул мне Саркан. — Насылаем на нее огонь! — Я вздрогнула от неожиданности. Я казалась загипнотизированной ее горением и одновременной живучестью. Взяв волшебника за руку я произнесла: «Polzhyt mollin, polzhyt talo», — и начала напевать про горящий очаг и легкий ветерок, раздувающий пламя. За спиной королевы Чащи снова начали потрескивать горящие корни, а внутри ее тела с новой силой вспыхнуло пламя. Она с гневным криком отстранилась от чаши. Ее глаза были черными провалами с пылающим в них огнем.

Со дна реки выросли лианообразные стебли, опутавшие наши ноги. Я умудрилась освободить из их объятий свои босые ноги, а Саркан не смог, потому что они переплелись со шнурками на его сапогах, и он упал в воду. Мгновенно другие водоросли ухватили его за руки и потянулись к горлу. Я погрузила руки в воду, схватилась за стебли и произнесла: «Аракра». По всей их длине мелькнула ярко-зеленая искра, заставившая их отпрянуть. Мои пальцы тоже оказались обожжены. Саркан произнес короткое заклинание, помогшее ему освободиться, пожертвовав оплетенными сапогами. Мы выбрались на берег.

Вокруг нас зашумели очаговые деревья. Они дрожали и качались в общем возмущении, перешептываясь шелестом своей листвы. Королева Чащи отвернулась от нас. Она не только использовала чашу для питья, но и поливала из нее горящие корни огромного очагового дерева, пытаясь погасить пламя. Вода Веретяницы постепенно, по чуть-чуть, гасила горящее в ней пламя. Так ее погруженные в воду ноги уже не тлели, превратившись в почерневшие головы.

— Дерево, — хрипло сказал Саркан, с трудом поднимаясь с берега. Вокруг его горла подобно ожерелью из шиповника краснели следы от стеблей. — Она пытается его защитить.

Я выпрямилась на берегу и посмотрела вверх. Дело шло к вечеру. Воздух стал насыщеннее и влажнее. «Kalmoz», — сказала я призывно небу. На нем начали собираться облака: — «Kalmoz». Начался морозящий дождь, испещривший каплями поверхность воды, и Саркан недовольно мне сказал:

— Мы вроде бы не хотели помочь...

«Kalmoz!», — выкрикнула я, взметнув руки к небу и призвав молнию.

На этот раз я знала, чего ожидать, но это не значит, что я была готова. Видимо нет способа к этому подготовиться. Молния снова отключила весь окружающий мир, на единственное ужасное мгновение погрузив все вокруг меня в слепящую белую тишину, а потом с ревом скакнула от меня и ударила в огромное очаговое дерево, ударив прямо в сердцевину.

Сила резко отбросила меня назад, закрутив. Оглушенная я упала в ручей щекой на траву и гальку. Надо мной задрожали покрытые золотистой листвой ветви. Я была оглушена, опустошена и потеряла ориентацию. Окружающий мир стал звучать странно приглушенно, но даже через эту ватную прослойку я смогла расслышать поднимающийся ужасающий вопль ужаса и ярости. Мне удалось на дрожащих руках оторвать голову от земли. Очаговое дерево горело, вся его листва была объята огнем. Весь его ствол почернел. Молния угодила в одну из нижних скелетных ветвей и отколола почти четверть ствола.

Кричала королева Чащи. Инстинктивно она наложила руки на ствол, пытаясь прижать отломанную ветвь обратно, но она сама продолжала гореть. Там, где она бралась за дерево,

кора снова загоралась. Ей пришлось отнять руки. Из земли появились тонкие гибкие прутья, взобравшиеся по стволу очагового дерева, оплетая его, пытаясь свести вместе отломанные части. Королева повернулась и с искаженным от ярости лицом через пруд пошла ко мне. Я, пошатываясь, попыталась на четвереньках отползти, но знала, что не удастся. Она не была ранена смертельно, несмотря на то, что дерево серьезно пострадало. Это очаговое дерево не было ключом к ее жизни.

Удар молнии отбросил Саркана в гущу деревьев. Он как раз выбирался оттуда, пошатываясь, в обугленной, дымящейся одежде. Наставив палец на поток воды, едва слышно для меня жужжащим словно оса голосом он произнес: «Kerdul foringan», и поток изогнулся. «Tual, kerdul...» — речное дно провалилось. Река неуверенно, медленно отвернула, и потекла другим руслом прочь от пруда и горящего дерева. Оставшаяся в пруду вода начала испаряться столбами горячего пара.

Королева повернула к нему. Она вытянула руки и из воды взметнулось еще больше стеблей. Она ухватила за их верхушки и потянула их вверх, а затем метнула их в волшебника. Стебли росли и распухали в полете, едва коснувшись его тела, они начали опутывать его, утолщаясь, по рукам и ногам, и повалили на землю. Я пыталась подняться. Руки щипало, нос не мог дышать от дыма, но королева словно оживший уголь, оставляя за собой след из пара и дыма, приближалась ко мне слишком быстро. Она схватила меня, и я завопила. Я почувствовала, как обгорает, обугливаясь под ее хваткой, моя собственная плоть.

Она потащила меня за собой. Из-за боли я ничего не соображала и не видела. Мое платье начало тлеть, рукава под ее обжигающими пальцами загорелись и свалились с моих рук. Воздух вблизи от нее дрожал и был раскален как в духовке. Пытаясь вздохнуть, я отвернула от нее лицо. Она протащила меня за собой через пруд, через обугленное пепелище ее холма, где она устроила себе логово, к расколотому дереву.

Я догадывалась, что она собирается делать, и даже несмотря на боль я кричала и сопротивлялась. Но хватка королевы была безжалостной. Я ляглась, обжигаясь, босыми ногами. Слепо тянулась к силе и даже почти выкрикнула заклинание, но она тряхнула меня так сильно, что я прикусила язык. Королева Чащи казалась окружившим меня тлеющим углём, повсюду распространяющим пламя. Я пыталась обхватить ее, прижаться к ней, предпочитая обгореть до смерти. Мне вовсе не хотелось узнать, что со мной сделает скверна, и что она сделает с помощью моей силы, влившейся в это огромное очаговое дерево, растущее прямо посредине Чащи.

Но ее хватка не ослабевала. Королева впихнула меня сквозь обугленную древесину и пепел в расщелину, пробитую моей молнией в стволе очагового дерева. Хватка оплетающей меня лозы усилилась, и очаговое дерево сомкнулось вокруг меня словно закрывшийся гроб.

На мою кожу и волосы хлынул холодный мокрый, зеленый и липкий древесный сок. Произнеся прерывающимся голосом увеличивающее силу заклинание, я отчаянно надавила на древесину, и дерево, треснув, открылось. Я яростно разодрала края коры, просунула голую ногу в нижний край щели, и, исколов пальцы на руках и ногах об острые щепки, сумела выбраться на поляну. Ослепленная страхом, я отползала, бежала, неслась от дерева прочь, пока не рухнула в холодную, бодрящую воду, и когда поднялась... то обнаружила, что буквально все изменилось.

Не было ни следа пожара и борьбы. Я нигде не нашла ни Саркана, ни королевы Чащи. Пропало даже огромное очаговое дерево. Кстати, как и все остальные. Поляна казалась полупустой. Я в одиночестве стояла на берегу тихого пруда в совершенно другом мире. Вместо вечера здесь было раннее утро. Между веток свистели, переговаривались птицы, а у водной ряби пели свои квакучие песни лягушки.

Я тотчас поняла, что угодила в ловушку, но это место не было похоже на Чащу. Оно не походило на увиденное мною ужасное извращенное и мрачное место, по которому блуждала Кася или где, понурившись, сидел у корней дерева Иржи. Даже поляна не казалась настоящей, полной присущей ей необыкновенной тишины. Пруд ласково омывал мои лодыжки. Я повернулась и помчалась, разбрызгивая воду, по дну к Веретяннице. Саркан не сможет в одиночку произнести Призывание, чтобы указать мне путь к бегству, но раз Веретянница послужила нам тропой для входа сюда, то может быть она сможет стать и выходом.

Но даже Веретянница здесь оказалась иной. Поток становился шире, спокойнее и глубже, но впереди не оказалось облака тумана. Рева водопада тоже не было слышно. Наконец я остановилась у изгиба русла, которое показалось смутно знакомым и уставилась на растущий на берегу саженец. Это был стройный саженец очагового дерева не более десяти лет, растущий у того самого огромного серого похожего на старика валуна, замеченного нами у подножия обрыва. Это оказалось первое очаговое дерево и то самое, полускрытое туманом брызг водопада, у корней которого мы очутились после нашего безумного спуска по склону.

Но никакого водопада здесь не было, не было и обрыва. А древнее дерево было всего лишь молодым и невысоким саженцем. На противоположном берегу Веретянницы росло другое очаговое дерево, и под взглядами этих двух стражей русло реки постепенно расширялось, уходя темной и глубокой полосой в даль. Нигде более я не видела ни одного очагового дерева — лишь обычные дубы и высокие сосны.

Внезапно я поняла, что больше не одна. На противоположном берегу под старым очаговым деревом стояла женщина.

На мгновение я решила, что это королева Чащи. Она была так на нее похожа, что они должны были быть родственницами. У нее был такой же ольховый и напоминающий кору оттенок кожи, такие же вьющиеся волосы, но лицо было длиннее и глаза зеленого цвета. Если королева Чащи была золотисто-красноватой, то она просто коричневой и серебристо-серой. Она, как и я, смотрела на реку, и прежде чем я что-то успела сказать, по реке пронесся отдаленный скрип. Появилась медленно плывущая лодка: это была длинная, изящная и красивая резная ладья. В ней стояла королева Чащи.

Кажется, она меня не видела. С вплетенными в прическу цветами она стояла на носу ладьи, улыбаясь, рядом с мужчиной. Мне понадобилось некоторое время, чтобы узнать его лицо. Прежде я видела его лишь мертвым. Это был король из Башни. Он казался гораздо моложе и выше, а на его лице еще не было морщин. Но королева Чащи выглядела точно так же, как в тот день, когда ее замуровали в гробнице. Позади сидел молодой человек с напряженным взглядом, совсем мальчишка, но я увидела в нем того, в кого он превратится годы спустя: того самого человека из Башни с жестким лицом. С ними в ладье на веслах плыли и другие люди Башни. Люди в серебристых доспехах, погружая весла в воду, опасно озирались по сторонам на огромные деревья.

За первой ладьей плыли десятки лодок, но эти казались поделками — не лодки, а скорее огромные листья. Все они были наполнены народом, которого я прежде никогда не видела. Все они чем-то, как и королева Чащи, напоминали деревья: темные каштаны, светлую вишню, бледный ясень и теплую иву. Среди них было несколько детей, но ни одного старика.

Резная ладья тихо ударилась о берег, и король помог королеве Чащи выбраться из лодки. Она подошла, улыбаясь и раскрыв объятия, к стоящей женщине леса: «Линайя», — сказала она, и каким-то образом я знала — это слово одновременно и было, и не было волшебным, и означало и не означало имя. Оно означало сестру и подругу, и побратима-путешественника. Это имя странным образом разнеслось эхом среди деревьев. Казалось шепот их листвы донес его обратно, рябь реки подхватила его и мне почудилось, что оно вписано во все-все окружающее меня.

Но, казалось, королева Чащи ничего этого не заметила. Она поцеловала сестру в обе щеки. Потом она взяла короля за руку и провела его мимо очаговых деревьев в лес. Люди Башни привязали ладью и последовали за ними.

Линайя безмолвно ждала на берегу и смотрела, как одна за другой пустеют последние лодки. Когда очередная из них пустела, женщина касалась ее рукой, и та превращалась в листок на поверхности реки. Поток аккуратно уносил его в небольшой кармашек у берега. Вскоре река опустела. Последние люди леса уже шли к поляне. Тогда Линайя повернулась ко мне и тихим вибрирующим голосом словно ударила по пустому бревну сказала: «Идем».

Я удивленно уставилась на нее, но она лишь повернулась и пошла через ручей. Через мгновение я пошла за ней. Хотя я и была напугана, инстинктивно я ее не боялась. Мои ноги расплескивали воду, а ее нет. Там, где влага касалась ее кожи, она моментально впитывалась внутрь.

Кажется, время вокруг нас текло странно. К тому времени, как мы добрались до леса, свадьба уже кончилась. Королева Чащи и ее король стояли на зеленом холме, взявшись за руки, которые были обернуты цепочкой из сплетенных цветов. Вокруг них, рассыпавшись между деревьев, собрались люди леса и молча наблюдали. В них во всех ощущалась тишина и нечеловеческая неподвижность. Десяток людей Башни с опаской поглядывал на них, вздрагивая от шелестящего бормотания очаговых деревьев. Тот молодой человек с жестким выражением лица стоял рядом с парой и с легким отвращением смотрел на странные, длинные и чуть узловатые пальцы королевы Чащи, сжимавшие руки короля.

Линайя вышла вперед, присоединяясь к ним. Ее глаза были влажны и блестели словно листва после дождя. Королева Чащи с улыбкой повернулась и протянула к ней руки. «Не плачь, — сказала она, веселым будто ручей голосом: — я буду неподалеку. Башня всего лишь на другом конце долины».

Сестра ничего не ответила. Она поцеловала ее в щеку и отпустила руки.

Король с королевой Чащи ушли вместе, и с ними люди Башни. Народ леса тихонько разбрелся между деревьев. Линайя вздохнула тихо, словно среди ветвей пронесся ветерок. Мы остались одни стоять на зеленом холме. Она повернулась ко мне.

— Наш народ долгое время прожил в одиночестве, — сказала она, и я задумалась, что для дерева значит «долго»? Тысяча лет, две тысячи, десять? Бесконечные поколения, все глубже забирающиеся корни. — Мы уже начали забывать, каково это быть людьми. Мы постепенно отдаляемся.

— Когда сюда со своим народом прибыл король-чародей, моя сестра разрешила ему войти в долину. Она считала, они помогут нам вспомнить. Считала, что мы можем обновиться и в свою очередь научить их. Мы сможем дать друг другу иную жизнь. Но они боялись. Они хотели жить, хотели быть сильнее, но не хотели меняться. Они научились плохим вещам, — пока она говорила, мимо проносились годы, словно размыв все вокруг морозящим серым и тихим дождем. И потом вдруг снова наступило лето, другое — намного позже, и из-за деревьев показались выходящие люди леса.

Многие из них шли медленно, несколько настороженно. Часть из них пострадала: кто-то берег почерневшие руки, другой прихрамывал на ногу, которая была похожа на неловко обрубленное полено. Остальные им помогали. Разглядев конец обрубка, я решила, что нога снова отрастает. Несколько родителей вели за собой детей, женщина несла на руках ребенка. Вдалеке, гораздо дальше к западу над лесом поднимались тонкие черные столбы дыма.

Подходя, люди леса подбирали плоды очаговых деревьев и делали из отпавшей коры и павших листьев кубки, совсем как мы с Касей в детстве, когда устраивали в лесу притворные чаепития. Они набирали в них чистой воду из пруда и расходились по лесу по одиночке, парами, иногда по трое. Я стояла, наблюдая за ними, самая не зная почему, полными от слез глазами. Некоторые из них останавливались на открытом месте, где их освещало солнце. Они съели плоды и запили их водой. Мать откусывала часть плода, вкладывала ее в рот своему ребенку, и давала попить из своего кубка.

Они начали меняться. Их ноги начали расти, пальцы на ногах удлиняться, вгрызаясь в землю. Их тела тоже начали удлиняться, и они подняли руки к солнцу. Одежда с их тел опала на землю в опавшую листву и сухую траву. Дети менялись быстрее взрослых: они быстро превращались в красивые серые колонны, широко раскинувшие ветви, усыпанные белыми цветами. Отовсюду росли серебристые листочки, словно вся содержащаяся в них жизнь выплеснулась наружу за один резкий выдох.

Линайя сошла с холма и стала обходить их. Несколько людей были ранены или стары, они страдали, застряв в превращении на середине. Ребенок превратился в красивое сияющее деревце, усыпанное цветами, а его мать присела рядом, сотрясаясь над стволом, обхватив его руками. Ее вода пролилась, и лицо корчилось в слепой агонии. Линайя мягко прикоснулась к ее плечу. Она помогла матери подняться, чуть отстранившись от маленького деревца. Она погладила ее по голове, дала съесть фрукт и выпить из своей чаши. Она спела ей тем же странным глубоким голосом. Мать стояла, опустив голову, обливаясь слезами, но вдруг она подняла лицо к солнцу, начала расти и исчезла.

Линайя помогла немногим другим попавшим в ловушку выпить из своей чаши или съесть плод. Она гладила их кору и пела свою волшебную песню, пока они окончательно не превращались. Из некоторых получались корявые деревца. Самые старые превращались в тонкие саженцы. Лес наполнился очаговыми деревьями. Линайя осталась одна.

Она направилась обратно к пруду.

— Почему? — беспомощно спросила я. Мне нужно было знать, но я чувствовала, что не захочу слышать ответ. Что не захочу узнать, что сподвигло их так поступить.

Она указала на реку:

— Они приближаются, — сказала она глубоким голосом. — Смотри, — и я перевела взгляд на реку. Вместо отражения неба я увидела приближающиеся резные ладьи. На них везли фонари, горящие факелы и большие топоры. На передней ладье развевался флаг, а на ее носу стоял молодой человек со свадьбы. Он стал старше и мрачен лицом. Это он замуровал королеву Чащи. Теперь корона была на его голове.

— Они приближаются, — повторила Линайя. — Они предали мою сестру и заточили ее там, где она не может расти. Теперь они явились за нами.

— Но разве вы не можете с ними сражаться? — спросила я, чувствуя в ней глубокую и спокойную волшебную силу, не поток, а глубокий-преглубокий колодец. — Неужели вы не можете убежать...

— Нет, — ответила она.

Я застыла. В ее глазах отразились бесконечные зеленые лесные просторы. И чем дальше я смотрела на нее, тем меньше она была похожа на человека. То, что я видела было лишь половиной: ствол, венчающийся широко раскинувшимися ветвями, усыпанными листьями, цветами и плодами. Внизу была плотная сеть корней, длинных и разветвленных, глубоко уходящих в почву долины. У меня тоже были корни, но не такие. Меня можно было осторожно выкопать и, отряхнув, пересадить в королевский замок или в мраморную башню... где я выживу, хоть и останусь несчастливой. Пересадить ее было невозможно.

— Они научились плохим вещам, — повторила Линайя. — Но, если бы мы остались, если бы сражались, мы бы запомнили плохое. И тогда мы бы превратились... — Она замолчала. — Мы предпочли не запоминать, — наконец сказала она.

Она присела и наполнила свою чашу.

— погоди! — произнесла я и перехватила ее руку, прежде, чем она выпила и покинула меня. — Ты можешь мне помочь?

— Я могу помочь тебе измениться, — сказала она. — Ты выросла достаточно, чтобы отправиться со мной. Ты можешь расти рядом и обрести покой.

— Я не могу, — ответила я.

— Если ты не пойдешь, то останешься одна, — сказала она. — Твоя печаль и слезы отравят мои корни.

Испугавшись, я умолкла. Я начала понимать: так вот откуда пошла порча Чащи. Люди леса превратились по своей воле. Они до сих пор живы, и им снится долгий сон, но он ближе к жизни деревьев, а не людей. Они не были живыми, пойманными в ловушку людьми, запертыми в дереве бесконечно желая выбраться наружу.

Но если я не изменюсь, если останусь человеком, одиноким и несчастным, то моё горе заразит ее очаговое дерево, совсем как те страшилища, что растут за пределами роци, даже если моя сила поможет ему выжить.

— Можешь тогда помочь мне уйти? — в отчаянии спросила я. — Она поместила меня в твое дерево...

Ее лицо опечалилось. Я поняла, был только один способ мне помочь. Она уходила. То, что осталось от нее жить в дереве было глубоким, странным и медлительным. Дерево нашло эти воспоминания, эти мгновения, она могла показать мне путь... ее собственный путь... но

это все, чем она могла мне помочь. И это единственный выход, который она нашла для себя и своего народа.

Я проглотила ком в горле и отступила назад. Наши руки расцепились. Она еще мгновение смотрела на меня, а потом выпила воду. Она начала пускать корни прямо на краю пруда. Расправились темные корни, раскинулись серебристые ветви, возвышаясь, взмывая все выше и выше — настолько, насколько позволяло бездонное озеро внутри нее. Она росла, росла и росла. Белыми веревками вспыхнули цветы, ствол под серебристой корой слегка покрылся морщинами.

Снова я оказалась в лесу одна. Но теперь голоса птиц смолкли. Среди деревьев я разглядела несколько испуганно убегающих оленей, мелькнувших белыми хвостиками и пропавших. С деревьев начали осыпаться сухие и побуревшие листья, они хрустели под ногами своими обмороженными краями. Солнце садилось за горизонт. Я обняла себя руками, замерзшая и напуганная, выдыхая белые облачка пара и поджимая босые ноги от промерзшей земли. Чаща смыкалась вокруг меня, и из нее не было выхода.

Но тут за моей спиной вспыхнул свет, яркий, чистый и такой знакомый: это был свет Призывания. С внезапной надеждой я обернулась: в лесу пошел снег. Время снова сдвинулось. Голые деревья молчаливо застыли. Свет Призывания горел подобно единственному лунному лучу. Пруд сиял расплавленным серебром и из него кто-то появился.

Это была королева Чащи. Она выползла на берег, оставляя за собой черную полосу обнаженной от снега земли и рухнула неподвижно в том же потрепанном белом траурном платье. Она полежала, свернувшись на боку, ловя дыхание, а затем открыла глаза. Медленно она приподнялась на дрожащих руках и оглядела лес, новые очаговые деревья, и ее лицо вытянулось от ужаса. Покачиваясь, она поднялась на ноги. Покрывшееся грязью платье примерзло к телу. Она поднялась на холм и оттуда оглядела лес, потом медленно она обернулась и проводила взглядом уходящее вверх огромное очаговое дерево.

Она сделала несколько запинаящихся шагов в снегу по холму, и положила руки на широкий серебристый ствол очагового дерева. Мгновение она стояла, вздрагивая. Потом склонилась и прижалась щекой к коре. Она не плакала. Ее взгляд был пустым и невидящим.

Я не знала, как Саркану удалось в одиночку произнести заклинание Призывания, или то, что я видела, но я стояла в напряженном ожидании, надеясь, что видение покажет мне выход. Вокруг нас, сверкая в чистом свете, падал снег. Он не касался моей кожи, но быстро заметал следы королевы, снова посыпая землю белым. Королева не двигалась.

Очаговое дерево тихо пошевелила ветвями и одна из нижних ветвей мягко наклонилась к ней. На ветви, не смотря на зиму, распускался цветок. Он распустился, с него опали лепестки, обнажив небольшой зеленый плод, который стал наливаться золотом. Он свисал перед ней с ветки, ласково приглашая.

Королева Чащи взяла плод. Она держала его на ладонях и в лесной тишине по реке разнесся знакомый стук: топор, врезающийся в дерево.

Королева застыла с поднесенным к губам плодом. Мы застыли обе, прислушиваясь. Стук раздался снова. Ее руки дрогнули. Плод упал на землю, исчезнув под снегом. Она откинула спутанные юбки с ног и бросилась со склона холма в реку.

Я побежала следом. Мое сердце билось в такт со стуками топора. Они привели нас к краю рощи. Саженец превратился в крепкое высокое дерево с широкой кроной. Одна из резных ладей была привязана к берегу, и двое людей рубили другое очаговое дерево. Они

весело работали вместе, поочередно ударяя тяжелым топором, глубоко врезавшимся в древесину. Серебристые щепки летели в разные стороны.

Королева Чащи закричала от ужаса, и ее крик разнесся среди деревьев. Потрясенные лесорубы застыли, вцепившись в топоры и принялись оглядываться. Тут королева на них напала. Она схватила их за горло длинными пальцами и отбросила в реку. Они начали барахтаться, откашливаясь. Королева опустила на колени перед поврежденным деревом, накрыв разрубленное и сочащееся соком место всеми пальцами, словно стараясь зажать рану. Однако дерево было слишком повреждено, чтобы его спасти. Оно уже сильно накренилось над водой. Через час или через день оно рухнет.

Она поднялась. Ее трясло, но уже не от холода, а от холодного гнева, и вместе с ней сотрясалась земля. Перед ее ногами земля внезапно разверзлась, и по всей границе роци пробежался разлом. Она перешагнула через расширяющуюся пропасть, и я вовремя прыгнула следом за ней. Ладья рухнула в открывшуюся пропасть, мгновенно исчезнув. Роца опустилась вниз в облако тумана под прикрытием появившегося обрыва, а река превратилась в дико ревущий водопад. Один из лесорубов поскользнулся в воде и его с криком унесло к краю обрыва. Второй закричал, но слишком поздно бросился ловить протянутую руку товарища.

Деревце пропало внизу вместе с роцей. Поврежденное дерево осталось с нами наверху. Спасшийся лесоруб выбрался на берег, цепляясь за сотрясающуюся землю. Когда королева Чащи направилась к нему, он замахнулся на нее топором. Лезвие ударило в ее тело, но, зазвенев, отскочило и вырвалось из его рук. Она не обратила на него никакого внимания. Ее лицо оставалось отрешенным и потерянным. Королева схватила лесоруба и потащила его к подрубленному очаговому дереву. Когда она прижала его к стволу, он беспомощно барахтался в ее хватке, и из земли выросли лианы, опутавшие и прижавшие его тело.

С ужасом на лице он выгнулся дугой. Королева Чащи отошла. Его руки и лодыжки были привязаны к поврежденной части ствола, сильно изрубленной топорами, и уже начали меняться, вращаясь в дерево. Пальцы его ног пустили корни, и сапоги порвались и свалились с ног. Подергивающиеся руки превратились в ветви, пальцы срослись вместе. Его выпученные в агонии глаза скрылись под наросшей серебристой корой. От жалости и ужаса я бросилась к нему. Но мои руки не могли сдержать рост коры, а волшебная сила в этом месте мне не отзывалась. Просто я не могла безучастно стоять и смотреть на это.

Вдруг он сумел наклониться ко мне. — «Агнешка», — прошептал он голосом Саркана, и исчез. Его лицо пропало в открывшейся в стволе большой темной щели. Я ухватилась за края и втиснулась следом, в темноту. Корни дерева росли близко и густо. Мой нос защищало от влажного теплого запаха свежескопанной земли, а также давнишний запах пожара и дыма. Мне хотелось выбраться обратно, не хотелось здесь оставаться. Но я знала, что возвращаться неправильно. Я была здесь, внутри дерева. Несмотря на инстинктивный страх, я толкалась, копала и прокладывала себе путь вперед. Наконец я заставила себя потянуться и почувствовать вокруг себя расколотый и обугленный ствол; щепки, вонзившиеся в мою кожу; липкий сок, застилающий глаза и нос, мешающий дышать.

Мой нос был забит запахом древесины, гниения и гари. «Аlatak», хрипло прошептала я заклинание хождения сквозь стены, и проложила себе путь сквозь кору и расщепленный ствол обратно к дымящейся истерзанной роце очаговых деревьев.

Я выбралась на холм из расщепленного дерева в пропитанном древесным соком платье. Над водой по-прежнему горело сияние Призывания, и последние остатки пруда сияли внизу подобно луне только что взошедшей над горизонтом так ярко, что было больно смотреть. Саркан стоял на коленях на другом берегу пруда. Его губы были влажными, с рук капала вода, и только эти части его тела не были покрыты сажой и грязью. Он пил воду из пригоршни. Чтобы в одиночку произнести Призывание, он выпил из Веретяницы, которая была одновременно и водой, и силой.

Но над ним уже нависла королева Чащи, схватившая его длинными пальцами за шею. Пока он судорожно пытался освободить горло от ее хватки, из почвы на его колени и ноги уже начала напозать серебристая кора. При виде моего появления королева с возмущенным криком отпустила его, но было слишком поздно. С протяжным стоном огромная сломанная ветка очагового дерева отвалилась от ствола и, наконец, с грохотом упала, оставив большую зияющую рану.

Она яростно бросилась ко мне, а я сошла с холма на влажные камни ей навстречу.

— Агнешка! — полускрытый под землей, хрипло выкрикнул Саркан, вытянув ко мне руку. Но приблизившись, королева Чащи замедлилась и остановилась. Призывание подсветило ее со спины: находившуюся в ней ужасную порчу и едкую черную тучу долгого отчаяния. Но заклинание озарило и меня, и я знала, что в моем лице она разглядела нечто, что сейчас смотрело на нее.

Я видела в ней, как она покинула лес, как охотилась за каждым из народа Башни, за чародеями и крестьянами, лесорубами без разбора. Как на корнях собственного страдания она высаживала одно испорченное очаговое дерево за другим, снова и снова подпитывая это страдание. Я чувствовала, как, смешавшись с моим ужасом в глубине меня движется скорбь Линайи, ее печаль и жалость. Королева Чащи тоже это увидела, и это остановило ее передо мной.

— Я их остановила, — произнесла она голосом, напомнившим скрип ветки ночью по стеклу, когда вам мерещатся темные создания, скребущиеся в ваш дом. — Мне пришлось их остановить.

Она разговаривала не со мной. Ее глаза вглядывались за меня, в лицо сестры.

— Они сжигали деревья, — умоляющим тоном она пыталась добиться понимания давно ее покинувшего человека. — Они их вырубали. Они всегда все вырубают. Они приходят и уходят как погода, как зима, которой нет дела до весны.

У ее сестры больше не было голоса, чтобы ответить, но на моей коже пощипывал древесный сок очагового дерева, и под моими ногами простирались его длинные корни.

— Мы должны уйти, — тихо ответила я за нас обеих. — Мы не предназначены жить вечно.

Королева Чащи наконец посмотрела на меня, а не сквозь меня.

— Я не могу уйти, — сказала она, и я знала, что она пыталась. Она убила повелителя Башни и его воинов, она засадила все поля новыми деревьями и вернулась с окровавленными руками, чтобы наконец заснуть вместе со своим народом. Но она не смогла пустить корни. Она запомнила плохое и слишком многое забыла. Она помнила, как убивать и как ненавидеть, и позабыла, как расти. Все, на что она была способна под конец, это лежать

рядом с сестрой — ни совсем спящая, ни совсем мертвая.

Я потянулась и сорвала с одной из уцелевших низкорастущих веток сломанного дерева ждущий одинокий плод — сияющий и золотистый. Я протянула его ей.

— Я помогу, — пообещала я, — Если хочешь ее спасти, ты сможешь.

Она подняла взгляд на расколотое, умирающее дерево. Из ее глаз потекли смешивающиеся с грязью слезы, смывая густую коричневую корку со щек из глины, сажи и ила. Она медленно подняла руки, чтобы забрать у меня плод, и ее длинные узловатые пальцы осторожно сжались вокруг него. Они коснулись моих, и мы посмотрели друг на друга. На мгновение в окружавшем нас дыму я могла бы стать ее дочерью, о которой она мечтала: ребенком, соединившим два народа ее собственный и народ Башни. Она могла бы быть моим учителем и наставником, показывая мне путь, как своей книжечкой делала Яга. Мы бы никогда не знали вражды.

Я наклонилась и в свернутый листок дерева набрала для нее немного оставшейся воды. Мы сделали шаг навстречу. Она откусила плод, и по ее подбородку пробежали светлые золотистые струйки сока. Она закрыла глаза и застыла. Я положила на нее руку, и почувствовала, как изнутри ее обвивает удушающая лоза ненависти и муки. Я поместила вторую руку на ствол дерева ее сестры и потянулась сквозь него к бездонному колодцу спокойствия и тишины. Даже удар молнии ее не поколебал. Спокойствие останется даже, когда рухнет дерево и его погребет под собой многолетний слой почвы.

Королева Чащи наклонилась над зияющей раной и обняла обугленный ствол руками. Я влила ей в рот последние капли воды из пруда, коснулась ее, и тихо и очень просто сказала: «Vanalem».

И она начала меняться. Последние остатки платья слетели с нее, обугленные куски кожи отваливались крупными черными чешуйками, от земли вверх широкой серебристой юбкой нарастала новая кора, соединяясь и объединяя ее с поврежденным стволом старого дерева. Она в последний раз открыла глаза и с внезапным облегчением посмотрела на меня. Потом она ушла. Она стала расти, и ее ноги пустили корни поверх старых.

Я отошла, и когда ее корни углубились в землю, я повернулась и побежала к Саркану через покрытое грязью дно пруда. Кора на нем перестала нарастать. Вместе мы сорвали ее остатки с его кожи, полностью освободив ноги. Я подняла его с пня, и мы сели вместе, понурившись, на берегу ручья.

Я была слишком опустошена, чтобы о чем-то думать. Он сидел, хмуро разглядывая, почти что обиженно, свои руки. Внезапно он рванулся, бросился вперед и погрузил руки во влажную почву. Я некоторое время ничего не понимая наблюдала за ним. Потом я поняла, что он пытается восстановить русло потока. Я заставила себя подняться и помочь. Едва я приступила, я его почувствовала — то самое ощущение, которое он не хотел иметь. Полную уверенность в правильности своих поступков. Река хотела течь в эту сторону, хотела поить пруд.

Пришлось сместить всего несколько пригоршней глины, и вот уже через наши пальцы потекла вода, расчищая для себя место. Пруд вновь начал наполняться. Мы устало уселись обратно. Он пытался счистить с рук мокрую глину остатками испорченной рубашки, о траву, о штаны, но лишь размазывал ее еще больше. Глубоко под ногтями остались черные засохшие полукружия. Наконец он устало вздохнул и уронил руки на колени. Он слишком устал, чтобы пользоваться силой.

Я прижалась к нему, находя в его раздражении что-то успокаивающее. Спустя

мгновение он неохотно обнял меня. Над рощей уже опустилась полная тишина, словно пожар и ярость, которые мы принесли с собой, были всего лишь краткой паузой в ее спокойном существовании. Сажа осела на глинистое дно пруда и начала в ней растворяться. Деревья сбросили поврежденные листья в воду, вырванные куски почвы стали зарастать мхом, из земли появились свежие ростки травы. Во главе пруда переплеталось со старым новым очаговое дерево, зарастив зазубренную рану на его стволе. На их ветвях, словно звездочки, распускались маленькие белые цветы.

С пустой головой и абсолютно вымотанная я уснула в лесу, даже не заметив, как Саркан взял меня на руки и вернулся в Башню. Я просыпалась лишь на мгновение, почувствовав в животе неприятное последствие заклинания перемещения, чтобы сонно высказать свое неудовольствие, после чего снова провалилась в сон.

Когда я проснулась, укутанная одеялом в своей узкой кровати в своей крохотной комнатке, я отбросила одеяло и поднялась, не задумываясь над одеждой. Карту, изображавшую долину, пересекал длинный разрез, где в нее попал острый осколок камня. Холст свисал с нее клочками, и вся магия из нее улетучилась. Протирая сонные глаза, я вышла в коридор, обходя усыпавшие пол обломки камня и пушечных ядер. Спустившись вниз, я обнаружила Саркана, собирающего вещи.

— Кому-то нужно очистить столицу от скверны прежде, чем ее разнесут дальше, — пояснил он. — Алёше еще долго валяться в постели, а двору к концу лета придется возвращаться на юг.

На нем был дорожный костюм и красные сапоги с серебряным тиснением. Я до сих пор была покрыта сажей и грязью, в тех же лохмотьях — настоящее приведение, только очень грязное.

Он едва обратил на меня внимание, укладывая пузырьки и флаконы в дорожную сумку. Еще один мешок, наполненный книгами, ждал на лабораторном столе между нами. Пол под ногами был накренен, в стенах тут и там зияли пробоины от пушечных залпов и застрявшие ядра. В отверстиях весело свистел летний ветерок, гоняя по полу обрывки бумаги и пыль, оставляя на камне слабые следы красной и синей краски.

— Я на скорую руку чуть подправил Башню, — продолжал он, укладывая заткнутый и тщательно запечатанный флакон с фиолетовым дымом внутри. — Пекло я забираю с собой. Ты можешь начать ремонт с...

— Я тут не останусь, — прерывала я его. — Я возвращаюсь в Чашу.

— Не мели ерунды. Неужели ты считаешь, что смерть ведьмы обращает все ее заклинания в пыль или изменение ее отношения все разом исправит? Чаша до сих пор кишит чудовищами и порчей, и она не скоро пройдет.

Он был прав, и королева Чаши не умирала, а всего лишь спит. Но он уезжал не ради истребления порчи и не ради королевства. Его Башня разрушена, он напился воды из Веретяницы и он держал меня за руку. Поэтому сейчас он бежал со всех ног в поисках новых стен, за которыми он смог бы укрыться. Теперь он просидит взаперти десятков лет, пока не оборвет все свои корни и перестанет о них переживать.

— Их не станет меньше от моего сидения на куче щебня, — ответила я, разворачиваясь и оставляя его наедине с пузырьками и книгами.

* * *

Чаша над моей головой полыхала красными, золотыми и оранжевыми красками, но сквозь лесную почву пробивались что-то перепутавшие белые весенние цветы. На этой неделе вернулась последняя летняя жара, пришедшаяся как раз на время сбора урожая. В

полях под палящим солнцем изнывали от жары уставшие труженики, а здесь под плотной завесой ветвей в тусклом свете у журчащей Веретянницы было прохладно. Я шагала босыми ногами по хрустящим опавшим листьям с корзиной полной золотистых плодов. У поворота реки я задержалась. Над водой чтобы попить склонил свою деревянную голову ходок.

Он заметил меня и настороженно замер, но не сбежал. Я вытащила из корзины один плод. Ходок начал медленно подбираться ко мне на своих неуклюжих ногах. Он остановился точно на расстоянии руки. Я не двигалась. Наконец он протянул передние лапы, взял плод и начал надкусывать его, поворачивая в лапах, пока от него не осталось лишь семечко. После этого он посмотрел на меня и осторожно сделал несколько шагов по направлению к лесу. Я кивнула.

Ходок долго вел меня по лесу между деревьев. Наконец он привел меня к скале, напоминающей самое настоящее человеческое лицо, и отодвинул в сторону тяжелый ковер из плетей лиан. За ним показался узкий проход в скале, из которого шел душный сладкий аромат гнили. Мы пробрались через него в узкую прикрытое со всех сторон долину. На одном конце ее росло старое, перекошенное очаговое дерево с неестественно распухшим стволом, посеревшее от скверны. Его нависавшие над долиной ветви были настолько усыпаны плодами, что их концы касались земли.

Ходок неуверенно встал в сторонке. Они поняли, что я по мере сил очищаю оскверненные очаговые деревья, и некоторые из них даже начали мне помогать. Кажется, у них был инстинкт садовников. Теперь они освободились от подталкивавшей их ярости королевы Чащи, а может им просто больше нравился вкус не подверженных скверне плодов.

В Чаще по-прежнему водились кошмарные твари, сохранившие свою собственную ярость. По большей части они меня сторонились, но я все равно натыкалась то тут, то там на растерзанную и гниющую тушку зайца или белки, которых, насколько я могла судить, убили лишь из жестокости. Иногда какой-нибудь из помогавших мне ходоков приходил израненным, хромя с откушенной челюстями богомола конечностью или изодранный чудовищными когтями. Как-то раз в сумрачной части Чащи я свалилась в волчью яму, тщательно замаскированную опавшей листвой и мхом, утыканная сломанными ветками, вымазанными отвратительной блестящей жидкостью, которая приклеивалась и обжигала мою кожу, пока я оттуда выбиралась. Я добралась до роши очаговых деревьев и умылась в ее пруду. Но до сих пор на ноге, где меня уколола одна из палочек у меня сохранилась болячка. Возможно это была всего лишь обычная ловушка для животных, но я так не думаю. Скорее всего она была предназначена для меня.

Я не могла этому позволить прервать мой труд. Я пригнулась под ветками и с флягой в руке подобралась к самому стволу. Я полила его корни водой Веретянницы, но еще только приступая, я уже знала, что для этого дерева мало надежды. В нем было заперто слишком много душ, искривляя его ствол в разных направлениях, и они слишком долго здесь находились. От них мало что осталось, и будет почти невозможно их всех успокоить и усмирить настолько, чтобы они уснули.

Я долго простояла, прижав руки к стволу, пытаюсь до них дотянуться, но даже те, кого я нашла заблудились так давно, что уже позабыли свои имена. Они устало лежали без движения с потухшими глазами в мрачном лесу. Их лица уже растеряли черты. Мне пришлось сдаться и отступить, продрогнув от холода, несмотря на палящее сквозь листву солнце. Страдание прилипло к моей коже, стараясь забраться внутрь. Я выбралась из-под тяжелых ветвей дерева и уселась на освещенном солнцем клочке травы на другой стороне

долины. Отпив из своей фляги, я прижала ее влажный, покрытый испариной, край ко лбу.

Через проход в долину, присоединяясь к первому, вошли еще двое ходоков. Они уселись рядом, наклонили свои длинные головы и пристально уставились на мою корзину. Я угостила каждого чистым плодом, и когда приступила к работе, они начали мне помогать. Совместными усилиями мы навалили к стволу очагового дерева сухих сучьев и расчистили широкий участок земли по периметру его ветвей.

Когда мы закончили, я распрямила уставшую спину и потянулась. Потом я натерла руки землей и направилась обратно к дереву. Приложив ладони к стволу, я больше не стала беседовать с заблудившимися душами. Я произнесла: «Kisara», забирая у него воду. Я работала нежно, медленно. Вода выступала на поверхности коры толстыми каплями и медленно стекала тонкими ручейками, исчезая в земле. Солнце передвинулось и повисло над самой головой, паля еще яростнее сквозь свернувшуюся и пожухшую листву. К тому моменту, когда я закончила, оно и вовсе пропало из виду. Мой лоб был липким от пота, а руки испачканы древесным соком. Почва под ногами стала мягкой и влажной. Ствол дерева стал белым как кость. Его ветви перестукивались на ветру словно трещотки. Плоды засохли на ветках.

Я вышла на чистое место и воспламенила дерево одним словом. Потом я устало села, подтянув колени к груди, и как смогла вытерла руки о траву. Ходоки сели рядом, аккуратно сложив свои ноги. Дерево не тряслось и не кричало, уже наполовину умерев. Оно быстро вспыхнуло и горело почти без дыма. Ключки пепла оседали на влажной почве и растворялись в ней словно первый снег. Иногда они попадали мне на руки, не настолько большие чтобы обжечь, просто искры. Я не отстранялась. Мы были единственными скорбящими о гибели дерева и спящих в нем душах.

Устав от трудов, во время пожара я в какой-то момент уснула. Проснувшись утром я обнаружила, что дерево выгорело и его обугленный пень легко рассыпался пеплом. Ходоки аккуратно сгребали золу со всей поляны, оставив небольшую горку по центру, где стояло старое дерево. Я поместила в ее центр плод из моей корзины. Со мной был флакон с зельем роста, которое я сама приготовила из речной воды и семян очагового дерева. Я взбрызнула несколько капель на кучку и пропела семечку подбадривающую песенку пока из земли не появилась головка серебристого ростка, который быстро вырос до высоты трехлетнего саженца. У молодого дерева не было собственных снов, но в нем вместо адских кошмаров хранились тихие сны родительского дерева с которого был сорван плод. Когда на нем поспеют плоды, ходоки смогут их есть.

Вернувшись через каменный проход в Чашу, я оставила их заботиться о саженце — они суетливо прикрывали нежные листочки длинными ветками от палящего солнца. Земля была усеяна орехами и кустами зрелой ежевики, но я их не собирала. Пройдет еще много времени, пока будет безопасно что-то есть за пределами заповедной роши. Слишком много страданий осталось под сенью этого леса, слишком много сохранилось пострадавших очаговых деревьев.

Я вернула в Заточек несколько пойманных очаговыми деревьями людей, и еще несколько с росиянской стороны. Но лишь тех, кого пленили совсем недавно. Очаговые деревья забирали не только сны — все: и плоть, и кости. Как я выяснила, надежды Марека были призрачными с самого начала. Любой, кто пробыл в плену у очагового дерева больше одной-двух недель становился частью дерева и не мог быть возвращен.

Некоторым из них мне удалось помочь успокоиться и заснуть глубоким сном. Части из

них удалось уснуть самостоятельно, едва уснула королева Чащи и пропал ее побуждающий гнев. И все равно остались еще сотни очаговых деревьев, и большая часть из них в самой темной, заповедной части Чащи. Отбирание у них воды и сжигание по моим наблюдениям было самым милосердным способом их освобождения. Все равно всякий раз оставалось ощущение убийства, хотя я понимала, что это лучше, чем оставлять их пойманными в ловушке. Но после них со мной оставалась серая печаль.

Этим утром меня вырвал из моей усталой дремы перезвон колокольчика, и, раздвинув кусты, я обнаружила уставившуюся на меня рыжую корову, задумчиво жующую траву. Я поняла, что оказалась на границе с Россией.

— Лучше тебе отправиться домой, — сказала я буренке. — Знаю, что жарковато, но тут ты можешь съесть что-нибудь не то.

Где-то послышался девичий голос, и через некоторое время из-за кустов вышла и остановилась, увидев меня, девочка лет девяти или около того.

— И часто она сбегает в лес? — чуть путаясь в росийском языке, поинтересовалась я.

— У нас очень маленький луг, — ответила девчушка, разглядывая голубыми глазами. — Но я всегда ее нахожу.

Я присмотрелась и поняла, что она говорит правду. В ней была яркая серебристая искорка: сила плескалась у поверхности.

— Не позволяй ей заходить слишком далеко. А когда станешь постарше, приходи и разыщи меня. Я живу на другой стороне Чащи.

— Ты Баба Яга? — с любопытством спросила она.

— Нет, — ответила я. — Но можешь считать ее моей подругой.

Окончательно проснувшись и поняв, где я очутилась, я двинулась прямо на запад. Россия со своей стороны высылала на границу Чащи патрули, и мне не хотелось пугать солдат. Они сильно нервничали, когда я появлялась у них то тут, то там, даже несмотря на то, что я вернула им несколько пропавших крестьян. И мне не за что было их винить. Все доходящие до них со стороны Польни песни обо мне были неверными в той или иной настораживающей степени, и у меня были подозрения, что забредавшие в нашу долину барды исполняли далеко не самые возмутительные из них. Я слышала, пару недель назад в Ольшанке освистали одного исполнителя, который пытался спеть о том, как я превратилась в волка и загрызла короля.

И все же я чувствовала легкость в ногах: моя встреча с девочкой и ее коровой сняла часть серой тяжести с моих плеч. Пропев напутственную песенку Яги, я ускорила шаг по пути к дому. Я проголодалась, поэтому по дороге съела один из фруктов в корзине. В нем чувствовался вкус леса, струящейся силы Веретянницы, вобранной корнями, ветками и плодами, и насыщенной солнцем, которые превратились во рту в сладкий сок. В нем так же было вежливое приглашение, и когда-нибудь, однажды, мне захочется его принять. Однажды, когда я устану и буду готова надолго уснуть. Но сейчас это была лишь приоткрытая дверца на далеком холме, и приветливо машущая издали подруга среди умиротворяющего покоя в заповедной роще.

Из Гидны мне написала Кася. С детьми все в порядке, насколько это можно было вообразить. Сташек все еще молчалив, но он смело разговаривал с магнатами, когда их собрали на выборы, и сумел убедить их короновать его и назначить своего деда регентом. Кроме того, он согласился на помолвку с девятилетней дочерью варшинского эрцгерцога, которая очень впечатлила его своей способностью плюнуть через весь сад. Сомневаюсь, что

это удачная основа для брака, и все же ничем не хуже того, что в противном случае ее отец устроил бы бунт.

В честь коронации Сташека был собран турнир, и он попросил Касю отстаивать на нем его честь, чем привел свою бабушку в полную растерянность. Наполовину оказалось, что это к лучшему, потому что росиянцы отправили на турнир группу своих рыцарей, и после того, как Кася одного за другим повышибала их из седла, они побоялись нападать на нас в отместку за битву у Ридвы. Довольно много солдат выжило после осады Башни, распространивших легенды о золотой неуязвимой, кровожадной и беспощадной королевевойительнице, и люди решили, что это относится к Касе. Поэтому Россия пусть и неохотно, но приняла предложение Сташека о возобновлении перемирия. Так что наше лето завершалось при хрупком мире, оставляя обеим сторонам зализывать раны.

Сташек воспользовался Касиным триумфом, чтобы назначить ее капитаном своей гвардии. Сейчас она уже научилась правильно владеть мечом, и больше не натывается на других рыцарей во время тренировок. Два лорда и один эрцгерцог уже попросили ее руки, а кроме того, к ее глубокому возмущению, Соля.

«Можешь себе это представить? Я сказала ему, что считаю его психом, а он ответил, что живет надеждой. Алёша, когда я ей рассказала, смеялась десять минут без перерыва, не считая кашля. А потом сказала, что он знал, что я откажу просто, чтобы показать всему двору, что он тоже теперь лоялен Сташеку. Я сказала, что не стану хвастать о том, что кто-то предлагал мне выйти замуж, а она ответила, вот увидишь, он сам всем расскажет. И точно, на следующей неделе с полдюжину людей справились у меня об этом. Я даже хотела отправиться к нему и заявить, что все-таки согласна, просто чтобы посмотреть на его реакцию, но испугалась, что он по какой-нибудь причине согласится и найдет способ не дать мне отвертеться.

Алёше с каждым днем становится лучше, и тоже дети растут хорошо. Они вместе каждое утро ходят купаться в море. Я хожу с ними и сижу на берегу, потому что больше не могу плавать. Просто иду камнем на дно, а соленая вода как-то неправильно ощущается на моей коже, даже если я просто окунаю в море ноги. Пришли мне, пожалуйста, еще одну флягу с речной водой! Здесь я постоянно испытываю небольшую жажду, а еще она полезна для детей. Если я даю им выпить по глоточку перед сном, у них не бывает кошмаров о Башне.

Если ты думаешь, что детям ничто не грозит, я приеду зимой. Никогда не думала, что они захотят вернуться, но Мариша спросила, можно ли ей приехать чтобы снова поиграть в доме Натальи.

Я по тебе скучаю».

Сделав последний стремительный шаг, перепрыгивая к Веретяннице, где на полянке стоял мой собственный дом, выращенный в стволе древнего сонного дуба. С той стороны, где находился вход, корни дуба расступились, открывая просторную нишу, которую я выстлала травой. Я старалась, чтобы здесь для ходоков всегда был запас плодов из заповедной рощи. Сейчас их стало меньше, чем было в прошлый раз, и с противоположной стороны от входа кто-то наполнил дровяной ящик.

Я выложила из корзины в нишу оставшиеся плоды и зашла на секундочку внутрь. В доме не нужно было убирать: пол был выстлан мягким мхом, а трава на постели восстанавливалась без моей помощи, когда я поднималась утром. В серьезной чистке нуждалась я сама, но я долго ходила с серым грузом и слишком устала этим утром. День уже

перевалил за полдень, и я не хотела опаздывать. Я лишь взяла ответное письмо Касе и закрытую флягу с водой из Веретяницы, сложив все в корзинку, чтобы передать их Данке для отправки.

Я вышла на берег и сделала еще три широких шага на запад, чтобы наконец совсем выбраться из Чащи. Я пересекла Веретяницу по мосту у Заточек в тени растущего здесь высокого молодого очагового дерева.

Когда мы с Сарканом плыли по реке в поисках королевы Чащи, она совершила последний отчаянный рывок и, прежде, чем мы успели ее остановить, лес наполовину успел поглотить Заточек. Когда я ушла из Башни, навстречу мне прибежали убежавшие из деревни люди. Оставшийся путь я пробежала и обнаружила горстку отчаянных защитников, готовых срубить только что посаженное очаговое дерево.

Они оставались, чтобы выиграть время для бегства своих семей, но считали, что, совершая это, их схватят или их поразит порча. Так что сражаясь, они были полны отчаянной решимости и страха одновременно. Не думаю, что они бы прислушались ко мне, если бы не мои лохмотья, босые ноги, всклокоченная голова и лицо в саже. Меня невозможно было принять за кого-то иного, кроме ведьмы.

И все равно, они мне не поверили, что Чаща побеждена и навсегда повержена. Никто из нас не мог даже помыслить ни о чем подобном. Однако они видели, как внезапно богомолы и ходоки убежали обратно в Чащу, и к тому же они сильно устали. Так что они отошли и дали мне волю. Дереву еще не было и дня от роду. Чтобы дать ему вырасти, ходоки привязали к нему старосту и трех его сыновей. Мне удалось освободить всех братьев, а вот их отец отказался. В его желудке уже год как медленно тлела углем болезнь.

— Я могу вам помочь, — обещала я ему, но старик лишь качал головой, его глаза уже были полусонными, и он улыбался. Внезапно его узловатые руки и скованное стволем тело скрылись под наросшей корой прямо под моими ладонями. Изогнувшееся очаговое дерево вздохнуло и выпрямилось. Оно разом сбросило все ядовитые цветы, и на его ветвях мгновенно появились новые чистые бутоны.

Мы все мгновение стояли неподвижно под серебристыми ветвями, вдыхая их тонкий аромат, ничем не похожий на удушающую приторно-сладкую вонь порчи. Потом крестьяне поняли, что они делают, и нервно стали пятиться. Они боялись принять умиротворение очагового дерева так же как мы с Сарканом в роще. Никто и представить себе не мог, что из Чащи может появиться что-то не являющееся злом и не переполненное ненавистью. Сыновья старосты беспомощно смотрели в мою сторону:

— Разве вы не можете его тоже спасти? — спросил меня старший.

Пришлось объяснить им, что спасти больше некого. Он стал деревом. Я слишком устала, чтобы объяснять все в подробностях, к тому же людям это не так-то просто понять, даже родом из долины. Сыновья застыли в пораженном молчании, не зная скорбеть им об утрате или нет.

— Он очень скучал о маме, — наконец произнес старший, и остальные согласно кивнули.

Никому из жителей деревни не понравилось растущее на мосту очаговое дерево, но они достаточно мне доверяли, чтобы согласиться его оставить. С тех пор оно прилично выросло, и его корни уже воодушевленно переплелись с бревнами моста, обещая в скором времени полностью его поглотить. Оно было усыпано множеством плодов, птиц и белок. Пока еще немногие соглашались отведать его плоды, а вот звери вполне доверяли собственным носам.

Как и я. Нарвав в свою корзину десяток плодов, я пошла дальше, попутно напевая, по длинной пыльной дороге к Двернику.

Малыш Антон валялся на спине, выпасая семейное стадо. Когда я появилась на поле, он немного нервно подскочил, но теперь уже почти все привыкли к моим появлениям тут и там. Сперва после всего, что случилось, мне было немного стыдно возвращаться домой, но я так устала после того страшного дня, устала, была брошена и разозлилась так, что скорбь королевы Чащи и моя переплелись вместе. После того, как я очистила Заточек, мои уставшие ноги сами собой привели меня домой. Матушка лишь взглянула на меня с порога и, ни слова не говоря, уложила спать. Она сидела рядом, напевая и расчесывая мои волосы, пока я не уснула.

Весь следующий день, когда я вышла на площадь поговорить с Данкой, чтобы вкратце рассказать ей что случилось, а также проведать Венсу, и Иржи с Кристиной, все вели себя со мной нервно. Но я еще чувствовала усталость и была не в настроении соблюдать учтивость, так что я просто не стала замечать всех их подергиваний. А спустя время, когда я ничего не сожгла и сама не превратилась в чудовище, все само собой прекратилось. Так я на примере узнала, что люди ко мне привыкают. Теперь я сознательно регулярно по субботам заглядываю, чтобы по очереди пожить в каждой деревне.

Саркан не вернулся. И не знаю, вернется ли. Я слышала о нем из четвертых или из пятых рук, что он по-прежнему живет в столице, улаживая тамошние дела, но сам он не пишет. Что ж, нам никогда не был нужен правитель, чтобы улаживать внутренние споры. Старосты и женщины справлялись с этим без посторонней помощи, а угроза со стороны Чащи уже не такая значительная, как прежде. Однако есть и такие вещи, для которых в деревне пригодился бы чародей, если бы он был под рукой. Так что я навещаю их и накладываю заклинание на сигнальные огни, и если они зажигаются, в моем домике загорается аналогичная свеча, подсказывающая, где именно во мне нуждаются.

Но сегодня я здесь не ради работы. Я помахала Антону и пошагала в деревню. Ломящиеся от яств по случаю сбора урожая праздничные столы под белыми скатертями были расставлены на площади, оставив посредине прямоугольную площадку для танцев. Моя матушка была здесь вместе с двумя старшими дочерьми Венсы, расставляя подносы с тушеными грибами. Я подбежала и поцеловала ее. Она, улыбаясь от души, погладила мои щеки и расправила мои спутавшиеся волосы.

— Ты только посмотри на себя, — сказала она, вынимая из моих волос длинную серебристую веточку и несколько сухих листьев: — И почему бы тебе не носить башмаки. Нужно отправить тебя умыться и смиренно сидеть в уголке. — Мои босые ноги запылились до самых колен. Но она всего лишь весело подтрунивала надо мной. Тут подъехал на телеге отец с дровами для вечернего костра.

— К ужину умоюсь, — пообещала я, стащив с тарелки гриб, и направляясь посидеть с Венсой в ее прихожей. Ей стало лучше, но она по-прежнему большую часть времени проводит сидя перед окном, порой что-нибудь вышивая. Кася написала и ей, но скомкано и сухо. Я прочитала ей, по возможности стараясь смягчить ее слова. Венса слушала молча. Думаю, в ответ на скрытую Касину обиду, она чувствует скрытую вину: мать смирилась с необязательной судьбой дочери. Чтобы это исправить, если это возможно, понадобится много времени. Она согласилась на мои уговоры выйти со мной на площадь, и я видела, что ее усадили с дочерьми.

В этом году не стали натягивать навес. В этом году праздник был лишь для нашей

деревушки. Крупный, как и каждый год приходившийся без смотрин, был в Ольшанке. И так будет отныне и впредь. Мы все были слишком увлечены едой при свете солнца, что было странно для страды, пока оно наконец не опустилось низко. Мне было все равно. Я съела целую тарелку кислого журека с вареным яйцом, нарезанным ломтиками, и тарелку тушеных кабачков с сосисками, а потом еще четыре блинчика с начинкой из моченой вишни. Потом мы все сидели на солнышке, вздыхая, как было вкусно, и что многие переели, а младшие детишки носились сломя голову по площади, пока мало-помалу они не укладывались под деревьями поспать. Людек принес свою скрипку и начал играть, поначалу тихо. Но чем больше и больше детей отправлялось спать, тем больше появлялось и присоединялось инструментов. Люди хлопали и пели, дав волю настроению. Мы открыли бочки с пивом и по кругу передали крынку с ледяной водкой из Данкиного погреба.

Я поплясала с Касиными братьями и со своими, а после этого с несколькими едва знакомыми парнями. Думаю, они перешептывались, подначивая друг друга меня пригласить, но мне было все равно. Они немного переживали, как бы я не подпалила им чубы, как в свое время я опасалась лезть ночью в сад старой Ганки за лучшими на свете громадными сладкими красными яблоками. Все были счастливы, все были вместе, и под нашими ногами я чувствовала мелодию текущий по родной земле реки — мелодию, под которую мы танцевали на самом деле.

Я уселась запыхавшейся грудой перед материнским стулом, и мои снова растрепавшиеся волосы рассыпались по плечам. Она вздохнула и обхватила их рукой, чтобы снова заплести. Моя корзинка ждала у ее ног, так что я взяла из нее еще один брызнувший соком золотой плод очагового дерева. Я задумчиво облизывала пальцы, глядя на огонь, когда Данка вдруг подскочила со своего места на углу длинной скамьи. Она поставила на стол свою кружку и, привлекая общее внимание, громко произнесла: «Милорд!»

В разрыве круга стоял Саркан. Одной рукой он опирался на ближайший стол, и огонь играл на серебряных кольцах, прекрасных серебряных пуговицах и воздушной серебристой вышивке по краям его синего кафтана в виде дракона, голова которого начиналась у воротника, тело извивалось по всей длине, а хвост заканчивался у воротника с противоположной стороны. Из рукавов были выпущены кружевные манжеты рубашки, сапоги были вычищены до такого блеска, что в них отражалось пламя костра. Он выглядел грандиознее, чем на королевском балу и совершенно неуместно.

Все, включая меня, встали. Его губы вытянулись, как я раньше считала, от неудовольствия, а теперь назвала бы раздраженным смирением. Я вышла ему навстречу, облизывая палец. Он перевел взгляд с меня на открытую корзину, увидел, что я ем и снова уставился на меня:

— Это ужасно, — произнес он.

— Они восхитительны! — ответила я. — И начинают лопаться.

— Чтобы поскорее превратить тебя в дерево.

— Я еще не готова стать деревом, — во мне кипело счастье и светлый поток радости.

Он вернулся. — Когда ты приехал?

— Вечером, — чопорно ответил он. — И, разумеется, явился за оброком.

— Ну, разумеется, — сказала я. Я была уверена, что он даже сперва наведался в Ольшанку, чтобы еще немного попритворяться, что причина в этом. Но я не могла себя заставить притворяться ради него даже недолго, чтобы он не успел свыкнуться с этой мыслью. Мои губы уже помимо моей воли улыбались. Он покраснел и отвернулся, но это его

не спасло, поскольку все вокруг слишком пьяные от пива и танцев, чтобы смущаться, с невероятным интересом следили за нами. Он повернулся ко мне и нахмурился, увидев мою улыбку.

Так что взяв его за руку, я предложила:

— Пойдем, познакомлю тебя с мамой.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

т. е. на вечеринку — прим. переводчика

Мифический двухголовый змей — *прим. переводчика*

феодалъная клятва верности — *прим. переводчика*